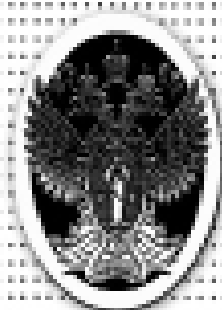

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№ 1 (7) февраль 2014

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Лоскутов Владимир Анатольевич –
доктор философских наук, профессор, директор Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ирина Дмитриевна Тургель (заместитель главного редактора) – д.э.н., профессор, заместитель директора, заведующая кафедрой экономики и управления Уральского института – филиала РАНХиГС;

Наталья Ринатовна Балынская – д.полит.н., профессор, директор института экономики и управления Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Сергей Николаевич Большаков – д.полит.н., д.э.н., профессор, декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

Игорь Вячеславович Выдрин – д.ю.н., профессор, директор института муниципального развития, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института – филиала РАНХиГС;

Светлана Юрьевна Головина – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права Уральской государственной юридической академии;

Алексей Юрьевич Даванков – д.э.н., профессор, заместитель директора Института социально-экономических и региональных проблем Челябинского государственного университета;

Юрий Геннадьевич Еришов – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Уральского института – филиала РАНХиГС;

Анатолий Тиханович Карасев – д.ю.н., профессор кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии;

Наталья Борисовна Костина – д.с.н., профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института – филиала РАНХиГС;

Владимир Яковлевич Любовный – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института макроэкономических исследований Министерства экономического развития Российской Федерации, эксперт Комитета по федеративным отношениям и региональной политике Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, академик (действительный член) Российской академии архитектуры и строительных наук;

Аркадий Викторович Майфат – д.ю.н., профессор кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии;

Игорь Николаевич Молчанов – д.э.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой экономики социальной сферы экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Василий Николаевич Руденкин – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социально-политических и психологических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, действительный член Российской академии политических наук;

Тамара Керимовна Ростовская – д.с.н., профессор, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью; Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова;

Яков Петрович Силин – д.э.н., заместитель Председателя Правительства Свердловской области;

Вячеслав Васильевич Скоробогачкий – д.ф.н., профессор, заместитель директора Уральского института – филиала РАНХиГС, Заслуженный работник высшей школы РФ;

Наталья Геннадьевна Чевтаева – д.с.н., доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Уральского института – филиала РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геннадий Эдуардович Бурбулис – к.ф.н., Первый заместитель руководителя Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центра мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса;

Патрик Грей – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания);

Кармин Скаво – д.полит.н., директор программы подготовки магистров в сфере государственного управления Университета Восточной Каролины (США);

Джеффри Хайнс – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал включен в новую редакцию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим направлениям: социология, экономика, политология, юриспруденция.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И СОЦИУМ

Лоскутов В.А.
«Красные линии» идеологии и идеология
«красных линий» (современная российская
власть в поисках консерватизма) 7

Кондраль Д.П.
Политическое стратегирование
в Арктической зоне России как
механизм устойчивого развития 27

Белькова А.А.
Институты государственного регулирования
религии в постсоветской Бурятии 33

Балынская Н.Р.
Особенности территориального деления и
системы местного самоуправления в
Соединенных Штатах Америки. 39

Заборова Е.Н.
Власть и население:
аспекты взаимодействия
на муниципальном уровне 42

Лебедева С.В.
Подростки как субъект и объект
информационного процесса. 49

Панькин С.И.
Опыт мирного разрешения вооруженных
конфликтов власти и оппозиции на Южном
Урале в 1920-1922 годах. 53

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Боднарчук Т.Л.
Анализ современных тенденций развития
протекционизма в контексте траектории
предшествующего развития. 57

Нечаюк И.Б.
Бюджетный дефицит, пути и методы
его преодоления в Украине 63

Фраймович Д.Ю.
Ориентиры, противоречия и динамика
реализации курса инновационной
модернизации социально-экономических
систем. 68

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.
Дифференциация инновационного
потенциала регионов и государственная
поддержка инновационного развития
(на примере субъектов Южного
федерального округа) 74

Новикова К.А.
Развитие потенциала территории
на основе экономики знаний 84

Пиньковецкая Ю.С.
Анализ уровня инвестиций в основной
капитал предпринимательских структур
в регионах Российской Федерации 92

Плотницкая Е.Е., Сергеева Е.А.
Анализ рынка труда по наиболее
востребованным в отрасли
энергетики направлениям
подготовки в регионе СКФО 102

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Пресняков М.В.
Конституционная концептуализация
формальной и фактической
справедливости 112

Руденкин В.Н.
Проблема справедливости в современном
российском обществе 117

Ионцев В.А.
Интеграция мигрантов - эффективный путь
устранения неравенства и ксенофобии
в принимающем обществе 127

Акьюлов Р.И.
Рост экономического неравенства в России:
социально-политические последствия 133

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Ермакова Ж.А., Андреева Т.В.
Оценка вариантов интеграционного
взаимодействия в цепочках производства
хлебопродуктов (на примере Оренбургской
области) 138

Буньковский Д.В.
Создание интегрированной системы
менеджмента как инновационный проект
на нефтехимическом предприятии 145

Дюйзен Е.Ю.
Разработка методического подхода к оценке
ресурсного потенциала предприятий лесной
отрасли 149

Фрум О.Л.
Применение математического аппарата
теории трудности достижения цели для
оценки уровня потенциала развития
предприятий 160

Чейметова В.А., Сетенева О.Н.
Исследование конкурентоспособности
сферы услуг (на примере предприятия
общественного питания) 164

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Бушуева И.П., Богдан Н.Н.
Влияние индивидуальных факторов
на профессиональное развитие
государственных гражданских служащих 171

Камалова Г.Р.
Открытые данные органов государственной
власти: российский и зарубежный опыт. 179

Кумейко Д.С.
Информационно-коммуникативная
компетентность государственных служащих:
диагностика основных показателей 182

ЭКОЛОГИЯ И ЭФФЕКТИВНОЕ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЕ

Островский Н.В.
Реализация федерального закона «Об отходах
производства и потребления» 186

Двинин Д.Ю.
Трансформация региональной системы
экологического менеджмента при
организации ресурсосбережения. 193

Уварова Г.Г.
Государственное управление в сфере
экологии посредством политических
механизмов парирования
рискогенных факторов 201

Требования к публикации. 207

CONTENT

POWER AND SOCIUM

Loskutov V.A.
«Red lines» of ideology and the ideology
of «red lines» (modern russian power in
search of conservatism). 7

Kondral D.P.
Political strategizing in the Arctic zone
of Russia as a mechanism of steady growth 27

Belkova A.A.
Institutes of state control over religion
in post-Soviet Buryatiya 33

Balinskaya N.R.
Peculiarities of territorial division
and self-government system in the
United States of America 39

Zaborova E.N.
Power and population: aspects
of cooperation on a municipal level 42

Lebedeva S.V.
Teenagers as a subject and object
of informational process 49

Pankin S.I.
Experience of pacific settlement
of armed conflicts between the power
and the opposition in the Southern
Urals region in 1920-1922 53

GOVERNMENT CONTROL OF ECONOMY

Bodnarchuk T.L.
Analysis of modern tendencies in
protectionism development within the
context of trajectory of the previous
development 57

Nechayuk I.B.
Fiscal deficit, ways and methods of its
overcoming in Ukrain 63

Fraimovitch D.Yu.
Objectives, contradictions and dynamics
of implementation of the course
of innovative modernization
of social-economic systems 68

REGIONAL ECONOMY AND MANAGEMENT

Molchanov I.N., Molchanova N.P.
Differentiation of innovative capacity
of regions and state support of innovative
development (exemplified by the subjects
of the Southern federation districts) 74

Novikova K.A.
Development of territorial potential on
the basis of knowledge-based economy 84

Pinkovetskaya Yu.S.
Analysis of investment quote to the basic
capital of business structures in the regions
of the Russian Federation. 92

Plotnitskaya E.E., Sergeyeva E.A.
Analysis of labor market according to
the most required training courses in
the energy industry in the Northern
Caucasian Federal district. 102

SOCIAL STRATIFICATION AND SOCIAL INEQUALITY

Presnyakov M.V.
Constitutional conceptualization
of formal and real justice 112

Rudenko V.N.
Problem of justice in the modern
Russian society 117

Iontsev V.A.
Migrants' integration is an effective way
for elimination of inequality and xenophobia
in the host country. 127

Akyulov R.I.
Growth of economic inequality in Russia:
social-political consequences 133

BUSINESS MANAGEMENT

Ermakova Zh.A., Andreyeva T.V.
Assessment of versions of integrational
cooperation in the bread production chains (exemplified
by Orenburg region) 138

Bunkovskiy D.V.
Development of integrated management
system as an innovation project at fuel
and petrochemical refinery 145

Duyzen E.Yu.
Development of methodical approach
towards the assessment of resources
potential of the enterprises in the forest
industry sector. 149

Frum O.L.
Application of mathematical machinery
of goal achievement problem theory
for the assessment of potential level
of business development. 160

Cheimetova V.A., Setenyova O.N.
Research of service industry
competitiveness (exemplified
by catering business). 164

TOPICAL ISSUES OF REFORMS IN PUBLIC AND MUNICIPAL SERVICE

Bushuyeva I.P., Bogdan N.N.
Influence of individual factors on
professional development of civil servants. 171

Kamalova G.R.
Open source data of state government bodies:
the Russian and foreign experience. 179

Kumeiko D.S.
Informative-communicative competence
of civil servants: diagnostics of the main
indices 182

ECOLOGY AND EFFECTIVE RESOURCE CONSERVATION

Ostrovskiy N.V.
Realization of the Federal Law “On wastes
of production and consumption”. 186

Dvinin D.Yu.
Transformation of the regional system
of ecological management as organizing
cost-effective use of resources 193

Uvarova G.G.
Government control in the sphere
of ecology using political mechanisms
of riskogenical factors rejection 201

Requirements to publication
of articles in the journal 210

ВЛАСТЬ И СОЦИУМ

**«КРАСНЫЕ ЛИНИИ» ИДЕОЛОГИИ
И ИДЕОЛОГИЯ «КРАСНЫХ ЛИНИЙ»
(СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
ВЛАСТЬ В ПОИСКАХ КОНСЕРВАТИЗМА)**

Лоскутов В.А.

доктор философских наук, профессор, директор Уральского института-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, rector@uapa.ru

УДК 35
ББК 66.033.141

Цель. Анализ условий и логики формирования «идеологии развития». Определение этапов развития и форм взаимодействия современной российской власти и идеологического строительства.

Методы. Проанализирована историческая динамика самоопределения современной российской власти, что позволило зафиксировать основные законы и системообразующие формы идеологического обеспечения ее развития.

Результаты и практическая значимость. Выявлены формы самоопределения современной российской власти, инициирующие возрождение идеологии. Определены условия, цели и формы перехода от возрождения идеологии к идеологическому строительству. Установлены «красные линии» данного процесса: традиционализм, фундаментализм, консерватизм.

Научная новизна. Идеологемы «суверенная демократия», «духовные скрепы», «идеология развития» представлены как исторические формы рефлексии современной российской власти. Определена роль и место национальной идеи в идеологическом строительстве. Сформулированы основные угрозы, с которыми может столкнуться в процессе своего развития «идеология развития».

Ключевые слова: современная российская власть, идеология, консерватизм, идеологическое строительство, «идеология развития», национальная идея, «идеологические аппараты государства».

Loskutov V.A.

**«RED LINES» OF IDEOLOGY AND THE IDEOLOGY OF «RED LINES»
(MODERN RUSSIAN POWER IN SEARCH OF CONSERVATISM)**

Purpose. Analysis of the conditions and the logic of “ideology”. The definition of stages of development and modern forms of interaction between the Russian Government and ideological construction.

Methods. Analyzed the historical evolution of the self-determination of the modern Russian authorities, which allowed to fix the basic laws and the form of the ideological backbone of its development.

Results and practical value. Identify forms of self-determination of the modern Russian authorities who initiate the revival of ideology. The conditions, objectives and forms the transition from the Renaissance ideology to ideological construction. Set “red lines” of this process: traditionalism and fundamentalism, conservatism.

The scientific novelty. The ideologeme «sovereign democracy», «spiritual clamps, the ideology of development “presented as historical forms of reflection of the modern Russian authorities. The role and place of national idea in the ideological construction. The main threat that can confront the ideology of “development”.

Key words: contemporary Russian power, the ideology of conservatism, the ideological construct, “the ideology of development”, national idea, “the ideological apparatus of the State”.

По мнению руководства страны, одной из основных задач новой стратегии развития России, гарантирующей сохранение исторической, общественной гражданской идентичности российского социума, будет создание новой национальной идеологии – «идеологии развития» [5, с.10]. В своей статье мы выделим и проанализируем те, с нашей точки зрения, необходимые и достаточные условия, предпосылки и причины, которые формируют историческое пространство, в рамках которого в специфической форме зарождается и осуществляется реальная возможность разрешения этой стратегически важной для страны задачи. Определим исторические этапы самоопределения постсоветской идеологии и основополагающие векторы развития еще только становящейся «идеологии развития». В том числе зафиксируем возможные точки ее роста, стратегии и механизмы, цели и смыслы предстоящего этапа идеологического строительства обновленной национальной идентичности.

В своем небольшом эссе «Мысли в пути» Джордж Оруэлл писал: «читая блистательную и гнетущую книгу Малькольма Маггериджа «Тридцатые», я вспомнил, как однажды жестоко обошелся с осой. Она ела джем с блюдечка, а я ножом разрубил ее пополам. Не обратив на это внимания, она продолжала пировать, и сладкая струйка сочилась из ее рассеченного брюшка. Но вот она собралась взлететь, и только тут ей стал понятен весь ужас ее положения. То же самое происходит с современным человеком. Ему отсекали душу, а он долго — пожалуй, лет двадцать — этого просто не замечал» [4, с.232]. Нечто подобное произошло с бессмертной душой советского человека — двадцать лет тому назад ему ее отсекали, а он так и жил, не замечая своего бездушия. И только сейчас, когда, как та оса, он собрался перелететь на новое блюдечко с джемом, оказалось, что его историческая и духовная жизнь уже и не историческая, и не духовная. Так, или примерно так, представляют себе сытую, но рассеченную духовную жизнь постсоветского человека те, кто не мыслит ее без государственно-идеологического «джема». Считается, что в девяностые годы, когда государственная идеология покинула нас, в умах и душах людей случился хаос. Когда государство и общество самоустранились из сферы духовного возрождения постсоветского человека, пришедший им на смену рынок не смог оказать его рассеченной душе помощь и содействие в ее восстановлении и обновлении [5, с.9]. Если бы рынок мог услышать эту претензию, он бы очень удивился, ибо никто и никогда перед ним такие сложные и эпохальные задачи не ставил и поставить не мог. Но, наверное, если бы кто-то захотел это сделать, рынок, вероятнее всего, не стал бы отказываться от посильного участия в историческом повороте духовной жизни постсоветского человека. Что и произошло на самом деле, когда в темных переулках приватизации и столь

же мрачных закоулках национально-духовного возрождения рынок и идеология все-таки встретились и заварили такую кашу, да еще и, как это водится на Руси, — с топором, от которой в ослабших от потери государственных и национальных ориентиров мозгах отсеченного от идеологического «джема» человека случился очередной хаос.

Процесс саморазрушения советской идеологии, возврата к которой нет и, по мнению В. В.Путина, уже быть не может [5, с.8] происходил в девяностые годы в двух доминирующих формах: как разгосударствление господствующей идеологии и как идеологизация новой экономической и политической власти. Сама по себе, в своем привычном виде и со всеми ритуальными отягощениями государственная идеология как бы исчезла из бурно развивающегося исторического пространства обновленной России. На самом деле это, конечно же, не так. Она осталась и достаточно активно включилась в строительство нового мира, решая задачу идеологического обеспечения власти и идеологических исканий постсоветского общества и человека. Советская идеология перестала быть духовным стержнем советского народовластия. Эта историческая утрата произошла не одномоментно и сопровождалась бурными, в том числе и идеологическими, схватками между сторонниками и противниками советского государства. Столь же напряженно и ответственно новая олигархическая экономика и политика пытались из обломков идеологического самовластья создать некое подобие идеологического обоснования уже произошедших под их непосредственным руководством исторических перемен. Невольно оказавшись заложницей всех этих изменений, «старая-новая» идеология, как это она уже не раз делала ранее, пошла на службу к победителям. Олигархическая власть, используя ее в своих, исключительно демократических целях, задвинула по ненадобности новообращенные «пиар-идеологемы» на самые что ни на есть задворки общественной жизни. Отсюда у многих возникла иллюзия деидеологизации постсоветского общества. В каком-то смысле можно посочувствовать идеологии, оказавшейся между молотом всепожирающей олигархической экономики и наковальней всепобеждающей олигархической власти, да еще и в странных для себя одеждах целевых и ценностных ориентаций «молчаливого» демократического большинства. В определенный момент, исполнив свою историческую роль «Чего изволите?», она в муках сомнения действительно покинула авансцену истории и отошла в тень, за кулисы общественной жизни, превратившись во множество конкурирующих между собой псевдополитических программ.

Ее новая история началась в двухтысячных годах. Мы называем этот этап, в отличие от предыдущего, на котором своеобразной доминантой развития

идеологии была скрытая и открытая идеологическая борьба, а также поиск таких форм ее выражения, которые бы соответствовали обновленному содержанию властного бытия, - этапом возрождения идеологии. И начался он отнюдь не тогда, когда идея о необходимости создания «идеологии развития» была провозглашена в 2013 году Президентом РФ В. В. Путиным, а значительно раньше. Прежде чем мы перейдем к его анализу, зафиксируем основные этапы становления современной российской власти, ибо возрождение идеологии - это всего лишь один из аспектов развития данного процесса.

Новая номенклатура, или Как управлять несвободой

Говоря о трех этапах исторического самоопределения современной российской власти [3], о трех основных задачах, которые она должна была решить в этом процессе, мы акцентируем внимание на некоторых безусловных доминантах властного развития в эти годы. Обращаем внимание в первую очередь на те процедуры и ключевые механизмы ее самообоснования, которые, с одной стороны, разделяют данный процесс на отдельные относительно самостоятельные этапы, с другой стороны, представляют его в виде единой и объективной логики ее исторического становления.

На первом этапе этого процесса решалась задача самоопределения новой формы развития олигархической власти — возвращения ей не формальной, но реальной легитимности. Для того чтобы ее решить, следовало вернуть власть в конституционное русло развития, усмирить безумных «демонов» революции и контрреволюции, обеспечить законность и стабильность деятельности основных властных институтов. В этом процессе были задействованы такие средства и способы властного должностования, как государственная политика активного противостояния угрозе «цветных революций», «вертикализация» власти и администрирование демократических выборов, удаление наиболее одиозных олигархов из системы властных отношений.

На следующем этапе развития новой российской власти ставилась и решалась задача установления власти над властью. Необходимые, хотя и не достаточные условия для ее решения были созданы на предыдущем этапе ее самоопределения. После того, как с помощью различного рода доступных ей средств власть стала стабильной и вернула себе утерянную было в девяностые годы легитимность, на первый план властного строительства вышла проблема обеспечения ее преемственности — проблема расширенного воспроизводства. Основным способом ее разрешения стал процесс конструирования властью новой политической реальности. Первоначально эта реальность была

достаточно сложно структурирована. Но в результате целенаправленной работы, носившей в основном административный характер, ситуация была в значительной степени упрощена и данный процесс был жестко и однозначно ориентирован на решение только одной проблемы — обеспечения преемственности существующей власти. В процессе конструирования политической реальности во весь рост встала проблема эффективного управления властью властью. Не без серьезных потерь, но эту задачу, с помощью механизмов ручного управления, в целом удалось решить. В результате установления власти над властью олигархическая пирамида властных отношений перевернулась. И дело не только в том, что в результате такого рода оборачивания основные субъекты экономической власти встроились в вертикаль власти государственной, но и в том, что с помощью созданных в это время государственных клонов олигархов удалось устроить единое властное и политическое пространство, в котором олигархии и их государственные клоны стали вместе работать над решением проблем обеспечения преемственности не только политического курса, но и тех объективных оснований, которые гарантировали стабильность существующих властных порядков. А самое главное, хотя и в ручном режиме, - обеспечивали целостность и непрерывность функционирования государственной формы осуществления этих порядков. На следующем, теперь уже третьем, этапе становления современной российской власти среди множества процедур ее самообоснования выделилась проблема установления власти над властью и обществом. В результате тех изменений, которые произошли с властью на двух предыдущих этапах ее самоопределения, в отношениях общества с властью возник серьезный дисбаланс. С одной стороны, он проявился в том, что в целевых, ценностных, нормативных ориентирах их совместного бытия и развития возникли явные противоречия. С другой стороны, произошла достаточно серьезная дестабилизация и дисгармонизация основных траекторий их движения. В результате проблемы легитимности и преемственности власти как бы отошли на второй план. На передовые позиции вышла проблема направленности (целостности) ее развития. Именно она оказалась в центре процесса установления власти над таким странным и разбалансированным объектом, который представляла собой связь власти и общества. Власть, естественно, попыталась решить эту относительно новую для себя проблему с помощью доступных и уже апробированных средств. Далеко не всегда такой подход был оправданным и эффективным. В том числе и потому, что на предыдущих этапах современной российской власти большинство из этих средств использовались преимущественно для целей манипуляции действиями различных, вовлеченных в эти процессы субъектов, институтов и властных

структур. Нужны были более адаптивные, заточенные на решение конкретных проблем взаимодействия власти и общества, социально ориентированные способы и средства властвования. По ходу дела они, конечно же, появились. Произошло существенное переформатирование политической реальности, в том числе и изменение системы отношений государственной власти и различных политических институтов. Была развернута широкомасштабная административная реформа и проведены соответствующие преобразования государственной службы. Существенным образом изменилась повестка дня в системе федеративных отношений. Была организована массированная деятельность по реализации отдельных социально значимых государственных политик («национальных проектов»). Начали осуществлять достаточно сложные знаковые международные проекты, имеющие серьезное общественное звучание, как в стране, так и за ее пределами. Произошла серьезная перенастройка ключевых процедур и механизмов организации выборного процесса. Во всех этих изменениях угадывались два основных вектора движения власти, поставившей перед собой цель властвовать над единством власти и общества. С одной стороны, постоянный поиск путей и перебор средств, с помощью которых можно было бы эффективно превратить отношение власти и общества в объект системного и систематического управления со стороны власти. С другой стороны, власть, желающая властвовать не только над собственной «вертикалью» и созданными ей государственными и политическими симулякрами, предпринимающая массу усилий для решения этой задачи, постепенно, но неуклонно, по крупицам собирала и систематизировала соответствующий опыт практического разрешения этой проблемы. На локальных участках общественной жизни не без труда, иногда бессмысленно и бесполезно, часто с определенным, достаточно весомым эффектом и результативно превращала его в то, что можно было бы назвать развернутым потенциалом не только властного, но и социального развития власти. Не без ошибок и промахов она училась видеть, понимать и практически осваивать свою собственную историю и ее практический опыт.

Постоянный поиск, в который в начале двухтысячных годов погрузилась ищущая стабильности власть, инициировал сложные и противоречивые процессы самоопределения нового, более эффективного в государственном, политическом, экономическом, социальном и идеологическом смысле субъекта властвования. Особенно все эти противоречивые процессы обострились в последние годы, когда возникло очевидное противоречие между властью и обществом.

Современная российская власть решает проблему властного синтеза власти и общества особым образом. Она является постоянно действующим источником

превращения властной реальности в административную. Речь в данном случае идет не о формальных трансформациях одного в другое, а о формировании особой, безусловно объективной логики изменения той власти, которая стремится установить свою власть над властью и обществом. Появление административной реальности свидетельствует о существенной перенастройке олигархической системы властвования. Дело не в том, что одни олигархи в системе властных отношений сменили других. И не в том, что все они, так или иначе, оказались встроены во властную вертикаль и превратились в обыкновенных «назначенцев». Самое главное, что произошло с властной реальностью в процессе административного самообоснования — это превращение ее в замкнутую, самодостаточную систему властвования, которая не просто поглощает власть и общество, но делает их важнейшими определениями своего самостоятельного бытия. Как раз в этом и заключается высший смысл олигархической системы властвования. С формальной точки зрения, административная реальность представляет собой совокупность определенных организаций, должностей и системы их административной зависимости. Их деятельность регулируется такими формами движения отношений административной зависимости, как «приказ» и «назначение». Она представляет собой развернутую, определенным образом структурированную, иерархически выстроенную сеть административных отношений, в которой организации и должности с помощью приказов и назначений не просто перемещаются, но производят определенные действия по принципу «стимул-реакция». В роли стимула выступает приказ, а в качестве реакции — исполнение приказа. Эффективность деятельности различных субъектов административной реальности измеряется тем, насколько качественно и своевременно исполнен приказ и насколько успешно и беспрепятственно он движется по многочисленным формализованным и неформальным сетям различных организаций, и насколько эффективно воспроизводится в системе разных административных отношений между должностями. Казалось бы, административная реальность полностью замыкает властную реальность на саму себя, погружая в хитросплетения ее самодостаточного бытия все многообразие властных и социальных отношений между людьми. Однако это не совсем так, ибо, в конечном итоге, смысл ее исторического существования заключается не в том, чтобы превратить все, что попадает в ее сети, в функцию самодвижущихся приказов, установлений и циркуляров, а в том, чтобы создать необходимые условия для управления несвободой. Не она превращает свободу в несвободу, но именно административная реальность из самой себя порождает механизмы и процедуры управления ей.

Сама по себе административная реальность не предполагает выделения в системе собственных из-

менений, какого-либо направления движения, кроме того, что она изначально направлена на саму себя. Но будучи всего лишь конкретно-исторической формой развития властной реальности, в которой на определенном этапе самоопределения проблема направленности с необходимостью становится доминантой ее развития, она соответствующим образом реагирует на эти изменения. В результате в недрах административной реальности из различных форм и способов самодвижения олигархической власти рождается новый субъект властвования — новая номенклатура.

В своих прежних работах [2] мы достаточно подробно анализировали основные закономерности и механизмы исторического развития советской номенклатуры. Те ключевые параметры ее функционирования, которые, в конечном итоге, обеспечивали ей более чем достойное место в системе саморазвития советского тоталитаризма. Нет особой нужды повторяться. Мы обратим внимание читателя лишь на те универсальные формы проявления родовых качеств «номенклатурного народовластия», которые в новых исторических условиях обеспечили сущностное обновление и расширенное воспроизводство новой номенклатуры.

Номенклатура — это особый исторический способ самоорганизации тоталитарной власти. И не просто власти, а ее свободы и самостоятельности. Она становится субъектом общественного и властного развития по мере того, как присваивает, осваивает и конструирует свободу в виде способа властного бытия. Которая, несмотря на серьезные противодействия, делает саму себя предельным основанием общественного и властного развития. Не всякая свободная власть осуществляется в форме номенклатурного должностничества и принуждения. Только та, которая полагает абсолютное тождество свободы и власти посредством их огосударствления. Номенклатура живет в «порах» государства. Искомое тождество она достигает путем освобождения власти от свободы и создания из свободной от свободы власти такого субъекта, который оказывается способен в расширенных масштабах воспроизводить собственную несвободу и производить из нее якобы свободу общества. Вне освобожденной от свободы государственной власти номенклатура не существует, а в ней она является субъектом, полагаящим свободу и самостоятельность власти как основной механизм производства из самой себя всякой иной исторической реальности. Этот механизм отчуждает власть от общества и принуждает их к «сожигательству» по законам несвободной власти — власти свободной от свободы. Номенклатура — это освобожденный посредством власти (огосударствления) от свободы и самостоятельности субъект властного развития исторической реальности. Новая номенклатура является продуктом и субъектом раз-

вития обновленной формы самоопределения современной российской олигархической власти.

Кому-то может показаться парадоксальным тот факт, что новая номенклатура пытается стать субъектом «идеологии развития». Той идеологии, которая реально может стать способом активизации самостоятельности всех иных субъектов общественной жизни страны. Которая потенциально способна стать источником значительного повышения степеней свободы их практической и идеологической деятельности. Ничего в этом необычного нет. Номенклатура всегда так действовала, стремясь постепенно, но неуклонно к монополизации этого процесса и превращению себя в если не единственного, то господствующего субъекта. Номенклатура может существовать и развиваться только путем превращения свободы власти в несвободу. Это основополагающий принцип ее существования. И если общество безмолвствует и проблема национальной идентичности его не волнует, то следует сформировать у него эту потребность. Если не получается сформулировать практическое, то хотя бы сконструировать идеологическое решение этой проблемы, а значит - создать условия для возможного освобождения власти и общества от их свободы. Номенклатуре нужна свобода, ибо только за счет ее потенциала и энергии она может быть универсальной исторической силой отчуждения власти от общества и от самой себя. Вместе с тем, не следует думать, что в этом процессе все предопределено. Инициировать его и реально управлять развитием свободы - это все-таки разные процедуры. В конечном итоге все будет зависеть от того, как, каким образом общество сумеет присвоить свою свободу и свободу власти. Научится ли оно эффективно управлять их единством и что оно сможет в действительности противопоставить системе управления несвободой. Сумеет ли оно противопоставить процессу освобождения власти от свободы свою самостоятельность, которая изменит природу данного процесса и освободит власть от того, что делает ее механизмом социального отчуждения.

Еще одно очень важное замечание, которое касается определения специфических свойств и качеств новой номенклатуры. Ее рождение было бы невозможно без глубокой и всесторонней рефлексии в тот путь, который уже прошла современная российская власть, в ту властную реальность, которую она уже сформировала в процессе демократического транзита советского тоталитаризма. Наиболее адекватной формой осуществления этой рефлексии была и остается идеология. О способах и формах идеологического самообоснования исторической миссии новой номенклатуры мы поговорим далее более подробно. А сейчас лишь заметим, что для нового субъекта власти нужна была новая, не придуманная в тиши кабинетов, а практически реализованная идеология активного

действия, которая бы позволила ему не просто заняться самоанализом своего высшего предназначения и пройденного пути, а четко и последовательно ставить реальные практические цели и определять наиболее эффективные пути их достижения.

Появление новой номенклатуры является свидетельством того, что определенный этап развития современной российской власти и идеологии завершен, и она оказывается субъектом развития принципиально нового этапа их последующего, еще более тесного и углубленного взаимодействия на пути качественного обновления исторической природы постсоветского общества. О том, что и кто будет строить на обломках советской идеологии в ближайшие годы, мы поговорим в дальнейшем более подробно, но только после того, как выделим, более содержательно и глубоко проанализируем скрытую от непосвященного взгляда, объективную логику и соответствующие этапы исторического возрождения идеологии. Итак, вернемся вновь в начало двухтысячных годов. Как известно, во всяком случае, так говорят, в девяностые годы государство ушло из сферы идеологии, а рынок так и не помог выработке новой российской идентичности. И что же случилось далее?

Формы и способы возрождения идеологии

Идеологическая «буря и натиск» девяностых годов оказали существенное влияние на формирование экономического и политического ландшафта России начала двухтысячных годов, прямое и непосредственное воздействие, в том числе, на существенное изменение исторических форм развития постсоветского олигархического капитализма. Его последующие практические шаги по стабилизации общества были уже не столь агрессивны и авантюры, как во времена лихих девяностых. Стали более осторожными, выверенными, в том числе и идеологически обоснованными. Так и не создав в результате разгосударствления государственно-партийной идеологии советского тоталитаризма нечто новое, не сумев в должной степени аккумулировать революционный потенциал демократического транзита и различные интересы его непосредственных участников, идеология, несмотря на все апокалипсические пророчества и псевдонаучные предсказания заинтересованных участников этого процесса не только ни сошла со сцены, но нашла для себя достаточно комфортную историческую нишу, в которой начала незаметно для посторонних взглядов ковать оружие будущих побед. В начале двухтысячных годов она с головой погрузилась в практику строительства новой исторической реальности — укрепление основ и расширение потенциала развития новообращенного олигархического капитализма. Что и явилось, в конечном итоге, источником ее последующего возрождения.

В процессе самоопределения современной российской власти, три основных этапа и формы осуществления которого мы уже выделили и кратко проанализировали, произошло то, что и должно было произойти — на авансцене вновь, достаточно шумно и с определенными, не всегда в достаточной степени обоснованными претензиями, появилась идеология. Открывая и закрывая универсальные клапаны, которые регулируют действие основных механизмов развития современной российской власти, она в специфической форме представляла решение тех проблем, которые лежали в основании данного процесса. Будучи рефлексивной формой его осуществления, она на каждом этапе подводила своеобразный итог, фиксировала определенный рубеж самоопределения власти. Возникающие в этом процессе идеологические формы самоопределения власти были не просто способом ее рефлексии в собственную деятельность, в те проблемы и противоречия, которые и в настоящее время остаются источником развития властного бытия, но и особой исторической формой возрождения идеологии как таковой.

Решая на первом этапе своего становления проблему восстановления власти как власти путем обеспечения ее легитимности и дееспособности на всей территории страны, современная российская власть подвела своеобразный идеологический итог этому процессу с помощью идеи «суверенной демократии». Идея В.Третьякова, ставшая на этапе стабилизации власти в умелых руках В.Ю.Суркова одной из основополагающих идеологией, использовалась в основном как средство ручного управления и строительства властной вертикали, приведения к единому знаменателю множества разноуровневых и разнокачественных процессов властного самоопределения. На следующем этапе развития современной российской власти, когда в центре внимания оказалась проблема установления власти над властью и задача ее расширенного воспроизводства, создания единого и гомогенного властного пространства властвования, аналогичную роль должна была исполнить высказанная В. В. Путиным идея о «духовных скрепах». У этой идеи как бы две основные ипостаси, которые фактически в процессе ее превращения в идеологему растворились друг в друге. Одним ликом она обращена на власть и, в конечном итоге, отражает потребность в ее устойчивом и положительном, расширенном воспроизводстве. С другой стороны, она является «благой вестью» для общества, ибо полагает для него приемлемые с точки зрения власти условия участия в этом процессе. Исходная раздвоенность идеологемы «духовные скрепы», на что обратили внимание многие, не позволила эффективно ее использовать в качестве средства конструирования и обновления системы координат самоопределения власти. Она оказалась настолько абстрактна и малопро-

дуктивна, что ее использование в качестве меры тождества властных и социальных отношений процесса воспроизводства целостной властной реальности было существенно ограничено. Общество не торопилось превращаться в составную часть той властной реальности, над которой власть пыталась с помощью декларированных ей «духовных скреп» установить свою власть. И тут случилось нечто, что можно было бы в принципе спрогнозировать, но мало кто этого ожидал. Постсоветское общество уже успело забыть, как из одной, пусть даже в чем-то ущербной идеологии можно создать целую идеологическую программу, а затем подогнать под нее новую властную и социальную реальность. Не завершенная и внутренне противоречивая идеология «духовных скреп» заставила нас посмотреть на логику развития власти и связанной с ней идеологии под иным углом зрения. И мы, водрузив на себя эти идеологические очки, неожиданно обнаружили во властной реальности совершенно новую проблему, что позволило принципиально по-иному сформулировать исходную задачу установления власти над властью, переформулировать проблему обеспечения преемственности в развитии власти — поставить вопрос о направленности ее развития и об установлении власти над властью и обществом.

Власть инициировала этот в чем-то необычный и достаточно быстротечный процесс оборачивания на саму себя и соответствующие идеологии, с помощью которых она пыталась воспроизводиться, не только в результате тех неординарных событий, которые случились во власти и обществе (мы имеем в виду, в первую очередь, то, что произошло в России после выборов Президента России в 2012 году), но и по причине того, что предпринятая ей попытка практической реализации идеологии «духовных скреп» в практике властвования по той же схеме, по которой использовалась идеология «суверенной демократии», не удалась. Оказалось, что снять, преодолеть ее внутреннюю противоречивость невозможно не изменив кардинально оснований, которые продуцируют постоянное воспроизводство данного противоречия. Для этого следовало переосмыслить и практически преобразовать ту исходную проблему самоопределения власти, которая лежала в основе ее развития. С целью решения этой проблемы, правда уже в несколько измененном виде — как проблемы установления власти над властью и обществом, была осуществлена рефлексия, но, как это ни покажется на первый взгляд странным, не только во власть, что естественно и закономерно, но и в ее достойного и репрезентативного «двойника» — в идеологию. Что само по себе, имея в виду конкретную логику развития современной российской власти и соответствующие закономерности возрождения идеологии, уже выглядит достаточно необычно. Власть и ее, казалось бы, неразрешимые проблемы создали реаль-

ную возможность, а идеология инициировала появление необходимости такого рода оборачивания в самих себя. В результате изменения направленности развития власти и внутренней трансформации идеологии «духовных скреп» появилась новая идея — идея создания «идеологии развития».

Пока это только идея. Ее превращение в идеологему возможно, с одной стороны, путем своеобразного подведения, в том числе и идеологических итогов развития современной российской власти — всех трех этапов ее самоопределения, с другой стороны, к чему нас призывает автор этой идеи, посредством ее превращения в постоянно действующий источник становления и развития новой идеологической программы для постсоветской власти и общества. С ее появлением, как нам это представляется, процесс, который мы обозначили выше как возрождение идеологии, завершается — и начинается новый этап ее развития, на котором она должна будет стать из обычной идеологии полноценной идеологией власти, стремящейся установить свою власть над властью и обществом.

Возрождение идеологии — это исторически конкретный этап ее превращения в важнейшую силу исторического самоопределения олигархической формы развития современного российского общества. С допустимой в таких случаях долей условности в качестве временных границ данного этапа можно определить — начало двухтысячных годов и время сегодняшнее. Существует целый ряд системообразующих признаков этого процесса. Мы выделим и кратко охарактеризуем всего лишь четыре таких признака. Каждый из них в той или иной степени обнаруживает себя на различных этапах возрождения идеологии, в виде достаточно пестрого по составу, но все-таки целостного и, что очень важно, объективного образа ее исторического возрождения. Одним из важнейших признаков возрождения идеологии является ее активное участие в строительстве нового дома для прошедшей «ужасы» и стрессы демократического транзита государственной олигархии. Мы не станем сейчас обсуждать вопрос о том, каким образом она это делала. Просто зафиксируем сам факт такого участия и подчеркнем одну особенность его проявления — он фиксирует необходимое, но недостаточное условие качественного обновления олигархической формы развития современного российского общества и власти. Относительно самодостаточным этот процесс становится лишь тогда, когда он осуществляется посредством сращивания возрождающейся идеологии и «перерождающейся» власти. И это является второй, очень важной особенностью процесса возрождения идеологии. Власть и идеология всегда, при любых исторических формациях оказывались между собой тесно связанными. Очень часто идеология выступала как практическая форма саморефлексии развивающейся власти, способ ее практи-

ческого и духовного самоопределения. Казалось бы, ничего необычного и сверхъестественного в том, что в эти годы именно так и произошло, нет. Но есть одна особенность проявления их единства, которую мы не можем не отметить. Идеология встала на путь возрождения исключительно потому, что для нее открылись принципиально новые возможности самоопределения, связанные с ее участием в процессе разрешения соответствующих противоречий развития современной российской власти. Речь, в данном случае, не идет о каком-либо развернутом идеологическом обеспечении данного процесса. Это было бы слишком просто и, как показывает практика использования в этих целях, например, идеологемы «суверенной демократии», малоэффективно. Новой власти нужно было не идеологическое обоснование ее побед и защита ее будто бы универсальных интересов. Ей в тех конкретных исторических условиях необходима была идеология в качестве реальной практической формы, в чем-то очень важном и сущностном моделирующей, представляющей и замещающей действие основных механизмов разрешения противоречий, которые лежали в основании объективной логики развития современной российской власти. И она, как могла, откликнулась на этот властный призыв — взяла на себя часть ответственности за ее самоопределение и самообоснование.

Еще одна, уже третья по счету, особенность процесса возрождения идеологии, которую мы в последующем попытаемся проанализировать более подробно, заключалась в том, что вслед за властным самоопределением он был достаточно жестко ориентирован на выделение, закрепление и представление в обновленной властной реальности практических потребностей и интересов той чрезвычайно подвижной неизменности и изменчивой в своей тотальной неподвижности социальной группы, которую можно было бы, хотя и с определенной долей условности, назвать «молчаливым большинством». Ее целевые установки и ценностные ориентации, хотя и не напрямую, а опосредованно объективной логикой развития власти и процессом решения ее идеологических проблем, о чем мы уже говорили выше, были и остаются постоянно действующим источником и мерой самоопределения возрождающейся идеологии.

Когда власть решала проблемы собственного самоопределения и легитимности, очень важно было построить «молчаливое большинство» в марширующие колонны выборщиков и с помощью различного рода «административно-демократических» средств отправить их в нужном направлении. Когда перед властью во весь рост встал вопрос о возможностях ее

властвования над самой собой, и в центре оказалась проблема вертикализации власти, «молчаливое большинство» было дифференцировано, распределено по различным секторам ее самоопределения. С помощью ручного управления оно принудительно политизировалось, объединялось и рассеивалось среди «наших». В результате формировалась достаточно устойчивая и непрерывная вертикаль политического нигилизма и социального конформизма, что явилось надежным основанием, обеспечивающим непрерывность и стабильность расширенного воспроизводства существующего властного порядка.

На третьем этапе самоопределения современной российской власти, когда она попыталась особым образом связать между собой власть и общество, «молчаливое большинство» превратилось из виртуального авангарда в объект целенаправленных властных и идеологических манипуляций. Так случилось потому, что наконец-то появился, сформировался вменяемый субъект, который оказался способен к существенному обновлению его роли и места в современной истории России. Основной смысл еще только предстоящей деятельности данного новообращенного субъекта заключается в том, чтобы с помощью доступных ему административных и политических средств «разогреть» общественную жизнь до такой степени, чтобы та форма синтеза («сплавления») властных и социальных характеристик «молчаливого большинства», которая была создана на предыдущих этапах самоопределения власти, была адекватно воспринята властью и обществом и использована для их окончательного властного отождествления — для формирования единственно возможной траектории развития их абсолютного тождества.

Четвертая особенность данного процесса — необычный способ и специфическая логика появления рядом с субъектом самоопределения современной российской власти нового субъекта, ответственного за возрождение идеологии и переход на более высокий уровень ее развития. В месте встречи этих двух субъектов пересеклись сразу несколько очень важных и неоднозначных траекторий развития различных объективных властных форм: огосударствление олигархии, мощные, хотя и скрытые процессы институционализации элитогенеза, появление достаточно устойчивых механизмов становления все новых и новых отрядов постсоветской номенклатуры. Мы об этом уже очень кратко говорили выше. Сейчас хотели бы подчеркнуть только то, что новый субъект власти и субъект возрождения идеологии, хотя и являются близнецами-братьями, но могут и в действительности существуют в качестве относительно независимых форм активно-

сти и способов решения тех проблем, которые стоят в настоящее время перед современной российской властью и идеологией. Завершение процесса возрождения идеологии и переход на следующий этап ее развития связаны, в том числе, с появлением особенного вектора деятельности и траектории развития самостоятельного субъекта новой идеологии.

Идеологическое строительство:
«красные линии», национальная идея,
«идеологические аппараты
государства»

Появление на разных этапах самоопределения современной российской власти той или иной идеологемы, превращение ее в практическое руководство властвования всегда было тесно связано с попытками решения конкретных проблем, которые лежали в основании ее развития – проблемами ее легитимности, преемственности (целостности), направленности изменения. Но не только с этим. Дело в том, что, решая в очередной раз во многом традиционные для России проблемы, современная российская власть с необходимостью выходила на некие универсальные исторические рубежи своего развития, которые В. В. Путин образно назвал «красными линиями» [5, с.10]. Эти линии, за которые «нельзя никому заходить» [5, с.10], – суверенитет, самостоятельность, целостность России. Они являются по своей сути такими границами ее существования и развития, которые российская история не без помощи власти установила для себя сама. В условиях глубоких социальных и властных трансформаций вопрос об исторической идентификации этих границ всегда был особо значимым для определения стратегии развития России. То, что в последние годы происходило в процессе самоопределения современной российской власти, является ярким тому подтверждением. Когда на его первом этапе власть пыталась воссоздать себя как власть, она с необходимостью уперлась в одну из «красных линий» – попыталась с помощью идеологемы «суверенной демократии» зафиксировать суверенитет в качестве положительно устойчивой границы своего бытия. Когда на следующем этапе она порывалась окончательно и бесповоротно установить свою власть над властью, в том числе и с помощью идеологемы «духовных скреп», в эпицентре ее созидательной деятельности оказалась проблема преемственности и соответствующих границ ее целостного бытия. Наконец, в процессе решения проблемы установления власти власти над властью и обществом, на первом плане оказался вопрос о

границах и возможностях самостоятельного развития современной российской власти и общества. «Оттолкнувшись» от этой границы, власть поставила перед собой и обществом задачу создания «идеологии развития», которая могла бы в будущем стать полноценной идеологией саморазвития российского общества.

История современной российской власти в очередной раз подтвердила тезис о том, что «суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны» [5, с.10], ибо, что бы ни происходило в этой стране и обществе, какие бы глубокие и существенные трансформации в ней ни случались, – все они, так или иначе, упираются в специфические «красные линии» – своеобразные естественные и объективные границы исторического бытия России. Не власть полагает эти границы, но сама история, в которую власть вплетена тысячами видимых и невидимых нитей. При определенных условиях она эти «красные линии» обнаруживает, актуализирует, конституирует в виде границ и принимает посильное участие в обустройстве пограничного бытия современной исторической жизни России.

Идеологическая рефлексия современной российской власти в саму себя и, естественно, в те «красные линии», которые ограничивают ее историческое существование, – процесс достаточно сложный и неоднозначный. Мы считаем, что в будущем он будет протекать в форме идеологического строительства. Целью которого станет присвоение «красных линий» исторической жизни России и превращение их из границ в пределы (механизмы) ее практического, властного, идеологического развития — в постоянно действующие источники саморазвития власти и идеологии. В результате мы должны будем получить идеологию, способную восстанавливать и обеспечивать развитие конкретного тождества власти и общества, а также способную гарантировать решение задачи установления власти власти над властью и обществом. Вслед за идеологическим строительством будут и иные этапы ее развития, появятся другие формы ее самоопределения. Но, и это важно понять уже сейчас, все, что будет происходить с ней, властью и обществом в дальнейшем, берет свое начало именно в этом процессе.

Важнейшим продуктом рефлексии современной российской власти в свою недолгую историю был процесс становления на плечах «молчаливого большинства» в широком контексте самоопределения обновленной административной реальности нового субъекта властвования, основные исторические претензии которого были связаны с решением задачи установления власти власти над властью и обществом. Одновременно с этим, что естественно и за-

кономерно, вновь встал вопрос об исторических и властных границах его властвования. О тех границах, которые всегда на замке и которые при определенных условиях могли бы способствовать разрешению стоящих перед данным субъектом задач. Помогли бы ему превратить идеи и идеологемы, с помощью которых он пытался связать между собой прошлое, настоящее и будущее современной России, в средства развернутого идеологического самообоснования ее исторической идентичности.

В результате исторического самоопределения современной российской власти и возрождения идеологии «красные линии» исторической жизни России превратились, в том числе, в своеобразные границы ее идеологического самообоснования. Суть и смысл идеологического строительства заключается в том, что в этом процессе границы сначала становятся его «красными линиями», а затем преобразуются во внутренние механизмы (пределы) саморазвития произведенного идеологического продукта. Прежде чем подробно и обстоятельно ответить на вопрос, как и почему идеология оборачивается на саму себя и власть, каким образом она пытается за счет преобразования и качественного обновления «красных линий» истории создать постоянно действующий механизм идеологической идентификации, попытаемся определить тот системообразующий принцип, который лежит в основании данного процесса и определяет необходимость осуществления суверенитета, самостоятельности и целостности исторической жизни России не только в исторической реальности, но и в идеологической сфере. Постараемся выяснить все возможные пути и механизмы влияния возникающих в этом процессе пределов развития идеологии (превращенных «красных линий») на практические действия субъектов, устанавливающих конкретно-исторический смысл и ценность российской идентичности.

Мы не случайно, определяя в качестве произведенного в процессе самоопределения современной российской власти продукта некоторые идеологемы, практически не обращали никакого внимания на то содержание, которое они в себе заключают. В контексте нашего исследования важнее было понять то, на какие вопросы развивающейся власти и общества власть пытается ответить с помощью тех или иных идеологем. В самом общем виде мы зафиксировали как поставленные историей вопросы, так и сформулированные идеологией ответы. Сразу бросилось в глаза то, что вопросы касались в основном проблем самообоснования власти. Они отражали, как мы уже отмечали, потребность власти в обеспечении легитимности, целостности, направленности собственно его развития. Каждый из них фиксировал проблему

определения какого-то одного, уникального и в то же время универсального механизма самообоснования властной реальности. Разрешая проблему легитимности власти, мы, в сущности, пытались объяснить то, что в настоящих условиях является и должно быть постоянно воспроизводимым источником властвования. Когда история поменяла свои акценты, в центре внимания властвующего субъекта оказалась проблема целостного бытия современной российской власти. Все усилия в этом случае оказались сконцентрированы на вычлениении тех предельных оснований властвования, которые определяют непрерывность и самодостаточность его осуществления. Наконец, обращаясь к теме направленности властного самодвижения современного российского общества, к вопросу о формировании его потенциальной и реальной субъектности, власть сумела вычлениить во множестве векторов и механизмов его превращения только те, которые определяют возможность выбора самостоятельного пути исторического развития и необходимость превращения произведенного им выбора в развернутую систему властного саморазвития. Фактически через обретение и преодоление, в том числе и с помощью идеологии, внутренних проблем своего самоопределения и самообоснования, современная российская власть за очень короткий исторический срок сумела пройти, дотянуться до границ — до самых «красных линий» исторического мира России.

Она вернула себе и обществу шанс на восстановление в новых исторических условиях национальной идентичности российской исторической жизни. В свое время этот шанс нам «подарили» большевики. И мы стройными колоннами по призыву партии отправились на стройки социализма в поисках того «котлована» (А. Платонов), в котором покоится пока еще спящая новая историческая общность — советский народ. Был у нас шанс с помощью демократического транзита вернуться из застенков советского тоталитаризма в мировую историю и за счет выбора свободы восстановить разрушенную советским народовластием связь времен, воссоздать деформированный социалистическим строительством наш естественный и объективный исторический путь. Современная российская власть, пройдя определенный, достаточно напряженный, хотя и не долгий путь самоопределения, вновь дает нам реальный шанс на продолжение и эффективное осуществление нескончаемого диалога с самими собой — шанс на определение национальной идентичности. То, что этот процесс инициирует власть, — не хорошо и не плохо. В российской истории такой вариант развития событий практически уже стал константой. Важнее понять не то, кто начал, а кто сумеет продуктивно закончить этот процесс — воссоздать искомую идентичность в качестве надежной основы последующего развития российского общества и власти.

Современная российская власть не только поставила вопрос о необходимости достижения национальной идентичности, но и достаточно жестко определила параметры практического решения этой проблемы. Вновь вернула в исторический оборот, зафиксировала те «красные линии», которые образуют естественные границы его возможного решения. Причем, что очень важно, она воссоздала, представила их не только в качестве пределов практического поиска россиянами своей идентичности, но и как своеобразные «красные линии» еще только предстоящего идеологического строительства.

Ответ идеологии на соответствующие запросы современной российской власти был, на наш взгляд, абсолютно адекватным. Она предложила не просто некие более или менее осмысленные идеи и востребованные «молчаливым большинством» идеологемы, но представила в качестве своеобразных границ практического и идеологического поиска современной идентичности те духовные матрицы, которые традиционно использовались для идеологического обеспечения функционирования соответствующих процедур и механизмов самообоснования исторической жизни России. С их помощью идеология не просто отделяет идентичное от того, что таковым не является, но она особым образом присваивает «красные линии» истории и делает их границами своего бытия. В последующем, и это очень важно, она должна будет произвести из них конкретно-исторические пределы процесса идеологического строительства. И это будет его своеобразной вершиной. Очевидно, что в настоящее время мы находимся только в самом начале этого вероятно долгого и непростого пути.

Основной смысл идеологического существования тех духовных матриц, которые в настоящее время проявляются всего лишь как «красные линии» идеологического строительства — своеобразные «пустые» и «произведенные» формы духовного производства, заключается в том, что с их помощью, на их основе в последующем должны будут реально заработать универсальные механизмы развития национальной идентичности. Именно они будут задавать и формировать ключевые траектории идеологического самоопределения современного российского общества и власти.

Для идеологического строительства наличие соответствующего субъекта и некоторых идеологем, которые могли бы при определенных условиях исполнить роль средства деятельности этого субъекта, совершенно недостаточно. Этот процесс оказывается очень сильно зависим от некоторых, на первый взгляд может показаться, не существенных изменений исторической и властной реальности. Напомним, что важнейшим результатом становления современной российской власти и обновленной формы олигархического капитализма было то, что с помощью спец-

ифических доступных им властных и идеологических средств были вновь подтверждены «красные линии» российской исторической жизни. В новых исторических условиях они оказались там, где и должны были быть, — на границах тождества властной и исторической реальности. Предшествующий исторический опыт, на чем настаивают те, кто вновь напоминает нам о существовании этих границ, свидетельствует о том, что пренебрежение данным историческим фактом может дорого стоить российскому обществу. И особенно важно помнить о том, что преодоление и присвоение «красных линий» в принципе невозможно без соответствующих действий по их практическому и идеологическому превращению в механизмы саморазвития общества и власти. Непрерывность и продуктивность этого процесса как раз и призваны обеспечить те духовные матрицы, о которых мы говорили выше.

Когда власть смотрит в идеологическое зеркало, она видит в нем свое собственное отражение — тот продукт властного развития, который в особенной идеологической форме замещает и представляет специфическую логику осуществления данного процесса. Идеологема «суверенной демократии» возникает в результате разрешения одной из ключевых проблем развития власти — проблемы легитимности. Эта проблема, в свою очередь, является производной, отражает и выражает особый способ самообоснования власти — наличие у нее определенного источника развития, который является гарантом ее суверенного саморазвития. Исторически конкретных форм и способов идеологического выражения данного способа самообоснования власти может быть бесконечное множество, а всеобщая форма всегда одна — традиционализм. Естественно, что в реальном историческом процессе все эти формы между собой взаимосвязаны настолько тесно, что представить одну без другой абсолютно невозможно. Вместе с тем, существуют некие практические границы их взаимопроникновения, которые полагают их существенные различия. Можно говорить о властных, политических, социальных, идейных и идеологических программах, раскрывающих «тайные» источники развития суверенной власти. И в этом смысле традиционализм может быть способом властвования, политической доктриной, идеологической программой, философской и научной концепцией. В сфере самоопределения идеологии, а именно об этом мы сейчас ведем речь, он всегда существует как граница данного процесса. Будучи «красной линией» идеологического строительства, традиционализм отражает и выражает всего лишь один, но существенный факт — наличие у истории и власти своих собственных источников развития. Будучи особой идеологической формой, традиционализм заключает в себе возможность из самого себя производить некоторое духовное содержание, которое будет доста-

точно объективно представлять специфическую логику функционирования и обновления власти. Являясь идеологической формой развития и разрешения проблемы источника самообоснования власти, традиционализм может существовать на границах идеологического строительства в виде своеобразной духовной матрицы, которая потенциально способна стать постоянно действующим источником воспроизводства не только «произведенного» содержания, но и эффективным способом разрешения данной проблемы

Идеологема «духовных скреп» также является отражением конкретно-исторических проблем самообоснования современной российской власти и общества. Она фиксирует, выделяет в этом процессе проблему не источников, а предельных оснований осуществления целостного бытия власти. Универсальной духовной матрицей, которая, будучи «красной линией» идеологического строительства, отражает всеобщее содержание этой проблемы и заключает в себе соответствующий способ ее решения, является фундаментализм. Независимо от конкретно-исторических условий его осуществления, он всегда делает одно и то же, производит один и тот же идеологический продукт — устанавливает, в специфических формах полагает связь между процедурой самообоснования и предельными основаниями целостного властного бытия.

Идеологема «идеологии развития», как мы уже неоднократно отмечали, также является способом отражения определенной проблемы самообоснования современной российской власти. Она выражает ее конкретно-исторический и универсальный смысл особым образом — посредством реконструкции не источников и предельных оснований данного процесса, а той порождающей формы, которая оказывается действительным началом системного развития власти. Таким началом, которое в самом себе заключает как возможность, так и необходимость направленного изменения целостного властного бытия. Идея создания «идеологии развития», будучи реальным началом идеологического строительства, фиксирует всего лишь конкретные условия, которые могут способствовать установлению власти над властью и обществом. Всеобщее и универсальное содержание лежащей в его основании проблемы и возможных способов ее разрешения продуцирует и воспроизводит не эта идея, но такая духовная матрица, очередная «красная линия» идеологического строительства, как консерватизм. На ее основе формируется система координат и основные векторы самообоснования целостного и сущностно определенного властного бытия и соответствующей ему идеологии.

В контексте нашего исследования традиционализм, фундаментализм, консерватизм существуют как своеобразные духовные матрицы, воспроизводящие на границах идеологического строительства основ-

ные формы воспроизводства и обновления проблемы исторического самообоснования власти и определенные способы ее решения. Потенциально, опосредованно их идеологическим самоопределением, когда они становятся постоянно действующим источником производства идеологием, данные духовные матрицы могут стать основанием для формирования различных политических доктрин и государственных практик. При этом в зависимости от условий осуществления они будут с разной степенью проникновения в суть явления отражать и выражать объективную логику самообоснования власти. Что не только не отрицает, но, напротив, предполагает их достаточно тесное взаимодействие между собой. Не следует забывать, что именно власть — современная российская власть возвращает нас к этим матрицам. Принуждает вернуться к ним и, исходя из своих сугубо утилитарных целей, определяет их в качестве «красных линий» еще только предстоящего идеологического строительства, полагает их в виде особых границ осуществления данного процесса. В результате короткой, но очень содержательной истории современной российской власти, серьезной трансформации основных рефлексивных процедур возрождения обслуживающей ее идеологии на границах исторической жизни России вновь проявляются «красные линии». Вновь на первый план ее развития выходит проблема национальной идентичности. Она буквально взрывает систему духовного производства и фактически выталкивает традиционализм, фундаментализм, консерватизм на границы идеологического развития властного социума. Станут ли духовные матрицы из произведенных идеологических форм производящими конструктами идеологического строительства новой власти и общества, зависит от того, сумеем ли мы в этом процессе практически воссоздать такие траектории их самообоснования, которые бы гарантировали их превращение из «красных линий» в идеологические механизмы обеспечения исторической идентификации российского общества и власти.

Мы призываем читателя на незначительное время в своем сознании вынести за скобки все то огромное, веками накопленное, в напряженных трудах и ожесточенной борьбе произведенное содержание, которое раскрывает смысл существования таких форм духовного производства, как традиционализм, фундаментализм, консерватизм. Это необходимо сделать для того, чтобы можно было зафиксировать их почти невидимое бытие в качестве «красных линий» самоопределения власти и идеологии. Конечно же, это будет очень сильная, но, безусловно, допустимая абстракция. Она позволит нам увидеть то, каким образом на произведенных властью и идеологией границах исторической реальности возможно зарождение новых источников (традиционализм), оснований

(фундаментализм), форм ее развития (консерватизм). Мы еще не знаем, каких конкретно источников, оснований и форм. Но мы точно знаем, что появятся они с помощью идеологического строительства, в процессе превращения традиционализма, фундаментализма, консерватизма из «красных линий» данного процесса в устойчивые и эффективно действующие механизмы идеологического обеспечения национальной идентичности.

В результате возрождения идеологии в форме конкретных идеологем на авансцене истории вновь появились некие предельные духовные матрицы. Пускай пока они проявили себя всего лишь как «красные линии», своеобразные границы этого процесса, которые скрывают в себе абстрактную возможность обновления национальной идентичности. Но, тем не менее, эта возможность уже существует и можно говорить о вероятных путях и способах ее развития. Не претендуя на какие-то окончательные ответы, мы хотели бы обратить внимание на четыре основных параметра процесса их пробуждения и функционирования в качестве основополагающих матриц предстоящего идеологического строительства.

Во-первых, как мы уже не раз отмечали, на той самой авансцене истории, где в соответствии с объективной необходимостью самообоснования власти оказались выделенные выше духовные матрицы, в ближайшие годы будет происходить развернутое идеологическое строительство. Будет целенаправленно и системно осуществляться строительство идеологического дома, в котором современная российская власть сможет полноценно и систематически осуществлять ключевые процедуры своего исторического самообоснования. Во-вторых, этот процесс был бы невозможен, если бы в результате самоопределения этой власти и возрождения идеологии не появился полноценный субъект, если бы у него не сформировалась устойчивая потребность в осуществлении этой деятельности. Он бы наверняка не состоялся, если бы не появилась новая номенклатура, которая оказалась способна не просто инициировать глубокие властные и идеологические изменения, но активно и целенаправленно направлять их, формировать ключевые смыслы и векторы развития данного процесса. В-третьих, важнейшим условием, определяющим потенциал и продуктивность действий любых механизмов властного и идеологического самоопределения данного субъекта, будет прямое или косвенное участие в них тех, казалось бы, «пустых» духовных матриц, которые сначала оказываются границами, но потенциально готовы стать пределами и универсальными механизмами его развития. Потенциально они призваны и готовы наполнить процесс перерождения границ в пределы глубокими историческими смыслами, понятными целями, безусловными ценностями и адекватными нормами. Наконец,

в-четвертых, и это является некоторой исторической особенностью набирающего темп идеологического строительства, традиционализм, фундаментализм, консерватизм оказываются в этом процессе не только границами его осуществления, то есть теми точками, с которых должна осуществляться его рефлексия в самого себя, но и своеобразными «красными линиями», за которые никто из тех, кто действительно заинтересован в достижении поставленных целей — создание идеологических условий для установления власти власти над властью и обществом, — заходить не может ни при каких обстоятельствах. Очевидно, что их превращение из нейтральных границ в «красные линии» связано, с одной стороны, с объективной логикой развития власти, конкретные проблемы самообоснования которой требуют соответствующего идеологического разрешения; с другой стороны, с аналогичной логикой самоопределения субъекта идеологического строительства, который, опираясь на свой уже состоявшийся опыт взаимодействия с духовными матрицами и соответствующий исторический опыт их рефлексивного развития, стремится к тому, чтобы никто и никогда не мог подвергнуть сомнению наработанный им с их помощью духовный и практический потенциал. Внутри идеологической реальности, ограниченной соответствующими «красными линиями», которые, кстати, никуда не исчезают, критически осмыслять и перерабатывать можно и даже нужно любые идеи и идеологии. Но только нельзя, по мнению архитекторов этого проекта, покидать ту строительную площадку, которая ими очерчена. Надо стремиться к тому, чтобы национальную идентичность реконструировать из нее самой. Только так, по мнению современной российской власти, мы можем постичь и присвоить желаемое ею прошлое, настоящее и будущее страны.

Идеологическое строительство, как и любое другое, без строителей осуществить невозможно. Архитекторы и прорабы построить сами по себе ничего не могут. В этом смысле приглашение к участию в этом процессе всех, кто способен внести посильный вклад в решение тех проблем, которые лежат в его основании, выглядит достаточно уместно и оправданно. Еще более убедительным кажется приглашение к «историческому творчеству» [5, с.10], к обсуждению вопросов создания «идеологии развития» «людей разных взглядов». Это очень важный посыл со стороны власти, который, с ее точки зрения, должен в какой-то части обезопасить предстоящий процесс от угроз «идеологической монополии» [5, с.10]. По эту сторону «красных линий» идеологического строительства все со всеми должны научиться разговаривать и, по возможности, договариваться. Правда, есть еще два условия, которые настоящие идеологические строители должны выполнить для того, чтобы оказаться среди тех, кто творит и борется с идеологическим монополизмом.

Очень важные условия, которые характеризуют уже не внешние границы данного процесса, а некоторые внутренние, достаточно подвижные, хотя и неизменные пределы его осуществления. «При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников» [5, с.10]. Причем говорится в данном случае о патриотизме «в самом чистом значении этого слова» [5, с.10], то есть как минимум очищенном от какой-либо явной, или скрытой оппозиции самой России. Поскольку Россия всегда развивалась «как государство-цивилизация» [5, с.11] и это придавало ее политике необходимую историческую гибкость при решении многих национальных, государственных, культурных, социальных проблем, постольку при самоидентификации российского социума необходимо максимально учесть соответствующий исторический опыт, а также общественный и властный потенциал данной формы государственного устройства российского общества. В конечном итоге, патриотизм должен стать безусловной нормой всяких идеологических действий, а «государство-цивилизация» - превратиться в универсальную форму не только их государственного, но и идеологического устройства. В дискуссиях по вопросу создания «идеологии развития», идеологического строительства той дороги, по которой власть поведет нас к Храму, можно и нужно участвовать всем, кто не на словах, а на деле готов превратить этот процесс в историческое творчество, кто является патриотом «в чистом значении этого слова» и кто практически готов созидать окружающий общественный мир с помощью исторически сложившихся идеологием и практик «государства-цивилизации». Вероятно, со мной согласится каждый - не так уж много условий необходимо выполнить идеологическому строителю для того, чтобы оказаться по нужную сторону «красных линий».

Чем принципиально отличается процесс возрождения идеологии от того, что мы называем идеологическим строительством? Исключительно тем, что, будучи рефлексивной формой развития власти, возрождение идет как бы вслед за объективной логикой ее изменения. В процессе же идеологического строительства отношение идеологии и власти как бы переворачивается: источником его становится не власть, а идеология. Власть всего лишь запускает этот процесс и создает некоторые условия для его реализации. Но осуществляется он в форме идеологического строительства, посредством самоопределения идеологии на основе тех духовных матриц, которые являются его границами — путем саморазвития «идеологии развития».

Начинается этот процесс с национальной идеи — квинтэссенции процесса национальной самоидентификации российского общества и власти. Не с ее определения, уточнения смысла и исторического со-

держания, чем усердно занимается подавляющее большинство рассуждающих на эту тему идеологов, а с решения проблемы эффективного включения данной идеи в процесс духовного производства соответствующего идеологического продукта. Очень важно таким образом определить и зафиксировать ее место и роль в этом процессе, чтобы она из предмета ритуальных поклонений превратилась в устойчивый механизм производства исторических смыслов. Тех смыслов, которые могли бы обеспечить развитие «идеологии развития» и обновление национальной идентичности.

«Идеология развития» – это специфическое зеркало, посмотревшись в которое всякий (народ, этнос, нация, государственное и социальное образование, человек) может идентифицировать себя в качестве особого, зачастую неповторимого субъекта российской истории, установить свою национальную, социальную, государственную, гражданскую идентичность. Для того чтобы она стала таким зеркалом, необходимо выполнить целый ряд не очевидных, но обязательных условий. Они возникают и специально создаются в процессе идеологического строительства — конструирования такой системы зеркал, которая бы адекватно отражала объективные процессы и смыслы практической истории страны и населяющих ее людей. И очень важно, чтобы все эти зеркала, проявляясь в форме различного рода идеологических конструкторов, адекватно представляли их взаимодействие в сложном и противоречивом процессе самоидентификации суверенной, самостоятельной, целостной истории России.

Поскольку изначально идеологическое строительство осуществляется в заданных границах и с определенными внутренними ограничениями, постольку особое значение для превращения его в процесс исторического творчества многих субъектов имеет то, каким образом, с каким запасом свободы будут действовать соответствующие механизмы идеологического производства. Национальная идея — это основополагающий механизм превращения продуктов духовного производства традиционализма, фундаментализма, консерватизма в идеологемы «идеологии развития». Она не просто направляет этот процесс по определенной траектории, безуспешными поисками которой заняты многие и многие идеологические творцы, но задает меру свободы его осуществления и формирует уровень рефлексии произведенного продукта — национальной идентичности.

Задача не простая, ибо моделировать спонтанное самоопределение свободы, которая лежит в основании всякого, в том числе и идеологического, творчества, да еще в предзаданных властью условиях, всегда сложно. Но тут нам на помощь, как это ни покажется странным, приходит та самая власть, которая оказывается способна не только инициировать превраще-

ние «красных линий» идеологического строительства в своеобразные, в каком-то смысле саморазвивающиеся пределы его осуществления, но и обеспечить защиту этого процесса от необоснованных ограничений. В результате таким образом организованного властного самоопределения идеологического строительства традиционализм, фундаментализм, консерватизм начинают относительно свободно производить некоторое идеологическое содержание, формально и по существу припаривать соответствующие идеи, настроения и убеждения людей. Но, что значительно важнее, они пробуждают ото сна, инициируют деятельность такого универсального механизма духовного производства, как национальная идея. В результате массированного давления со стороны «возбужденных» духовных матриц процесс самодвижения национальной идеи значительно интенсифицируется. В результате чего хоровод произведенных этими матрицами идей и идеологом становится все более интенсивным и массовидным. В нем появляются некие сложносоставные идеологические комбинации, которые начинают двигаться уже не по законам традиционализма, фундаментализма и консерватизма, а в логике процесса самоидентификации национальной идеи. В этом смысле можно сказать, что национальная идея — это своеобразный трансформатор, который за счет своего самодвижения превращает множество произведенных на основе духовных матриц идей в единую, способную к саморазвитию «идеологию развития». Превращает их в «произведенно-производящие» идеологемы и универсальные средства обретения национальной идентичности. Она не просто объединяет, «склеивает» три различные, самодостаточные идеологические процедуры и произведенные ими продукты в нечто единое, но превращает их движение в организованный процесс национальной идентификации людей, их поступков и идей.

Существует ли у современной России национальная идея? И да, и нет. Она, безусловно, существует в глубинах исторической и духовной жизни нации. Проявляется как духовный аналог и живая душа многовековой истории России. И в то же время в современной истории, несмотря на все, в том числе и идеологические заклинания, ее нет. Она может существовать исключительно как постоянно действующий механизм исторической идентификации — как находящийся в постоянном движении магический смыслообразующий кристалл исторической жизни общества, задающий ритм и придающий смысл этому процессу. Сегодня он неподвижен. Сверкает хотя и ярко, но безжизненно. Попытка современной власти с помощью идеологии вернуть ему жизнь и движение представляется делом важным и необходимым. Несмотря ни на что она может оказаться и удачной. Следует выполнить только некоторые обязательные условия.

Национальная идея — это не картина на стене, а работающий механизм установления и подтверждения российской идентичности. Идеология — лишь одна из многих духовно-практических форм, с помощью которых можно было бы обеспечить бесперебойную и эффективную работу этого механизма. Любая попытка установления идеологической монополии на национальную идею, как это было не раз в прошлой истории, закончится тем, что она либо превратится в памятник, к которому не зарастет народная тропа, либо станет средством идеологического принуждения и насилия. Своеобразным гарантом того, чтобы это не случилось, является активное вовлечение ее в процесс духовного и исторического возрождения российского общества. Очень важно, чтобы национальная идея оказалась в руках тех строителей «идеологии развития», которых мы по праву могли бы назвать духовными лидерами и моральными авторитетами нашего общества. Их роль в ее «пробуждении» и защите от чрезмерного давления со стороны строителей новой идеологии трудно переоценить.

Национальная идея не должна стать идеологемой, но она может быть определенным образом включена в процесс идеологического строительства с тем, чтобы, пропуская сквозь себя «токи» и энергию традиционализма, фундаментализма, консерватизма, способствовать превращению различного рода духовных образований (идей) в идеологемы. На этот факт следует обратить особое внимание именно сейчас, потому что данный процесс еще только начинается и есть возможность правильно настроить работу такого сложного духовно-практического механизма, как национальная идея. Пока мы еще можем сделать так, чтобы она оказалась основным фильтром и преградой на пути проникновения в мир становящейся «идеологии развития» различных националистических, шовинистических, безнравственных, эксцентричных, примитивных, унифицированных, политически ангажированных, ксенофобских идей. Из которых, как показывает исторический опыт, очень просто при желании создать очередную убийственную идеологию. Как нам представляется, именно национальная идея, а не патриотизм «в чистом значении этого слова» и, тем более, не образ России как «государства-цивилизации» в состоянии, с одной стороны, остановить вал тех идей, которые без достаточных на то оснований желали бы стать идеологемами «идеологии развития» и национальными идентификаторами; с другой стороны, только с ее помощью в заданной системе координат можно создать нечто единое и непротиворечивое, исторически и идеологически корректное. Поскольку национальная идея — это не только образ, но и механизм национальной идентификации, постольку ее роль в процессе отбора и превращения различного рода содержательных идей традиционализма, фун-

даментализма и консерватизма в идеологии, трудно переоценить. В конечном итоге, именно она в тот или иной исторический период расставляет акценты в процессе «слияния» этих трех идейных потоков и фиксирует конкретно-исторические приоритеты в их идеологизации. Так, например, в настоящее время в центре идеологического строительства оказалась идеология консерватизма. Это не случайно, поскольку именно она в настоящий момент наиболее точно отражает цель идеологического строительства — создание «идеологии развития». А, как известно, в существующей системе координат этого процесса именно консерватизм способен наиболее точно и глубоко представить путь и средства достижения этой цели. Можно предположить, что в последующем, когда могут измениться приоритеты в самообосновании «идеологии развития», на первый план выйдут соответствующие идеи традиционализма и фундаментализма. А консерватизм, в этом случае, может превратиться всего лишь в форму их воспроизводства и обновления. По этой причине категорически нельзя поручать создавать современную идеологическую концепцию консерватизма консерваторам, или тем, кто всегда очень пафосно себя так называет. Очевидно, что в этой работе могут и должны участвовать все те, кто не на словах, а на деле способен сформулировать ключевые для национальной идентичности России идеи, описывающие и объясняющие ее способность к самостоятельному историческому развитию — разве не в этом исторический смысл консерватизма? И не просто сформулировать, но и превратить их в устойчивые идеологии развития и воспроизводимые источники идеологического строительства новой России.

Для того чтобы досконально разобраться с вопросом о том, кто же все-таки должен быть и в действительности является субъектом идеологического строительства, обратимся к соответствующим идеям известного французского философа-марксиста Луи Альтюссера. Развивая предложенный им образ «четверичной системы обращения в субъектов» идеологии, он писал следующее: «удвоенная зеркальная структура идеологии обеспечивает следующее:

обращение к «индивидуумам» как к субъектам; их подчинение Субъекту;

взаимное узнавание между субъектами и Субъектом и между самими субъектами, а в конечном итоге и узнавание субъекта самим собой;

абсолютная гарантия того, что все обстоит именно так и что при условии, что субъекты признают то, чем являются, и ведут себя соответствующим образом, все будет хорошо: “Да будет так!”» [1, с.30]

У истоков идеологического строительства стоит один «Субъект» (Л.Альтюссер) – современная российская власть. Возможны два сценария развития его последующих действий. Этот субъект так и останется

единственным строителем «идеологии развития», и произведенный им идеологический продукт в форме самодостаточной политической доктрины будет использоваться им в качестве средства установления его власти над властью и обществом. Либо же он, используя, например, формат «четверичной системы обращения в субъектов», инициирует процедуры «исторического творчества» различных «индивидуумов» и общественных институтов и, тем самым, максимально вовлекая их в этот процесс, создаст необходимые и достаточные условия для полноценной и содержательной работы по превращению «красных линий» идеологии в пределы и механизмы ее развития. Важно подчеркнуть, что в том и другом случае полученный продукт будет использоваться субъектом, инициирующим данный процесс, в его собственных целях. Идеологическое строительство не является завершающей формой развития «идеологии развития». Можно предположить, что в будущем в отношении власти и идеологии возникнет некая проблемная ситуация, в разрешении которой будут участвовать самые разные субъекты. И в результате их деятельности произойдет кардинальное изменение процедур самообоснования власти и идеологии, своеобразное оборачивание достигнутой своей цели власти и созданной при ее участии идеологии. Суть этой процедуры и нового этапа идеологического развития будет заключаться в том, что все последующие процессы будут инициированы не властью и не идеологией самой по себе, а некими, особым образом оформленными, общественными интересами. Они, так же как и интересы, будут надежно опираться на уже созданный, хотя и подвижный, но достаточно устойчивый фундамент общественной и гражданской идентичности. Тогда уже будет не столь существенно, кто в действительности станет субъектом этого процесса. В его эпицентре окажется вопрос об эффективной организации самостоятельности его участников, о возможностях и перспективах их продуктивного самоуправления, в том числе и в вопросах развития «идеологии развития».

Важнейшей проблемой идеологического строительства, особенно что касается формирования «зеркальной структуры идеологии» и организации практической деятельности «хороших» и «плохих» субъектов [1, с.30], является проблема определения меры свободы их «исторического творчества». Речь не идет в данном случае о том, кто и как конкретно задает эту меру и насколько она носит объективный характер. Нас более интересуют объективно действующие механизмы и устойчивые формы его осуществления. Поэтому нам показалась интересной идея Л. Альтюссера об «идеологических аппаратах государства», которые по определению призваны за счет совмещения в своей деятельности общественных и частных интересов существенно увеличить потенциал самостоятель-

ности в сфере идеологии, что не может, в конечном итоге, не сказаться на увеличении степеней свободы различных субъектов данного процесса. Несколько слов о том, что это за «аппараты» и как они работают.

Идеологическое строительство — особый механизм идеологизации (идентификации «идеологии развития» в виде различного рода идеологем) «хороших субъектов» и идеологического отторжения «плохих субъектов». В этом достаточно бурно протекающем процессе особую роль призваны исполнить различного рода «идеологические аппараты государства» (ИАГ). Л. Альтюссер определял их следующим образом: «под идеологическими аппаратами государства мы понимаем некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов. Мы предложим эмпирический список таких институтов, который, конечно же, надо будет внимательно изучить, проверить, выправить и переработать. На данный момент в качестве идеологических аппаратов государства мы можем рассматривать следующие общественные институты (порядок, в котором мы их перечисляем, не имеет особого значения): ИАГ (система различных “школ”, государственных и частных); – семейный ИАГ; – юридический ИАГ [1, с.7]; – политический ИАГ (политическая система, в которую входят и различные политические партии); – профсоюзный ИАГ; – информационный ИАГ (пресса, телевидение, радио и так далее); – культурный ИАГ (изящная словесность, искусства, спорт и так далее).» [1, с. 26]

Фактически, если иметь в виду настоящий этап идеологического строительства, процесс построения всех субъектов в единые «марширующие сами по себе» (Л. Альтюссер) колонны с помощью различных «идеологических аппаратов государства» уже начался. Его целью является не только исключение из «исторического творчества» «плохих субъектов», которые все время норовят идти не в ногу, но, самое главное, создание условий для того, чтобы все остальные субъекты маршировали как бы сами по себе, но в правильном направлении — не заходили за «красные линии» и лучше, если при этом они будут двигаться колоннами. В свое время аналогичную задачу достаточно успешно решал и решил И. В. Сталин. Он создал различного рода общественные, профессиональные, творческие союзы и с их помощью сформировал стройные ряды «хороших субъектов» идеологического строительства социализма. «Большой Брат» (Д. Оруэлл), «Субъект» (Л. Альтюссер) и сегодня пытается примерно в тех же самых целях использовать этот бесценный исторический опыт. Появились новые общественно-политические движения: Общероссийский Народный Фронт, Движение в защиту человека труда. В ближайшее время вполне возможно начнется интенсивный

процесс регионализации общественно-политической жизни страны, и можно будет ожидать появления соответствующих движений с четко выраженными региональными целями и интересами. Создаются различного рода гуманитарные профессиональные объединения (Российское историческое общество, Общероссийская ассоциация учителей русского языка и литературы, Российское общество политологов и т.п.), которые призваны обеспечить высокий интеллектуальный и организационный уровень предстоящей идеологической работы. Происходит переформатирование деятельности существующих уже не раз доказавших свою лояльность современной российской власти творческих союзов и организаций (кинematографистов, писателей, социологов). На самом высоком уровне организуются и проводятся встречи с различными передовыми отрядами постсоветской интеллигенции, на которых обсуждаются ключевые вопросы современного этапа идеологического строительства (Российское литературное собрание, встреча Президента РФ с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин, встреча руководителей Администрации Президента РФ с заведующими кафедрами общественных наук и т.п.). Идет активный поиск субъектов-союзников и субъектов-соратников. С помощью государственной грантовой поддержки происходит первоначальная институционализация отдельных интеллектуальных площадок, на которых потенциально можно было бы в последующем организовать творческий процесс по созданию «идеологии развития» и клонированию субъектов ее развития. Фактически уже сегодня мы имеем дело с определенными формами и этапами практической реализации необъявленной государственной политики в сфере идеологии. Можно предположить, что, поскольку в настоящее время мы находимся еще в начале этого процесса, то в последующем он будет проходить более активно, массированно, с привлечением все новых и новых субъектов «исторического творчества» в сфере идеологии и с использованием еще большего числа «идеологических аппаратов государства».

Современная российская власть отказалась не только на словах, но и на деле от идеи государственной идеологии. Вместе с тем, она не отказывается и не собирается этого делать от проведения долговременной государственной политики в идеологической сфере. Конечно, при определенных условиях эта политика может победоносно завершиться созданием государственной идеологии. И мы знаем примеры, когда именно так и происходит. Но чтобы такого не случилось, необходимо, в том числе, уже на этапе начала идеологического строительства снять те угрозы, которые могут реально дестабилизировать ситуацию и существенно деформировать суть идеологического строительства — превратить с помощью различного

рода ИАГ развитие «идеологии развития» в строительство государственной идеологии. Одна из наиболее явных угроз, которую трудно не заметить, заключается в том, что при определенных условиях у идеологических аппаратов государства может появиться собственная идеология. Вместо того чтобы «применять» [1, с.27] «идеологию развития», они попытаются стать субъектами ее производства. Основная задача функционирования ИАГ, как мы помним, заключается в том, чтобы посредством идеологии, с помощью доступных им средств обеспечить баланс и развитие единства частных, общественных и государственных интересов. Если ИАГ будут «гармонизировать» частные (новой номенклатуры), общественные («молчаливого большинства») и государственные (современная российская власть) интересы посредством государственной пропаганды и административного насилия, результат будет один, причем независимо от того, что хотели бы получить в конце идеологические строители и их покровители. В результате такого рода идеологического строительства на месте государственной политики в области идеологии вновь появится государственная идеология. Между «государственными аппаратами», которые работают в основном с помощью насилия и принуждения, и «идеологическими аппаратами государства», которые «применяют» идеологию при решении задач объединения частных, общественных и государственных интересов, различия существенные, но отделяет их деятельность друг от друга очень тонкая, для многих неочевидная и невидимая грань. Желание в определенных условиях усилить роль государства, обеспечить не столько государственные, сколько господствующие в этот момент интересы, стремление преодолеть то, что их отличает друг от друга, может существенно дезориентировать процесс идеологического строительства. Неуверенность в своих силах продуцирует организованные общественные истерики, является основанием для возрождения нетерпимости к оппонентам. Желание достичь результата быстро и любой ценой может спровоцировать у идеологических аппаратов государства неадекватные реакции. И породить в общественных институтах, с которыми они работают, страх перед идеологией вообще и желание активно противодействовать административному нажиму и огосударствлению. Все это может инициировать в рамках идеологического строительства те процессы, которые будут существенно, вплоть до абсолютного тождества сближать деятельность государственных аппаратов и идеологических аппаратов государства. И, что самое важное, сблизившись, они общими усилиями смогут превратить государственную политику в области идеологии в процесс создания господствующей идеологии. Она может и не быть по форме государственной идеологией, но проводить ее в жизнь с присущей им энергией будут совместно го-

сударственные аппараты и идеологические аппараты государства.

Еще одной серьезной угрозой для развития «идеологии развития» может стать специфическая активность ИАГ по обеспечению связи господствующей идеологии с практикой идеологического строительства и их целенаправленная деятельность по созданию своеобразных приводных ремней, с помощью которых идеологические сигналы должны будут доходить до адресата, в первую очередь, до тех субъектов, которые свободно и творчески пытаются заниматься развитием этой идеологии, и особенно до тех широких народных масс, которые А. Платонов достаточно образно назвал «неназначенцами», то есть до тех, кто находится как бы вне системы прямого административного принуждения.

Поскольку основной смысл и цель деятельности ИАГ сводится к применению «идеологии» развития, должны появиться, первоначально функционально определенные, в последующем соответствующим образом структурированные, идеологические аппараты, нацеленные не на воспроизводство существующих властных отношений, не на расширенное воспроизводство их устойчивого существования и господствующего положения, а на создание условий для развития этих отношений и соответствующей им идеологии. Это специальная задача. Она должна быть выделена из общего контекста деятельности ИАГ и необходимо предпринять особые усилия для выстраивания соответствующих траекторий развития ИАГ. В том числе необходимо предпринять целенаправленные действия по созданию дополнительных стимулов их продвижения в заданном направлении. Если этого не случится, то может возникнуть реальная угроза такого рода стабилизации «стабильности», в результате которой в «идеологии развития», кроме господствующей идеологии и ее вечной стабильности, ничего не останется.

Представим себе такую ситуацию: новая номенклатура в целях развития «идеологии развития», с помощью специфических форм деятельности ИАГ начинает активно и целенаправленно из «красных линий» (традиционализм, фундаментализм, консерватизм) идеологического строительства создавать такие идеологемы господствующей идеологии, которые, в силу того, что все остальные реальные и потенциальные субъекты будут вытеснены из этого процесса, с необходимостью станут по отношению к «идеологии развития» исполнять только одну роль — охранительную. О каком развитии идеологии в этом случае можно будет говорить? Категорически нельзя допустить того, чтобы в процессе идеологического строительства доминировал тот субъект и те средства, с помощью которых этот процесс начинается. Вытеснение и уничтожение свободы исторического творчества, а также тех самостоятельных субъектов, которые явля-

ются его носителями, ведет не просто к монополизму определенных идеологем, а к существенному искажению целей и смыслов, основных векторов идеологического строительства, что способно деформировать не только суть этого процесса, но и действия всех без исключения универсальных и особенных механизмов национальной и исторической идентификации.

Особенно эта угроза становится опасной, приобретает тревожный характер, когда в рамках идеологического строительства происходит самоопределение такого важнейшего направления его осуществления, как идеологическая борьба, смысл которой можно свести к двум основным процедурам — к отстаиванию своих принципиальных идеологических позиций и вовлечению в процесс активного идеологического строительства все новых и новых субъектов, разделяющих его базовые ценности и имеющих аналогичные интересы. Искжение смысла и деформация соответствующей практики идеологической борьбы, как показывает, в том числе, и опыт советской идеологии, может идти сразу по нескольким направлениям. Обратим внимание лишь на те, по которым мы движемся с особым азартом и с наибольшими угрозами для самих себя. Среди них самое распространенное, массовидное и с большой поражающей силой — значительное упрощение смысла и целей идеологической борьбы, сведение ее к жесткому и агрессивному противостоянию «своих» и «чужих» (1). Вместо прояснения, критического обоснования собственной идеологической позиции мы видим, в данном случае, активную борьбу, зачастую с помощью различных политических и административных методов с инакомыслием и «плохими субъектами». Очень часто в этой борьбе причины и стимулы идеологического строительства превращаются в необязательные следствия, а то, что было ранее следствием, становится причиной (2). В результате извращается их связь. Идеологическая борьба за верность и активную позицию «хорошего субъекта», который мог бы стать надежным союзником, превращается в противостояние с «плохим субъектом», который постоянно стремится стать врагом и нанести как можно больший ущерб тем, кто занимается позитивным идеологическим строительством. Если же при этом вдруг возникнут какие-либо непредвиденные проблемы с марширующими «хорошими субъектами», то всегда есть возможность воспользоваться таким эффективным инструментарием идеологической борьбы с «нашими», как манипулирование. Как оказалось оно может быть очень эффективным средством идеологической работы с «молчаливым большинством» (3). С его помощью можно быстро приподнять планку его идеологической лояльности и даже самостоятельной активности. Особенно, если направить активность «большинства» на борьбу с «чужими». Если все эти изменения в причинно-следственных связях идео-

логического строительства будут носить массовый и постоянный характер, появится реальная угроза того, что идеологическая борьба превратится в идеологическую войну (4). А на войне, как известно, действуют совершенно иные законы. Во всяком случае, находясь по своей или чужой воле на войне, мало кто думает о строительстве. Для того чтобы оказаться на арене боевых действий, следует выполнить еще одно очень важное условие — необходимо создать понятный и убедительный образ «врага». Для того чтобы начать военные действия, наличия «плохих субъектов» и всякого рода «чужих» совершенно недостаточно. Нужен надежный и уверенный в себе враг, который бесконечно плетет всякого рода заговоры, у которого есть свои глобальные и сиюминутные цели и он не побрезгует никакими средствами для того, чтобы их достичь. И для кого «идеология развития» России является не просто еще одним идеологическим вызовом современности, но основным объектом, против которого и должны быть направлены его разрушительные действия.

Завершая наш разговор о некоторых возможных тенденциях развития «идеологии развития» России на предстоящих этапах идеологического строительства, мы вновь хотели бы обратить внимание на то, что достигнуть поставленных целей мы сможем лишь тогда, когда сумеем превратить национальную идею в идеологическую матрицу и своеобразный волшебный кристалл, с помощью которого можно будет не просто осветить путь, но превратить «красные линии» идеологического строительства (традиционализм, фундаментализм, консерватизм) в развивающиеся пределы этого процесса и механизмы сотворения из идей соответствующих идеологем. Когда на смену новой номенклатуре придет множество самостоятельных субъектов, которые в атмосфере свободного исторического творчества сумеют создать такие «духовные скрепы», с помощью которых можно будет идентифицировать не только Россию, но и каждого россиянина. И когда эти субъекты с помощью соответствующих идеологем организуют деятельность ИАГ таким образом, что они превратятся в механизмы установления устойчивого и положительного баланса частных, общественных и государственных интересов в сфере идеологического строительства. Когда «хорошие субъекты с помощью соответствующих идеологем и аппаратов смогут не побеждать врага в неравной схватке, а строить тот новый дом, в котором не стыдно будет жить гражданам России.

Возможно ли сегодня это прекрасное завтра? Безусловно, да. Мы находимся еще только в самом начале данного процесса. И, несмотря на то, что в настоящее время формально пространство свободного идеологического творчества «хороших субъектов» существенно образом ограничено соответствующими «красными линиями», и почти все, что в этих случаях

необходимо, делается, но с прямо противоположным знаком — угрозы деформирования идеологического строительства, о которых мы говорили выше, реально осуществляются и существенно искривляют наш путь, шанс на развитие «идеологии развития» остается, и он является столь же реальным, как и те исторические ловушки и идеологические капканы, которые мы сами для себя ставим. И, несмотря на то, современная российская власть предлагает нам «идеологию развития» как судьбу, мы все-таки еще в состоянии превратить ее в путь. Для этого лишь не надо сводить глаза с горизонта.

Литература:

1. Штомпка П. Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире // Социологические исследования. 2013. № 9.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч. Т. 8.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.
5. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
6. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 304 с.
7. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8.
8. Дмитриев А. В., Мукомель В. И. Этническая иммиграция: конфликтное измерение // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М., 2008.
9. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры», 2012. 212 с.
10. Кардозу Ф. Э. Интервью // Свободная мысль. 2010. № 1.
11. Homans G. K. Social Behavior: Its Elementary Forms. N.-Y., 1961.
12. Большая энциклопедия: В 62 т. Т. 8. М.: Терра, 2006.
13. Шмелев Н. Модернизация экономики // Свободная мысль. 2010. № 2.
14. Кулябин А. И. Президентские республики — лидеры социального неравенства // Социологические исследования. 2013. № 9.
15. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592

References:

1. Sztompka P. Ten theses on the status of sociology in an unequal world // Sociological studies. 2013. № 9.
2. Marx K., Engels F. 18 brumera of Lui Bonapart // Work. T. 8.
3. Weber M. Favorites. M: Progress, 1990. — 808 p.
4. Weber M. the Basic concepts of stratification // Sociological studies. 1994. № 5.
5. Shkaratan O. I. Sociology of inequality. Theory and reality. M: Izd. house of the Higher school of Economics, 2012. — 526 p.
6. Zborowski G. E. Theory of social community. Ekaterinburg: University of Humanities, 2009. — 304 p.
7. Dmitriev A. V., Pyaduchov G. A. Ethnic groups of migrants and conflicts in the enclave of the labor market // Sociological studies. 2005. № 8.
8. Dmitriev A. V., V. Mukomel V.I. Ethnic immigration: a conflict dimension // Russia in the global processes: the search for prospects. M., 2008.
9. Zasyppkin V. P., Zborovsky G. E., Shuklina E. A. Problems of training and social adaptation of migrant children in figures and dialogues. Khanty-Mansiysk: Izd. house «Yugra news», 2012. — 212 p.
10. Cardoso F. E. Interview // Free Thought. 2010. № 1.
11. Homans G. K. Social Behavior: Its Elementary Forms. N. Y., 1961.
12. Great encyclopedia: 62 volumes. V. 8. M.: Terra, 2006.
13. Shmelev N. Modernization of economy // Free Thought. 2010. № 2.
14. Kulyabin A. I. Presidential Republic — leaders of social inequality // Sociological studies. 2013. № 9.
15. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia: a sociological portrait. M: CSPM, 2010. — 592 p.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТРАТЕГИРОВАНИЕ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ КАК МЕХАНИЗМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Кондраль Д.П.

кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Сыктывкарский филиал АНО ВПО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет
кооперации» (Россия), 167023, Россия, г. Сыктывкар, ул. Морозова, д. 124, кв. 410, lbfv17@rambler.ru

УДК 32(985)

ББК 66.053

В статье проанализирована современная система управления стратегическим развитием Севера страны, рассмотрены ментальные особенности российского общества, оказывающие влияние на формирование политических механизмов взаимодействия в регионах России. Автором приведены рекомендации по совершенствованию системы стратегического управления Арктической зоной России путём развития активной политической культуры и формирования современных механизмов регионального стратегического прогнозирования.

Ключевые слова: стратегическое управление, Арктическая зона, стратегические исследования, политическая культура.

Kondral D.P.

POLITICAL STRATEGISING IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA AS A MECHANISM OF STEADY GROWTH

In the article the author analyses a modern management system of strategic development of the North of the country, considers, mental peculiarities of the Russian society influencing the formation of political mechanisms of interaction in the regions of Russia. The author gives recommendations on improving the system of strategic management in the Arctic zone in Russia through the development of active political culture and forming modern mechanisms of regional strategic forecasting.

Key words: strategic management, Arctic zone, strategic research, political culture.

Арктическая зона России находится под воздействием внутренних и внешних факторов воздействия, определяющих её перспективное развитие. К первым следует отнести политические (система управления), социальные и экономические факторы. Ко вторым — геополитические условия.

Стратегическое развитие региона во многом определяется общегосударственным стратегическим курсом, формирующим социальные и экономические механизмы функционирования Арктики. Эти механизмы определяют успешность политической стратегии региона.

Существенным механизмом политического управления в регионах страны сегодня является национальная политика, предполагающая поддержку коренного населения территорий. Данная политика проводится и в других странах в отношении северных территорий. Например, в Канаде [1], Норвегии [2] и

др. В российской стратегии развития Арктики [3] границы данной политики не определены. Это позволяет предположить о слабости регионального фактора в развитии Арктической зоны РФ. Данная политика на Севере страны в целом носит характер культурной поддержки коренных народов, что способствует сохранению ими своих специфических механизмов восприятия культурных ценностей и помогает интегрироваться в общероссийскую и общемировую культурную традицию. Это способствует их культурному и образовательному росту, но не приводит к «обживанию» и развитию территорий. В странах Запада (например, в Канаде, Норвегии) данная политика имеет более широкий и значимый характер, затрагивающий наряду с культурным политический, экономический и социальный аспекты развития территорий. При этом национальная политика выходит за пределы коренных народов и распространяется на всех жителей терри-

торий. Это позволяет с помощью региональной политики проводить эффективные социальные и экономические программы поддержки населения и развивать территории.

Таким образом, национальная политика в странах Европы имеет более широкий спектр, подразумевающий реализацию социальных и экономических мероприятий по развитию территорий и привлечению населения определённых территорий к процессам принятия и реализации политических решений. В России данная политика направлена на сегментацию общества по национальному принципу для проведе-

ния, в основном, образовательных программ и поддержания местных культур и не способствует реальному развитию территорий. Узкое понимание национальной политики может стать основой будущих региональных конфликтов и приводить к коррумпированию региональных элит (в частности, в отношении принципов избрания высших должностных лиц).

Политическая система современной России определяет механизмы стратегического управления. В основе политических решений лежит ментальная специфика российского общества. Данная специфика характеризуется сильной авторитарной традици-

Таблица 1. Характеристика ментальных противоречий по вопросам Арктической зоны в рамках активной и пассивной политических культур (на примере США [9] и России, соответственно) (Авторский вариант).

№	Основные характеристики	Активная политическая культура	Пассивная политическая культура
	Реакция на возникающие проблемы и противоречия	Стремление решить противоречия демократическими методами, используя правовые механизмы	Стремление законсервировать противоречия, адаптировать к ним социально-экономическую и общественную среду
	Подходы к развитию Арктической зоны	Развитие территорий с перспективой их дальнейшего использования	Стремление сохранить существующий порядок, потребительское отношение к территориям без перспективного плана их постресурсного использования
	Отношение к правам человека	Поддержка правового государства, прав и свобод человека	Контролируемость правовой среды, неоднозначность при периодических попытках со стороны центра её модернизации
	Отношение к институтам гражданского общества	Формирование институтов гражданского общества через поддержку и развитие принципа свободы	Слабость институтов гражданского общества (в основном созданных для внешнеполитической и внешнеэкономической презентации), контролируемых через систему государственного управления
	Отношение к демократии в регионах	Распространение принципов демократии на все сферы жизнедеятельности	Ограничение принципов демократии в следствии боязни развития неконтролируемых процессов
	Отношение к свободе	Поддержка принципа свободы	Подмена принципа свободы принципом терпимости
	Общий алгоритм стратегического поведения	Развитие демократии является основой развития методов внутригосударственного и международного взаимодействия, что приводит к повышению конкурентоспособности и доминированию страны	Сужение границ понимания демократии приводит к поиску собственного пути развития страны и регионов, что является причиной потери конкурентных преимуществ и высокого уровня субординированности в стране и за её пределами
	Принцип системности	Развитие политической системы происходит наряду с развитием социальной и экономической систем путём формирования эффективных механизмов стимулирования населения	Замедление процессов развития демократии приводит к «застою» в социальной и экономической системах, так как не происходит совершенствования механизмов стимулирования общества

ей россиян, которая ассоциируется с благополучным государством. По результатам исследования Левада-Центра в 2013 году 75 % россиян высказались за необходимость иметь сильного лидера [4]. Стремление к авторитаризму порождено, скорее всего, проблемами социально-экономического и управленческого характера в стране и регионах, что заставляет россиян возвращаться к малоэффективным в современных условиях «жестким» моделям политического взаимодействия.

Это определяет то, что россияне не видят страну демократической к 2020 году (лишь 3 % россиян видят её такой), в то же время 16 % видят её к 2020 году величайшей мировой державой, не похожей на другие страны (за это высказалось 55 % респондентов) [5]. Данные тенденции, проявляющиеся в сознании россиян приводят к формированию специфического мировоззрения и ценностей. Так, если для населения стран с развитой демократией (например, Польша) в качестве главной ценности выступает свобода - 66 % (и лишь для 21 % русских эта ценность является основной), то для стран с авторитарной культурой управления (например, Россия) основной ценностью является терпимость - 39 % (данную ценность поддерживают всего 7 % поляков) [6].

Следует отметить снижение интереса россиян к политическому участию. Так, на вопрос «Политическая жизнь стала менее интересной, чем раньше» в 2007 году ответило 29 % респондентов, в 2011 – 36 %, 2013 – 47 %. На вопрос «Если Вы не принимали участия в общественной и политической жизни, то почему?» с ответом «Мне это не интересно» в 2007 году ответило 20 % респондентов, в 2011 – 36 %, 2013 – 36 % [7]. Это указывает на возрастающее безразличие общества к политическим процессам, что может являться признаком разочарования в проводимой политике вследствие малоэффективных механизмов политического управления [8]. Таким образом, россияне фактически отказываются от своих прав на политическую свободу и участие, считая, что это ничего не изменит в их жизни и жизни общества.

Следует сделать вывод, что в стране поддерживается и развивается в основном пассивная политическая культура, отличная от западной — культуры политического участия (не свобода и выбор являются главными ценностями общества, а терпение и определённости). Ориентация политического режима на этот тип ценностей (не требующих существенного развития механизмов современного политического управления) определяет не только сиюминутное понимание политической действительности, но менталитет нации в целом. Так, приведённое ниже сравнение типов политических культур по вопросам стратегического развития (См. таблицу 1) указывает на необходимость изменения политических ментальных установок жителей страны и региона для успешной реализации

проектов развития территорий (в частности, Арктической зоны РФ).

Таким образом, в странах с активной политической культурой упор делается на формирование демократического правового государства с доминирующим принципом свободы. В странах с пассивной политической культурой основой власти становятся авторитарные методы управления с доминирующим принципом сдерживания посредством ограничения возможностей формирования политических институтов и гражданского общества [10].

Реформы последнего десятилетия в России были направлены на упорядочение деятельности региональных политических элит [11] и демократизацию системы принятия политических решений, однако, демократические механизмы не получили существенного развития, что привело к централизации власти и ослаблению механизмов стратегического управления. Это также стало главной причиной ослабления системы агрегации и артикуляции интересов общества и отражением в политике в основном интересов региональных элит. Таким образом, политическая апатия населения привела к формированию неэффективных механизмов управления в регионах и стране в целом.

Следует отметить, что процесс «оживления» Арктического региона России затрудняется такими факторами, как дискомфортность территорий и социально-экономическая дискомфортность (в частности, удорожание стоимости жизни и низкая доступность социальных услуг — образовательных, медицинских, культурных и др.) [12, с. 70]. Решение указанных проблем слабо проработано в современной стратегии развития Арктики, что ставит под сомнение связанность перспективных планов развития Севера России и реальной ситуации в прилегающих регионах.

Стратегическое управление арктическими и приарктическими территориями должно быть увязано с системой стратегических исследований в конкретных регионах. Показательной здесь является американская система стратегических исследований Арктики. Основным назначением исследований США является выявление сильных и слабых сторон местных общин для дальнейшего моделирования экосистем и стратегий адаптации населения к экологическим и социально-экономическим стрессам, а так же развитию активной культуры, системы здравоохранения, благосостояния общества. При этом в американской пятилетней программе исследования Арктики [13] запланирована разработка показателей уязвимости общин. Данные исследования направлены так же на выявление федеральных, государственных и местных интересов и формирования системы их агрегации и артикуляции.

Рассматривая элементы, определяющие направление и успешность реализации стратегии развития Арктики в комплексе, следует выделить три

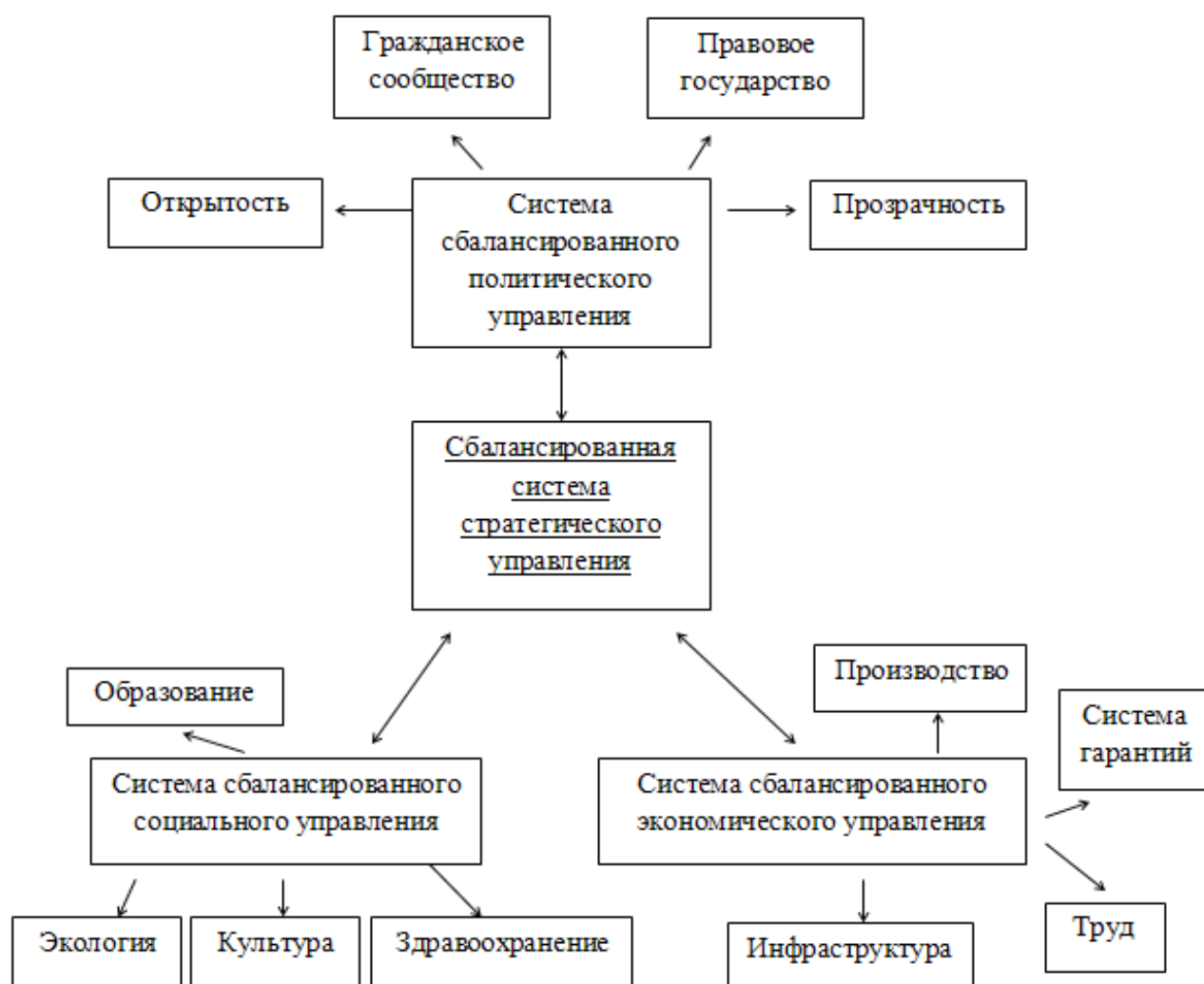

Рис.1. - Модель сбалансированной системы стратегического управления процессами развития Арктики (Авторский вариант).

группы управленческих систем, сбалансированное функционирование и взаимодействие которых определяет успешность системы стратегического управления процессами развития в регионе (См. рисунок 1).

В данной модели задачей системы сбалансированного политического управления в рамках стратегической системы развития Арктического региона является формирование политических коммуникаций. Однако, подданническая политическая культура и коррупция сегодня делают данный процесс малоэффективным. Показателями сбалансированного управления политической системы являются: открытость, прозрачность, следование нормам и принципам демократии, привлечение в процесс принятия и реализации управленческих решений институты гражданского общества [14].

Задачей системы сбалансированного социального управления является формирование благо-

приятных условий для жизни общества, а так же для формирования гражданского сообщества путём формирования гражданской культуры. Показателями сбалансированного управления выступают уровень и качество образования, экологические условия региона, уровень гражданской культуры и системы здравоохранения [15].

Задачей системы сбалансированного экономического управления в Арктической зоне РФ является формирование благосостояния территории и высокого уровня жизни общества. Основными показателями здесь выступают: уровень развития инфраструктуры, система государственных гарантий, уровень развития производства и труда.

Следует отметить, что успех развития Арктической зоны РФ во многом определяется возможностями политической системы адаптироваться к кризисным условиям, которые исходят как из слабости системы

стратегического планирования процессов развития, так и «извне» - через механизмы геополитического и геоэкономического взаимодействия. В данных условиях подмена демократии авторитарными методами управления может приводить к необъективному восприятию внутри и внешне-государственных процессов политического, социального и экономического характера.

Поддержка политической культуры участия является необходимым условием развития Арктической зоны и страны в целом. Наиболее эффективным механизмом развития данного типа культуры сегодня являются государственные программы, которые могут быть реализованы через национальную политику и включать: пропаганду демократических ценностей и активного политического поведения, освещение истории становления демократии в России, формирование для коренного населения Арктической зоны страны политических механизмов агрегации и артикуляции интересов.

При формировании эффективной системы стратегического территориального развития необходимо учитывать ключевые противоречия в процессах модернизации Арктики [16] и создавать современные механизмы сбалансированного управления: 1) научную систему планирования территориального развития, 2) систему агрегации и артикуляции интересов общества, 3) систему государственного управления территориями, 4) инновационную систему.

Таким образом, существующая в современной России система стратегического управления процессами развития Арктики нуждается в модернизации. Важным является усиление взаимосвязи системы политического управления с системой региональных стратегических исследований, что является основой целостности и плановости процесса развития арктических и приарктических территорий.

Вопрос политического стратегирования в Арктической зоне РФ сегодня требует системного рассмотрения органами власти и управления. Развитие культуры участия и демократических механизмов принятия и реализации политических решений в регионе наряду с формированием эффективной системы стратегического управления должно является перспективной основой системы устойчивого развития территорий Севера России.

Литература:

1. Canada's northern strategy. Our North, Our Heritage, Our Future. Ottawa. 2009 // Материалы официального сайта Канады [электронный ресурс]. URL: <http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns-eng.asp> (дата обращения 18.06.2013).
2. The Norwegian government's High North strategy. – Norwegian ministry of foreign affairs. – 2006 // Ministry of foreign affairs [электронный ресурс]. URL: <http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/documents/Reports-programmes-of-action-and-plans/Action-plans-and-programmes/2006/strategy-for-the-high-north.html?id=448697> (дата обращения 27.07.2013).
3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 20.02.2013 года, Пр-232 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Установки Россиян и угрозы стране // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. - Пресс-выпуск от 11.07.2013 [электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossiyan-i-ugrozy-strane> (дата обращения 24.07.2013).
5. «Что ждёт Россию в 2020 году?» // Пресс-выпуск ВЦИОМ №2043 от 09.06.2012 [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112823> (дата обращения 24.07.2013).
6. «Россияне и поляки: взаимное восприятие» // Пресс-выпуск ВЦИОМ №2242 от 01.03.2013 [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113685> (дата обращения 24.07.2013).
7. «Политическая жизнь страны: оценка и участие» // Пресс-выпуск ВЦИОМ №2269 от 03.04.2013 [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113813> (дата обращения 24.07.2013).
8. Пилясов А.Н. Арктика России: состояние и перспективы // Материалы сайта НП Центр стратегического партнёрства «Российский Север: модернизация и развитие» [электронный ресурс]. URL: <http://www.rosnord.ru/strategy/standpoint/65-arktika-rossii-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения 01.07.2013).
9. A New Security Architecture for the Arctic. An American perspective // A report of the CSIS Europe Program. January. 2012. 44 p.
10. Даль, Р. Полиархия, плюрализм и пространство. Последствия исторических сдвигов, связанных с изменением пространства / Р. Даль // Лекция в память о Стейне Роккане, прочитанная в Бергене 16 мая 1984 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/pol_pl.php (дата обращения 14.09.2013).
11. Бахлова О. В. Региональные политические элиты в системе коммуникаций федеративного государства // Регионология. 2011. №1. [электронный ресурс]. URL: <http://regionsar.ru/node/643> (дата обращения 24.07.2013).

- ращения 28.06.2013).
12. Витязева В.А., Котырло Е.С. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар, 2007. 269 с.
 13. Arctic research plan: FY 2013-2017 // Executive Office of the President National Science and Technology Council. February. 2013 [электронный ресурс]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/2013_arctic_research_plan.pdf (дата обращения 29.07.2013).
 14. Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Управление процессами модернизации политической системы современной России (региональный аспект): монография. Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. 165 с.
 15. The Norwegian government's High North strategy. Norwegian ministry of foreign affairs. 2006 // Ministry of foreign affairs [электронный ресурс]. URL: <http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/documents/Reports-programmes-of-action-and-plans/Action-plans-and-programmes/2006/strategy-for-the-high-north.html?id=448697> (дата обращения 27.07.2013).
 16. Скуфьина Т.П. Комплексные фундаментальные исследования Севера и Арктики: некоторые результаты и перспективы развития при поддержке грантов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1.
 - [e-resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112823> (date of reference 24.07.2013).
 6. "Russian and Polish: mutual perception" // Press-release VCIOM №2242 dated 01.03.2013 [e-resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113685> (date of reference 24.07.2013).
 7. "Political life of the country: assessment and participation" Press-release VCIOM №2269 dated 03.04.2013 [e-resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113813> (date of reference 24.07.2013).
 8. Pilyasov A.N. The Arctic region of Russia: situation and future // Material of the site NP Center of strategic partnership "The Russian North: modernization and development: [e-resource]. URL: <http://www.rosnord.ru/strategy/standpoint/65-arktika-rossii-sostoyanie-i-perspektivy> (date of reference 01.07.2013).
 9. New Security Architecture for the Arctic. An American perspective // A report of the CSIS Europe Program. January. 2012. 44 p.
 10. Dal R. Polyarchy, pluralism and environment. Consequences of historical shifts due to the change of environment / R. Dal // A lecture in memory of Stein Rokkan read in Bergen in May 16, 1984 [e-resource]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/pol_pl.php (date of reference 14.09.2013).
 11. Bakhlova O.V. Regional political elite in the system of communication of the federal state // Regional studies. 2011. №1. [e-resource]. URL: <http://regionsar.ru/node/643> (date of reference 28.06.2013).
 12. Vityazeva V.A., Kotirlo E.S. Social and economic development of the Russian and foreign North. Syktivkar, 2007. 269 p.
 13. Arctic research plan: FY 2013-2017 // Executive Office of the President National Science and Technology Council. February. 2013 [e-resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/2013_arctic_research_plan.pdf (date of reference 29.07.2013).
 14. Kondral D.P., Morozov N.A. Process control of the political system modernization of modern Russia (regional aspect): monograph. Syktivkar: GAOU VPO KRAГSiU, 2012. 165 p.
 15. The Norwegian government's High North strategy. Norwegian ministry of foreign affairs. 2006 // Ministry of foreign affairs [e-resource]. URL: <http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/documents/Reports-programmes-of-action-and-plans/Action-plans-and-programmes/2006/strategy-for-the-high-north.html?id=448697> (date of reference 27.07.2013).
 16. Skufyina T.P. Complex basic research of the North and Arctic region: some results and perspectives for grants development // Sovremenniy problem nauki i obrazovaniya. 2013. № 1.

References:

ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ

Белькова А.А.

аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (Россия), 670017, Россия, г. Улан-Удэ, а/я 4048, afan-project@mail.ru

УДК 316.74:2

ББК 60.56305(2Рос.Бур)

В данной статье анализируются процессы формирования институтов государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии, а также нормы взаимодействия государства и различных религиозных организаций. Институционализация государственной религиозной политики формирует структуру религиозного поля, представляющую собой разделение религиозных организаций по признаку традиционности. Установление подобных норм способствует повышению контролируемости расходования средств, выделяемых органами власти на поддержку религиозных объединений. Исследование выполнено при поддержке гранта Программы фундаментальных исследований № 33 Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», Направление 2. Модернизация и ее влияние на российское общество, проект № 1 «Взаимодействие религиозных институтов и общин Бурятии в условиях социокультурной модернизации».

Ключевые слова: религия, религиозная политика, межрелигиозные отношения, формальные и неформальные институты, постсоветская Бурятия.

Belkova A.A.

INSTITUTES OF STATE CONTROL OVER RELIGION IN POST-SOVIET BURYATIYA

Article analyses processes of institution formation of state regulation in Post-Soviet Buryatia, and rules of interaction between government and various religious organizations. The institutionalization of religious policy forms the structure of the religious field, representing division of the religious organizations on the basis of traditional character. The establishment of such rules improves the controllability of public funds allocated to support religious organizations. The study was supported by a grant from the Program of fundamental researches of Presidium of the RAS № 33 «Tradition and innovation in the history and culture», direction 2. Modernization and its impact on Russian society, project № 1 «Interaction of religious institutions and communities of Buryatia in social and cultural modernization».

Key words: religion, religious policy, interfaith relations, formal and informal institutions, post-Soviet Buryatia.

В представленной работе рассматривается государственное регулирование религиозной сферы в современной Бурятии. К концу 2000-х гг. в Бурятии сложилась ситуация, при которой все религиозные организации поделились на две группы: относящиеся к традиционным и нетрадиционным для данного региона конфессиям. Это классификация явилась результатом регулирующего воздействия государства на религиозную сферу. Оно сформировало комплекс норм, определяющих рамки государственно-церковных и межцерковных отношений. Представленная статья — это попытка анализа процесса формирования институтов государственного регулирования религии, а также их структуры взаимодействия между органами государственной власти и религиозными организациями.

В качестве методологической основы исследова-

ния был выбран неинституциональный подход. Институты нами понимаются как правила поведения и способы поддержания этих правил [12, с. 113]. Нас интересует то, как формировался комплекс норм взаимодействия религиозных организаций друг с другой, какое участие в этом принимало государство, каким правилам подчиняются контакты между различными религиозными организациями. Неинституционализм позволяет анализировать формальные и неформальные нормы взаимодействия между государством и религиозными организациями, а также конвенциональные представления о них [13].

Изучению традиционных религий и религиозных организаций в Бурятии посвящены работы Д. Амоглоновой, П. Варнавского, В. Митыпова, Л. Абамовой, Н. Жуковская и др. Нетрадиционные религии в

Бурятии исследуют С. Ахмадулина, М. Савинова, Н. Аюрова. Все эти исследования нацелены на описание современной религиозной ситуации в республике во взаимосвязи с какими-либо глобальными процессами (десекуляризация, глобализация, национализм и т.п.). Однако представленная работа сфокусирована на практиках государственного регулирования религиозной сферы и попытаемся проследить истоки современной религиозной ситуации в Бурятии.

Источниковой базой для исследования послужили архивные документы, нормативно-правовых актов, материалов включенного наблюдения, публикаций в средствах массовой информации Бурятии, в интернет-пространстве: на официальных сайтах религиозных организаций, государственных органов, в социальных сетях, блогах религиозных деятелей.

Формирование системы норм взаимодействия

Отношения между различными религиозными организациями в Бурятии определяются сводом правил, сформированных при активном вмешательстве государства. Начало этому процессу было положено в конце 1990-х гг., когда начала снижаться роль местных органов власти в формировании религиозной политики, контроль над деятельностью религиозных организаций и их отношениями с государственными органами власти, напротив, усилился, сформировалось законодательство в данной сфере.

В это время официальном дискурсе, а затем и в публичном, религии окончательно разделяются на традиционные и нетрадиционные. Именно этот фактор определил динамику дальнейшего формирования правил взаимодействия различных религиозных организаций в республике. Возможность для официальной классификации религий была создана в 1997 г., когда в России был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором была прописана особая роль православия в истории России, а также ислама, буддизма, иудаизма, составляющих согласно закону неотъемлемую часть исторического наследия народов России [10]. В Бурятии вскоре был принят закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» [11], фактически дублирующий федеральный. Он также содержал указание на исключительность положения отдельных конфессий: «В Республике Бурятия исторически сложившимися конфессиями и верованиями являются Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм» [11]. Необходимость выделения позиции буддизма, проповедуемого Буддийской традиционной сангхой России, среди прочих направлений, обусловила упоминание в тексте закона названия организации, а не религии в целом.

Так органы государственной власти Бурятии официально закрепили особое положение некоторых религиозных организаций: Русской православной

церкви, представляющей православие [8], Буддийской традиционной сангхи России, олицетворяющей традиционное для Бурятии течение как буддизма, Русской древлеправославной церкви, представляющей старообрядчество, и единственной существовавшей на то время шаманской религиозной организации «Боомургэл». В противовес «исторически сложившимся конфессиям и верованиям» законом определялись т.н. конфессиональные новообразования: «новые религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики». Принимая этот закон, органы государственной власти не ограничились классификацией религий в республике по признаку традиционности. Эти номинации послужили основой для установления конкретных различий между религиозными организациями при государственной регистрации и в осуществлении миссионерской деятельности. Государственная регистрация религиозных организаций, принадлежащих к нетрадиционным конфессиям, согласно данному закону, требовала наличия положительного заключения Экспертно-консультативного Совета по делам религий при Правительстве Республики Бурятия.

Государство инициировало упорядочивание религиозного поля республики по нескольким причинам. Во-первых, оно стремилось регулировать деятельность различных религиозных организаций. В 1997 году их количество достигло 116. При этом наблюдалось большое разнообразие их конфессиональной принадлежности: православные приходы, буддийские общины и дацаны, старообрядческие общины, шаманистский духовный центр Бурятской народной религии Боо-Мургэл (шаманизм), баптистские, пятидесятнические общины, древлеправославные приходы, апостольские православные общины. Сложившаяся ситуация сложилась в результате мощного религиозного подъема 1990-х годов, пусть и выраженном частично в возрождении номинальной религиозности и условной вере [3, с. 66], который во многом был связан с потребностью населения в самоидентификации. При этом религиозная и этническая идентичность часто сливалось воедино [7, с. 253]. В 1990-х гг. активному формированию религиозного пространства республики способствовал и слабый контроль над действиями религиозных организаций, а в некоторых случаях их откровенная поддержка со стороны государства и конкретных политиков. Смена приоритетов управления на федеральном уровне в конце 1990-х годов, выразившаяся в усилении государства и его централизации, потребовала от местных органов власти упорядочивания отношений между государством и церковью. В результате сформировалась небольшая группа религиозных организаций, при контакте с которыми государство

минимизировало затраты, повышая эффективность реализации программы государственного регулирования религиозной сферы.

Во-вторых, выбор религиозных организаций, вписываемых государством в создаваемую им систему, основывался на степени их лояльности. В данном случае ожидается, что религиозная организация будет действовать определенным образом, соблюдать установленные правила взаимодействия, соблюдать «контракт». Государство как агент в таком случае получает лояльность и готовность религиозных организаций участвовать в мероприятиях, составляющих религиозную политику. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку государства, возможность влиять на решения, принимаемые и законодательной и исполнительной властью, а также некоторые материальные выгоды, например, для 1990-х годов была характерна практика передачи государственной собственности религиозным организациям либо в полное владение, либо в долгосрочную бесплатную аренду. Например, в п. Усть-Баргузин администрация в 1994 г. выделила в Доме культуры комнату, а в 1995 г. безвозмездно отдала здание детского сада с земельным участком и постройками [6].

В-третьих, концепт традиционности/нетрадиционности религий позволяет собственно обосновать инклюзию лояльных религиозных организаций в структуры государственной религиозной политики, и исключение из них остальных организаций. В 2000 г. Конституционный суд Республики Бурятия признал положения Закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», устанавливающие различия в положении традиционных и нетрадиционных религиозных организаций, противоречащими Конституции Бурятии. Закон подвергся соответствующей редакции, однако, система традиционности/нетрадиционности конфессий, упорядочивающая религиозное поле Бурятии, не была упразднена. Она перешла на уровень неформальных практик, а официальный дискурс по-прежнему формировал категории традиционности. Это давало возможность натурализовать институты религиозной политики в культурный и исторические контексты.

Причина сравнительной межрелигиозной терпимости в Бурятии в том, что каждая из традиционных религий преимущественно распространена в определенной этнической среде: православие у русских (а также украинцев и белорусов), шаманизм и буддизм — у бурят и т. д. Известно, что коренные народы Бурятии (буряты, эвенки, сойоты) издревле придерживались шаманизма с различными местными вариациями, вобравшими в себя и более архаичные родоплеменные верования и культы [1].

Концептуализация сложившейся ситуации закрепляла за традиционными конфессиями особую

роль, их значимость выводилась из укорененности в быту, культуре, длительности существования на данной территории.

Традиционные религии — механизмы инклюзии

Религиозные организации, относящиеся к традиционным, имеют самый большой опыт выстраивания отношений с государством. Русская православная церковь, Буддийская традиционная сангха России, отдельные шаманы, которые в 1990-е годы создали свой центр, — все эти религиозные организации еще в советское время адаптировались к условиям, диктуемым органами государственной власти. В данном случае обе стороны уже несколько десятилетий встроены в институты религиозной политики, что влечет за собой взаимные ожидания по поводу поведения каждого из агентов. Новые религиозные объединения в данной системе координат для государства являются малоизвестными, рискованными партнерами. Их поведение плохо предсказуемо, а их включение в существующую систему отношений государства — церкви сопряжено с серьезными затратами. Кроме того, сами религиозные организации, появившиеся в республике впервые в постсоветский период, не нацелены на долгосрочное и тесное сотрудничество с органами государственной власти. Они решают более важные для себя задачи, такие как закрепление на территории Бурятии, миссионерская деятельность, привлечение новых членов общины. Именно на эти стратегии тратится большая часть ресурсов. Соприкосновение с государством они стремятся свести к минимуму: получению регистрации для того, чтобы продолжить осуществление первоочередных задач.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой две стороны (органы государственной власти и лояльные им религиозные организации) стремились формировать и развивать институты государственного регулирования религии. Новые религиозные объединения были из этих институтов исключены, но надо отметить, что они и не предпринимали серьезных попыток изменения ситуации. После редактирования закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», институт государственного регулирования религии вновь стали неформальными. Из всех нормативно-правовых документов были исключены категории «традиционные», «нетрадиционные религии». Однако на уровне повседневных практик и государство, и религиозные организации, ранее получившие статус традиционных, продолжали поддерживать этот дискурс. Это дало основания для разработки концепции «межнационального и межрелигиозного мира и терпимости». Ее тезисы присутствуют в выступлениях крупных политиков, исследованиях, проведенных при поддержке и по заказу органов государственной власти, появляются в СМИ через интервью чиновников, ученых, религиозных деятелей, принад-

лежащих к традиционным конфессиям, а затем образ «религиозной терпимости», неразрывно связанный с традиционными религиями и усилиями государства по ее сохранению, подхватывают и сами журналисты.

Бурятия не зря считается едва ли не самой толерантной республикой, славится межрелигиозной, межэтнической терпимостью, что радует, и мы стараемся это свойство нашего народа всеми силами поддерживать и развивать (интервью Президента Республики Бурятия) [5].

При этом встроенность традиционных религиозных организаций в институты государственной религиозной политики, предполагающей покровительство государства, приводит к тому, что даже в публичном пространстве религиозные деятели позволяют себе обосновывать негативное влияние нетрадиционных религий на толерантную религиозную среду Бурятии:

Излишняя терпимость допустила нашествие деструктивных сект, в том числе мормонов, кришнаитов. Когда мормоны построили свое здание, я спрашивал об этом Геннадия Архиповича (на тот момент мэра г. Улан-Удэ — прим. А.Б.). Он извинялся, объяснял, что пропустил этот факт. С другой стороны, я всегда говорю: чем лучше мы будем работать, тем здоровее будет обстановка, меньше сектантов (интервью с главой Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской православной церкви) [9].

К концу 2000-х гг. институты государственного регулирования религии окончательно оформляются в тесное взаимодействие с традиционными религиозными организациями. Их взаимоотношения принимают форму совместных действий, направленных чаще всего на решение социальных проблем. К таким формам взаимодействия можно отнести совместные мероприятия, официально нацеленные на воспитание молодежи, борьбу с наркоманией, преступностью, абортными и т.д. формально такие отношения закрепляются через договоры о сотрудничестве. Буддийская традиционная сангха России, Русская православная церковь, мусульманская община согласно договорам оказывают помощь Службе судебных приставов Бурятии в работе с неплательщиками. В 2011 г. ГИБДД Бурятии в сотрудничестве с Русской православной церковью и Буддийской традиционной сангхой провели серию акций по снижению аварийности на дорогах Улан-Удэ. Помимо того, что водителям сотрудники инспекции напоминали правила дорожного движения, православный священник окроплял святой водой остановленные автомобили, а ламы прямо на дороге проводили молебен [4, с. 177]. Религиозные организации, в свою очередь, разрабатывают концепции сотрудничества с органами государственной власти. Например, Русская православная церковь закрепила модель отношений с государством в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» [2, с. 96].

Таким образом, мы можем констатировать, что после десятилетия существования структуры религиозного поля республики, разбитого на традиционные и нетрадиционные религии в неформальных практиках, эти нормы постепенно начинают получать отражение в формальных правилах. Это тенденция сейчас только усиливается. В апреле 2012 г. заместитель Председателя Правительства Бурятии выступил с докладом о необходимости оказания им финансовой помощи религиозным организациям, занимающихся решением социальных проблем, т.е. фактически предложил финансировать традиционные (лояльные органам государственной власти и государственной политике) религиозные организации. В июне 2012 г. были приняты соответствующие поправки в Закон Бурятии о религиозной деятельности. Согласно им государство финансирует благотворительную деятельность религиозных организаций (те самые социальные акции), предоставляет им налоговые льготы, оказывает финансовую и материальную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры.

Формальные и неформальные институты религиозной политики

В данном разделе мы попытаемся ответить на вопрос, почему при наличии набора формальных правил взаимодействия государства и церкви, возникают новые? В сущности, религиозные конфессии в республике разделены на две группы по степени включенности в институты религиозной политики. Складывается ситуация, при которой существуют и формальные правила, задающие общие параметры, и неформальные нормы, в рамках которых собственно и осуществляется религиозная политика.

Государство как агент в данной ситуации неоднородно. Оно представлено различными структурами, выполняющими функции государственного регулирования религии. В Бурятии это Комитет по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия, Глава Республики Бурятия и некоторые другие органы власти, косвенно связанные с осуществлением религиозной политики. Вышестоящие органы власти требуют от нижестоящих контроля над религиозной ситуацией в республике, усилий по стабилизации межрелигиозных отношений. Ответственные органы власти вынуждены разрабатывать нормы и процедуры, упрощающие их работу или относящиеся к проблемам, не предусмотренным в формальных правилах [14, с. 200].

Традиционные религиозные организации — это те религиозные структуры, которые включены в систе-

му неформальных норм. Религиозные организации, определяемые как нетрадиционные, из этой системы исключены, поэтому их отношения с органами власти тяготеют к формальным институтам, т.е. нетрадиционные религиозные объединения соблюдают законодательство и не более. Однако мы не можем исключить их из системы неформальных институтов государственного регулирования религии по той причине, что в случае их столкновения с традиционными религиозными организациями, чаще всего начинают действовать неформальные правила. Традиционные религиозные организации рассчитывают на поддержку государства в рамках своего неформального контракта. Например, протестантская организация в Кижингинском районе официально оформила права на землю, являющуюся предполагаемым местом захоронения ученика английской духовной миссии в Забайкалье. Однако в 2012 г. здесь началось строительство буддийского культового сооружения, протестантские постройки были разрушены. После чего Глава Комитета по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия прокомментировал ситуацию: «Буддисты точно так же могут сказать, что на этом месте раньше был дацан. Я считаю, что надо уметь между собой договариваться» [15]. Значение официальной регистрации прав на землю было нивелировано.

Религиозным организациям, относимым к традиционным, существование неформальных институтов позволяет добиваться скрытых целей, которые они не могут решить в рамках формальных правил. В первую очередь, это поддержка государства в содержании и восстановлении большого объема недвижимости, полученного традиционными религиозными организациями в 1990-2000 гг. Важную роль играют и административная поддержка государства, накопление социального капитала, который может быть использован для лоббирования интересов религиозной организации, публичность, как побочный эффект взаимодействия с государством.

Решение органами государственной власти и множеством традиционных религиозных организаций обширного спектра задач в рамках созданных неформальных институтов религиозной политики объясняет их стабильность. Эта система норм и правил адаптируется к изменениям внешней среды и время от времени набирает силу, конкурируя с официальными правилами.

Рассмотрев процесс формирования институтов государственного регулирования религии в Бурятии в постсоветский период, а также проанализировали их современное состояние, отметим, что институты религиозной политики в республике представляют собой систему неформальных правил, регулирующих взаимодействие государства и лояльных ему религиозных

организаций. Их положение обосновывается концепцией традиционности. Нетрадиционные религиозные объединения, исключенные из данной системы, взаимодействуют с государством на основе официальных правил, закрепленных законодательно.

Взаимодействие с традиционными религиозными организациями дает органам государственной власти возможность реализовывать религиозную политику, регулировать религиозную сферу в республике, снижать издержки. Государство в ходе осуществления религиозной политики стремится субсидировать лишь небольшое количество религиозных организаций. Это необходимо для контролирования расходования государственных средств, что проще всего осуществить при работе с управляемой организацией, имеющий продолжительный опыт взаимодействия с органами государственной власти. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку и покровительство со стороны государства, и используют данный контракт для решения собственных задач. Формирующиеся неформальные институты государственного регулирования религии, упорядочивающие религиозные организации по степени лояльности и вписанности в систему устанавливаемых им норм, конкурируют с формальными правилами (выражающиеся в законодательных актах) иногда частично закрепляются на официальном уровне.

Литература:

1. Абаева Л. Байкальский регион: становление единой мировой культуры [электронный ресурс]. URL: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=2445> (дата обращения 25.08.2013).
2. Авилова О.Е. Церковно-государственные отношения в свете «Основ социальной концепции Русской православной церкви» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. №4. С. 96-99.
3. Амоглонова Д.Д. Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 65-70.
4. Белькова А.А. Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 177-179.
5. Дашижапова С. Вячеслав Наговицын: «Бурятия — толерантная республика» [электронный ресурс]. URL: <http://zabmedia.ru/?page=articles&text=2915> (дата обращения 25.08.2013).
6. Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. документов/Сост. С. Г. Аюшева и др. Улан-Удэ: Комитет по делам архивов РБ, 2001. 260 с.
7. Манзанова Г.В. Традиции и инновации: причины возрождения буддизма в Бурятии. Свобода сове-

сти в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2009. С. 251-260.

8. Митыпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 232 с.
9. Никитина Т. Основа Веры [электронный ресурс]. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-interview/detail-45411/> (дата обращения 25.08.2013).
10. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ (в ред. от 26.09.1997) // Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.
11. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия: Закон Республики Бурятия от 23.12.1997 №610-I (в ред. от 23.12.1997) // Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. 1998. №21(31).
12. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. №3. С. 109-130.
13. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. №4. С. 28-55.
14. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. №2(10). С. 188-211.
15. Ян А. Скандальное интервью главного протестанта Бурятии едва не вызвало конфликт [электронный ресурс]. URL: <http://www.infpol.ru/news/673/136497.php> (дата обращения 25.08.2013).

References:

1. Abaeva L. Baikal region: the emergence of a single world culture [e-resource]. URL: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=2445> (date accessed 25.08.2013).
2. Avilova O.E. Church and state relations in the light of «The basis of the social concept of the Russian orthodox church». // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2012. № 4. Pp. 96-99.
3. Amogolonova D.D. (2012). Hambo lama Itigelov's return and a new concept of revival of Buryatia. Bulletin of the Buryat State University, №7. Pp. 67-70.
4. Belkova A.A. (2012) The processes of desecularization in post-Soviet Buryatia. Bulletin of the Buryat State University, №7. Pp. 177-179.
5. Dashizhapova S. Vyacheslav Nagovitsin: «Buryatia — tolerant republic» [e-resource]. URL: <http://zabmedia.ru/?page=articles&text=2915> (date accessed 25.08.2013).
6. From the history of religions Buryatia. XX Century: collection of documents / comp. S.G Ayusheva and other. Ulan-Ude: Committee of Archives of Buryatia, 2001. 260 p.
7. Manzanova G.V. Tradition and innovation: the causes of the revival of Buddhism in Buryatia. Liberty of conscience aspects. Vol. 7. St. Petersburg: Russian Association of the Study of Religion, 2009. Pp. 251-260.
8. Mitypova G.S. Orthodoxy in the history and culture of Buryatia. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2005. 232 p.
9. Nikitina T. Basis of Faith [electronic resource]. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-interview/detail-45411/> (date accessed 25.08.2013).
10. About Freedom of Conscience and Religious Associations: Federal Law of 26.09.1997 № 125-FL (as amended. from 26.09.1997) // Collected Legislation of the Russian Federation. 29.09.1997. №39. Art. 4465.
11. About religious activities in the territory of the Republic of Buryatia: The Law of the Republic of Buryatia of 23.12.1997 № 610-I (as amended. from 23.12.1997) // Bulletin of the Khural of the Republic of Buryatia №21 (31), 1998.
12. Radaev V. Perspective of the New Institutionalism: Constructing an Analytical Scheme // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Vol. IV, №3. Pp. 109-130.
13. Fligstein N. Fields, power, and social skills: a critical analysis of new institutional trends // Economic Sociology. 2001. Vol 2, №4. Pp. 28-55.
14. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: a Research Agenda // Prognosis. 2007. №2(10). Pp. 188-211.
15. Ian A. Scandalous interview of Protestant Buryatia nearly caused the conflict [e-resource]. URL: <http://www.infpol.ru/news/673/136497.php> (date accessed 25.08.2013).

**ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ДЕЛЕНИЯ И СИСТЕМЫ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТАХ АМЕРИКИ**

Балынская Н.Р.

доктор политических наук, профессор, директор института экономики и управления, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и управления персоналом, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Россия),
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 24, K220, econom@magtu.ru

УДК 323(73)
ББК 66.3(7Сое)

В статье рассказывается о системе территориального деления в США на штаты, округа и муниципалитеты. Существующая система тесно связана с законодательством, которое может быть различным в штатах. Также территориальная система оказывает влияние на формирование муниципальных органов, финансирование которых резко отличается в зависимости от установленных в штате законов. Функционирование правоохранительных органов тоже продиктовано системой территориального устройства: в некоторых штатах есть только ставка шерифа, совмещающего несколько функций, в других штатах — более тщательное разделение полномочий.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, территориальное устройство, государство, муниципальное образование, муниципальные органы власти.

Balinskaya N.R.

**PECULIARITIES OF TERRITORIAL DIVISION AND SELF-GOVERNMENT SYSTEM
IN THE UNITED STATES OF AMERICA**

The article focuses on the territorial division of the United States to States, counties and municipalities. The existing system is closely related to the law, which may be different in the States. The territorial system influences the formation of municipal authorities, which differs sharply depending on State laws. The functioning of law enforcement is also dictated by the system of territorial organisation: in some States only have a bet tips, combining several functions in other States-a more thorough separation of powers.

Key words: United States of America, territorial division, State, municipality, municipal authorities.

Система местного самоуправления (МСУ) в США представляет собой сложное, многоуровневое явление, совершенно отличное от российских представлений. Понять ее специфику можно только при условии владения знаниями как о территориальном делении на округ, город, район, штат, так и о системе финансирования каждой территориальной единицы. Также важно знать, как происходит избрание на каждую управленческую должность. Американцы знают эти тонкости в совершенстве, поскольку в школьную программу в обязательном порядке включен курс по американскому управлению.

США имеет ассиметричное административное деление: 50 федеральных штатов, округ Колумбия, зависимые территории: Пуэрто-Рико, Американские Виргинские острова, Американское Самоа, Северные

Марианские острова, Гуам. США – территориальная федерация. При этом стоит отметить, что территориальных федераций в мире гораздо больше: практически все постколониальные федерации делятся на субъекты, восходящие к колониальным провинциям, а не этническим ареалам. К федерациям этого типа относятся не только США, но и Аргентина, Мексика, Венесуэла, Бразилия, Австралия. Также к их числу можно отнести Германию и Австрию, Малайзию и ОАЭ, Микронезию, Коморские острова, Сент-Китс и Невис.

Что касается территориального деления США и связанного с ним местного самоуправления, стоит отдельно сказать о Вашингтоне — городе, созданном специально для правительства. До 1790 года Конгресс заседал в разных городах. Это было крайне неудобно. Поэтому было принято решение основать город спе-

циально для правительства, предусмотрев его компактное расселение и близость к работе. Было выбрано место в центре страны площадью 100 квадратных километров. Вашингтон расположен среди 13 штатов, точно посередине между южными и северными штатами, граничит на юге с Вергинией, на севере — с Мэрилендом. Это два штата, которые выделили землю под Вашингтон. Название «округ Колумбия» в административном отношении с самого начала подчеркивало, что эта территория находится под юрисдикцией центрального правительства.

Со временем стало очевидным, что Вашингтон оказался меньше, чем планировалось изначально, поэтому земли, взятые у штата Вергиния, были ему возвращены (61,4 мили). В самом Вашингтоне проживает 570 тысяч человек, но население всего округа — более 5 миллионов [1, с. 61].

Неверным является предположение, что четкое территориальное деление по штатам автоматически решает проблемы с местным самоуправлением в Америке. Так, возьмем для примера среднестатистический американский город Сент-Луис. Он интересен тем, что, с одной стороны, практически ничем не отличается от множества американских городов, а, с другой стороны, его расположение очень своеобразно влияет на систему местного самоуправления. Для сравнения: район Сент-Луис занимает больше земли, чем Нью-Йорк, Токио или Лондон. В район Сент-Луис входит 8 более мелких образований — округов. Между районом и округом может не быть особой разницы, только отличия в содержании некоторых заведений. Так, например, содержанием СИЗО занимается район. Но вот границы округов установлены штатом. Задача округа — упорядочить предоставляемые населению услуги. Ни штат, ни правительство не могут вмешиваться в этот процесс.

По реке Миссури проходит граница между штатами Иллинойс и Сент-Луис. Это важно в том отношении, что законы в каждом штате свои, и преступников будут судить по тем законам, на чьей территории было совершено преступление. Более того, это также разная система налогообложения (в разных штатах по-разному: от 33 до 35 процентов от дохода населения). Но это не решение проблем местного самоуправления, поскольку Сент-Луис располагается на слиянии двух рек — Миссисипи и Миссури, и на территории двух штатов. Поэтому Сент-Луис — это одновременно и город, и район. Город в том смысле, что у него есть свой мэр и представительный орган управления. А район в том отношении, что в его состав еще входят другие муниципальные образования.

Сосредоточимся на городе. Это муниципальное образование со своими выборными органами. Для регистрации муниципалитета достаточно написать петицию от населения. Потом назначается референдум,

на котором достаточно получить 50 % плюс 1 голос, и новый муниципалитет будет зарегистрирован. И все же даже при такой достаточно упрощенной процедуре регистрации муниципалитетов их количество значительно отстает от численности жителей. Те же американцы, что живут на «немunicipальной» земле, принадлежат к району. Пример — муниципальное образование в районе Сент-Луиса — муниципалитет Клейтон (всего в округ Сент-Луис входит 91 мелкий муниципалитет). Это типичный городок США: 2,5 квадратных мили (1 миля — 1 480 км.) с населением 16 000 человек. На территории городка Клейтон находится СИЗО, университет, школа. Здесь же размещается правительство округа и района Сент-Луис. В Клейтоне 1 мэр, 6 членов Совета, которые принимают законы, бюджет.

В Клейтоне, как и в большинстве городов США, есть и сити-менеджер и мэр города. Как и в России, сити-менеджер нанимается Советом, а мэр избирается. Более чем в половине городов США система органов власти построена на основе модели «совет-мэр». Совет является выборным органом, избирается путем всеобщих прямых выборов жителями города. Модель «совет-мэр» — старейшая форма городского управления, отражающая традиционное стремление американцев к разделению властей на всех уровнях. Прямые выборы мэра способствуют тому, что он чувствует себя независимым от совета, и это в определенной степени позволяет ему определять местную политику. Мэр избирается чаще всего сроком на четыре — пять лет. Каждая муниципальная хартия устанавливает ряд требований, которым обязан удовлетворять кандидат на пост мэра: обычно это человек не моложе 30 лет, постоянно проживающий на территории соответствующего муниципалитета (в ряде штатов устанавливается временной срок).

Интересны взаимоотношения сити-менеджеров и мэров. Так, в США существует кодекс этики менеджеров городов: нельзя, например, поддерживать мэров на выборах. В Клейтоне свой штат полицейских (на 16 000 населения — 32 полицейских, включая технический состав, тех, кто ведет дела в качестве следователей, а также патрульных). Для примера: в 2011 году в городке Клейтон было 14 тысяч вызовов полиции. Большая ли это нагрузка на одного полицейского? — это определяется специальными аккредитационными нормами, которых всего 460. Раз есть муниципалитет и полиция в нем, значит, нормы соблюдены.

Помимо полиции, в юрисдикцию маленьких муниципалитетов попадают также пожарные службы. Например, в Клейтоне 3 собственных пожарных машины, а также машины скорой помощи. За год вызывают пожарных примерно 1 500 раз, а скорую помощь — 1000. Действия пожарных и врачей «завязаны» на муниципальных финансах: чем выше рейтинг по-

жарных и врачей, тем ниже для населения будет стоить страховка. Муниципалитету есть смысл поддерживать хороший рейтинг пожарных и медиков: например, в Клейтоне рейтинг пожарных на уровне «3» и для населения это 1000 долларов страховки в год, а вот если бы муниципальная пожарная служба опустилась на 5 уровень, то для населения плата возросла бы до 2 000. Чтобы поддерживать в хорошем состоянии пожарную бригаду, их навыки соединили с навыками врачей: обучили реанимационным действиям (тем более что все машины скорой помощи — именно реанимационные), и они могут производить вентиляцию легких, пользоваться дефибриллятором, в случае необходимости — работать на воде.

Интересна система налогообложения в муниципалитете, потому что с налогами связана большая часть жизнедеятельности среднестатистического американца. Например, если житель не подстригает газон вокруг своего дома вовремя, то за него это сделает муниципальная служба, потому что в противном случае неухоженный газон будет снижать стоимость домов, располагающихся по соседству. Но налог этому жителю начислят гораздо больше, чем соседям.

В муниципалитете есть собственная инженерная служба, хотя тендеры на очистку воды, вывоз мусора проводятся на уровне округа. В каждом штате по-разному: иногда эти услуги предоставляются частными компаниями, иногда — наполовину с государственными. Инженеры, например, в Клейтоне сами проектируют освещение, которое закуплено на деньги муниципалитета. В других муниципальных образованиях это может быть переложено по решению властей на частные компании. Кстати, перекладывать часть проблем на решение частным компаниям муниципалитеты не спешат. Логика следующая: сектор, обеспечивающий комфортность проживания населения, очень конкурентный. В этом, помимо блага, заключается и значительная опасность снижения цен для тендера и оказания некачественных услуг. Поэтому, как правило, уборка территории, обучение пожарных и медиков, закупка специальной техники — все это муниципалитеты делают сами.

Как уже было отмечено, муниципалитет ведет уборку территории: еженедельно в центральной части города, и раз в две недели — в жилых кварталах. Для уборки нужна техника, которую каждый муниципалитет закупает весьма активно: так, в среднем на четыре тысячи квадратных километров — 130 муниципальных авто (полицейские машины, снегоуборочные). Соответственно, есть и статья расходов на бензин, дизель и на электричество, ведь в распоряжение американских муниципалитетов все чаще попадают электромобили.

Интересен и вопрос формирования бюджета муниципалитета. Бюджет среднестатистического городка Клейтон — 28 миллионов долларов. Собирается

он из нескольких статей, куда, помимо всего прочего, входят штрафы по решению суда, налоги (все предприниматели, чей бизнес находится хотя бы частично на территории Клейтона, платят еще и за лицензию).

Американцы очень гордятся своей системой местного самоуправления. Она позволяет отстаивать свои интересы, начиная с самых маленьких образований — мелких муниципалитетов — и выстраивать систему контроля за властью вплоть до верховного. Конечно, такая бюрократия у стороннего наблюдателя вызывает путаницу. Например, проблемы международного аэропорта Сент-Луиса должны решаться совместно: мелкий муниципалитет, на территории которого расположен этот аэропорт, плюс руководство округа Сент-Луис, а также руководство района Сент-Луис. Но именно такая система «страхует» от злоупотребления властью и позволяет следить за управленческими решениями.

Без сомнения, сами американцы признают, что созданная ими система далека от совершенства и требует качественного всестороннего улучшения. Именно этому служит курс по муниципальному управлению, введенный в американских школах, различные семинары и симпозиумы, и даже — международное сотрудничество в данной сфере.

Литература:

1. Страны и народы мира. США / пер. с англ. М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008. 96 с.
2. Корявин Л. От небоскребов до «одноэтажной Америки»: как строится в США власть на местах // Российская Федерация. 1994. №12. С. 29-31.
3. Крылова Е. Практика ограничений бюрократии за рубежом / В. Крылова // Государственная служба. 2008. №5 (55). С. 19-27.
4. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: учебное пособие. М., 2006.

References:

1. Countries and nations. USA / transl. From English. M.: ООО TD «Izdatelstvo Mir knigi», 2008. 96 p.
2. Koryavin L. From skyscrapers to “single-storied America”: the structure of self-government in the USA // Rossiyskaya Federatsiya. 1994. №12. P. 29-31.
3. Krilova E. Experience of bureaucracy control abroad / V. Krilova // Gosudarstvennaya sluzhba. 2008. №5 (55). P. 19-27.
4. Busigina I.M. Political regional studies: study book. M., 2006.

ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Заборова Е.Н.

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия), 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, ezaborova@yandex.ru

УДК 352
ББК 66.3,124

В статье анализируются правовые условия реализации местного самоуправления, социально-психологические черты групп «власть» и «население», а также социальные технологии их взаимодействия. Рассматриваются особенности взаимодействия в различных сферах на основе качественного анализа технологий взаимодействия и статистических данных. По результатам анализа автором выделена специфика каждой из технологий взаимодействия, даны рекомендации по эффективному сотрудничеству органов местного самоуправления и населения.

Ключевые слова: местное самоуправление, власть, население, социальные технологии.

Zaborova E.N.

POWER AND POPULATION: ASPECTS OF COOPERATION ON A MUNICIPAL LEVEL

In the article the author analyses legal conditions of self-government implementation, social-psychological features of the groups “power” and “population” and social technologies of their interaction. The author considers peculiarities of cooperation in various spheres on the basis of qualitative analysis of interactive technologies and statistical data. According to the results of the analysis the author identifies the specificity of each of those interactive technologies, gives recommendations on effective cooperation between self-government and population.

Key words: self-government, power, population, social technologies.

Степень демократичности управления определяется тем, насколько полно представлены и учтены интересы всех социальных субъектов, имеющих отношение к принимаемому решению. В авторитарных политических режимах круг задействованных социальных субъектов минимален, по мере движения общества к демократическому устройству он расширяется.

Насколько реализован демократический принцип управления в нашей стране? Насколько активно население в принятии управленческих решений, контроле за качеством их исполнения? Для полного ответа на эти вопросы необходимо: 1) рассмотреть средовые условия, в которых функционируют элементы «власть» и «население»; 2) дать характеристику самих этих элементов как субъектов управленческого процесса с точки зрения их способности (неспособности) реализовывать управленческое взаимодействие; 3) выявить технологии взаимодействия, степень их эффективности.

Средовые условия. Круг факторов, составляющих среду, в которой население проявляет свою гражданскую активность, достаточно широк (экономические, общие политические, исторические, социокультурные,

поселенческие и пр. факторы). Мы в данной статье рассмотрим лишь один фактор — правовой.

В настоящий момент в нашей стране существует законодательная база для реализации демократической модели управления: на уровне муниципальных районов, городских округов и поселений действует ФЗ-№ 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 6 октября 2003 г.), возможность участия населения в управлении делами общества закреплена и в Конституции РФ. ФЗ № 131 предусматривает различные формы привлечения населения к управлению: непосредственное участие (референдумы, сходы, законотворческая инициатива, участие в публичных слушаниях и пр.), и опосредованное — путем выбора своих представителей — депутатов. Можно также добавить наличие у крупных поселений Уставов городов, которые определяют степень участия, формы и механизмы привлечения населения к управлению. Несмотря на то, что все эти документы подвержены изменениям, не являются стабильными, они все же создают правовое поле, в котором возможно реализовывать местное самоуправление как непо-

средственное и под свою ответственность управление самим населением делами местного территориального сообщества.

Однако фактическую реализацию ФЗ № 131 нельзя оценить удовлетворительно. Сегодня стало очевидным, что функционирование системы местного самоуправления не подкрепляется соответствующим финансовым сопровождением: по данным из официальных источников, только малая часть муниципальных образований в состоянии обеспечить баланс между расходами и доходами, что указывает на то, что доходные источники закреплены неверно. За последние годы изменение налогового законодательства привело к резкому сокращению количества налогов, собираемых в муниципальную казну. Так, например, передача штрафов по линии ГИБДД субъекту федерации привела к вычету из муниципального бюджета г. Екатеринбурга более ста млн. руб. ежегодно. В целом от всех сборов, собираемых на территории муниципального образования г. Екатеринбург, собственно в муниципальном образовании остается не более 30 %. Другие, более мелкие областные муниципальные образования практически полностью зависят от дотаций, что позволяет им удовлетворять только некоторые из насущных потребностей. В результате, по данным Министерства регионального развития РФ, в 2008 г. более 80 % поселений частично или полностью делегировали свои полномочия вышестоящим структурам — муниципальным районам. Существующая на сегодня практика такова, что муниципальные районы не передают денежные средства на поселенческий уровень, следовательно, само массовое делегирование полномочий является в действительности дискредитацией поселенческого местного самоуправления. А поскольку приближение власти к населению путем повсеместного внедрения поселенческого уровня местного самоуправления являлось одной из задач нынешней муниципальной реформы, то подобная практика разрушает фундаментальные основы и цели муниципальной реформы в целом [1, с. 39].

Резко сокращается степень реальной самостоятельности органов местного самоуправления. Многие из того, что органы местного самоуправления делали самостоятельно, сегодня диктуется государственной властью: режим выборов городских депутатов по партийным спискам, процедура выборов сити-менеджера и пр.

Компетенции местного самоуправления, как они определены к настоящему моменту, значительно запутаннее по сравнению с тем, как это было изначально заложено в концепции разграничения полномочий в первой редакции ФЗ № 131. С одной стороны, на практике применяется все больше и больше федеральных законов, в которых дается целый перечень полномочий, делегируемых местному самоуправлению. Нередко они выходят за рамки вопросов местного значения, при этом обременение городов полномочиями, как правило,

не сопровождается соответствующим финансированием, что противоречит Закону. С другой, функциональное поле деятельности муниципалитетов сокращается, наблюдается активный тренд в сторону наступления на местную власть. Из сферы компетенции местного самоуправления убраны такие вопросы, как поддержка и обслуживание социально уязвимых групп, участие в регулировании вопросов занятости и трудовых отношений, расчет жилищных субсидий. В целом попытки дальнейшего совершенствования разграничения компетенций успехом не увенчались, скорее наоборот — они свидетельствуют зачастую о все большем их запутывании.

Следует особо сказать об условиях работы муниципальной власти. Это работа в рамках чрезмерного, тотального и многоканального контроля, который осуществляют самые различные вышестоящие структуры.

Еще одна черта, характеризующая условия работы — это нестабильность законодательства. Ситуацию хорошо иллюстрирует такой пример — Устав муниципального образования г. Екатеринбурга — важнейший документ, создающий базу для его функционирования и развития — с момента его издания редактировался более 10 раз!

К сказанному можно добавить, что до сих пор нет четкого разграничения имущества между муниципальными образованиями разных типов, не решен земельный вопрос.

Такая ситуация не является уникальной, характерной только для Урала, она скорее типичная.

Таким образом, давая оценку средовым условиям в их правовом аспекте, следует оценить ситуацию как неоднозначную, в которой формально закрепленные условия с точки зрения их практической реализации имеют скорее негативный тренд. В научных публикациях и в выступлениях практиков с разной степенью жесткости (от мягкого варианта — «идет усиление вертикали власти», до жесткого — «реформа местного самоуправления провалилась») отмечается, что в условиях постоянной централизации, вертикализации, «партизации» власти, местное самоуправление рискует превратиться в государственное управление на местах.

Муниципальная власть как субъект управления.

В организационном плане на муниципальном уровне власть представлена в виде управленческих структур (городская Дума, городская администрация, глава города, сити-менеджер). В личностном плане власть представлена как многочисленные рядовые чиновники (муниципальные служащие) и руководители, лидеры. Важно отметить, что они в своей совокупности образуют особую социальную группу, со своими специфическими целями и интересами, достаточно замкнутую и закрытую от взора исследователей.

Следует подчеркнуть важность этой группы для общества: люди нуждаются в управлении и управляю-

щие — это те, кто берет на себя бремя ответственности за происходящее, кто формирует правила игры, контролирует общественные процессы. По роду своей деятельности управленцы представляют собой группу, требующую образования, квалификации, что, несомненно, объективно позволяет данной группе занимать высокое статусное место в социальной стратификационной системе. Можно также добавить факт уникальности тех руководителей, которые являются подлинными лидерами: лидером может быть далеко не каждый, лидерство считается способностью, которая встречается реже, чем музыкальные или математические способности и, согласно некоторым данным, едва ли 5 % населения имеют врожденную способность к лидерству.

Труд управленцев, несомненно, необходим и важен. Есть достаточно много достижений в работе муниципальной власти, например, принятие Стратегического плана в г. Екатеринбурге, разработка которого велась в прямой увязке с разными социальными группами, в том числе — и с населением. Миллионный город Екатеринбург функционирует стабильно и развивается под руководством местной власти. Однако комплементарные характеристики группы, к сожалению, должны быть дополнены критическими: власть как социальная группа вызывает массу нареканий, а ее функционирование само превратилось в социальную проблему.

Прежде всего, власть представляет собой группу, закрытую от глаз общественности. Закрытость выражается в непрозрачности процесса принятия решений, формальности их презентации в том случае, когда требуются публичные обсуждения, в отсутствии полной информации о ее деятельности.

Можно уже считать классическими обвинения власти в бюрократизме и коррупции. В группе власти есть и другие отрицательные черты [2].

Нередко предпринимаемые властью шаги вызывают негативную реакцию и ведут к возникновению полосы отчуждения между властью и населением. Так, например, некоторые городские депутаты, используя положение «О порядке установления и выплаты ежемесячной доплаты к пенсии лицам, замещавшим должности муниципальной службы», посчитали возможным поработать народными избранниками на освобожденной основе короткое время, тем самым обеспечив себе значительные ежемесячные доплаты к своим личным пенсиям. Такие действия вызывают у населения большие сомнения по поводу мотивов прихода избранников народа во власть, порождают недоверие к власти.

Население как субъект управления. Население как актор политического процесса неоднородно. Его можно рассмотреть в целом, как социальную общность, но можно и в контексте его подразделения на структуры-группы (бизнесмены, общественные движения, ТОС и пр.).

Говоря о населении в целом, отметим, что в не-

давно прошедших выборах главы города и депутатов екатеринбургской городской Думы приняло участие чуть более 30 % избирателей, примерно 15–20 % жителей готовы систематически «подключаться» к решению отдельных городских проблем (наркомагии, уборке территорий, помощи социально уязвимым группам и т. п.). Комментируя эти результаты исходя из чисто количественных данных, можно сказать, что, подавляющая часть населения отчуждена от процесса управления, проявляет равнодушие и гражданскую пассивность. В то же время нельзя игнорировать и эти 20–30 % активных граждан — это триста–четыре тысячи человек, готовых активно действовать постоянно, это сила, при должной организации которой можно достичь очень многого.

Известны мотивы неучастия основной массы горожан в управлении: это уверенность в том, что «от меня ничего не зависит», «все равно ничего не изменится» и занятость своими личными, индивидуальными материальными и социальными проблемами. Такие взгляды — результат исторической практики функционирования власти, когда власть различными способами легко добивалась того, что хотела и роль отдельного рядового человека действительно была несущественной. Между тем, такая позиция не только не конструктивна, но и ошибочна: если человек не пошел на выборы, то, он не сказал «нет» и, следовательно, молчаливо одобрил и допустил к власти тех, о которых потом говорит: «А я их не выбирал!». На таком человеке лежит полная социальная ответственность за то, что произошло. Также ошибочно считать, что ничего не изменяется. Все течет и все изменяется и, как известно, вода камень точит. Что касается занятости населения своими делами, то в данном случае это не оправдывает социальную пассивность, но объясняет ее: в Свердловской области среднемесячная заработная плата в октябре 2012 года составила 25950,6 руб. на одного работника. Исследования показывают, что в Свердловской области при отсутствии зарплаты семьи могут поддержать стандарт привычной жизни 1–3 месяца.

Для понимания населения как субъекта управления, важно учитывать глубинные социально-психологические характеристики этой группы. Так, большое значение имеет образовательный уровень граждан. Свердловская область отличается высоким образовательным уровнем жителей, занимает 2-е место по численности студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования по стране. В то же время в целом по области в образовательной структуре преобладает начальное и среднее профессиональное образование, а общее число людей, имеющих начальное образование, превышает общероссийский показатель [3]. Это обусловлено доминированием в добывающей и тяжелой промышленности рабочих профессий, не требующих высокой квалификации: люди с

начальным и средним профессиональным образованием находят работу на предприятиях. Несомненно, это влияет на адаптивность, мобильность и формы поведения граждан, их способность критически оценивать события и проявлять социальную активность.

У населения области живы ценностные ориентации предшествующего периода. Историческая встроенность экономики уральских городов в вертикаль власти с неизбежностью привела к формированию таких черт, как державность, ответственность перед государством, господство этики настроений. В то же время в целом для российских граждан ценностное отношение к государству скорее можно охарактеризовать термином «опасение», чем «доверие». Ряд авторов отмечает, что в ментальности уральского населения присутствует такая черта, как «фобизм — генетический и исторический страх перед повторяющимися голодом и социально-политическими потрясениями» [4, с. 92]. Это страх не перед прошлым, а перед цикличностью и периодичностью катастрофических событий, которых нужно ожидать и по поводу которых нужно переживать уже сегодня. Однако для населения характерна и мобилизационная активность: в случае постановки важных политических и экономических задач, люди активизируются и проявляют незаурядные таланты и способности.

Горожане осознают себя как земляческую общность (уральцы). Для менталитета граждан важен такой нравственный принцип, как согласие по всем важным вопросам, самосознание, основанное на «общественности» (как приоритет общественных интересов над личными) и коллективизм как принцип решения совместных вопросов. Тем самым в обществе сохраняется социальный мир при минимальном вмешательстве государства.

Семья, в том числе многопоколенная семья, остается приоритетным ценностным компонентом (особенно в малых городах).

Традиционная для уральских городов работа в больших трудовых коллективах породила такую черту городской общности, как развитую способность к коммуникации. Однако доверие горожане испытывают в основном только к самым близким людям, круг общения небольшой. К чужим, не входящим в круг ближайшего окружения, люди испытывают недоверие. Индивидуальное доверие существует только как межличностное, то есть между знакомыми людьми, а безличное доверие между двумя незнакомыми людьми, являющимися представителями одного общества, остается одним из самых слабых элементов социального взаимодействия. Это обстоятельство в значительной степени препятствует консолидации рядовых граждан в организованные структуры, тем самым снижая потенциал воздействия на властные структуры.

Для поведения жителей Урала характерна толерантность как следствие реализации общей миссии

вне зависимости от национальной принадлежности и этнических ценностей. На Урале традиционно мирно сосуществуют представители разных национальностей (русские, татары, украинцы, башкиры, немцы, удмурты). Жители уральских городов Свердловской области в своем большинстве не признают ценностные приоритеты «новых» либеральных ценностей, то есть ценностных основ индивидуализма как принципа активизма, для значительной массы населения это означает отторжение всякого рода инноваций, акцент на стабильность. В поведении населения отмечается такой момент, как «способность забывать пережитые катаклизмы и выполнять свою работу и профессиональные обязанности со спокойной душой уже на следующий день» [4, с. 93]. При этом недоверие к властным структурам и руководителям приводит к политике уклонения от всякой официальной ответственности, к стремлению «держаться подальше от власти», к социальной пассивности.

Для отношений с властью характерна слабость диалога власти и народа, отсутствие опыта отстаивания собственных интересов через коллективные формы. Более популярны индивидуальные контакты (челобитные, административные жалобы). Учитывая ценностную ориентацию на коллективизм как принцип совместного решения вопросов, следует отметить, что для уральцев важно единогласие как фактор легитимности политических решений.

Важно подчеркнуть, что в нашей стране за последние 1,5-2 года появились некоторые признаки активизации гражданского общества. Во-первых, происходит не только консолидация населения в виртуальном интернет-пространстве, но и выход организовавшихся групп в реальное пространство. Так, по некоторым данным, более 50 тыс. человек организовано выходят собирать мусор, благодаря интернет-сообществу «Блогеры против мусора». Достаточно впечатляющими были результаты выборов мэра г. Екатеринбурга, когда победу одержал кандидат, не поддерживаемый властью. При этом основным инструментом в его предвыборной кампании была организация сторонников посредством интернета. Во-вторых, активизировалась протестная активность граждан в форме участия в демонстрациях, митингах, пикетах. В-третьих, некоторая консолидация граждан происходит на уровне местных сообществ — появились ТСЖ (товарищества собственников жилья), члены которых вынуждены объединяться для решения вопросов своего дома. В-четвертых, достаточно отчетливо выделилась неконсолидированная россыпь не просто активных, но даже радикальных граждан, открыто высказывающих свое личное мнение, решительных противостоящих действующей власти.

На Урале консерватизм и в целом индустриальный характер социокультурной матрицы основной части населения сочетается с ярко выраженным новаторским социокультурным трендом передовой части

городской уральской общности. Политическая и творческая элита городов Урала играет существенную роль в развертывании современных общественных процессов не только в рамках родных городов, но и в стране в целом. Сила, креативность и способность к самоорганизации активной части населения города ярко продемонстрировала себя на последних выборах в городскую Думу г. Екатеринбурга.

Ни один из перечисленных процессов пока нельзя считать гарантировано устойчивым или стабильно действующих в направлении развития местного самоуправления, но нельзя не заметить сам факт наличия этих процессов.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно констатировать: для участия населения в управлении средовые условия в их юридическом контексте созданы, хотя их реализация и наблюдаемый тренд развития скорее отрицательны, власть как актор управления достаточно сильна и самодостаточна, но ее функционирование и восприятие ее населением скорее негативны; население скорее пассивно, хотя имеются признаки его активизации.

Технологии взаимодействия власти и населения.

В демократической социальной системе возникают различные, несовпадающие мнения и позиции, требующие режима согласования интересов при принятии управленческих решений. В идеале, управление — это творческий процесс, в котором происходит поиск истины, вырабатывается единое мнение, растет информированность и компетентность каждой из участвующих сторон и, в конечном счете, достигается компромисс мнений и позиций, находится решение проблемы, более адекватное сложившейся ситуации.

Реализация технологии взаимодействия власти и населения должна учитывать ряд общих моментов.

1. Как и всякий общественный процесс, расширение числа участников управленческих решений имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Положительными последствиями являются возможности:

принимать управленческие решения, опираясь на информацию о реальных настроениях людей в поселении, на знания об иерархии наиболее актуальных проблем, требующих оперативного решения;

оценивать отношение людей к постановлениям, решениям, принимаемым законодательной и исполнительной властью;

принимать решения, осознавая степень готовности различных групп населения к принятию и реализации постановлений местной власти, направленных на осуществление перспективных и текущих задач;

понимать расстановку социальных сил: знать городские социальные группы, готовые к активной работе по реализации принятых решений, ориентированные на пассивное ожидание или сопротивление нововведениям;

работать, реализуя идею активного социального партнерства власти и населения, общественных движений, различных партий.

К отрицательным последствиям можно отнести:

усложнение процесса принятия решений, поскольку согласование большого числа различных интересов — процесс более многоступенчатый и трудный;

значительное удлинение сроков принятия решений;

некоторое увеличение материальных затрат, обусловленное возрастанием числа участников управленческого процесса.

2. Для конструктивного взаимодействия власти и населения последнее должно быть консолидировано. Привлекаемые к принятию управленческих решений социальные субъекты чаще всего не обладают необходимой информацией в полном объеме и не имеют навыков ведения конструктивного диалога с властью. Для реализации процесса взаимодействия власти и населения последнее должно консолидироваться. Народ в форме неорганизованной массы — это толпа, со всеми известными признаками этого явления (Г. Тард, Г. Лебон): нескритичностью и упрощенностью мышления, неспособностью глубокого понимания сути вещей, эмоциональностью, легкой воспламеняемостью, способностью подчинять себе личность и пр. Как заметил А. Шопенгауэр, «Толпа имеет глаза и уши, но и только: рассудка у нее чертовски мало и даже мало памяти» [5, с. 62]. В варианте «население как толпа» власть не имеет возможности разговаривать с населением в логике и формате, присущей группе власти, население не способно понять суть управленческих процессов. Вот почему конструктивное взаимодействие между двумя акторами возможно только в режиме, когда население консолидировано и способно воспринимать аргументы противоположной стороны.

3. В современных условиях, с одной стороны, эффективное управление не может быть делом всенародным, типа уличного веча, оно требует профессионализма, т.е. квалифицированных специалистов, имеющих опыт управленческой работы и владеющих разносторонней информацией о социальных процессах; с другой стороны, не должны игнорироваться несомненные положительные результаты широкого участия жителей в процессе управления территорией. Вопрос, следовательно, состоит в том, каковы пространственно-временные границы такого участия, какова его мера.

В многочисленном историческом опыте городов и государств в той или иной степени решалась дилемма: следует ли привлекать некомпетентную массу (широкие слои общественности) к управлению или власть должна принадлежать прежде всего избранным, компетентным (небольшой замкнутой группе людей)? Традиционно в российском государстве «допуск» населения к участию в управлении городскими делами строго контролиро-

вался, при этом к решению этой проблемы подходили по-разному. История доказала опасность абсолютизации как полного народовластия, так и всевластия диктатуры. Стало очевидным, что вопрос участия населения в управлении — это вопрос меры такого участия, вопрос эффективности механизма и многообразия форм взаимодействия систем власти и населения.

4. Не следует ориентироваться на 100 % активность граждан в управлении, важно понимать допустимость вариативности и разнообразия форм участия. Политическая активность горожан может проявляться с разной интенсивностью, в разной степени. Высокая активность выражается в том, что горожане хорошо и постоянно информированы о политических процессах и политических лидерах, сами участвуют в работе городских партий, общественных движений, являются их членами, включены в процесс управленческих решений. Средняя активность проявляется в том, что граждане в основном информированы о политических процессах и ведущих лидерах, но не являются членами политических партии и движений, хотя могут время от времени участвовать в отдельных акциях. Низкая активность — когда люди в основном ограничивают свою политическую активность только участием в выборах. На четвертом уровне (нулевая активность) всякая политическая активность фактически отсутствует, граждане пассивны, не следят за политической информацией и не ходят на выборы. В реальной практике население будет всегда дифференцировано по этим группам, об отрицательной оценке можно говорить в том случае, когда основная масса населения функционирует на четвертом уровне.

В истории и современности разных стран существовали примеры различной политической активности горожан. Так, в период строительства социализма в нашей стране наблюдался очень высокий уровень электоральной активности: в силу жесткого контроля со стороны правящей коммунистической партии фактически все население, имеющее право голосовать, участвовало в выборах. Явка на избирательные участки превышала 90 % избирателей. В то же время в настоящее время в Америке 51 % опрошенных американцев сообщили, что, по их мнению, обычный человек должен принимать то или иное активное участие в жизни своей общины. Но когда был задан вопрос о том, как они проводят свободное время, лишь около 10 % респондентов назвали подобную деятельность [6]. Как правило, только около 5–10 % населения являются политически активными, 15–20 % составляют «информированные», а 40–60 % проявляют активность в самой простой форме — через периодическое участие в выборах. Современная ситуация в России приближается к американской модели.

5. Подъем гражданской активности населения может произойти самопроизвольно, по мере нарас-

тания объективных изменений в городской среде, но этот подъем возможно и организовать, проводя соответствующую целенаправленную политику. Достаточно вспомнить, как умело манипулировала активностью масс коммунистическая партия Советского Союза.

Ключевым, исходным моментом в формировании конструктивного взаимодействия власти и населения, на наш взгляд, является создание режима широкой информированности и роста образованности населения.

Основным каналом получения информации о работе властей сегодня являются средства массовой информации, где явными лидерами выступают интернет, телевидение и радио. Несколько меньшее, но все же достаточно серьезное значение имеют газеты и журналы, а также получение информации через межличностные контакты (общение с коллегами по работе, с соседями). И уже совсем слабо работает наиболее эффективный канал — «живое» общение — контакт представителей городской власти и населения. При этом меньше всего горожане общаются даже не с представителями администрации, а с депутатами — избранныками народа.

При отсутствии информации человек никак не проявляет свою социальную активность, наличие образования позволяет понимать явления глубоко и всестороннее. Информация активизирует граждан, образование — вводит эту активность в конструктивное русло. Всякое сокрытие информации и свертывание системы образования (прежде всего высшего образования) — шаг в сторону превращения населения в послушное и малоактивное, в объект манипулирования со стороны власти. Следует в этой связи обратить внимание на стратегическую программу, принятую губернаторами США «Инновационная Америка», суть которой сводится к идее развития образования как условия и результата инновационного процесса.

Следующим технологическим шагом следует считать консолидацию населения, его развитие от неорганизованных форм активности к организованным, структурированным. В этом случае образуется группа лидеров, возникает более четкое понимание проблем, возможность конструктивного диалога.

Чрезвычайно важно то, что такая самоорганизация граждан должна найти отклик, поддержку в определенной «отколовшейся» части власти, должно произойти сращивание части власти и населения. Вот почему важно даже точечное попадание во власть людей, готовых к диалогу с населением, к работе не ради своих личных корыстных целей, но во имя общественного блага.

Взаимодействие власти и населения должно идти в режиме постоянного диалога, систематической работы.

В развитом гражданском обществе горожане должны принимать участие в управлении городом на всех этапах управленческого процесса: принятия ре-

шения, реализации его в жизнь, контроля за ходом его исполнения.

Среди современных действующих форм привлечения населения к управлению городом можно назвать такие, как общественная палата, организуемая при органах местного самоуправления. Деятельность Общественной палаты направлена на согласование интересов граждан, общественных объединений, органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества в стране. Общественная палата проводит общественную экспертизу социально значимых проектов и правовых актов органов местного самоуправления.

Одной из перспективных технологий взаимодействия власти и населения может стать технология социального участия. Социальное участие — это особый способ выработки, принятия и реализации управленческих решений, предполагающий активное взаимодействие всех субъектов, которых затрагивает данное решение.

Социальное участие получило распространение в США в начале XX века. Идеологом практики вовлечения населения в процессы разработки и оценки принимаемых управленческих решений был английский социолог П. Геддс, который еще в середине 20-х годов разработал два существенных принципа социального участия: принцип двойного информирования (специалисты информируют граждан о целях и планах городского развития, жители информируют об уровне жизни и своих запросах) и принцип взаимодействия в проектировании (специалисты разрабатывают базовые варианты проектов, жители оценивают эти варианты и выдвигают альтернативные предложения).

Взаимодействие власти и населения можно исследовать и в другом контексте — с точки зрения взаимодействия власти и предприятий, организаций, в частности — с малым бизнесом.

Литература:

1. Актуальные вопросы развития местного самоуправления в России и за рубежом: сб. статей / Под ред. А. В. Мадьяровой, Э. Марквардта, Н. М. Мирнова и Л. В. Шапиро. М., 2009.

2. Заборова Е.Н. Город на грани веков: монография. Екатеринбург, УрГЭУ, 2007.
3. Григорович М. А., Иус М. Н. Перспективы и тенденции развития рынка труда и сферы высшего образования Свердловской области. [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-tendentsii-vzaimodeystviya-rynka-truda-i-sfery-vysshego-obrazovaniya-v-sverdlovskoy-oblasti> (дата обращения 29.09.2013).
4. Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв. (Историко-социологический подход). Екатеринбург, 2000.
5. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы // Артур Шопенгауэр. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.
6. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии [электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-lib.ru/book/27/69/69-4/122-134.html> (дата обращения 10.10.2013).

References:

1. Topical issues of self-government development in Russia and abroad: coll. of articles /Edited by A.V. Madyarova, E. Markvardt, N.M. Mironov and L.V. Shapiro. M., 2009.
2. Zaborova E.N. City at the turn of the century: monograph. Ekaterinburg, Ural State University of Economics, 2007.
3. Grigorovitch M.A., Ius M.N. Perspectives and trends of labor market and higher education development in Sverdlovsk region. [e-resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-tendentsii-vzaimodeystviya-rynka-truda-i-sfery-vysshego-obrazovaniya-v-sverdlovskoy-oblasti> (date of reference 29.09.2013).
4. Ethnodemographical development of the Ural region in XIX-XX cc. (Historical-sociological approach). Ekaterinburg, 2000.
5. Schopenhauer A. Aphorisms and maxims // Arthur Schopenhauer. L.: Published by Leningrad university, 1990.
6. Almond G.A., Verba S. Civil culture and democratic stability [e-resource]. URL: <http://www.rus-lib.ru/book/27/69/69-4/122-134.html> (date of reference 10.10.2013).

ПОДРОСТКИ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Лебедева С.В.

преподаватель, аспирант кафедры периодической печати Департамента «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия),
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, lebedev_a62@mail.ru

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

Цель данного исследования - рассмотреть приоритеты подростков в выборе тем информационных сообщений, которые они читают или сами пишут. Автор анализирует ответы учащихся средних и старших классов на вопросы об их интересах, выявляет особенности их отношения к медиа. В ходе подготовки статьи были использованы методы опроса и сравнительного анализа. Результатом исследования стал перечень тем, наиболее интересных для подростков. Школьники пытаются применить в жизни знания, полученные из газет. Эти результаты необходимо учитывать в ходе разработки образовательных программ, в частности, для абитуриентов гуманитарных факультетов вузов.

Ключевые слова: подростки, школьные издания, аудитория, информационные потребности, тематические предпочтения, медиаповедение.

Lebedeva S.V.

TEENAGERS AS A SUBJECT AND OBJECT OF INFORMATIONAL PROCESS

The aim of the given research is to consider priorities of teenagers in choosing topics of informational messages which they read or write independently. The author analyses the answers of the pupils from middle and senior forms to the questions about their interests, identifies peculiarities of their attitude to mass-media. In the article the author used polling methods and methods of comparative analysis. As a result of the research the author introduces a list of topics of the most interest for teenagers. Schoolchildren make an effort to apply their knowledge received from newspapers in reality. These results must be taken into account in the development of curricula, in particular, for applicants of humanitarian departments of universities.

Key words: teenagers, school periodicals, auditorium, information needs, topic-related preferences, media-behavior.

Информационные потребности подрастающего поколения в наши дни являются объектом изучения социологов, филологов, философов. «Формирование информационной Галактики и глобальных информационных полей резко изменяет духовную ситуацию современного мира», – пишет в своей книге «Информационная культура и цельное знание» философ Л. В. Скворцов. [1, с. 27] Исследователь молодежной аудитории С.Б.Цымбаленко считает, что «современные подростки являются барометром общемирового процесса, связанного с информацией, индикатором как позитивных, так и негативных тенденций. Они намного интенсивнее и полнее осваиваются в коммуникационном пространстве». [2, с. 48]

Подтверждение данного тезиса можно считать бурный рост количества школьных изданий, который наблюдался в первом десятилетии XXI века. В част-

ности, по данным паспортизации (составления документов с основными сведениями) печатных школьных СМИ Екатеринбурга, проведенной автором при поддержке городского Управления образования в 2012 году, из 173 средних общеобразовательных учреждений, свою газету или журнал имели 92 школы. В советские времена, до начала перестроечных процессов, в школах существовала лишь стенная печать. Первые представители самостоятельной школьной прессы начали появляться в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Резкому увеличению их числа с наступлением «нулевых» годов способствовало, прежде всего, развитие современных информационных технологий.

Сегодня ученые ввели новый термин – «медиаповедение». «Медиаповедение — это опосредованная система психических, физических и социальных действий индивида или сообщества, сложившаяся в ре-

зультате их взаимодействия с медиасредой, направленная на самореализацию личности и удовлетворение ее информационных и коммуникативных потребностей», – пишет И. В. Жилавская. [3, с.17] Она считает, что «наиболее рефлексивной, созидательной, креативной формой медийного поведения является медиаторчество. Это особый вид творчества, в результате которого рождаются инновационные медийные материалы и духовные ценности». Школьные издания яркий пример медиаторчества представителей подрастающего поколения.

Феномен — если рассматривать значение этого слова как «необычный, исключительный факт, явление» [4, с. 1270] – школьных газет и журналов состоит в том, что авторы публикаций являются частью аудитории своих изданий. Большинство из них не являются постоянно пишущими корреспондентами, подобно штатным корреспондентам во «взрослых» газетах; они приходят на заседания редакции (школьного пресс-центра) периодически, могут прислать заметку (эссе, обзор) именно о том, что их взволновало, о чем хочется узнать им и их одноклассникам. Поэтому представляется обоснованным рассмотреть информационные, и, в частности, тематические предпочтения подростковой аудитории через призму интересов и взглядов ребят, сотрудничающих со школьными газетами и журналами.

Автором данного исследования было проведено выборочное анкетирование юных корреспондентов, участвовавших в конкурсе школьных изданий г. Екате-

ринбурга «Механика мысли» (февраль 2012 г.), в III слете юных корреспондентов г. Нижнего Тагила (февраль 2012 г.), в финале Всероссийского конкурса школьных изданий в Москве (апрель 2012 г.), в фестивале детских и молодежных СМИ «Волжские встречи» в Чебоксарах (май 2012 г.), в фестивале школьных средств массовой информации ХМАО «СМИшка-2012» (ноябрь 2012 г.). В ходе анкетирования были заданы вопросы: «Над какими темами тебе интересно работать как автору?» и «Какие темы, на твой взгляд, привлекают читателей школьных изданий?». Анкета была «закрытой», на оба вопроса были даны по 11 вариантов ответов (набор ответов одинаковый, отмечать можно было желаемое количество вариантов): *о школе и школьных делах, об учащихся школы, их увлечениях, познавательные, расширяющие знания по предметам, о подростковых проблемах, о подростковых интересах, о взаимоотношениях со взрослыми, родителями, «острые темы» – профилактика различных зависимостей, спорт, животные, экология, развлекательные материалы.*

В анкетировании приняли участие 120 юных корреспондентов. Их предпочтения разделились следующим образом (Рисунок 1, указано количество отметок против данного варианта).

Юным авторам больше всего нравится работать над темами о подростковых интересах и над развлекательными материалами, чуть меньше привлекают попытки разобраться в подростковых проблемах. Темы, касающиеся школы, занимают 4 и 5 места в рейтинге,

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Над какими темами тебе интересно работать как автору?»

далее идут профилактика зависимостей, спорт, взаимоотношения с родителями, экология, познавательные темы.

Ответы на вопрос о том, какие темы, на взгляд респондентов, привлекают внимание читательской аудитории в школе, идентичны: примерно такое же соотношение цифр (Рисунок 2). Отметим, что варианты «развлекательные» темы, «о подростковых интересах» и «о подростковых проблемах» в опросе, касающемся читательской аудитории, набрали еще больше отметок, а меньше всего набрал вариант «животные, экология».

Основная часть школьников, принимавших участие в анкетировании, – учащиеся старших классов, параллели 9-11-х. Однако 16 респондентов в вопросе о возрасте написали, что они — ученики 6-8-х классов. Эти анкеты не вошли в общее число, они были выделены в особую группу и проанализированы отдельно. Цель такого выделения — выяснить, насколько отличаются интересы ребят так называемого «среднего школьного возраста» от старшеклассников. Оказалось, что в их тематических предпочтениях есть небольшие, но, все же, значимые расхождения (Рисунок 3).

В частности, среди тем, над которыми им интересно работать в качестве авторов, на первое место ученики 6-8 классов поставили «развлекательные», на втором оказались «о школе и школьных делах» и «об учащихся школы, их увлечениях», на третьем «о подростковых интересах». А вот востребованная старшеклассниками тема «о подростковых проблемах» заняла в данном случае предпоследнее место, пропустив

вперед мало интересующие учащихся 9-11-х классов темы «животные и экология» и «спорт».

Полученные результаты наглядно продемонстрировали существующую разницу в интересах учащихся средних и старших классов: средние с большим любопытством относятся к миру вокруг, их еще мало задевают проблемы подросткового возраста, в то время как старшие уже больше пытаются разобраться в себе и в отношениях с окружающими.

Тематические предпочтения подростков путем контент-анализа самостоятельных детско-юношеских изданий пытался выяснить и А.В.Шариков, на которого ссылается упомянутый выше исследователь С.Б.Цымбаленко. [2, с. 38]. Рассмотрев 60 газет из 15 городов России за каждый год, начиная с 1991-го и кончая 2005-м, он пришел к выводу, что чаще всего на протяжении 15 лет повторялись темы, «затрагивающие отношения между детьми и взрослыми в ближайшем социальном окружении», а так же отношения и конфликты между самими ребятами.

Сравнивая данные, полученные А.В. Шариковым, и результаты проведенного нами анкетирования, можно сделать несколько вывод: активная пропаганда развлекательного компонента всех видов СМИ сказалась на тематических предпочтениях современных подростков, в последние годы явно прослеживается сдвиг их приоритетов в сторону сферы развлечений. В то же время, интерес к «ближайшему социальному окружению» по-прежнему высок, причем на первый план выходят проблемы межличностных отношений

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие темы, на твой взгляд, привлекают читателей школьных изданий?»

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Над какими темами тебе интересно работать как автору?» (6-8 класс)

самих подростков, а не их отношений со взрослыми.

«Подростки проявляют наибольший интерес к вопросам из их актуального настоящего, реальной жизнедеятельности, которые пытаются переварить и перенести в область личного опыта, личных знаний», – считает С.Б.Цымбаленко [2, с. 41]. Именно эту потребность — перенести полученную в ходе сотрудничества со школьным изданием или прочтения опубликованных там материалов, в частности, о подростковых проблемах и интересах, в область личного опыта — можно считать важнейшим компонентом медиаповедения сегодняшних старших школьников. Возможности ее реализовать в ближайшее время расширятся: в разрабатываемый сейчас новый Федеральный государственный образовательный стандарт планируется ввести новую норму, согласно которой в каждом общеобразовательном учреждении должно быть свое издание, в печатном или электронном виде.

Литература:

1. Сковцов Л. В. Информационная культура и цельное знание. М.: Издательство МБА, 2011. 440 с.
2. Цымбаленко С. Б. Подросток в информационном мире: практика социального проектирования. М.: НИИ школьных технологий, 2010. 256 с.
3. Жилавская И. В. Медиаповедение личности.

Материалы к курсу. Учебное пособие. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. 91 с.

4. Большой энциклопедический словарь. 2-у издание, переработ. и дополн. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», СПб.: «Норинт», 2011. 1456 с.

References:

1. Skvortsov L.V. Information culture and entire knowledge. M.: Published by MBA, 2011. 440 p.
2. Tsimbalenko S.B. A teenager in the information world: experience of social designing. M.: Research institute of school technologies, 2010. 256 p.
3. Zhilavskaya I.V. Mediabehavior of a person. Materials for the course. Study book. M.: RITs MGGU after M.A. Sholokhov, 2012. 91 p.
4. Comprehensive encyclopedic dictionary. 2nd edition, revised and corrected. M.: Published by "Gross Russian encyclopedia", StPetersburg: "Norint", 2011. 1456 p.

ОПЫТ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1920-1922 ГОДАХ

Панькин С.И.

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия, история и право»
Челябинского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Россия),
454000, Россия, г. Челябинск, ул. Работниц, д. 58, pstanislav78@yandex.ru

УДК 9(470.55/.58)
ББК 63.3(235.557)

Статья посвящена альтернативам силового решения повстанческого движения в России в 1920-1922 годах. Выявлены особенности переговоров Советской власти и оппозиции в регионе, проанализированы нормативные документы, созданные в результате политического компромисса.

Ключевые слова: гражданская война, антисоветские восстания, повстанчество, мирные переговоры.

Pankin S.I.

EXPERIENCE OF PACIFIC SETTLEMENT OF ARMED CONFLICTS BETWEEN THE POWER AND THE OPPOSITION IN THE SOUTHERN URAL REGION IN 1920-1922

The article is devoted to alternatives of the solution by force of insurrectionary movement in Russia in 1920-1922. The author introduces peculiarities of negotiations between the power and the opposition in the region, analyses normative acts produced as a result of political compromise.

Key words: civil war, anti-Soviet rebellion, insurrectionary movement, peaceful negotiations.

В 1920-1922 гг. Южный Урал, как и ряд других регионов России, являлся ареной вооруженного противостояния между советской властью и широко-масштабным повстанческим движением. Ведущей причиной восстаний явилась продовольственная политика, методы ее проведения и террор. Помимо силовой ликвидации отрядов, с практикой заложничества, расстрелами пленных, коммунистическая власть на центральном и местном уровнях искала и мирные средства, неоднократно идя на уступки. Изучение темы переговоров на завершающем этапе гражданской войны позволит объяснить особенности становления советского государства и права в этот переломный для российского общества период, а значит уточнить содержание отечественной правовой системы в эпоху социализма. В исследованиях по заявленной теме процессы мирного урегулирования вооруженного противостояния не являлись предметом специального анализа, а рассматривались в контексте повстанческого, крестьянского, национального движения или партийно-советского строительства в регионах [3, 6, 10, 11].

Среди советской элиты на местах, в числе прочих были и те, кто участвовал в работе комиссий по сдаче в плен белогвардейцев и других контактах с про-

тивниками в ходе Гражданской войны. Подвижниками выступали лица, осознававшие причины происходящего, возможные последствия силового решения и собственные перспективы.

Нередко инициативу проявляли карательные части. В феврале 1920 г. в Нижне-Алабугской волости Курганского уезда уполномоченный Комиссии по борьбе с дезертирством Л. Клейн бескровно ликвидировал т.н. «Синюю армию» дезертиров, пообещав разобраться с выплатой пособий семьям красноармейцев и с самоуправством местного военкома. Другой уполномоченный, Мешков, в мае 1920 г. пообещал от имени уездной власти Кустаная скорой отправки дезертиров на фронт и выполнение их требований, чем добился сдачи 150 чел. «банды» Логинова. Командир эскадрона Охранюк осенью 1920 г. на свой страх предложил повстанцам села Чукари-Ивановка в Башкирии сложить оружие, гарантируя жизнь. Многие сдались, но это не спасло их от наказания, вынесенного Трибуналом [1]. Данные миротворческие процедуры нельзя однозначно отнести к переговорам, по факту это сдача на некоторых условиях, продиктованных желанием уберечь себя и близких от расправы. То есть основные болевые точки, на которые нажимали инициативные

представители карательных отрядов — это гарантия неприкосновенности семей повстанцев, их защита от произвола представителей местной администрации, нередко сводивших личные счеты. Предмет соглашений — разоружение и сдача с неопределенными перспективами уголовного преследования, часто во внесудебном порядке (коллегиями ЧК, опертройками и т.п.)

Яркий пример мирного прекращения противостояния имел место в Башкирии осенью 1920г. Республиканская власть и повстанцы, в ходе переговоров, пришли к политическому компромиссу, удовлетворившему обе стороны. Инициатива исходила от повстанцев, передавших в ноябре свои предложения в БашОбком РКП(б), где решили направить к ним делегацию и создать комиссию по сдаче в селе Петровском. Необходимо уточнить, что восставшие гарантировали сложить оружие на определенных условиях, а коммунисты обещали амнистию при добровольной явке в течение трех недель после выработки окончательного соглашения. Контролировать процесс на месте должна была совместная «Комиссия по проведению перехода на сторону Советов», которой передавалась вся полнота власти в районе восстания [2]. Заслуживает внимания готовность власти республиканского уровня к диалогу с повстанцами и особенно подтверждение их полномочий в составе совместной комиссии, обретавшей т.о. легитимность со стороны обеих противоборствующих сил. Данный опыт актуален и для новейшей истории. Так, по итогам переговоров с боевиками в Хасавюрте в 1996г. на переходный период создавались совместные комендатуры, деятельность которых символизирует окончание первой Чеченской кампании. Подобная ситуация в 1920г. оказалась возможной лишь при определенных условиях, связанных не только с усталостью от войны и взаимного террора. Лидеров повстанцев и руководство БашОбкома в прошлом связывали служба у белых, в Красной Армии и работа в местных структурах власти. Так, эмиссары, попав на линию фронта, благодаря знакомству с полевыми командирами сразу наладили контакт с ними, по этому принципу и подбирали делегатов. Здесь опробовали технологии умиротворения: совместный митинг крестьян, повстанцев и делегатов БашОбкома, их сопровождение уже «бандитским отрядом» в следующий пункт экспедиции село Темясово, где и начались переговоры.

Лидеры повстанцев озвучили требования: считать их не исключенными из РКП(б), всеобщая амнистия, вольная торговля, обязательное присутствие двух третей башкир во всех органах власти, предание суду частей и лиц, проводивших террор в отношении жителей [3, с. 135]. Делегация не уполномоченная на утверждение всех пунктов, телеграфно запрашивала Стерлитамак. Ряд вопросов остался открытым, по другим достигли договоренности и миротворческий

процесс набирал обороты. Отдельные представители с обеих сторон умышленно затягивали переговоры. Одни в надежде, что уставшие от ожесточенной борьбы рядовые повстанцы и население заставят своих командиров пойти на мир по ограниченному варианту БашОбкома, другие требовали, чтобы повстанцы не сдавали оружия, по крайней мере, сначала разошлись по домам. Даже самые ретивые карательные отряды не могли не признать легитимность происходящих переговоров под страхом оказаться вне закона и попасть между двух огней. С другой стороны популярные полевые командиры могли и не признать выработанные условия. Таких «непримиримых» лидеров, как Х. Унасова, убеждали уже члены совместной комиссии.

Сомневающиеся оставались с обеих сторон, но в конце ноября 1920г. ситуация внезапно обострилась. В русских селах Зилаирского кантона вспыхнуло восстание, охватившее большую территорию [4, с. 147-150]. Эти обстоятельства заставили коммунистов идти на уступки. В Темясово начала работу комиссия по расследованию преступлений чекиста В. Поленова с соучастниками, вскрывшая многочисленные факты жестоких расправ над жителями. В итоге 26.11.1920г. представители, Башобкома РКП(б), БашЦика и «восставших граждан» подписали окончательное соглашение, изданное в воззвании «Ко всем гражданам БАСР». Этот документ выдержан в спокойном тоне. Основная идея - выступления проходили против действий конкретных лиц «русской народности... проявивших недопустимый шовинизм». Лидеры повстанцев названы в договоре «оторвавшейся от правительства башкирской группой», не имевшей «контрреволюционных устремлений» и разногласий с Центром БАСР. Сами события обозначены в документе как «недоразумение с частичными вооруженными столкновениями, породившими партизанщину».

Повстанцы добились полной амнистии всем перешедшим с оружием, создания комиссии по разбирательству действий, «совершенных во время восстания», то есть за убийства коммунистов, захват складов, порчу госимущества виновные отвечали только перед ней. Лица призывного возраста отправлялись в РККА, причем со своим оружием, нередко во главе прежних командиров, а остальные - по домам. Объявлялось, что члены «РВС повстанческой Башкирской Красной Армии» и другие лидеры «привлекаются к работе в правительстве БАСР». Они же и представители БашОбкома заклеили продолжавших сопротивление крестьян Зилаирского кантона как «контрреволюционную кулацкую свору», которую решили «давить самым беспощадным образом» [5]. Из текста соглашения и последующих событий видно, что проявляя политическую волю, стороны использовали международно-правовой принцип изъятия пленных и сдавшихся комбатантов из-под действия уголовного закона

Советской России на основании признания повстанцев воюющей стороной. Ряд повстанцев получили ответственные посты вплоть до замнаркомвоена БАСР (С. Мурзабулатов) и предревтрибунала республики (Т. Имаков) [6, с. 313]. В итоге в конце 1920г. в Башкирии наступило относительное затишье. Стоит отметить, что Обком пошел на переговоры после осознания всей пагубности ситуации, в частности «перегибов» В. Поленова. Повстанцы, большинство требований которых было выполнено, по сути, подтвердили свою правоту и легитимность. Но говорить об их победе все-таки нельзя, так как часть лидеров уничтожили, другие, имея немало соратников, продолжали сопротивление и в 1921г.

Рассмотренный пример показывает, что в урегулировании повстанческого движения право играло определенную роль, вводя этот во многом стихийный политический процесс в нормативные рамки. В большинстве случаев реализовывалась следующая схема. Договоренности, достигнутые в ходе соглашений, воплощались в совместных постановлениях и резолюциях. Исполнение таких решений, как разоружение, разбор конфликтных ситуаций и трибунальное правосудие в отношении виновных с обеих сторон, возлагалось на представителей совместных комиссий или партийно-советских структур, где, на основании политических соглашений, ряд ответственных постов занимали вчерашние повстанцы.

Не все конфликты разрешались мирным путем. Летом 1921г., после подавления ведущих очагов Западносибирского восстания в пределах Челябинской губернии, Губком РКП(б) решил поддержать инициативу нескольких отрядов, «изъявивших желание сдать на определенных условиях». На первом этапе, когда переговоры вели уполномоченные ГубЧК, они зашли в тупик. Повстанцам заявили, что «большинство, за исключением части сознательных, помилуют», последние от таких условий отказались [7]. Губком РКП(б) поручил выехать к «руководителям бандитов» губвоенкому А.Б. Каврайскому. По итогам поездки он представил доклад, где изложил заявленные ему условия сдачи: разоружение коммунистов в сельской местности и отмена трудповинности. То есть повстанцы соглашались на объективный суд и вопрос об амнистии не ставился. По итогам А.Б. Каврайский предлагал запретить самосуды, пообещав амнистировать сдавшихся и взять заложников из семей повстанцев-добровольцев. Его предложения воплотились в приказе Губкома и Губисполкома, изданном 18.06.1921г. в виде обращения к «обманутым белогвардейцами». Всем сдавшимся в течение месяца (до 17.07.1921) после прохождения «политшколы» обещали освобождение от ответственности. Войскам и местным органам власти запрещалось творить самосуд под страхом наказания. Волисполкомы обязали взять по одному тру-

доспособному заложнику (любого пола) отправить в Курган, что и было сделано [8]. Значительной явки не произошло, оружие сдали в основном молодые мобилизованные повстанцами крестьяне. Переговоры не увенчались успехом, а инициатива чекистов объясняется опасением восстания в казачьих районах Куртамышского уезда и его слияния с имеющимися очагами сопротивления. В то же время в Башкирии результатом переговоров явилась сдача крупного отряда, а по сути - исчезла угроза очередной волны взаимного террора.

В июне 1921г., после поражения повстанческой «армии» Черского, входившие в нее башкиры вернулись в Бурзян-Тангауровский кантон во главе с Ф. Магасумовым и Г. Амантаевым. Захватив обоз с продовольствием в селе Юлук, они передали в местный исполком «соглашение перейти» на сторону Советов, при условии «вливать их войска в любую войсковую часть БССР». Свои взгляды Г. Амантаев озвучил так: «Боремся за самостоятельную Башреспублику, но не за коммунию». Предисполкома кантона К. Идельгужин, активный участник переговоров в ноябре 1920г., убедил местные власти «гарантировать жизнь и свободу», связался с БашЦиком, и был телеграфно уполномочен на переговоры. В ходе «горячих прений» стороны вынесли постановление «О переходе повстанческих войск на сторону Сов. власти», где особо подчеркивалась недопустимость «прошлогодней истории повстанческих войск, окончившейся убийством некоторых руководителей». К постановлению прилагались условия сдачи: амнистия, прекращение военных действий, создание из повстанцев призывного возраста отдельной боевой единицы, роспуск по домам остальных, учет при построении власти требования «повстанческих войск» [9]. Непримиримые во главе с Ф. Магасумовым и Усмановым ушли в горы, где сопротивлялись и пали в боях.

Благополучный исход таких процедур во многом зависел от позиции руководителей на местах, нередко бывших повстанцев. Они являлись посредниками и сдерживали радикалов с обеих сторон. Но переговоры могли быть и тактической уловкой с целью взять паузу, выиграть время. Так, находясь в Уильском укреплении лидер «Восставших войск воли народа» В. Серов в 1922г. установил связь с командованием Заволжского военного округа, используя как повод объявленную амнистию. Реальная причина - большое количество раненых и больных, которым требовалось время, чтобы вернуться в строй. Сторонам удалось добиться перемирия на период с 26 января по 9 февраля. Попытка В. Серова продлить его по окончании не имела успеха - по настоянию главкома РСФСР С.С. Каменева, но повстанцы добились желаемого восстановив свою боеспособность [10, с. 166-167].

Соглашения заключались и с отдельными лидерами, даже растерявшими бойцов. Заинтересованность в них объясняется стремлением прекратить движение

на рубеже 1921-1922 гг. любыми средствами. Значимым в настоящем и прошлом лидерам, обещали жизнь и свободу, в обмен на публичные заявления и обращения к уцелевшим повстанцам с призывом прекратить сопротивление. Предметом «торга» выступала также безопасность родственников, друзей и сотен пленных. По мнению некоторых исследователей, переговоры свидетельствуют «о коренном переломе повстанческого движения» [11, с. 330]. Но скорее стоит признать, хотя и с оговорками, что успешные соглашения и их реализация – это успех в большей степени повстанцев, чем власти, а согласие восставших на переговоры доказывало, что они взялись за оружие вынужденно.

На местном уровне ситуацию пытались разрешить обе стороны, а кто начинал мирные контакты – было не суть важно. Всё же в большинстве случаев инициатива начать диалог исходила от повстанцев, хотя единства в их лагере на счет всех условий не было. У Советской власти в регионах также отсутствовала единая линия и последовательная позиция относительно переговоров с восставшими: все зависело от времени их проведения и местных условий. Но партийные руководители различного уровня спокойно шли на переговоры с «бандитами» не боясь растерять свой авторитет, демонстрируя готовность соблюдать условия соглашений длительное время, что в ряде случаев и происходило. Стороны руководствовались главной общей целью — остановить кровопролитие и в процессе диалога не вдавались в идеологические дискуссии. Повстанцы соглашались на переговоры только с центральной властью, или как минимум губернского уровня, а коммунисты были готовы общаться со всеми, не редко предлагая разные условия отдельным группам, тем самым способствуя расколу, из-за чего окончательные условия признавали не все и всегда оставались непримиримые. В целом переговоры являлись альтернативой силовому решению, сокращали объемы насилия, а ряд удачных попыток приводил к компромиссу, когда повстанцев принимали во властные структуры, и они приносили с собой свое видение. Но главное, что участники противостояния и жители получали возможность вернуться к нормальному существованию, без лишних жертв.

Итак, история «малой» Гражданской войны в регионе показывает, что не все вопросы решались путем насилия. Реализовывались альтернативные модели мирного урегулирования внутрисюдаственных вооруженных конфликтов. Изучение этого опыта позволяет рассмотреть процесс правообразования снизу, на конкретных примерах, когда новые нормы возникали не императивным путем, а являлись продуктом политических соглашений. На пути к компромиссу стороны руководствовались не «революционной законностью» или религиозными заповедями, а исходили из принципов международного права и здраво-

го смысла. Исследование данных процессов и роли в них права, различных институтов власти, социальных групп представляет интерес, как в теоретическом так и в практическом смыслах.

Литература:

1. ОГАЧО. ФР-97. Оп.2. Д.134. Л.9, ФП-77. Оп.1. Д.127. Л.1, ЦДНИОО Ф.6002. Оп.1. Д.70. Л.99.
2. ЦГА ОО РБ. ФП-1832. Оп.4. Д. 305. ЛЛ.133-142.
3. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, «Оренбургская губерния», 1999. 316с.
4. Ишбулатов Ф.А. «Вы поели наших кур и яиц». Вооруженное восстание в поселке Чукари-Ивановка, 1920 // Гостинный двор (Оренбург) 2000. № 11. С.147-150.
5. ЦГА ОО РБ. ФП-1832. Оп.2. Д.184. ЛЛ.1-1(Об).
6. Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). Уфа: Китап, 2000.
7. ОГАЧО. ФП-77. Оп.1. Д.344. Л.133(Об).
8. ОГАЧО. ФП-77. Оп.1. Д. 241. ЛЛ.111-114, Д.344. Л.136.
9. ЦГИА РБ. ФР-1238. Оп.1. Д.17. ЛЛ.17-20(Об).
10. Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920-1922 гг.). Алма-Ата, 1984.
11. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М.: «Янус -К», 2001. 544 с.

References:

1. OGACHO. FR-97. Op. D.134. L.9, FP-77. Op.1 D.127. L.1, TsDNIOO F.6002. Op.1. D.70. L.99.
2. TsGA OO RB. FP-1832. Op.4. D. 305. LL.133-142.
3. Safonov D.A. Great peasants' war of 1920-1921 and the Southern Ural region. Orenburg, "Orenburg province", 1999. 316p.
4. Ishbulatov F.A. "You have eaten our chickens and eggs". Armed revolution in the settlement Chukari-Ivanovka, 1920 // Gostinniy dvor (Orenburg) 2000. № 11. P.147-150.
5. TsGA OO RB. FP-1832. Op.2. D.184. LL.1 – 1 (Ob).
6. Kulsharipov M.M. Bashkir national movement (1917 – 1921). Ufa: Kitap, 2000.
7. OGACHO. FP-77. Op. 1. D.344. L.133 (Ob).
8. OGACHO. FP-77. Op. 1. D.241. LL.111-114, D.344. L.136.
9. TsGIA RB. FR-1238. Op.1. D.17. LL.17-20 (Ob)
10. Grigoryev V.K. Defeat of petit bourgeois counterrevolution in Kazakhstan (1920-1922). Alma-Ata, 1984.
11. Kondrashin V.V. Peasants' movement in Povolzhye in 1918-1922. M.: «Yanus-K», 2001. 544 p.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТРАЕКТОРИИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Боднарчук Т.Л.

аспирант, младший научный сотрудник, Институт экономики и прогнозирования Национальной академии наук Украины (Украина), 32300, Украина, Хмельницкая обл., г. Каменец-Подольский, пер. Шевченка, д. 14, tylya.ru@mail.ru

УДК 339.9.012.435

ББК 65.050.1

Статья посвящена исследованию методов и инструментов политики протекционизма в современных условиях экономического развития стран и отдельных особенностей исторической практики использования охранной политики. Проанализированы цели и особенности практической реализации охранной политики в эпоху меркантилизма. Большое внимание уделено исследованию специфики методов реализации классического протекционизма. Указаны факторы влияния на практические меры использования современного неопротекционизма, определены основные методы и инструменты политики покровительства отечественному производителю в условиях экономической глобализации.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, меркантилизм, классический протекционизм, неопротекционизм, таможенно-тарифные и экономические методы протекционизма.

Bodnarchuk T.L.

ANALYSIS OF MODERN TENDENCIES IN PROTECTIONISM DEVELOPMENT WITHIN THE CONTEXT OF TRAJECTORY OF THE PREVIOUS DEVELOPMENT

The article is devoted to the research of some protection methods and instruments in the modern conditions for the economic development of countries and to some peculiarities of the historical practice of protectionism. The targets and features of practical implementation of guard policy in the era of mercantilism are analyzed. Great attention is paid to the investigation of the mechanism for the implementation of classical protectionism. The impact factors of practical measures of modern neoprotectionism are indicated, the main methods and instruments of patronizing policy in the terms of economic globalization are determined.

Key words: foreign economic activity, mercantilism, classical protectionism, neoprotectionism, customs and tariff and economic methods of protectionism.

В современной глобальной среде внешнеэкономическая деятельность большинства стран развивается согласно принципам либерализации и масштабной интеграции. Национальные экономики становятся все более зависимыми от конъюнктуры мирового рынка, теряя при этом экономическую самостоятельность и

становясь все более зависимыми от тенденций развития международной экономики, свидетельством чему стал недавний финансово-экономический кризис. На первый взгляд, эффективным и рациональным механизмом выхода из этой ситуации мог бы стать протекционизм, но тесная связь большинства стран второго

эшелона с ведущими международными финансовыми и торговыми институтами значительно усложняют возможность использования политики национального покровительства. В связи с этим, актуализируется вопрос исследования трендов развития протекционизма и поиска наиболее подходящих форм и механизмов реализации покровительственной политики в современных условиях с учетом траектории предшествующего развития на основе анализа исторической эволюции теоретических концепций и практики протекционизма в предыдущие эпохи.

Выяснение особенностей и проблем современного развития политики протекционизма возможно только на основе использования методологического подхода теории зависимости от траектории предшествующего развития. Исходя из этой концепции, можно предположить, что современные тенденции развития протекционизма в странах второго эшелона во многом определяются исторической практикой применения политики государственного покровительства. Научная ценность такого подхода заключается не только в возможности выяснения источников современных проблем в сфере международного экономического взаимодействия, но и выявления наиболее эффективных механизмов реализации протекционизма для стран второго эшелона на современном этапе развития.

Начальной формой протекционизма был меркантилизм, который концептуально сформировавшись в XVI в., в течение двух веков был экономической идеологией большинства стран Европы до возникновения идей фритредерства, провозглашенных А. Смитом. Ранний меркантилизм (монетарный) развивался в начальный период разложения натурального и роста денежного хозяйства, а также в эпоху постоянных военных конфликтов за новые рынки сбыта. В основе монетарного меркантилизма лежала система денежного баланса, которая обосновывала категорию денег как национальное богатство. Поэтому неудивительно, что политика торговых ограничений в этот период, направленная на запрещение вывоза денег, драгоценных металлов и всестороннее ограничение импорта, реализовывалась, главным образом, через административные меры. Развитие мануфактурного производства, рост промышленного и торгового капитала способствовали переоценке идей раннего меркантилизма, что привело к смене приоритетов и механизмов политики протекционизма.

Идеи позднего меркантилизма, наиболее четко обоснованные в свое время Т. Манном, основывались на теории активного торгового баланса, а главным его принципом было накопление капитала и обогащение страны посредством односторонней внешней торговли (стимулирование экспорта и запрещение импорта). В этот период был апробирован целый арсенал экономических механизмов политики торговых ограничений,

которая имела открытый и довольно агрессивный характер. Прямыми инструментами протекционизма были экспортные и импортные пошлины, эмбарго, торговые премии, мануфактурные субсидии, государственные заказы, демпинг, снижение налогового бремени на экспорт товаров отечественного производства и импортную транзитную продукцию, запреты использования заграничных товаров внутри страны и т.д. Среди не прямых методов протекционистской политики следует отметить следующие: собственное производство импортных товаров, рациональное использование природных ресурсов, спекулятивная торговля, поощрение колониальной экспансии, развитие транзита, навигационные акты, торговые договора [1, с. 9-19]. Все эти меры были направлены на продуктивное использование капиталов внутри страны через развитие внутреннего производства, что, в принципе, и определило название этого периода — мануфактурный меркантилизм. Необходимо подчеркнуть, что на этапе позднего меркантилизма административные меры торговых ограничений выдвигались на второй план, предпочтение отдавалось открытым экономическим методам охранной политики, направленным на достижение позитивного торгового баланса и умножение национального богатства. Именно на этом этапе оформились теоретические принципы концепции меркантилизма, в которой протекционизм рассматривался как эффективное средство стимулирования внешней торговли, в особенности интенсификации отечественного экспорта.

В течении XIX – начала XX века в научных трудах ученых-экономистов, в частности, Ф. Листа, Дж. Чемберлена, Р. Солсбери, А. Бальфура, Д. Менделеева, С. Витте, сформировалась теоретическая концепция классического протекционизма, были определены практические особенности его использования. С одной стороны, развитие идей фритредерства, с другой, развитие капитализма, промышленно-техническая революция способствовали либерализации торговых режимов большинства промышленно-развитых стран, в то время, как страны второго эшелона придерживались принципов позднего меркантилизма и сохранили защитный характер своей экономической политики. Ее основной целью оставалось стремление увеличить финансовый капитал, но если в период развития меркантилизма средством обогащения страны считалась внешняя торговля, то теперь в качестве источника национального благосостояния рассматривалась промышленность. Соответственно, расширилась функциональная роль протекционизма: наряду с фискальной большое значение имела его охранная функция, то есть покровительство национальному производителю и торговцу.

Система инструментов классического протекционизма в указанный исторический период соответ-

ствовала основным целям экономической политики большинства государств второго эшелона, к которым относилась и Российская империя. Для характеристики наиболее распространенных механизмов реализации протекционизма развивающимися странами в XIX – начале XX века на примере Российской империи, воспользуемся классификацией методов охранной политики, предложенной А. Киреевым:

- тарифные (таможенные пошлины, тарифная квота);
- нетарифные:
 - количественные (квотирование, лицензирование, «добровольные ограничения», эмбарго);
 - скрытые (государственные закупки, технические барьеры, налоги и сборы);
 - финансовые (субсидии, кредитование, демпинг) [2, с. 200].

Результаты исследования показали, что основной целью использования таможенно-пограничных инструментов классического протекционизма в Российской империи было увеличение государственного тарифного дохода, покровительственные цели имели второстепенное значение, поэтому до конца XIX века интенсивность их использования снижается. Ведущая роль в достижении фискальной функции таможенного протекционизма принадлежит импортным пошлинам, а такие методы, как экспортные пошлины и эмбарго теряют свое экономическое значение. Типичные для того времени таможенные сборы и платежи, такие как ластовый, якорный, карантинный, складской сбор, платежи за канцелярские услуги, таможенный осмотр и контроль транспортного средства, клеймение продукции, использовались скорее для урегулирования, а не для ограничения экспортно-импортных операций. В этот период развиваются такие методы охранной политики как лицензирование, квотирование, патентирование, административный характер которых выражался в предоставлении прав на внешнеэкономическую деятельность отдельным экономическим группам. По нашему мнению, снижение интенсивности использования таможенного инструментария было связано, во-первых, с усилением уровня продовольственной взаимозависимости стран, а во-вторых, с острой потребностью развития промышленности в странах второго эшелона, в том числе в Российской империи. Соответственно, большое значение приобретали внутренние экономические и финансовые методы протекционистской политики, а именно государственные заказы, субсидии, налоговые льготы, валютно-кредитные инструменты.

Государственные заказы как метод классического промышленного протекционизма интенсивно использовались во второй половине XIX в. и гарантировали отечественным предприятиям сбыт продукции и покрытие производственных затрат. Наибольшая

доля государственных заказов приходилась на сферы железнодорожного строительства, металлургии, машиностроения и судостроения, военной и суконной отрасли. Если говорить об эффективности данного метода, то следует отметить, что до конца XIX века его роль в содействии развитию стратегических отраслей национальной экономики была довольно велика: государственные заказы повышали рентабельность отечественных предприятий и способствовали притоку иностранного капитала. Однако в начале XX века проявились негативные результаты такой политики – чрезмерное государственное покровительство способствовало монополизации указанных отраслей отечественного хозяйства через механизм синдицирования, что привело к снижению эффективности государственных заказов как механизма протекционной политики и как способа обеспечения государства необходимыми товарами и услугами.

Аналогические последствия для экономики имело и использование промышленных субсидий. В основном они были именные и предоставлялись конкретным предприятиям в суконной, сахарной, шелковой, шерстяной отраслях, в сфере тяжелой индустрии и торгового мореплавания. Промышленное субсидирование осуществлялось через казенное финансирование закупок сырья, машинного оборудования, бесплатное предоставление частным структурам трудовых и природных ресурсов – государственных крестьян, земель, лесов, водоемов. Следует также отметить, что способствуя поступлению иностранных инвестиций в экономику страны, государственные заказы и субсидии содействовали повышению уровня механического и технического оснащения отечественных предприятий.

Протекционная политика реализовывалась также через налоговые льготы. Купцы, промышленные работники, отечественные и иностранные фабриканты освобождались от платы подушного и крепостного налога, земских и городских сборов. Большое значение для развития отечественной промышленности и торговли имела ликвидация соляного акциза, снижение питейного и сахарного акциза, отмена шоссейных, путевых платежей, которые представляли собой своего рода внутренние таможи.

В конце XIX – начале XX века возрастает роль валютно-кредитного инструментария как метода классического протекционизма, что находит отражение в следующих механизмах:

- ревальвация валютного курса способствовала притоку иностранного капитала и увеличению государственного таможенного дохода;
- девальвация, к которой часто прибегало правительство, содействовала развитию экспортной торговли и накоплению частного финансового капитала;
- стабилизация учетного процента обеспечивала снижение уровня внутренних цен, сокращение

импорта и возрастание экспорта, накопление золотовалютного запаса;

- введение золотого стандарта способствовало снижению спекулятивного характера экспортно-импортных операций и промышленного производства, улучшению инвестиционного климата;

- конверсии и льготный промышленный кредит содействовали учреждению новых фабрик и заводов, притоку иностранных инвестиций.

Кроме того, на наш взгляд, как методы протекционизма следует расценивать действия правительства, направлены на расширение внутренних промышленных и коммерческих прав, развитие производственной и торговой инфраструктуры, урбанизацию, регулирование внешнеэкономической деятельности торговыми договорами, нормативными актами, учреждением системы органов контроля и т.д.

Анализ исторических особенностей реализации политики протекционизма позволяет сделать следующий вывод: выбор эффективного и рационального метода покровительства отечественному производителю зависит, во-первых, от конкретных общественно-политических условий развития национальной экономики, во-вторых, от четкой цели экономической политики правительства. Что касается современного использования протекционизма в странах второго эшелона, то выбор механизмов его реализации в наибольшей степени зависит от уровня финансово-экономического развития. Как верно отмечает исследователь проблем государственного регулирования внешней торговли И. Дюмулен, тесная экономическая взаимозависимость, установившаяся на уровне ТНК и развитие международного разделения труда показали, что меры традиционного протекционизма в начале XXI века исчерпали себя. Международное производство, опирающееся на глобальные производственные сети ТНК, могло бы просто остановиться при введении традиционных протекционных барьеров [3, с.7]. Следует отметить, что невозможность использования механизмов классического протекционизма в странах второго эшелона сегодня связана не только с высоким уровнем их зависимости от условий мирового рынка и взаимointеграции финансового и промышленного капитала под влиянием глобализации и интернационализации, но и другими тенденциями современного экономического развития государств, такими как:

- широкое развитие и возрастание роли сектора услуг наряду со сферой материального производства, формирование и повышение уровня капитализации международного рынка услуг;

- распространение торговли инновационным и высокотехнологическим продуктом, объектами интеллектуальной собственности;

- формирование информационной и виртуальной экономики под влиянием быстрого развития

информационных технологий, электронной торговли, всемирной сети ИНТЕРНЕТ [4, с. 308];

- развитие креативной экономики, которая построена на использовании альтернативных ресурсов экономического развития — творческих способностей, идей, информации и инновации не только в сфере культуры и искусства, но и предпринимательства [5, с. 30];

- преобладание человеческого капитала в целях достижения мирового лидерства;

- возникновение новых форм производственной интеграции: слияния и поглощения, стратегические альянсы, аутсорсинг, инжиниринг, реинжиниринг, контракты на управление и т.д..

Под влиянием указанных тенденций меняются не только практические функции, но и концептуальное понимание сути и задач протекционизма. Если в эпоху меркантилизма он рассматривался как торговая, а в период промышленной революции — как промышленная политика, то сейчас протекционизм вполне может считаться парадигмой экономического развития. В современных условиях использование протекционизма диктуется необходимостью достижения национальных целей (усиление экономической и военно-политической независимости, защита национального производителя и рабочих мест, создание равных условий для национальных и иностранных предпринимателей) и улучшения показателей развития отечественной экономики (национального дохода, валового национального продукта, эффективности национального производства, его международной конкурентоспособности, ассортимента изготавливаемой продукции) [6, с. 175-176]. Сегодня сфера использования протекционизма расширяется, она охватывает уже не только сферу обращения и материального производства, но и сервисный сектор, трудовую, инновационную и интеллектуальную сферы, среду социальных общностей. В современных условиях кроме торгового и промышленного покровительства развивается аграрный, финансовый, социальный, туристический, культурный протекционизм, что позволяет констатировать формирование нового качества данной политики и возникновение новой фазы ее развития, а именно - неопротекционизма.

Неопротекционизм в современных условиях направлен в первую очередь не на ограничение иностранной конкуренции, а на создание условий для формирования на внутреннем рынке эффективной конкурентной среды. В этом смысле неопротекционизм имеет своей целью не только поддержку национального производителя и экспортера, но и защиту интересов отечественного потребителя. Поэтому сегодня особое значение имеют не исключительно таможенно-тарифные методы неопротекционизма, а более широкий арсенал инструментов государственного регулирования экономики, в частности:

- правительственная антимонопольная политика;

- государственный контроль ценовой политики отечественного производителя;
- эффективная политика стимулирования развития инноваций и научно-технических изобретений;
- развитие торгово-промышленной и транспортной инфраструктуры, логистики;
- обеспечение налогово-кредитного стимулирования: специальные налоговые режимы, налоговые каникулы, льготный процент кредитов для новых учредителей производственных объектов;
- диверсификация промышленного производства и отечественного экспорта;
- конверсия оборонно-промышленного комплекса;
- ограничение доступа иностранных компаний к государственным тендерам на производство, участия их в покупке земли, недвижимости;
- развитие промышленности по отдельным регионам путем кластеризации.

Как отмечают современные экономисты Е. Авдоушкин, С. Осика, А. Шныпко, большое значение в проведении политики протекционизма в теперешних условиях развития стран имеют антидемпинговые, компенсационные, специальные меры, направлены на устранение проявлений недобросовестной конкуренции [7], [8], [9]. Эти методы не являются прямыми и открытыми мерами покровительства, поэтому, с одной стороны, не противоречат внешнеполитическим интересам правительства, с другой, являются эффективными мерами защиты национального экспортера. Такой завуалированный характер указанных инструментов протекционизма можно считать главной причиной частых злоупотреблений ими в современной практике и использования их даже тогда, когда торговля осуществляется без видимых признаков демпинга, экспортного субсидирования и компенсаций. Кроме того, формирование законодательной базы технических барьеров, экологических, санитарных и фитосанитарных норм (зеленый протекционизм), введение стандартов безопасности, системы сертификации и тестирования, принятие законодательства о преимущественной покупке отечественных товаров, осложнение процедур пропуска через границу и таможенных формальностей, ужесточение требований к упаковке и маркировке — все эти меры сегодня могут рассматриваться как наиболее приемлемые методы неопротекционизма для стран второго эшелона.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Политика протекционизма имеет довольно сложный механизм реализации, что подтверждено историческим опытом и современными тенденциями его развития. Выбор целесообразных методов и инструментов политики протекционизма зависит, главным образом, от общественно-экономических условий развития страны и от четкой цели экономиче-

ской политики правительства. В эпоху меркантилизма, когда главной целью государства было обогащение страны посредством односторонней внешней торговли, доминировали прямые тарифные методы открытой охранной политики. Исследование механизмов реализации политики экономических ограничений Российской империи в XIX – начале XX века, когда особое значение приобретает развитие промышленности, говорит о покровительственном характере классического протекционизма и преобладании внутренних экономических и финансовых методов поддержки отечественного производителя. В современных условиях развития стран под влиянием процессов экономической глобализации и интернационализации использование открытых таможенно-тарифных инструментов покровительственной политики является нецелесообразным, наиболее приемлемыми оказываются непрямые, скрытые общеэкономические методы неопротекционизма, которые не противопоставляют внешнеполитические интересы страны ее внутренним экономическим потребностям.

Анализ развития покровительственной политики в предыдущие эпохи дал возможность выявить, что во многом современные тенденции развития протекционизма обусловлены как процессом его исторической эволюции, так и генезисом общеэкономических условий развития стран. Протекционизм эволюционировал от категории торговой к категории общехозяйственной политики, что потребовало дополнения системы классических методов его реализации современными механизмами. Новый этап развития мировой экономики, а именно — формирование глобальной экономики, сегодня усложняет возможность использования открытого протекционизма и способствует его переходу в более завуалированную форму. Исследование исторических особенностей протекционизма позволяет сделать вывод о том, что как и в предыдущие эпохи, так и на современном этапе протекционизм является важным механизмом ускорения экономического роста стран второго эшелона и усиления международных позиций на мировом рынке.

Литература:

1. Mun Thomas. England's Treasure by Foreign Trade / Thomas Mun. New York Macmillan and Co. and London, 1895. 137 p.
2. Киреев А.П. Международная экономика: в 2-х ч. М. : Международные отношения, 1997. Ч. 1. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. 416 с.
3. Дюмулен И.И. Протекционизм и многосторонние переговоры ВТО в годы глобального экономического кризиса (2008-2010 гг.) и в последующий период // Российский внешнеэкономический вест-

ник. 2011. №6 (июнь). С. 3—11.

4. Мельник Ю. ТНК на міжнародному ринку послуг в умовах циклічного розвитку світової економіки // Вісник Тернопільської академії народного господарства. 2007. № 5. С. 307—310.
5. Чуль О.М. Становлення креативної економіки як нового феномену економічної теорії // Економічний форум. 2012. №1. С. 28—32.
6. Рокоча В.В. Міжнародна економіка: у 2-х кн. К. : Таксон, 2000. Кн. 1. Міжнародна торгівля: теорія і політика. 320 с.
7. Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. М.: Экономист, 2004. 366 с.
8. Осыка С.Г. Правове регулювання імпорту: антидемпінгові заходи. К., 2003. 448 с.

References:

1. Mun Thomas. England's Treasure by Foreign Trade / Thomas Mun. New York Macmillan and Co. and London, 1895. 137 p.
2. Kireyev A.P. International economy: in 2 parts. M.: International relations, 1997. Part I. International microeconomics: movement of goods and factors of production. 416 p.
3. Dumoulin I.I. Protectionism and WTO multilateral negotiations in the years of global economic crisis (2008-2010 years) and thereafter // Russian Foreign Economic Bulletin . 2011. №6 (June). P. 3—11.
4. Melnyk U. TNCs on the international services market in conditions of the cyclical world economic development // Journal of the Ternopol Academy of National Economy. 2007. № 5. P. 307—310.
5. Chul O.M. Formation of the creative economy as some new phenomenon of the economic theory // Economic Forum. 2012. № 1. P. 28—32.
6. Rokocha V.V. International economy: in 2 books. K.:Takson, 2000. Book 1. International trade: theory and practice. 320 p.
7. Avdokushin E.F. International economic relations. M.: The Economist, 2004. 366 p.
8. Osyka S.H. The legal regulation of imports: anti-dumping measures. K., 2003. 448 p.

БЮДЖЕТНЫЙ ДЕФИЦИТ, ПУТИ И МЕТОДЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Нечаюк И.Б.

аспирант, Академия финансового управления (Украина), 04119,
Украина, г. Киев, ул. Дегтяревская, д. 38, iryna9690@gmail.com

УДК 33(477)
ББК 65.9(4Укр)

В данной статье рассматривается экономическая проблема бюджетного дефицита, основные причины, прогноз Государственного бюджета Украины на 2013-2014 годы. Анализируются предварительные итоги индикативных прогнозных показателей сводного бюджета на 2013 и 2014 годы, основные задачи на долгосрочную перспективу, тенденции его развития и взаимосвязь с общими макро и микроэкономическими показателями экономики Украины. Раскрыты основные факторы возникновения бюджетного дефицита, как показателя несбалансированности доходов и расходов в условиях рыночной экономики.

Ключевые слова: бюджет, эффективность бюджета, проблема бюджетного дефицита, структура бюджета, дефицит.

Nechayuk I.B.

FISCAL DEFICIT, WAYS AND METHODS OF ITS OVERCOMING IN UKRAINE

This article examines the economic problem of the budget deficit, the underlying causes, the prognosis of the State Budget of Ukraine for 2013-2014. Analyzed the preliminary results of the indicative targets of the consolidated budget for 2013 and 2014, the main tasks for the long-term development trends and the relationship with the general macro-and micro-economic indicators of the economy of Ukraine. Reveals the main factors of the budget deficit, as a measure of the imbalance of income and expenses in a market economy.

Key words: budget, budget performance, the problem of the budget deficit, the structure of the budget deficit.

Бюджетный дефицит — это уже традиционное явление для отечественной экономики. Для покрытия дефицита государством используются государственные заимствования, которые провоцируют возникновение государственного долга. Относительно права существования и возможных размеров бюджетного дефицита, государственного кредита и долга нет единого мнения среди ученых. Классическая школа политэкономии считала государственный долг явлением, которое «подавляет и, наконец, может разорить великие нации Европы». Классики говорили, что государственным займам присущи противоречие и диалектика, которая заключалась в том, что займы, с одной стороны, были источником первоначального накопления капитала, а с другой, — подрывали его процесс и основы [4].

Бюджетный дефицит является важным инструментом государственной финансовой политики, который влияет на экономическое и социальное положение страны. Невзвешенная социально-экономическая политика, спад производства, упадок предприятий в Украине являются глубинными причинами бюджет-

ного дефицита, рост которого приводит к усилению инфляционных процессов, кризису в сфере государственных финансов, денежной системы, росту дифференциации доходов и, как следствие, ухудшению социально-экономического положения общества. Поэтому вопрос бюджетного дефицита и совершенствования путей его преодоления, в частности, в Украине особенно актуальны.

Проблемы дефицита государственного бюджета относятся к довольно острым и дискуссионным. Как ученые, так и политики, придерживаются разных, прямо противоположных, точек зрения относительно результативности решения этих проблем. Это связано с тем, что дефицит бюджета и его финансирование оказывает неоднозначное влияние на развитие страны. В период экономических кризисов и финансовых потрясений проблемы сведения бюджета с дефицитом и обеспечения его финансирования еще больше усложняются.

Исследованием бюджетного дефицита занимаются многие известные отечественные ученые, такие

как А.Д. Василик, К.В. Павлюк, И.Я. Чугунов, И.В. Запатрина, А.Е. Ганич. Теме бюджетного дефицита и долга посвящены работы Н. В. Зражевский, Л.П. Гладченко, В.П. Кудряшова, Е.В. Макаренко, А.И. Машка, М.Д. Пасечного, В.А. Степановой и других. Но проблемы дефицита все еще остаются нерешенными.

К основным причинам бюджетного дефицита в Украине можно отнести:

- значительный рост и нерациональная структура бюджетных расходов;
- снижение эффективности производства;
- неэффективность финансово-кредитных отношений;
- наличие значительного теневого сектора в экономике;
- несовершенное законодательство и налоговая система и др.

Избежать дефицита теоретически достаточно просто — сократить расходы или увеличить налоги. В Украине доля государства в структуре ВВП оценивается в 35 %. Это высокий показатель, который может быть только в условиях развитой рыночной экономики. В периоды экономических кризисов и финансовых потрясений проблемы сведения бюджета с дефицитом и обеспечение его финансирования значительно усложняются.

Существуют глубинные, общие проблемы бюджетного дефицита, присущие любой стране, в которой расходы бюджета превышают доходы, и конкретные, особые причины, которые имеют место в отдельной стране. Глубинными причинами бюджетного дефицита в Украине являются спад производства, снижение эффективности функционирования отраслей экономики и предприятий, не взвешенных социально-экономическая политика в государстве.

На современном этапе среди основных проблем дефицита бюджета выделяют следующие:

- структурная разбалансированность экономики и несвоевременное и неэффективное проведение структурных преобразований;
- неэффективный механизм налогообложения субъектов хозяйствования;
- сохранение значительного количества нерентабельных государственных предприятий, получающих дотации;
- несоответствующая имеющимся финансовым возможностям государства структура бюджетных расходов;
- значительный объем теневой экономической деятельности;
- нецелевое и неэффективное использование бюджетных средств;
- потери, разбазаривание продукции, кражи, приписки и т.д., отсутствие эффективного государственного финансового контроля;

— неэффективность финансово-кредитных отношений [5, с.254].

Каждое государство в своей деятельности стремится к сбалансированному бюджету. Финансовая теория предусматривает три классических концептуальных подхода к сбалансированию государственного бюджета: сбалансирование на ежегодной основе, сбалансирование в ходе экономического цикла, сбалансирование на основе функционирования финансов. В западной экономической теории под сбалансированным бюджетом понимают бездефицитный бюджет, то есть, когда запланированные расходы в определенном периоде соответствуют доходам. Но на практике в развитых странах бюджет сводится с дефицитом, при этом они не рассматриваются как несбалансированные. В ЕС бюджет определяется сбалансированным, когда выполняется 2 ограничения: на объемы дефицита 3 % ВВП и на величину долга 60 % ВВП [2].

Анализ международного опыта показывает, что в годы финансовых потрясений одни страны имели сбалансированный или профицитный бюджет (Бразилия, Филиппины), другие страны строили свои бюджеты с дефицитом 6-13 % ВВП (Россия, Турция). Большинство стран удерживали дефицит в пределах 3-4 % или под давлением МВФ вынуждены были сокращать его до уровня 1,5-2,5 % ВВП [1].

В программу конкретных мероприятий по сокращению бюджетного дефицита необходимо включить мероприятия, которые стимулировали бы приток средств в бюджет страны и способствовали бы сокращению государственных расходов. К ним относятся:

1. Изменение направлений инвестирования бюджетных средств в отраслях экономики с целью повышения финансовой отдачи от каждого рубля.
2. Более широкое использование финансовых льгот и санкций, которые стимулируют рост общественного производства.
3. Резкое сокращение сферы государственной экономики и государственного финансирования.
4. Сокращение военных расходов.
5. Сохранение финансирования только самых важных социальных программ, неприятие новых.
6. Не предоставление кредитов государственным структурам.
7. Создание условий для привлечения иностранных инвестиций.

Проблема дефицита государственного бюджета в нормальной экономике это не столько проблема непосредственного его воздействия, сколько проблема негативного влияния государственного долга и расходов по его обслуживанию.

Для преодоления дефицита государственного бюджета Украины наиболее эффективными направлениями являются:

- увеличение доходной части бюджета: за

счет увеличения налогов, содействие развитию предпринимательства, увеличение пенсионного возраста и сокращение уровня безработицы;

— сокращение расходной части бюджета: сокращение затрат на финансирование управленческих структур, привлечение иностранных инвестиций, создания жесткого контроля за выплатой государственных средств;

— осуществление внутренних и внешних займов путем заключения с резидентами и нерезидентами Украины соглашений о займе и выпуск государственных ценных бумаг;

— проведение денежной и кредитной эмиссии за счет увеличения в обращении наличных и безналичных средств;

— совершенствование контроля за использованием средств и выполнением законодательства.

Различают понятия стойкий дефицит бюджета, который существует в долгосрочном периоде, и временный дефицит, который вызывается кассовыми разрывами в выполнении бюджета или непредсказуемыми событиями и обстоятельствами.

По критерию определения составных частей бюджетного дефицита выделяют фактический бюджетный дефицит, структурный бюджетный дефицит, циклический бюджетный дефицит. Если фактический дефицит является внешним проявлением разбалансированности доходной и расходной частей бюджета, то структурный и циклический дефициты являются его внутренними составляющими. Фактический дефицит отражает доходы, расходы бюджета и дефицит за определенный период.

Структурный дефицит — это дефицит в условиях полной или высокой занятости потенциальных производственных ресурсов.

Циклический дефицит — это результат недопоступления бюджетных доходов вследствие циклических колебаний в экономике. В общем выражении циклический дефицит представляет собой разницу между фактическим и структурным дефицитом.

По критерию влияния на экономику бюджетный дефицит делится на активный и пассивный. Активный бюджетный дефицит является следствием сознательного увеличения государственных расходов, вызывает невозможность сбалансировать бюджет.

Различие между структурным и активным дефицитом заключается в том, что последний возникает в результате проведения политики дефицитного финансирования с целью стимулирования достижения максимальной занятости имеющихся производственных ресурсов, побуждает экономику развиваться относительно независимо от циклических колебаний. Итак, активный дефицит своим импульсным содержанием отличается от структурного дефицита.

Пассивный дефицит бюджета обусловлено эко-

номической конъюнктурой как первопричиной накопления запланированного объема бюджетных ресурсов. Таким образом, пассивный дефицит можно отождествить с циклическим бюджетным дефицитом.

Существование бюджетного дефицита требует постоянного поиска путей его преодоления и, в идеале, сбалансирования доходов и расходов бюджета. Конкретные меры государства в этом направлении могут быть различными, но в результате сводятся к созданию возможностей роста доходов и сокращению расходов бюджета. С этой целью необходимо:

- усовершенствовать налоговую систему, обеспечить оптимальный уровень налоговых изъятий для формирования бюджетов всех уровней и создать благоприятные условия для предпринимательской деятельности;

- привлечь к инвестиционной сфере личные сбережения населения;

- обеспечить финансовую поддержку малого и среднего бизнеса путем разработки и выполнения целевых программ развития малого и среднего предпринимательства;

- усилить ответственность субъектов хозяйствования и их руководителей, в частности, личную, имущественную и уголовную ответственность, за соблюдением требований законодательства, своевременность и полноту расчетов с бюджетом и государственными внебюджетными фондами;

- сократить расходную часть бюджета: уменьшить расходы на финансирование управленческих структур, создать жесткий контроль за выплатой государственных средств;

- перейти от бюджетного финансирования к системе предоставления субсидий, субвенций, инвестиционных займов субъектам хозяйствования;

- ввести научно обоснованную систему прогнозирования значений показателей, которые берутся за основу формирования доходов и расходов бюджета, использовать при бюджетном планировании нормы бюджетной обеспеченности;

- усовершенствовать нормативно-правовое обеспечение бюджетного процесса.

В случае принятия решения об утверждении бюджета с дефицитом возможно использование таких рекомендаций с целью его управления:

- проведение эффективной политики по обслуживанию государственного долга страны;

- дефицит государственного бюджета поддерживать на уровне не выше уровня инвестиций в основной капитал за счет средств государственного бюджета;

- формировать прогнозные показатели доходной и расходной части бюджета всех уровней на основе реальных данных;

- привлеченные средства должны использоваться преимущественно для целевых государственных про-

грамм, направленных на экономическое развитие [3, с.382].

Законодательством Украины предусмотрено еще четыре возможных источника финансирования — средства от приватизации государственного имущества, возврат бюджетных средств с депозитов, поступления в результате продажи/предъявления ценных бумаг, свободный остаток бюджетных средств с соблюдением условий, определенных Бюджетным кодексом.

Как показывает финансовая практика развитых стран, более рациональным путем решения проблемы бюджетного дефицита является использование неэмиссионных методов, то есть увеличение доходов бюджета и уменьшения расходов.

По прогнозу Государственного бюджета Украины на 2013-2014, основными задачами на долгосрочную перспективу являются:

- обеспечение справедливой, стабильной, направленной на обеспечение фискальной достаточности системы налогообложения как фактора активизации предпринимательского потенциала и снижение доли теневой экономики;

- улучшение благосостояния и качества жизни населения путем экономически обоснованного повышения государственных социальных стандартов и гарантий, совершенствование системы предоставления льгот и помощи;

- снижение уровня дефицита государственного бюджета и доли государственного долга в валовом внутреннем продукте;

- поддержка структурных реформ в реальном секторе экономики и социальной сфере и привлечения инвестиций в экономику;

- снижение административного и регуляторного давления на бизнес;

- поддержка экономического роста регионов, укрепление финансово-экономической самостоятельности местных бюджетов;

- улучшение финансовых показателей деятельности государственных предприятий;

- повышение эффективности управления бюджет-

ными средствами путем усовершенствования и расширения сферы применения программно-целевого метода и дальнейшей оптимизации бюджетных программ [6].

Прогноз включает индикативные прогнозные показатели сводного и государственного бюджетов по основным видам доходов, финансирования, расходов и кредитования, государственного долга и гарантированного государством долга, взаимоотношений государственного и местных бюджетов, а также по бюджетным программам, которые обеспечивают в течение нескольких лет выполнение инвестиционных программ (проектов) (табл. 1).

Определили долю перераспределения валового внутреннего продукта через сводный бюджет на уровне 29,3 процента в 2013 году и 28,2 процента в 2014 году [6].

Согласия прогнозу содержание прогнозу объема государственного долга на уровне, не превышающем 25 процентов валового внутреннего продукта. Это в 2013 и 2014 годах будет способствовать улучшению имиджа Украины как инвестиционно привлекательного государства, укрепит доверие иностранных инвесторов, уменьшит уязвимость финансовой системы государства.

Начиная с 2014 года, финансовые возможности правительства в данном направлении будут ограничены.

Но если дополнительные ресурсы в 2013 году будут получены, они должны быть направлены на:

1. Уменьшение дефицита бюджета. В условиях реализации модернизационной стратегии возможным и целесообразным для Украины может считаться умеренное дефицитное финансирование инвестиционных расходов в проекты и программы, доходы бюджета от которых в перспективе позволят минимум покрыть долговые ресурсы, привлеченные для их финансирования. Заимствования для финансирования инвестиционных проектов должны быть ограничены 2 % ВВП с целью снижения давления на ценовую стабильность и курс национальной валюты.

2. Уменьшение долговой нагрузки на экономи-

Таблица 1. Индикативные прогнозные показатели сводного бюджета на 2013 и 2014 годы (млрд. гривен)

Наименование показателя	2013	2014
Доходы	495,1	522
Расходы	506	537,9
Сальдо кредитования	-3	-4,1
в том числе:		
возврат кредитов	3,9	3,9
предоставления кредитов	6,9	8
Дефицит "+" / профицит "-"	13,9	20

Источник: [6]

ку. В условиях нестабильности и неопределенности глобальных экономических тенденций и экономической динамики в среднесрочной перспективе правительство в случае наличия сверхплановых поступлений в бюджет должно направить средства на досрочное погашение части государственного долга. Это позволит повысить устойчивость системы государственных финансов к внешним негативным факторам. Учитывая наличие рисков девальвации национальной валюты (что автоматически приведет к росту государственного долга в гривневом выражении), целесообразно предоставить приоритет досрочному погашению внешних долговых обязательств.

3. Сохранение высокого уровня инвестиционных расходов сводного бюджета. Учитывая ожидаемое снижение динамики роста доходов бюджета и увеличение налоговых расходов на стимулирование экономической активности, представляется целесообразным сохранение в 2013 году инвестиционных расходов сводного бюджета на уровне 5 % ВВП. При этом рост ВВП позволит автоматически увеличить объемы инвестиционных расходов. Такой показатель инвестиционных расходов должен стать устойчивым ориентиром при подготовке бюджета на 2013 год и в дальнейшей перспективе.

4. Повышение социальных стандартов и увеличение расходов на социальные проекты. Учитывая, что государством задекларирован курс на построение социально-ориентированной экономики, значительная часть прироста бюджетных поступлений должна быть направлена на улучшение благосостояния граждан. В то же время необходимо отказаться от механистического повышения базовых социальных стандартов и сосредоточить внимание на пересмотре методики определения и расчета, и соответственно, размера социальных стандартов и селективной поддержке наименее социально защищенных категорий населения. Необходимо также упорядочить систему социальных льгот, что позволит увеличить льготы тем категориям населения, которые действительно в них нуждаются, без чрезмерного дополнительного роста расходов бюджета.

5. Инвестиции в проведении реформ. Со времени восстановления независимости в Украине остаются актуальными ряд реформ, которые все еще не были реализованы не в последнюю очередь из-за нехватки средств. К числу таких следует отнести реформу ЖКХ, административно-территориальную реформу, земельную реформу и др. Целесообразным представляется расширение расходов бюджета на проведение в 2013 году одной из таких реформ [6].

Подводя итоги, следует отметить, что если бюджетный дефицит возникает вследствие вложения средств в развитие экономики, то это приводит к прогрессивным сдвигам в общественном производстве и обеспечивает экономическое развитие страны.

Таким образом, для преодоления бюджетного дефицита нужно пересмотреть методику его определения и согласовать ее с международными стандартами. Правильно определенное направление преодоления дефицита базируется на детальном анализе ситуации в экономике страны. Исходя из уровня экономического развития и потенциала денежного хозяйства нужно находить приемлемый размер дефицита бюджета.

Литература:

1. Вахненко Т. Политика государственных заимствований и управления корпоративными долгами в условиях финансового кризиса // Экономист. 2009. № 3. С.48-56.
2. Жигаев А.Ю. Роль державного долга в рыночной экономике // Деньги и кредит. 2004. № 5. С.43-49
3. Огонь В. Доминанты финансовой стабильности в развитии обязательств государства // Финансы Украины. 2008. № 5. С. 32-41.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с
5. Федосов В., Гладченко Л. Бюджетный дефицит в контексте западной финансовой теории и практики // Финансовые риски. 2009. № 3. С. 19-32.
6. Прогноз Государственного бюджета Украины на 2013 и 2014 годы [электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/318-2012-%D0%BF> (дата обращения 12.10.2013)

References:

1. Vakhnenko T. Policy of state loans and control of corporative debts in conditions of financial crisis // Ekonomist. 2009. № 3. P.48-56.
2. Zhigayev A.Yu. Role of state loan in market economy // Dengi i kredit. 2004. № 5. P.43-49
3. Ogon V. Dominants in financial stability in development of state liabilities // Finansy Ukrainy. 2008. № 5. P. 32-41.
4. Smith A. Research of nature and causes of peoples' wealth / transl. from English. M.: Sotsekgiz, 1962. 684 p.
5. Fedosov V., Gladchenko L. Fiscal deficit within the context of the Western financial theory and practice // Finansoviye riski. 2009. № 3. P. 19-32.
6. Forecasting of the State budget of Ukraine for 2013 — 2014 [e-resource]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/318-2012-%D0%BF> (date of reference 12.10.2013)

ОРИЕНТИРЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ДИНАМИКА РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Фраймович Д.Ю.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Россия), 600014, Россия, г. Владимир, ул. Белоконой, д. 13-а, к. 17, fdu78@rambler.ru

УДК 332.012.2
ББК 65.050.11-551

Статья посвящена определению перспектив и проблем в осуществлении модернизации страны, анализу индикаторов освоения научно-технических достижений территорий за продолжительный период. Глобализация современных хозяйственных процессов и потребность в обеспечении уровня жизни развитых стран предъявляют новые требования к функционированию отечественной экономики на базе динамичного освоения масштабных инноваций. Этапы обновления в стране немыслимы без осуществления грамотной инновационно-воспроизводственной политики на уровне всех субъектов Российской Федерации. В свою очередь, модернизационный курс региональных социально-экономических систем должен формироваться не только за счет высоких достижений в научно-образовательном секторе и использования передовых технологий в промышленности, но и благодаря трансформации общественной идеологии

Ключевые слова: ориентиры модернизации, инновационная динамика, социально-экономические проблемы.

Frainovitch D.Yu.

OBJECTIVES, CONTRADICTIONS AND DYNAMICS OF IMPLEMENTATION OF THE COURSE OF INNOVATIVE MODERNIZATION OF SOCIAL –ECONOMIC SYSTEMS

Article is devoted to definition of prospects and problems in implementation of modernization of the country, to the analysis of indicators of development of scientific and technical achievements of territories for the long period. Globalization of modern economic processes and need for providing a standard of living of the developed countries impose new requirements to functioning of domestic economy on the basis of dynamic development of large-scale innovations. Updating stages in the country are inconceivable without implementation of competent innovative and reproduction policy at the level of all subjects of the Russian Federation. In turn, the modernization course of regional social and economic systems has to be formed not only due to high achievements in scientific and educational sector and uses of advanced technologies in the industry, but also thanks to transformation of public ideology.

Key words: modernization reference points, innovative dynamics, social and economic problems.

Современный этап глобализации мировых хозяйственных процессов и обостряющиеся проблемы ограниченности ресурсов ставят перед национальными и региональными социально-экономическими системами неотложные задачи по формированию эффективных механизмов управления динамичным развитием.

В начале XXI века становится очевидным, что уровень функционирования инновационной составляющей в отечественной промышленности, финан-

совой инфраструктуре, науке, образовании, является катализатором и локомотивом экономического, научно-технического, социального и демографического прогресса и оборонной достаточности России, а также выступает базисом для развития прочих направлений хозяйственной деятельности.

Согласно исследованиям, выполненным Р. С. Гринбергом, в настоящее время только 8–10 % роста экономики РФ достигается за счет высокотехнологических секторов (в высокоразвитых странах — до 60, в

США — до 80%); доля расходов на науку в ВВП России по прежнему не превышает 1,5%, что явно ниже аналогичных показателей большинства западных стран, Японии, а в последние годы и Китая. При этом доля накопления в российском ВВП составляет менее 20 % при минимальном пороге — 25-30 % для страны, претендующей на ускорение развития и инновационный прорыв [4, с. 274-275].

В рамках данного вопроса представляется уместным рассмотреть тенденции изменений показателей инновационной деятельности на примере регионов Центрального федерального округа как одного из наиболее мощных на территории Российской Федерации.

Необходимо отметить, что имеющие достаточную степень распространения подходы к интегральной оценке индексов инновационного развития регионов характеризуются своего рода статичностью, отражающей состояние научно-технической сферы в конкретный момент времени. Поэтому возникает необходимость в использовании динамической методики, учитывающей как направление модернизационных процессов на территории, так и среднюю отдачу от инноваций.

На основе имеющихся данных в официальных сборниках Росстата [10], можно оценить показатель эффективности инновационной деятельности I_3 , достигнутый j -м регионом федерального округа в i -м периоде (1):

$$I_{3,j,i} = \frac{V_{j,i}}{C_{j,i-1}}, \quad (1)$$

где V — объем инновационных товаров, работ, услуг; C — затраты на технологические инновации. Следует уточнить, что для корректного вычисления отдачи от инноваций в соответствующем периоде данные по затратам на технологические инновации предлагается использовать за предшествующий год. Расчет показателей эффективности инновационной деятельности I_3 по формуле (1) за 2001 — 2011 гг. произведен по регионам Центрального федерального округа (ЦФО), в целом по ЦФО и стране для сопоставления региональной, федеральной и общероссийской динамик (табл. 1).

Но возникает вопрос в отношении нахождения «золотой середины», т.е. региона, имеющего средний высокий показатель по эффективности научно-технической деятельности за анализируемый период и стабильную динамику освоения инноваций. В первом случае наиболее представительной величиной служит среднее арифметическое. Во втором случае, методами математической статистики предлагается расчет стандартного отклонения. Данная величина отражает уровень разброса значений вокруг среднего, но при этом

теряется знак («+» или «-»), и получаемая информация в отношении динамики инновационного тренда становится «размытой». Поэтому для выхода из создавшегося положения предлагается использовать среднюю абсолютную разность δ показателей инновационной эффективности j -го региона (2) [11, с. 23]:

$$\overline{\delta_j} = \sum_{i=1}^{n-1} \frac{I'_{j,i} - I'_{j,i-1}}{n-1}, \quad (2)$$

где $i = 1...n$ — анализируемые периоды времени (годы).

Представленный показатель является аналогом критерия Аббе, используемого для оценки влияния фактора времени на разброс того или иного параметра при условии, что результаты наблюдения по этому параметру были собраны последовательно через определенные промежутки времени. Это отличает данную меру разброса от простого среднего квадратичного отклонения. Применение этой формулы при указанных условиях позволяет оценить наличие положительной или отрицательной динамики в изменении коэффициента эффективности I_3 инновационной деятельности j -го региона.

При отсутствии явно выраженной тенденции в развитии территории по параметру инновационной эффективности будет наблюдаться признак компенсации и значение средней абсолютной разности будет стремиться к нулю. В итоге, для оценки масштабов и направлений модернизации в j -м регионе за определенный период времени предлагается использовать показатель инновационной динамики $I\ddot{a}$, определяемый отношением средней абсолютной разности эффективности инноваций к среднему арифметическому по анализируемой выборке данных (3):

$$I\ddot{a}_j = \frac{\overline{\delta_j}}{\overline{I'_{j,i}}} 100 \% \quad (3)$$

где $\overline{I'_{j,i}}$ — средняя (арифметическая) величина коэффициента эффективности инновационной деятельности в j -м регионе федерального округа.

Логика измерения представленного показателя вполне очевидна: чем выше соотношение средней абсолютной разности эффективности инноваций и значения их среднего арифметического по региону, тем более оптимальной является ситуация.

Интерпретация выполненных расчетов показателей инновационной динамики социально-экономических систем за 2001-2011 гг. представлена на диаграмме (рис. 1).

Таблица 1. Эффективность инновационной деятельности социально-экономических систем РФ за 2001-2011 гг. [10]

Социально-экономическая система	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	2,95	3,02	3,36	3,58	3,74	5,43	4,54	4,71	3,04	3,12	5,26
ЦФО	2,11	3,89	2,54	3,59	3,53	4,86	4,60	6,10	3,86	3,00	4,62
Белгородская	23,47	1,47	2,31	2,15	5,52	1,70	18,21	41,27	8,60	7,84	5,03
Брянская	8,06	22,56	3,65	22,76	18,46	11,49	13,78	12,22	13,81	10,67	6,25
Владимирская	4,53	3,52	3,66	3,78	3,11	10,46	5,27	2,75	2,38	1,55	6,52
Воронежская	2,39	4,39	5,26	7,01	10,88	3,13	7,64	4,56	1,20	2,87	4,89
Ивановская	14,99	6,26	4,18	1,24	0,68	1,93	18,53	2,52	2,54	0,61	0,99
Калужская	5,13	8,00	7,18	9,73	3,67	3,94	6,15	3,50	2,37	5,29	2,94
Костромская	23,56	3,25	15,99	5,97	1,14	1,20	2,31	7,27	4,93	3,83	3,99
Курская	2,80	1,62	1,19	1,12	2,18	2,12	1,62	2,17	0,63	1,37	9,94
Липецкая	7,59	0,98	37,04	58,95	9,59	6,70	9,25	9,42	16,98	1,23	1,40
Московская	10,22	6,29	5,65	4,99	5,24	7,49	11,32	7,59	7,57	7,93	8,64
Орловская	15,44	22,71	38,66	5,35	2,92	6,07	1,20	3,82	1,60	7,34	9,17
Рязанская	10,55	5,41	0,78	2,49	1,48	1,70	2,68	3,54	2,44	3,77	2,16
Смоленская	15,00	15,22	6,87	1,68	0,71	2,17	3,67	3,60	4,17	2,10	1,79
Тамбовская	3,08	4,87	1,71	9,60	5,91	13,42	6,69	4,23	2,71	2,16	4,21
Тверская	2,35	2,94	2,45	4,10	4,03	13,40	4,31	16,55	14,89	10,08	11,66
Тульская	1,91	0,91	2,46	2,98	2,03	2,33	0,91	2,90	0,67	1,31	7,38
Ярославская	1,40	1,44	0,81	4,60	8,66	6,65	2,60	3,91	2,56	3,69	2,22
г. Москва	0,33	0,87	0,38	1,93	2,20	3,38	2,38	3,74	1,87	2,48	6,93

Как видно из диаграммы, лишь менее половины (а точнее семь из восемнадцати) регионов ЦФО демонстрируют удовлетворительную инновационную динамику за рассматриваемый временной период. Наилучшие позиции по анализируемому критерию (на фоне положительных значений по РФ и ЦФО) имеют Ярославская (+23,85), Тверская (+12,39) и Воронежская (+11,06) области. Самые неудовлетворительные индикаторы инновационной динамики (меньше нуля) — у Костромской (-33,07), Смоленской (-28,02) и Ивановской (-24,98) областей.

Необходимо отметить, что г. Москва, и Московская область, традиционно считающиеся локомотивами и лидерами отечественной научно-технической трансформации, таковых тенденций со статистической точки зрения не демонстрируют. Кроме того, данный подход к оценке уровня инновационной динамики ориентирован на анализ модернизационного тренда в регионах за конкретный отрезок времени. Если, к примеру, коэффициент эффективности инновационной деятельности по Ярославской области на 2012 год резко сократится, то это, в свою очередь повлечет уменьше-

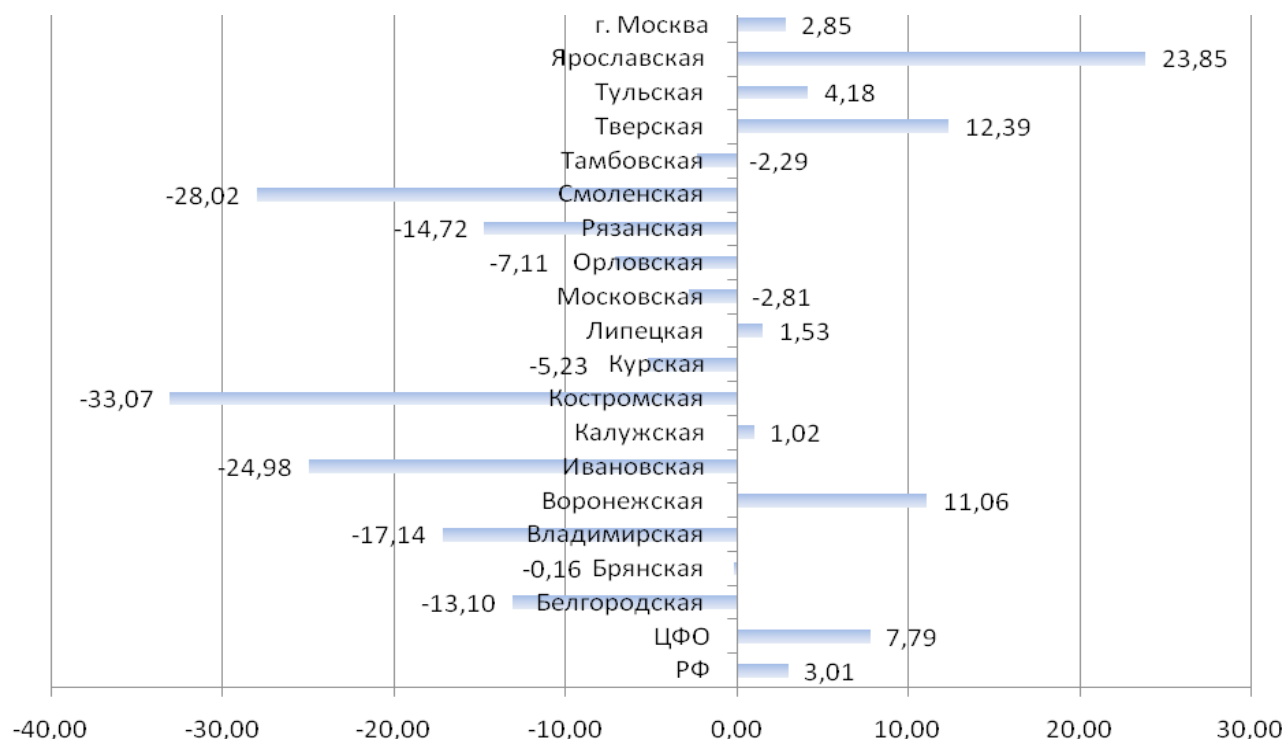

Рис. 1. Инновационная динамика территорий за 2001-2011 гг., %

ние средней абсолютной разности в анализируемой выборке показателей по данному субъекту, сокращение среднего значения, что, естественно станет причиной для перевода региона в «инновационные аутсайдеры» ЦФО в рассматриваемом временном интервале.

Основополагающая задача, которую необходимо решить при обосновании долгосрочных инновационно-воспроизводственных перспектив России — *оценка* возможных пределов развития экономики (душевое потребление продуктов питания, товаров длительного пользования, жилищная обеспеченность и т.д.) в долгосрочном периоде. *Потенциал роста* носит фундаментальный характер с точки зрения его влияния на текущую экономическую динамику и на необходимый набор мер модернизационной политики [9, с. 15].

Представляется необходимым заметить, что страны, в т.ч. и Россия, имеющие основные индикаторы социально-экономического развития ниже эталонных, обладают большим потенциалом с точки зрения демонстрации высокой динамики роста.

Однако совершенно справедливые, конструктивные и неутешительные выводы делают В. Б. Дасковский и В. Б. Киселев. По их оценкам, бытие и развитие нашего общества до сих пор подрывается деиндустриализацией и сопровождающими ее асоциальными диспропорциями и деформациями.

Конъюнктурные сырьевые доходы оборачиваются для страны нарастающими потерями внутреннего производства. В качестве наиболее акту-

ального направления выступает создание прогрессивной модели экономики, нацеленной на рост производительности труда и уровня жизни населения [5, с. 34].

Такая модель, по утверждению, например, О. Г. Голиченко, должна формироваться преимущественно за счет преодоления инновационной пассивности крупных предприятий и эффективных мер по поддержке малого инновационного предпринимательства [3, с. 21-22].

Но, как представляется, обновление должно происходить не только в системе воспроизводства материальных благ. Проблема затрагивает еще и социальную компоненту, общественное сознание, которые, естественно, необходимо тоже менять. Поэтому, на современном этапе для Российской Федерации, практически безальтернативным направлением, продиктованным как внешними международными вызовами и программами, так и внутренней неотбалансированностью экономики страны, является активизация курса модернизации, предполагающего устранение неэффективных форм управления и использование *более прогрессивных* хозяйственных отношений.

В настоящее время призывы к «модернизации» употребляются реже, так как в экономическую лексику интенсивно «врываются» «неоиндустриализация», «зеленая экономика», «экономика знаний». Тем не менее, нужно отметить, что модернизация происходит в любой социально-экономической системе, но с разной динамикой и получаемыми результатами.

Обобщение имеющихся наработки по проблеме определения модернизационных ориентиров, анализ данных официальной статистики в отношении уровня жизни, оценка инновационной динамики, дают возможность констатировать, что в стране не осталось сфер деятельности, которые не нуждались бы в обновлении и нацеленности на ускоренное и сбалансированное инновационно-воспроизводственное развитие.

На пути модернизации возникает ряд взаимосвязанных проблем как экономического, так и социального характера, которые не позволяют в полной мере раскрыть ее потенциал. К ним можно отнести следующие.

1) Масштабное неравенство населения и отсутствие стимулов для формирования инновационных разработок. Согласно выводам В.А. Цветкова, соотношение в уровнях средних доходов 10 % самого богатого и 10 % самого бедного населения разнится в 17-18 раз, в Москве и Санкт-Петербурге — в 40 раз. Около половины граждан, работающих в науке, образовании и здравоохранении, имеют доходы ниже среднего. Это означает, что та часть общества, которая должна создавать интеллектуальные услуги и выступать источником инновационного воспроизводства, является в основном не обеспеченной [8, с. 10].

Население первой России, на долю которой приходится не более 15 % общей численности, аккумулирует около 85 % всех сбережений, 92 — доходов от собственности, 96 % — всех средств, расходуемых на покупку иностранной валюты. Образовался слой олигархических частных собственников, которые не заинтересованы в изменениях и тормозят модернизационные процессы [6, с. 4].

2) Отсутствие доверия населения к перспективам улучшения материального положения. Сегодня примерно 40 % населения живет хуже, чем в СССР [8, с. 12]. Несмотря на обостренность демографической ситуации в стране, приобретение жилья для построения молодой семьи за счет трудовых доходов экономически невозможно. Заработная плата не служит фактором воспроизводства рабочей силы [5, с. 34].

3) Слабость среднего класса как экономически активного слоя, потребляющего инновационную продукцию [8, с. 12]. Совершенно правильные выводы в рамках данной проблемы делает д.э.н., профессор Н. Новицкий, согласно которому сегодня факторы формирования спроса на наукоемкую промышленную продукцию в слаборазвитой рыночной среде почти *бездействуют*, что не позволяет создавать благоприятный инвестиционный климат для привлечения капитала [7, с. 105].

4) Использование не по назначению (разворывание) необходимых ресурсов для инновационного обновления материально-технической базы народного

хозяйства кабинетными коррупционерами [5, с. 34].

Обозначенные выше проблемы препятствуют генерации творческой энергии населения, крайне необходимой для достижения цели «инновационного прорыва». По справедливому замечанию А.А. Аузана, вход в модернизацию определяется принципом дополнительности, т.е. развитием тех ценностей, которые не свойственны инерционному историческому движению страны [1, с. 136]. К примеру, в 30-е годы XX столетия для реализации «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта и выведению США на лидирующие позиции в мире в идеологической сфере понадобилось разрушение классической либеральной идеологии под воздействием широкой политической коалиции: представителей финансовой элиты, предпринимателей, фермеров, рабочих и других групп населения.

В данном контексте возникает вопрос о роли государства в осуществлении инновационных процессов. Сторонники централизованной модели регулирования научно-технических трансформаций в стране утверждают о необходимости распространения на них жесткого контроля государства [6].

Но в большей степени обоснованными представляются точки зрения, согласно которым государство не должно «мешать» развитию инноваций.

Достаточно убедительные доводы в пользу реализации модели на основе децентрализации принятия экономических решений в расширяющемся частном секторе выдвинул один из ведущих отечественных специалистов в области инноватики О. Г. Голиченко. На его взгляд, средообразующая и информирующая функции государства, применение преимущественно косвенных форм регулирования должны создавать благоприятную среду для развития конкуренции и малого предпринимательства в условиях инновационного развития. По мере перехода к доминированию этой модели должен происходить поэтапный отказ от устаревших элементов экономической политики [3, с. 21-22].

Солидарность с вышеприведенными утверждениями в отношении нецелесообразности осуществления централизованного управления демонстрируют и зарубежные ученые-экономисты. Согласно их выводам, чем больше принятие решений концентрируется в верхних эшелонах власти, тем меньше пространства остается для творческих взаимодействий в целях развития новых институциональных решений и обеспечения динамики и роста на основе инноваций [2, с. 77].

Таким образом, проведенные исследования в отношении динамики, перспектив и проблем осуществления модернизации в стране позволили сформулировать следующие выводы.

На сегодняшний день в экономическом отношении Россия серьезно отстает от передовых мировых экономик вследствие деградации ведущих сфер хозяйствования, отставания технологического уровня

производства от заданного научно-техническим прогрессом, оттока за рубеж рабочих кадров высшей квалификации. Модернизация страны невозможна без инноваций в экономике, науке, образовании, культуре, промышленности и серьезных изменений в политической системе.

Поэтому России сегодня требуется инновационная модернизация, под которой предлагается понимать экономические, социальные и институционально-политические преобразования на основе реализации передовых научно-технических достижений, поддерживаемые обществом и ведущие к кардинальному улучшению уровня и качества жизни населения определенной территориальной системы.

Литература:

1. Аузан А.А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. №7. С. 136-137.
2. Бальцерович Л. Загадки экономического роста: Движущие силы и кризисы — сравнительный анализ // Пер. с польского. Под ред. А. В. Куряева. М.: Мысль, 2012. 512 с.
3. Голиченко О.Г. Возможности и альтернативы инновационного развития России // Инновации. 2013. № 5 (175). С. 20-24.
4. Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. 412 с.
5. Дасковский В. О неоиндустриальной модели и стратегии развития экономики // Экономист. 2013. №6. С. 34-49.
6. Кучуков Р.А. Государственный сектор как локомотив модернизации // Экономист. 2010. №9. С. 3-13.
7. Новицкий Н. Экономические предпосылки инновационной реиндустриализации в России // Вестник ИЭРАН. 2013. №3. С. 103-109.
8. Цветков В.А. Модернизация Российской экономики: возможности и ограничения // Проблемы теории и практики управления. 2011. №11. С. 8-15.
9. Узяков М.Н. Макроэкономическая динамика российской экономики в долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2012. №6. С. 14-34.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Р 32 : стат. сб. / Росстат. М., 2012.
11. Фраймович Д. Ю. Инновационная динамика функционирования субъектов Российской Федерации // Государственная служба. 2011. №6 (74). С. 21-24.

References:

1. Auzan A.A. Modernization as a problem: in search of national formula // Zhurnal of a new economic association. 2010. №7. P. 136-137.
2. Baltserovitch L. Secrets of economic growth: Driving forces and crises — comparative analysis // Transl. from Polish. Edited by A.V. Kuryayev. M.: Misl, 2012. 512 p.
3. Golitchenko O.G. Possibilities and alternatives of innovative development of Russia // Innovatsiyi. 2013. № 5 (175). P. 20-24.
4. Grinberg R.S. Freedom and justice. The Russian allurements of false choice. M.: Magistr: INFRA-M, 2012. 412 p.
5. Daskovskiy V.O. On neo-industrial model and strategy of economic development // Ekonomist. 2013. №6. P. 34-49.
6. Kuchukov R.A. State sector as a locomotive of modernization // Ekonomist. 2010. №9. P. 3-13.
7. Novitskiy N. Economic conditions of innovative re-industrialization in Russia // Vestnik IERAN. 2013. №3. P. 103-109.
8. Tsvetkov V.A. Modernization of the Russian economy: possibilities and limits // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2011. №11. P. 8-15.
9. Uzyakov M.N. Macroeconomic dynamics of the Russian economy in a long-term perspective // Problemy prognozirovaniya. 2012. №6. P. 14-34.
10. Regions of Russia. Social-economic indices. 2011: R 32 : statist. collec. / Rosstat. M., 2012.
11. Fraimovitch D.Yu. Innovative dynamics of the RF subjects activity // Gosudarstvennaya sluzhba. 2011. №6 (74). P. 21-24.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Молчанов И.Н.

доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой экономики социальной сферы по учебной работе экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Россия), 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, экономический факультет, к. 311, molchanov@econ.msu.ru

Молчанова Н.П.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Бухгалтерский учет и финансы» филиала в г. Ростов-на-Дону, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Россия), 344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, улица Пушкинская, 174, МГУТУ, к. 203, molchanova_n@mail.ru

УДК 332.122
ББК 65.050.22-551

Цель. Изучение факторов, влияющих на дифференциацию инновационного потенциала российских регионов для принятия мер по их государственной поддержке.

Методы. Проанализирована динамика инновационного потенциала ЮФО и инновационной активности на региональном уровне, на основе сопоставления значений показателей субъектов РФ, базирующихся на материалах Росстата. Определены «болевы точки» для регионов, отстающих в инновационном развитии.

Результаты и практическая значимость. Выявлены причины дифференциации инновационного потенциала по регионам Юга России. Обоснованы факторы, влияющие на динамику инновационной активности в территориальном разрезе. Сформулированы приоритеты развития инновационной деятельности на региональном уровне управления.

Научная новизна. Предложены инструменты государственной поддержки инновационной деятельности. Определены перспективы совершенствования инновационного потенциала посредством разработки и реализации целевых программ инновационного развития. Сформулированы рекомендации по улучшению управления инновационным потенциалом и повышению инновационной активности организаций в масштабах федерального округа.

Ключевые слова: инновационный потенциал, федеральный округ, субъект Российской Федерации; инновационная деятельность, управление региональным инновационным развитием.

Moltchanov I.N., Molchanova N.P.

DIFFERENTIATION OF INNOVATIVE CAPACITY OF REGIONS AND STATE SUPPORT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT (EXEMPLIFIED BY THE SUBJECTS OF THE SOUTHERN FEDERATION DISTRICT)

Purpose. Study of factors affecting the differentiation of innovative potential of Russian regions to take action on their state support.

Methods. The dynamics of innovation potential SFD and innovative activities at the regional level, based on comparing the values of the subjects of the Russian Federation, based on the materials Rosstat. Identified “hot spots” for the regions that are lagging behind in innovation development.

Results and practical significance. The causes of differentiation innovation capacity by region in Southern Russia. Substantiated factors influencing the dynamics of innovation in territorial aspect. Formulated priorities the development of innovation management at the regional level.

Scientific novelty. Tools offered public support for innovation. The prospects of improving the innovation capacity through the development and implementation of targeted programs for innovative development. Makes recommendations to improve the management of innovative potential and improve innovative activity organizations in federal district scale.

Key words: innovation potential, Federal District, the subject of the Russian Federation; innovation, management of regional innovation development.

Образование федеральных округов открывает новый этап в совершенствовании управления развитием региональной экономики. Федеральные округа, созданные согласно Указу Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [1], представляют собой географически определенные территориальные образования, исполняют важные функции в общероссийском разделении труда и используются центральными органами власти для общегосударственного управления экономикой в территориальном разрезе. Каждый из них объединяет ряд субъектов РФ, характеризующихся наличием дифференциации важнейших социально-экономических показателей, располагает значимым совокупным экономическим потенциалом, сформировавшимся перечнем видов экономической деятельности, обладает производственным, социальным и инфраструктурным комплексами.

Федеральные округа, наделенные определенными властными полномочиями, имеют особое государственное значение, являются базой для выстраивания взаимоотношений федерального центра с регионами, предназначены для решения общенациональных задач, формирования единого экономического пространства России, преодоления различий в уровне инновационного развития. В них создаются федеральные организационные структуры, перемещается ряд соответствующих функций регулирования, координации, распоряжения и контроля из центрального аппарата в окружной (не затрагивая функции субъектов РФ), что способствует укреплению федерализма как системы разделения власти и принятия решений между различными уровнями

управления в рамках определенной территории. На процесс становления и упрочения позиций макрорегионов на экономической карте России объективно воздействует проводимая федеральными органами управления государственная региональная политика [2, с. 20-23].

В состав Южного федерального округа (ЮФО) входят шесть субъектов РФ: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области. Данные регионы отличаются сходностью природно-климатических условий, ресурсной базы, этнокультурных традиций входящих субъектов и, как целостная совокупность, представляют собой макрорегион окружного типа, который понимается как особая разновидность макрорегионов, возникшая в результате нового, конституционно закрепленного административно-территориального деления страны и структуры ее субъектов (термин «макрорегион окружного типа» введен в научный оборот И.В.Митрофановой в [3, с.110]). Такое понимание позволяет априори учитывать в рамках подведомственной территории специфику движения факторов производства и особенности функционирования хозяйственных связей, углубление и совершенствование которых приводит к формированию совокупного экономического потенциала. В его составе можно выделить в качестве системообразующих элементов ряд объективно независимых, самостоятельных по отношению к друг другу и то же время активно взаимодействующих частных потенциалов: производственный, финансовый, трудовой, природный (природно-ресурсный), научный (инновационный) [4, с.19-21].

Одна из наиболее динамично развивающихся частей совокупного экономического потенциала — это

инновационный потенциал. Для определения его содержания используются различные подходы. Согласно одному из известных определений, инновационный потенциал — это «научно-технический потенциал страны в виде научно-исследовательских, проектно-конструкторских, технологических организаций, экспериментальных производств, опытных полигонов, учебных заведений, персонала и технических средств этих организаций» [5].

В более общем виде инновационный потенциал характеризуется как совокупность кадровых, материально-технических, информационных и организационных ресурсов, предназначенных для решения стоящих перед обществом задач инновационного научно-технического развития [6, с.33]. Некоторые исследователи предлагают несколько видоизменить состав инновационного потенциала за счет включения в него, наряду с материальными, интеллектуальными, научно-техническими, также финансовых и иных ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности [7].

Такое расширительное толкование содержит элементы дискуссионности, поскольку финансовые ресурсы составляют основу формирования финансового потенциала как составной части совокупного экономического потенциала национальной экономики. Общим для приведенных выше определений является то, что они базируются на ресурсном подходе и рассматривают инновационный потенциал применительно ко всей экономике страны. Однако более приемлемой выглядит точка зрения, согласно которой инновационный потенциал есть совокупность не только ресурсов, но и инновационных возможностей в различных сферах экономической деятельности.

На региональном уровне (федерального округа, субъекта РФ), по мнению авторов, инновационный потенциал представляет собой совокупность располагаемых ресурсов, имеющихся средств и возможностей, способствующих их наилучшему вложению и использованию в территориально-хозяйственном комплексе, обеспечивающих разработку и внедрение новшеств и нововведений, смену поколений техники и технологий в целях повышения уровня и качества жизни населения. Оценивать данный потенциал целесообразно уровнем внедрения достижений научно-технического прогресса в экономику и социальную сферу.

Основываясь на существующей информационно-статистической базе, инновационный потенциал можно охарактеризовать комплексом показателей. К их числу следует отнести: число организаций, выполняющих научные исследования и разработки (НИР); численность персонала, занятого НИР; численность исследователей с учеными степенями кандидата и доктора наук; внутренние затраты на НИР; внутренние текущие затраты на НИР по видам затрат и по видам

работ; поступление патентных заявок и выдача охранных документов.

Выполненное исследование приводит к выводу о наличии существенной дифференциации инновационного потенциала в территориальном разрезе. Так, по данным за 2012 г., число организаций в субъектах ЮФО, выполнявших НИР, составило 222 ед., или около 7 процентов от общего количества научных организаций в целом по России (3566 ед.). При этом 101 организация (45,5 % от их количества в ЮФО) расположена в Ростовской области, 52 (23,4%) — в Краснодарском крае, 38 (17,1%) — в Волгоградской области, 17 (7,7%) — в Астраханской области. Одновременно с этим, численность персонала, занятого исследованиями и разработками (в составе персонала, занятого НИР, выделяются следующие категории: исследователи, техники, вспомогательный и прочий персонал), в целом по ЮФО достигла 23964 чел. (3,3 % от общего показателя по РФ, который составил 726318 чел.), в том числе в Ростовской области — 12310 чел. (53,4 % от общей численности персонала данных категорий в округе), Краснодарском крае — 6504 чел. (27,1%), в Волгоградской области — 3639 чел. (15,2%), в Астраханской области — 1014 чел. (4,2%) [8, с.495-498].

Характерной тенденцией развития сферы НИР является положительная динамика численности исследователей с учеными степенями. Так, за период с 2005 года по 2012 год в целом по РФ данный показатель вырос на 9902 чел. (с 99428 чел. до 109330 чел.), или на 9,7%, в том числе докторов наук — на 4374 чел. (с 23410 чел. до 27784 чел.), или на 18,7%, кандидатов на наук — на 5528 чел. (с 76018 чел. до 81546 чел.), или на 7,0 %. В ЮФО численность исследователей с учеными степенями увеличивается более быстрыми темпами. Например, за анализируемый период она выросла на 736 чел. (с 2791 чел. до 3527 чел.), или на 26,4%, в том числе докторов наук — на 325 чел., или на 68,3%, кандидатов наук — на 411 чел., или на 17,8 %. При этом численность исследователей с учеными степенями сконцентрирована в Ростовской области и Краснодарском крае (соответственно 37,9 % и 40,9 % от их общего количества в ЮФО по состоянию на конец 2012 года) [9, с.794-795].

Несмотря на кризисные явления в экономике страны, в России внутренние затраты на НИР за период с 2005 г. (230785,2 млн.руб.) до 2012 г. (699869,8 млн.руб.) выросли более чем в 3,0 раза и в целом за это время составили 3641251,9 млн.руб. По всем субъектам ЮФО наблюдалась аналогичная динамика данного показателя: с 6755,8 млн.руб. в 2005 г. до 18618,0 млн.руб. в 2012 г., то есть рост почти в 2,8 раза, а его общая величина за весь исследуемый период достигла 97156 млн.руб. (2,7 % в объеме внутренних затрат на НИР по стране в целом). При этом наибольший удельный вес в структуре этого важного индикатора tradi-

ционно занимает Ростовская область. В 2012 году ее доля составила 50,1 % (9319,7 млн.руб.) всех внутренних затрат на НИР по ЮФО [9, с. 796-797].

Укрепление инновационного потенциала становится возможным в условиях интенсификации производственных процессов, модернизации и инновационной направленности развития предприятий и организаций. Такой подход ориентирован на привлечение инвесторов, обладающих современными технологиями, реализующих инвестиционные проекты, обеспечивающих формирование инновационной среды, а также повышение инновационной активности организаций, которая отражает степень их участия в осуществлении инновационной деятельности в целом или отдельных ее видов в течение определенного периода времени. Инновационную активность организаций можно охарактеризовать следующими статистическими показателями: число созданных и число используемых передовых производственных технологий; уровень инновационной активности организаций; затраты на технологические инновации; объем инновационных товаров, работ, услуг.

Наблюдается неравенство уровня инновационной активности хозяйствующих субъектов, которая характеризуется степенью участия организаций в осуществлении инновационной деятельности, по регионам ЮФО. Так, по состоянию на конец 2012 года, она составила 7,4%, что ниже среднего показателя по России (10,3%). Наиболее высок уровень инновационной активности, определяемый как отношение числа организаций, осуществляющих технологические, организационные или маркетинговые инновации, к общему числу обследованных в каждом субъекте РФ организаций, в Республике Адыгея, Краснодарском крае, Волгоградской и Ростовской областях (6,8%; 7,4%; 7,1%; 8,7 % соответственно). В качестве негативного момента следует отметить, что как в целом по ЮФО, так и в ряде его субъектов в течение 2000-х годов прослеживается тенденция к снижению инновационной активности организаций [9, с. 820-821].

Вместе с тем, за период с 2005 по 2012 годы наблюдаются устойчивые темпы роста затрат на технологические инновации как в целом по России (с 143222,6 млн.руб. в 2005 г. до 904560,8 млн.руб. в 2012 г., то есть более чем в 6,3 раза), так и по ЮФО (соответственно с 7979,4 млн.руб. до 38470,9 млн.руб. или в 4,8 раза). Однако, следует отметить существенные различия данного показателя по субъектам РФ: наиболее высокие темпы роста имели место в Астраханской области (в 24,5 раза), Краснодарском крае (в 13,8 раза) и Ростовской области (в 9,9 раза) [9, с. 822-823].

Несмотря на то, что в среднем по России сохраняется устойчивость в динамике объема инновационных товаров, работ и услуг (5,0 % от общего объема отгруженных товаров в 2005 г., 4,5 % в 2009 г., 8,0 %

в 2012 г.), в целом по ЮФО ситуация несколько иная (3,2 % в 2005 г., 6,1 % в 2009 г., 3,0 % в 2012 г.). По отдельным субъектам РФ в анализируемом периоде данный показатель весьма существенно колебался. Так, в Волгоградской области его уровень составлял соответственно 4,5%, 12,2%, 0,9%; в Ростовской области — 3,9%, 5,5%, 7,1%; в Астраханской области — 1,1%, 0,6%, 0,7%; в Краснодарском крае — 1,0%, 1,8%, 0,7 % [9, с. 824-825].

Выполненный анализ позволяет заключить, что динамика показателей, отражающих инновационное развитие по регионам ЮФО, характеризуется как достаточно неравномерная. Однако, Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский край являются регионами, восприимчивыми к инновациям и обладают весомым научным потенциалом, который следует задействовать более эффективно. Вследствие влияния совокупности внешних и внутренних условий, тенденции изменения рассмотренных индикаторов в названных регионах выглядят более стабильными и прогнозируемыми. Результаты исследования инновационного потенциала представляются важными для регионального сообщества и могут быть использованы при обосновании основных положений государственной инновационной политики, формировании стратегии управления инновационным потенциалом, разработке и реализации долгосрочных государственных, целевых и ведомственных инновационных программ.

Накопление инновационного потенциала происходит в процессе инновационной деятельности, которая связана с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности. Инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, и именно в своей совокупности они приводят к инновациям. Современное состояние инновационной деятельности в значительной мере определяется не только теми условиями хозяйствования, которые были характерны для дореформенного периода, но и особенностями формирования рыночных отношений в 2000-е годы.

Инновационная деятельность на региональном уровне управления осуществляется на основании Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных общегосударственных нормативных правовых актов, а также соответствующих законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ. В большинстве административно-территориальных образований ЮФО (Краснодарском крае, Ростовской,

Астраханской и Волгоградской областях, Республике Адыгея) в дополнение к федеральному законодательству приняты региональные законы, регулирующие инновационную деятельность. Эти нормативные акты близки по структуре и содержат основные понятия, цели, принципы, основные направления и механизмы реализации региональной инновационной политики, а также правовые основы, меры государственной поддержки и финансовое обеспечение инновационной деятельности.

Вместе с тем, формулировки базовых положений регионального законодательства имеют оригинальную трактовку и определенные, в ряде случаев весьма существенные, различия. Например, согласно Закону Ростовской области, целями осуществления инновационной политики в рамках подведомственной территории являются: увеличение вклада субъектов инновационной деятельности в развитие экономики региона; формирование экономических условий для вывода на рынок конкурентоспособной инновационной продукции; обеспечение прогрессивных структурных преобразований — модернизации — в сфере материального производства; развитие и эффективное использование результатов инновационной деятельности. В Законе Краснодарского края целями государственной региональной инновационной политики определены развитие и эффективное использование инновационного потенциала в экономике, содействие развитию рынка технологий, внедрению результатов научно-технической деятельности, увеличению выпуска конкурентоспособной продукции (работ, услуг, технологий) и импортозамещению важнейших товаров, обеспечению высокого темпа развития экономики, повышению уровня и качества жизни населения.

Отмеченное выше разнообразие трактовок относится и к направлениям инновационной политики на региональном уровне управления. Так, в законодательстве Ростовской области, основными среди них являются: привлечение инвестиций в инновационную инфраструктуру; государственная поддержка инновационной деятельности; содействие созданию территориальных объединений субъектов инновационной деятельности; содействие в формировании систем подготовки и переподготовки специалистов для работы в сфере инновационной деятельности; освоение производства принципиально новых видов инновационной продукции, а также расширение рынков ее сбыта; формирование эффективной системы государственного регулирования инновационной деятельности; создание благоприятных экономических и правовых условий для субъектов инновационной деятельности; информационная поддержка инновационной деятельности.

В Законе Краснодарского края в качестве основных направлений выделены: определение приоритет-

ных научно-технических направлений и формирование территорий научно-технического и инновационного развития экономики; увеличение числа технопарков в сфере производства, осуществляющих внедрение и реализацию рыночно ориентированных перспективных инноваций; разработка и принятие целевых программ в инновационной сфере, поддержка инновационных проектов, обеспечивающих развитие региональной экономики; формирование эффективной системы государственного регулирования, поддержки и стимулирования инновационной деятельности; развитие инфраструктуры региональной инновационной системы и формирование среды, привлекательной для инвестиций; развитие международного сотрудничества, привлечение иностранных компаний для реализации инновационных проектов на территории региона.

Анализ различных целевых установок и направлений инновационной политики приводит к выводу о том, что в рамках федерального округа существует потребность в согласовании базовых положений по государственному регулированию инновационной деятельности входящих в его состав административно-территориальных образований (республик, краев, областей), а также подготовке на этой основе общих целевых критериев и приоритетных направлений инновационного развития. Своевременность подобной трансформации методологии региональных исследований подтверждается в работе, посвященной использованию программно-целевого подхода в управлении развитием региональной экономики. В ней обосновывается необходимость адаптирования всего комплекса документов методического характера, практически используемых в настоящее время в рамках субъектов РФ (прогноз, концепция, стратегия развития, индикативный план, федеральные и региональные целевые программы и др.), к масштабам территориально-хозяйственных комплексов федеральных округов [10, с.201-210]. В этой связи становится актуальным формирование единых, приемлемых для всех хозяйствующих субъектов, законоположений и упорядочивающих их применение нормативных правовых и методических документов.

Практическое осуществление инновационной деятельности на региональном уровне управления регламентируется республиканскими, областными, краевыми средне- и долгосрочными Программами социально-экономического развития. Для более предметного рассмотрения накопившихся проблем, в настоящее время в субъектах ЮФО разрабатываются и реализуются долгосрочные целевые программы инновационного развития. В общем виде назначение подобных программ состоит в подготовке условий для обеспечения системного перехода экономики на инновационный путь развития и устойчивого роста валового регионального продукта на основе совер-

шенствования кадрового потенциала, модернизации производственной технологической базы и внедрения результатов научно-технического прогресса, направленных на повышение качества жизни населения.

На взгляд авторов, для преодоления существующего неравенства, инновационная деятельность должна быть согласована и скоординирована всеми субъектами, расположенными на территории федерального округа, а ее государственную поддержку целесообразно было бы сосредоточить в соответствующем подразделении администрации Полномочного представителя Президента в ЮФО. В этой связи в каждом субъекте РФ следует в дальнейшем поддерживать разработку долгосрочных государственных программ развития инновационной деятельности, базирующихся на единой методологической основе, представляющих собой комплекс взаимосвязанных мероприятий (на срок не менее пяти лет), согласованных по ресурсам, исполнителям, срокам осуществления и обеспечивающих эффективное решение приоритетных межведомственных стратегических задач инновационной направленности. Наряду с этим, востребованным инструментом становятся разрабатываемые в регионах ведомственные программы, включающие комплексы мероприятий (на срок не более трех лет), предусматривающих решение конкретных тактических задач в области развития инновационной деятельности. Возможно также целевое формирование перечня приоритетных мероприятий, ориентированных на повышение инновационной активности.

В связи с изложенным, представляется правомочным унифицировать в масштабах макрорегиона окружного типа механизмы составления и реализации региональных долгосрочных целевых и ведомственных программ. Необходимо сформулировать типовые методические рекомендации, в соответствии с которыми разработчики могли бы определять основные направления, задачи и комплексы мероприятий поддержки инновационной деятельности, отражающие как общие, характерные для рыночной экономики тенденции развития, так и отличительные особенности хозяйственного комплекса каждого субъекта РФ в составе федерального округа. При этом, руководствуясь действующим законодательством следует, с одной стороны, обеспечить рациональное и эффективное использование ресурсов региональных бюджетов, а с другой — задействовать механизмы привлечения средств частных инвесторов и прочих внебюджетных источников.

В целевых программах и формируемых перечнях приоритетных мероприятий могут предусматриваться разнообразные формы государственно-частного партнерства. Взаимодействию органов власти и управления с предпринимательским сообществом, работодателями, образовательными учреждениями, другими участниками взаимовыгодного сотрудничества уде-

ляется повышенное внимание [11]. В регулировании инновационной деятельности актуальными направлениями становятся предоставление образовательных услуг, информационная и консультационная поддержка; содействие в создании проектной документации; формирование спроса на инновационную продукцию; финансовое обеспечение; поддержка экспорта; обеспечение инфраструктуры; другие формы, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Перечень приоритетных мероприятий, имеющих существенное значение для экономики и социальной сферы, а также ожидаемые конечные результаты реализации инноваций целесообразно было бы сконцентрировать в долгосрочной целевой Программе инновационного развития федерального округа. Документы такого масштаба могут служить инструментом научного обоснования и оценивания итоговой величины исполнения аналогичных программ по всем входящим в его состав субъектам РФ, муниципальным образованиям, с помощью следующих индикаторов: доля инновационно активных предприятий, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации и выпускающих инновационную продукцию, в общем количестве предприятий и организаций; доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности работников, занятых в экономике; доля отгруженной инновационной продукции и услуг в общем объеме отгруженной продукции; доля организаций, осуществляющих инновации в области производственного проектирования, в общем числе организаций, выполнявших технологические инновации; доля организаций, осуществляющих инновации в области исследований и разработок, в общем числе организаций, выполнявших технологические инновации; доля отгруженной инновационной продукции в валовом региональном продукте федерального округа (субъекта РФ).

При таком подходе становится необходимым согласовывать временные горизонты разработки и реализации долгосрочных государственных программ инновационного развития регионов, входящих в состав макрорегиона окружного типа. В настоящее время перспективный период целесообразно ограничить 2020 годом. В этом случае появляется возможность для обобщения и анализа ожидаемых конечных результатов исполнения программных документов с помощью названных выше индикаторов. В условиях макроэкономической нестабильности существенное значение приобретают вопросы тактического антикризисного управления на региональном и муниципальном уровнях [12].

В границах определенной территории ключевая роль в поддержании устойчивого развития на региональном уровне (федерального округа, субъекта РФ) принадлежит инновационной системе, понимаемой

как совокупность участников, субъектов инновационной деятельности, а также существующие взаимосвязи между ними по проведению государственной региональной инновационной политики. Рассмотрим состав инновационной системы на примере Ростовской области, которая включает в себя следующие элементы: 12 инновационно ориентированных региональных вузов, 3 технопарк (в городах Ростов-на-Дону, Таганрог и Новочеркасск), 9 бизнес-инкубаторов, ГУП РО «Ростовский региональный центр инновационного развития», НП «Ростовский центр трансфера технологии», НП Центр энергосбережения и инновационных технологий, научно-производственный центр космических и оптико-электронных технологий «Вертикаль» на базе ОАО «КВАНТ», Инновационно-технологический лазерный центр в городе Таганроге, Центр инновационных технологий компании ОАО «ЭМАльянс», Государственный научный центр Российской Федерации — ОАО Научно-производственное объединение «Центральный научно-исследовательский институт технологии машиностроения». В других субъектах ЮФО также функционируют инновационные системы, состав и структура которых определяются состоянием и особенностями накопленного инновационного потенциала.

Формирование инновационной системы региона (республики, края, области) затрудняют накопившиеся проблемы, в той или иной мере характерные для различных субъектов РФ. К числу основных из них следует отнести: неустойчивый спрос со стороны реального сектора экономики на коммерчески перспективные результаты научно-технической деятельности; недостаточное развитие в регионе ряда ключевых организаций инновационной инфраструктуры (высокотехнологичных бизнес-инкубаторов, отраслевых технопарков, национальных научно-производственных центров, посевного и венчурного фондов, центров прототипирования и промышленного дизайна); нестабильность кооперационных связей между научными, образовательными, инновационными организациями и производственными предприятиями; отсутствие координации элементов региональной инновационной системы, что препятствует интеграции финансовых, интеллектуальных и организационных ресурсов. Кроме этого, следует обратить внимание на низкий уровень информационной доступности инновационной сферы, прежде всего недостаток информации о новых технологиях и потенциальных рынках сбыта наукоемкой продукции, об объектах вложения венчурного капитала; недостаточный уровень развития малого и среднего инновационного предпринимательства и его участия в кооперации с крупным бизнесом; низкий уровень эффективности стимулирования инновационной деятельности и государственной поддержки научно-технических разработок; слабая подготовка руководителей инновационно ориентированных пред-

приятий по вопросам эффективного использования современных инструментов инновационного менеджмента и методов продвижения наукоемкой продукции на отечественном и внешнем рынках. В качестве негативных факторов можно отметить существующие разрывы в инновационном цикле при переходе от фундаментальных к прикладным исследованиям, неразвитость инновационной инфраструктуры в части коммерциализации передовых технологий, что приводит к низкой инновационной активности хозяйствующих субъектов.

Из изложенного следует, что проведение модернизации экономики в сложных условиях посткризисного периода призвано способствовать выработке более взвешенных подходов и направлений развития инноваций. Прежде всего, инновационная деятельность должна осуществляться по приоритетным отраслям развития региональной экономики. Например, в Ростовской области таковыми являются: агропромышленный комплекс; минерально-сырьевой комплекс; электроэнергетика; информатика и телекоммуникации; машиностроительный комплекс; строительство и жилищно-коммунальное хозяйство; химическая и нефтехимическая промышленность; здравоохранение; транспортный комплекс; космические технологии. В Краснодарском крае к приоритетным отраслям для развития инноваций относятся: промышленность; строительство; топливно-энергетический комплекс; агропромышленный комплекс; транспорт и связь; курортно-рекреационный и туристский комплекс; жилищно-коммунальное хозяйство; научно-образовательный комплекс; здравоохранение. Вместе с тем, в условиях недостаточности финансовых ресурсов и сохраняющейся безработицы среди молодежи, существует востребованность в создании малых фирм, в том числе организованных на базе высших учебных заведений, и специализирующихся на производстве отдельных видов инновационной продукции.

В целом, существует потребность в формировании инновационной системы федерального округа, как координационного центра инноваций в масштабах макрорегиона окружного типа. Эта система должна базироваться на совокупности юридических, финансовых, организационных структур, функционирующих в регионах (субъектах РФ) и механизмов, поддерживающих создание и распространение инноваций, экономически выгодную реализацию знаний и технологий. Для практического построения такой системы, по мнению авторов, необходимо соблюдение ряда предпосылок:

во-первых, определение приоритетов в развитии фундаментальной и прикладной науки, усиление финансовой (грантовой) поддержки научных (инновационных) проектов, в том числе и на стадии их реализации, расширение интеграции научных и образовательных учреждений, воспроизводство кадрового

потенциала, что будет способствовать созданию благоприятной среды для генерации знаний;

во-вторых, организация инновационно ориентированного маркетинга, что позволит посредством технологического прогнозирования выявить потребности и конкурентные преимущества региональной экономики, определить приоритеты инновационного развития, а также сформировать ряд стратегических инновационных проектов, базирующихся на перечне критических технологий РФ и реализуемых путем государственно-частного партнерства;

в-третьих, создание условий для эффективного обмена инновационной информацией и коммерческого использования результатов НИР, повышение конкурентоспособности региональных прикладных исследований посредством применения проектного финансирования научных организаций, развития мотивации к участию в межрегиональных и международных исследованиях;

в-четвертых, формирование сети и обновление оборудования региональных исследовательских центров, совершенствование системы учета и контроля за приобретением и использованием прав на результаты научной деятельности, полученные за счет бюджетных средств, а также создание механизмов поддержки импорта новейших (передовых) технологий, экспорта наукоемкой продукции, страхования рисков инновационных компаний при осуществлении технологических инвестиций.

Как представляется, механизмы реализации инновационной политики в рамках федерального округа должны содержать единые административные и экономические меры. Разнообразные инструменты могут включать разработку и принятие соответствующих окружных нормативных правовых актов, направленных на развитие инновационной деятельности, стимулирование заинтересованности и обеспечение защиты прав ее субъектов; государственную поддержку, предоставляемую на конкурсной основе, в соответствии с действующим законодательством; содействие развитию межрегионального, международного сотрудничества и внешнеэкономических отношений субъектов инновационной деятельности. Кроме этого, следует оказывать им помощь в получении технической и методической поддержки международных и российских организаций, содействие в продвижении инновационной продукции. Важными аспектами выступают участие субъектов инновационной деятельности и представление произведенной ими инновационной продукции на различного уровня выставках, ярмарках, конференциях и информационно-рекламных мероприятиях. И, наконец, возрастает значимость процедур разработки и реализации муниципальных программ, направленных на развитие инновационной деятельности на территориях муниципальных образований, в

случае принятия их представительными органами соответствующих решений.

Актуальным вопросом является финансовое обеспечение инновационной деятельности. В работе Е.В.Добролежи подчеркивается, что финансовым ресурсам, обладающим свойствами ликвидности и мобильности, по праву принадлежит ключевое место в ресурсном обеспечении территориального развития [13, с.45-47]. Финансирование инноваций может осуществляться за счет средств федерального и регионального бюджетов, предусмотренных целевыми программами развития отраслей экономики, а также внебюджетных и других источников. Применительно к инновационному потенциалу, под финансовыми ресурсами рекомендуется понимать часть денежных средств, а также инвестиций, кредитов, займов, выраженных в денежной форме и необходимых для осуществления инновационной деятельности [14, с.32]. Обобщенно, на основе анализа отечественных публикаций, можно заключить, что организация финансирования инноваций — это достаточно сложная система, в которой сочетаются различные источники (по формам собственности, уровням управления) и способы предоставления финансовых ресурсов. Возрастает значимость совершенствования наряду с финансово-экономическими, также и нормативно-правовых основ социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях управления [15].

Высокую востребованность в становлении инновационного процесса имеет организационная составляющая. В целях обеспечения координации основных направлений региональной инновационной политики на уровне федерального округа, интеграции научной и образовательной деятельности, сохранения и развития инновационного потенциала целесообразно было бы сформировать Совет по инновационному развитию как постоянно действующий совещательный коллегиальный орган, обеспечивающий взаимодействие полномочных структур управления входящих субъектов РФ, субъектов инновационной деятельности, учебных заведений, научных, проектных и кредитных организаций в сфере реализации инновационной политики и внедрения результатов научно-технической деятельности.

Проведение согласованных процедур в области составления и исполнения целевых программ инновационного развития на территории федерального округа, включая входящие субъекты РФ и формирующие их муниципальные образования, возможно через соответствующие механизмы. Например, это могут быть следующие организационные решения: Стратегический Совет как постоянный орган для формирования пакета приоритетных программных проектов и их экспертизы, проведения конструктивного анализа выполняемых действий с целью их периодической коррек-

тировки и оценки достигнутых результатов (на основе учета интересов представителей власти, бизнеса и общественности); Централизованный стратегический финансовый фонд, обеспечивающий аккумуляцию инвестиционных ресурсов и использование финансовых средств на корпоративных началах. В качестве альтернативных вариантов финансирования программных мероприятий можно предложить создавать федеральные либо окружные фонды развития региональной экономики, управляющие государственные корпорации; также рекомендуется привлекать к управлению программами частные управляющие компании. Результативным направлением государственно-частного партнерства может стать совместное формирование окружного агентства, координирующего вопросы межрегионального инновационного развития, основными функциями которого будут: анализ, мониторинг, маркетинг, консультирование, экспертиза.

Таким образом, налаживание эффективного управления инновационным потенциалом, обеспечение его оптимального использования становится важнейшим условием достижения устойчивых темпов экономического развития. Данная проблема является достаточно сложной. Возможные направления ее решения заключаются в последовательном применении концептуальных положений современного менеджмента, обновлении нормативной правовой базы, совершенствовании методологии региональных экономических исследований.

В целом, переход России к применению инновационно ориентированной модели экономического роста требует сбалансированного решения вопросов, связанных с сохранением и развитием накопленного инновационного потенциала на региональном уровне управления (федерального округа, субъекта РФ). Первоочередное внимание необходимо уделять выбору и поддержке приоритетных направлений внедрения инноваций, повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности различных отраслей экономики, ускоренному развитию малого и среднего бизнеса, стимулированию инициативы на местах и активизации взаимодействия между государством, бизнесом и научным сообществом.

В условиях модернизации экономики федеральный округ становится основным звеном в системе регионального управления инновационной деятельностью; возрастает значимость вопросов, связанных с формированием соответствующих данному уровню нормативных правовых и методических информационных источников. На взгляд авторов, в перечень обязательных для практической работы материалов следовало бы включить законоположения, документы концептуального и прогнозно-планового характера, методические рекомендации и инструкции, создающие основания для регулирования и интенсификации

инновационной деятельности в масштабах макрорегиона окружного типа. Необходимо систематизировать соответствующие научные принципы и подходы, сформировать взаимосвязанную совокупность методов и инструментов, которые востребованы для обеспечения рационального взаимодействия всех участников инновационного процесса на территории федерального округа.

В настоящее время федеральные округа РФ находятся в стадии становления и вполне закономерно утверждаются в качестве ведущих звеньев в системе регионального регулирования инновационного развития. В будущем, по мере совершенствования необходимых предпосылок, федеральные округа могут быть позиционированы как полноценные административно-территориальные единицы, что и обуславливает дальнейшее продвижение законотворческой, административной деятельности и организационно-экономического обеспечения управления ими как базовыми структурами региональной экономики.

Литература:

1. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 (с учетом изменений и дополнений, внесенных Указом Президента РФ от 19 января 2010 г. № 82) [электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Молчанова Н.П. Государственная региональная политика и ее роль в управлении социально-экономическим развитием макрорегиона (на примере Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. № 1. С.19-28.
3. Митрофанова И.В. Стратегическое программирование развития макрорегиона: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 528 с.
4. Молчанов И.Н. Потенциал высшего профессионального образования: теоретико-методологические основы исследования: монография. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2008. 245 с.
5. Райзберг Б.А. и др. Современный экономический словарь /Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. 6-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 2012. 511 с.
6. Национальная экономика. Система потенциалов /С.Г. Тяглов, Н.П. Молчанова, В.Г.Житников, И.Н.Молчанов и др.; под ред. Н.Г. Кузнецова, С.Г. Тяглова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 368 с.
7. Федеральный портал по научной и инновационной деятельности. [электронный ресурс]. URL: http://www.sci-innov.ru/law/base_terms/ (дата обра-

щения 14.01.2014)

8. Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 717 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
10. Молчанова Н.П. Программно-целевой подход в управлении развитием федеральных округов и субъектов Российской Федерации: монография. М.: Издательство «МАКС Пресс», 2011. 340 с.
11. Дмитриева Е.А., Молчанов И.Н. Государственно-частное партнерство как механизм стимулирования развития сферы высшего профессионального образования // Вопросы управления. 2012. № 2. С.150-157.
12. Тургель И.Д., Мишанина О.А. Оценка тактического антикризисного управления в условиях нестабильности // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2009. № 9. С. 85-90.
13. Добролежжа Е.В. Ресурсное обеспечение развития экономики региона: оценка, управление, эффективность: монография. Ростов-на-Дону, РГЭУ («РИНХ»), 2011. 309 с.
14. Шаповалова Т.А., Курбатова С.В. К вопросу о финансировании инновационной деятельности // Российское предпринимательство. 2009. № 6. Вып. 2 (137). С. 31-36.
15. Тургель И.Д. Нормативно-правовые и финансово-экономические основы развития современного города как элемента системы местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2011. № 1 (1). С. 5-17.
3. Mitrofanova I.V. Strategic programming of the macro-region development: monograph. Rostov-on-Don: Published by YuNTs RAN, 2009. 528 p.
4. Molchanov I.N. Capacity of higher professional training: theoretical-methodological basics of research: monograph. M.: Economic faculty of MGU; TEIS, 2008. 245 p.
5. Raizberg B.A. and others. Modern economic dictionary / B.A. Raizberg, L.Sh. Lozovskiy, E.B. Starodubtseva. 6th edition, amended. M.: INFRA-M, 2012. 511 p.
6. National economy. System of facilities / S.G. Tyaglov, N.P. Molchanova, V.G. Zhitnikov, I.N. Molchanov and others; edited by N.G. Kuznetsov, S.G. Tyaglov. M.: YUNITI-DANA, 2013. 368 p.
7. Federal portal in research and innovative activity. [e-resource]. URL: http://www.sci-innov.ru/law/base_terms/ (date of reference 14.01.2014)
8. The Russian statistical annual report. 2013: Statist. Coll. / Rosstat. M., 2013. 717 p.
9. Regions of Russia. Social-economic indices. Statist. Coll. / Rosstat. M., 2013. 990 p.
10. Molchanova N.P. programmatically target-oriented approach in control of federal districts and subjects of the RF: monograph. M.: Published by "MAKS Press", 2011. 340 p.
11. Dmitriyeva E.A., Molchanova I.N. State-private partnership as a tool of motivation of higher professional training // Voprosy upravleniya. 2012. № 2. С.150-157.
12. Turgel I.D., Mishanina O.A. Evaluation of tactical anti-crisis management in conditions of instability // Nauchniy vestnik Uralskoy Akademiyi gosudarstvennoy sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo. 2009. № 9. P.85-90.
13. Dobrolezha E.V. Resource provision of development of regional economy: evaluation, management, efficiency: monograph. Rostov-on-Don, RGEU ("RINH"), 2011. 309 p.
14. Shapovalova T.A., Kurbatova S.V. About the problem of financing innovative activity // Rossiyskoye predprinimatelstvo. 2009. № 6. Issue 2 (137). P. 31-36.
15. Turgel I.D. Statutory and regulatory and financial-economic basics of the development of a modern city as an element of self-government // Minitsipalitet: ekonomika i upravleniye. 2011. № 1 (1). P. 5-17.

References:

1. On an authorized representative of the RF President in a Federal district: RF Presidential Decree dated May 13, 2000 № 849 with account of changes and amendments corrected by the RF Presidential Decree dated January 19, 2010 № 82) [e-resource]. Access from the legal-reference system "KonsultantPlus".
2. Molchanova N.P. State regional policy and its role in management of social-economic development of a macro-region (exemplified by the Southern and North Caucasian federal districts) // Nauchniy vestnik Uralskoy Akademiyi gosudarstvennoy sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo. 2011. № 1.

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

Новикова К.А.

соискатель ученой степени кандидата экономических наук, помощник директора,
Институт экономики УрО РАН (Россия), 620014, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Московская, д. 29, ksenija2011@yandex.ru

УДК 331
ББК 65.240

В статье говорится о развитии потенциала территории, дается понятие экономики знаний, ее характеристика. Приводится статистика по образовательной структуре России. Рассмотрены примеры развития образования в субъектах России, в других странах мира. Исследованы тенденции в развитии понятия «знание» во второй половине XX — начала XXI вв. Приведены понятия «знаний как продукт» и «знания как когнитивный процесс». Проанализирована взаимосвязь образования и уровня заработной платы населения.

Ключевые слова: потенциал, экономика знаний, знания как продукт, знания как когнитивный процесс, компетенции, человеческий капитал.

Novikova K.A.

DEVELOPMENT OF TERRITORIAL POTENTIAL ON THE BASIS OF KNOWLEDGE-BASED ECONOMY

The paper reviews the development of territorial potential, knowledge economy, and its characteristics. Statistics of educational structure of the Russian Federation is researched in this article. Examples of education development in subjects of the Russian Federation and in other countries are in the paper. Tendencies of development of knowledge as a definition during the second part of XX-XXI centuries are reviewed, and on the base of it definitions of “knowledge as product” and “knowledge as cognitive process” are showed by the author. The close correlation of the education level and salary level is explored in this paper.

Key words: potential, knowledge economy, knowledge as product, knowledge as cognitive process, human capital.

В настоящее время все больше обсуждается место человека (индивида) в современном мире. Многие считают, что главной функцией человечества является накопление материальных и нематериальных активов только в расчете на самих себя. А государство должно им в этом помогать. И неважно, каким образом развивается государство. Но это точка зрения имеет место быть, как и любая другая. Очевидно, что у общества, в котором нет взаимосвязи между государством и населением, никогда не будет будущего. Соответственно, существует противоположная идея (и мы согласны именно с ней) о том, что только благодаря развитию человечества государство будет развиваться. А если развивается государство, то и само общество развивается дальше вместе с ним. Отсюда получается спираль развития: население-государство-население. Именно в развитом, устойчивом обществе будет нормально развиваться и население в целом, и отдельный человек в частности. Мировая экономика, зависящая от уровня

развития наиболее экономически развитых стран, также будет склонна к формированию благоприятных условия для создания индивидуальных компетенций, которые позволят достичь наиболее высоких, экономически важных предпосылок для развития как отдельного человека, так и всего государства в целом.

Если немного перефразировать известную фразу и сказать, что конкуренция — двигатель торговли, а, следовательно, и всей экономики в целом, то главной задачей на сегодняшний день является создание конкурентоспособных образованных индивидуумов, которые бы были способны развивать экономику своей страны, на основе повышающейся компетенции и инновационных подходов к развитию процесса.

Все чаще звучит идея о том, что жизнеспособность территории зависит от навыков человечества, населяющих данную территорию, заставляя это население развивать экономическую приоритетность территории. В XXI веке конкурентоспособные территории должны

стать человекоориентированными, инвестируя и «взращивая» навыки, компетенции и таланты населения к инновациям. Экономическое развитие подвергается изменениям, благодаря чему происходит смещение приоритетов развития активов территории к признанию и развитию человеческих активов. Как и все изменения оно означает переосмысление политических установок, стратегий, предложений. Данного мнения придерживаются многие западные ученые и экономисты-исследователи [См.: 2, с.3]. Повышается актуальность инвестирования в человеческий капитал. Общеизвестно, что накопление человеческого капитала становится одним из главных «моторов» экономического роста, ключевым фактором экономического и социального благосостояния современных обществ [3, с.3].

Данные изменения связаны с переходом на новый уровень развития экономики — экономику знаний. Во многих странах, в частности и в России, экономикой движут инновационные разработки, высокотехнологические операции. А, например, Китай, уже уловил главную мысль развития экономики будущего. Поэтому с присущим этой стране энтузиазмом приверженцы экономики знаний заучивают новую «цитату»: «Основа экономики знаний — образование» [1]. В крупнейших университетах мира год от года растет число китайских студентов. Главной стратегией развития государство провозгласило развитие именно экономики знаний. В России же пока только-только начинает зарождаться данное направление.

Чем характеризуется экономика знаний? Существует несколько версий, но мы придерживаемся той, которая принадлежит западным исследователям. Итак, экономику знаний представляют три движущие силы, которые направляют конкурентоспособность предприятий, человечества и всей национальной экономики [4]:

- *Глобализация* — экономические рынки, рынки товаров и услуг намного шире, глобальнее, чем мы можем себе представить. На сегодняшний день источники развития обширны по всему миру. Поэтому многие крупные компании создают свои производства в той территории, где спрос на их продукцию выше и есть ресурсы для их производства;

- *Информация/ знания* — эффективное производство базируется на информации и ноу-хау; более 70 % работников в развитых странах информационно подготовлены. «Большинство работников предприятий используют свои головы, а не руки»;

- *Связи, контакты* — роль тесных контактов, Интернет-сети для обмена информацией.

Другими словами, сейчас миром управляют знания, — различная информация, исследования, то есть все, что представляет собой научное обоснование. Большинство предприятий, организаций, в том числе и органы государственного управления, полагаются на знания, с целью создать стратегически важные

предпосылки для развития потенциала соответственно своего предприятия, своей территории (как региона, так и муниципалитета). Развитие территории в некоторой степени зависит и от наличия экономически развитой инфраструктуры, градообразующих предприятий. Чем больше и лучше развита, налажена инфраструктура, тем выше и мощнее потенциал территории. А население в свою очередь и составляют, или другими словами, наполняют собой эту инфраструктуру. Не образованный человек не может создавать успешные проекты для достижения главной цели — наивысшего развития своего предприятия, и как следствие своей территории. Поэтому появляется необходимость создавать благоприятные условия для развития системы образования на территории.

Как можно вырастить экономически здоровую и конкурентоспособную нацию без инвестирования в образование, без создания благоприятных условий для развития потенциала территорий (муниципалитета, региона, всей страны)? Эти вопросы обязаны поставить перед собой органы власти нашей страны. Необходимо создавать больше учебных заведений, создавать различные центры дополнительного образования для того, чтобы люди могли чувствовать себя свободно в различных сферах общества. Все чаще постулат — образование как деньги, его нужно иметь много, иначе все равно будешь выглядеть бедно — находит свое отражение в реальной жизни. В самом деле, в современном мире каждый думает о своем благополучии, благосостоянии. Конечно, можно согласиться с тем, что богатый человек не тот, кто богат деньгами, а тот, кто богат душой, умом. Но посудите сами гораздо легче зарабатывать деньги образованному человеку, имеющему несколько категорий образования, несколько направлений. Не получилось в этой области, я всегда могу перейти в другую. На западе это называется человеческая мобильность. То есть, когда человек мобилен в своих шагах по карьерной лестнице, по пути к своему благосостоянию. В Японии каждый учится столько, сколько живет. Быть может, поэтому страна третьего мира обгоняет нас в экономическом развитии. Дополнительное образование помогает в первую очередь, найти себя, заниматься любимым делом, а также среди других представителей социума выделяться и иметь возможность быть конкурентоспособным на рынке труда.

Имеется в виду, что на сегодняшний день с ростом промышленных процессов и производств, с развитием научно-технического прогресса, предприятия оснащены «по последнему слову» техникой, для работы на которой необходимы люди, разбирающиеся в этом. Обычный мастер на станке с числовым программным управлением работать не может, а человек после дополнительного образовательного курса вполне. Студент, получивший образование «менеджмент»,

неконкурентен на рынке, так как таких как он множество. Всех их не отличить. Он не имеет определенные конкурентоспособные навыки. Чтобы устроиться на хорошую работу и получать удовольствие от нее и пользу, умный студент пройдет курс дополнительного образования, например, по направлению «кадровый менеджмент», «менеджмент инноваций» «менеджмент в машиностроительном кластере» и т.п. Если провести связь между благосостоянием и образованием, то с уверенностью, можно сказать, что, например, оператор станков с ЧПУ гораздо увереннее чувствует себя на рынке, как труда, так и на рынке экономическом.

Современная молодежь сама выбирает себе путь, по которому идти, но со стороны государства поддержка или правильное указание направления необходимы. Заканчивая школу в 16-17 лет, юные дарования (возможно будущие открыватели, изобретатели) выбирают себе специальность, не особо задумываясь о том, пригодится ли им именно данное направление, достаточно ли его будет для будущей обеспеченной жизни, выбрали они его сознательно или потому что в данный момент это является престижным. Все это проявляется потом, в голове укладываются мысли в «один ряд», появляется желание учиться чему-то новому, кардинально изменить свою жизнь и уйти из одной сферы деятельности в другую.

В 2000-е годы Россия пережила феноменальный образовательный рывок. Данные таблицы 1 наглядно

иллюстрируют этот вывод [3, с.46-47, 65]. Так, в этот период «представительство» лиц, окончивших вузы, увеличилось почти на 8 п.п., а «представительство» лиц, окончивших ссузы, — 47 на 3 п.п. (таблица 1). Одновременно резко упала (почти на 8 п.п.) доля лиц, окончивших учреждения НПО, что свидетельствует об окончательной утрате популярности «пэтзушного» образования среди российской молодежи. У женщин отмеченные тенденции были выражены намного сильнее, чем у мужчин: достаточно сказать, что если среди первых доля обладателей вузовских дипломов выросла почти на 9 п.п., то среди вторых — только на 6 п.п.

Естественно полагать, что столь радикальные сдвиги в образовательной структуре населения должны были способствовать быстрому наращиванию запасов человеческого капитала, и, как следствие, развитию образовательному потенциалу территории.

Как известно, потенциал территории может быть различным. Под *потенциалом* мы понимаем совокупность всех имеющихся в ее границах ресурсов (средств, запасов, источников) — материальных и духовных, природных и человеческих, как уже вовлеченных в процессы общественного производства и социального развития, так и тех, которые могут быть использованы для наращивания экономических возможностей, установления и укрепления социально-политической стабильности, повышения уровня и качества жизни населения данной территории

Таблица 1. Образовательная структура населения России 15–64 лет по данным переписей 2002 и 2010 гг., %*

Группы по уровню образования 2002 г. 2010 г.	2002 г.			2010 г.		
	Женщины	Мужчины	Все	Женщины	Мужчины	Все
Не имеют начального общего	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3
Начальное общее	2,6	2,9	2,8	1,5	2,0	1,8
Основное общее	11,9	13,9	12,9	8,1	11,1	9,5
Среднее (полное) общее	19,0	20,4	19,7	17,8	21,2	19,4
Начальное профессиональное	11,3	16,6	13,9	4,8	7,4	6,0
Среднее профессиональное	32,7	26,4	29,7	34,5	31,1	32,9
Неполное высшее профессиональное	3,6	3,4	3,5	5,4	5,0	5,3
Высшее профессиональное	18,4	15,9	17,2	27,5	21,8	24,8
Итого	100	100	100	100	100	100

* Без учета лиц, не указавших уровень образования в период переписи населения.

[5, с.8]. Требуется постоянный мониторинг ситуации в экономике и социальной сфере каждого региона, комплексной объективной оценки имеющихся ресурсов, обоснования наиболее рационального выбора траектории и механизмов, обеспечивающих оптимальное социально-экономическое развитие конкретной территории. Потенциал развития территории, с одной стороны, может представлять собой ресурсный, производственный, трудовой, интеллектуальный. А с другой, все это так называемые стороны социально-экономического потенциала. В данном случае мы говорим именно об интеллектуальном потенциале развития территории. Естественная взаимосвязь уровня человеческого развития и уровня развития экономики «на лицо». Чем выше уровень образования населения, тем выше уровень развития экономики региона, муниципалитета. Создаются новые технологии, изобретения инновационного характера посредством изучения, применения и обмена различной информации.

Знания, люди и их навыки стали источником личностного, делового и общественного богатства, что привело к расширению возможностей человеческого разума. Поэтому человеческий разум стал конкретной производственной силой, а не одним из элементов производственной системы [2, с.6].

Рассматривая интеллектуальный потенциал сотрудника, можно опираться на набор базовых показателей [6, с. 132-133]:

1. Образование
 - 1.1. Уровень базового образования.
 - 1.2. Уровень научной квалификации.
 - 1.3. Уровень дополнительного профессионального образования.
2. Имеющиеся научные результаты
 - 2.1. Масштаб публикаций.
 - 2.2. Масштаб инновационных результатов (изобретений, патентов).
 - 2.3. Масштаб научных (конструкторских) работ.
3. Умения
 - 3.1. Опыт нестандартных инженерных решений.
 - 3.2. Умение комплексного решения проблем.
 - 3.3. Знание современного состояния соответствующей области знаний.

В связи с этим необходимо поставить перед собой задачу решить одновременно две проблемы. С одной стороны, развитие экономики в этом направлении требует инвестирования в человеческий капитал (знания, умения, навыки, повышение качества образования, внедрение новых технологий и программ обучения). А, с другой — инвестирование в производство научных знаний (стимулирование исследований, открытий, обмен технологиями, реструктуризация предприятий, организация рабочих мест). Тем самым будет увеличиваться уровень производительности труда,

благодаря чему возможно повышение производства товаров и услуг.

Немаловажную роль уровень образованности населения, качество предоставления образовательных услуг и их эффективность играют в определении того, насколько население подготовлено для дальнейшего развития территории. В условиях инновационной экономики человеческий потенциал идентифицируется не только как фактор, но и как основная цель социально-экономического развития. Социальное развитие приводит к качественному изменению общества, главными показателями которого становятся: рост продолжительности жизни, образованности населения, увеличение его экономической активности и продуктивности труда как основы роста индивидуального и национального благополучия [7, с.71].

Потенциал общества снижается, если значительная часть населения не заканчивает школы хорошо подготовленными и не хотят «копить» знания и навыки, хотя имеют для этого возможности. Территории с меньшим квалифицированным населением сложно создавать благоприятные условия и поддерживать благосостояние [2, с.7]. Если люди, а не бизнес, предприятия, — источник благосостояния, то очевидно, что общество должно заботиться об их будущем и делать все возможное, чтобы население развивалось и работало на благо развития своей территории.

В последние годы и как прогноз на будущее звучит идея о том, что мы переходим от эры людей как рабочей силы, к эре людей человеческого капитала. Имеется в виду, что раньше большое внимание уделялось именно созданию рабочих мест, неважно какими бы они были, главное, чтобы было наличие таковых. Как люди бы работали, какими методами управляли своими организациями, — не имело никакого значения. Постепенно, с целью увеличения благосостояния и применения инновационных технологий, стали обращать внимание на неспособность людей работать на новой технике, заниматься инновационными технологиями. Для того, чтобы развиваться и иметь больший доход (прибыль) необходимо было иметь квалифицированные кадры. Поэтому предприятия начали отправлять своих работников на обучение новым технологиям, методам. Тоже самое происходит и в развитии территорий: муниципалитеты, регионы пытались создавать как можно больше центров обучения, отправлять работников на переобучение, на дополнительные образовательные программы. В настоящее время данное направление деятельности органов власти идет на спад. Но тем не менее образование населения является первоочередной задачей. Есть примеры, когда крупные предприятия, градообразующие предприятия создают корпоративные учебные заведения, заключают договоры с образовательными учреждениями высшего и среднего образования. Таковым является, круп-

ная металлургическая компания на Урале (Уральская горно-металлургическая компания), которая создала корпоративный университет для своих сотрудников и их детей. После окончания ВУЗа компания будет иметь набор квалифицированных кадров в различных областях: от управленческой деятельности до производственной. Также УГМК имеет договорные отношения со средне специальными образовательными учреждениями (колледжами), куда руководство компании отправляет своих сотрудников для получения среднего образования, для переквалификации или для получения узкого направления для работы, например, на новых высокотехнологичных, инновационных производственных машинах. Знания, навыки, академическая подготовка стали неотъемлемой частью бизнес-стратегий и конкурентными преимуществами.

Сейчас важную роль играет именно экономика знаний. Человеческие компетенции, навыки, умения выходят на первый план. В современной экономической модели развития, прежде всего, делается упор на развитие человеческого капитала, создание благосостояния населения, благоприятных условий для развития человечества. Государство действует посредством партнерства, образуются государственно-частные предприятия. Таким образом, территории, где государство и местное правительство готовы взять на себя ведущую роль в отношении инвестирования в знания (проведение исследований, передача технологий, организация рабочих мест) и развития человеческого капитала (навыки, образование), получают конкурентные преимущества [2, с.4]. Поэтому при составлении

рейтинга территорий, выявления потенциала развития территории важную роль будет играть именно эта составляющая — наличие развитой образовательной инфраструктуры и квалифицированных кадров. А на ранних стадиях, примерно в 1970-е и 1980-е гг., внимание уделялось научным и высокотехнологичным секторам экономики. Именно регионы с этими секторами считались развитыми регионами. Новые рабочие места ожидалось именно здесь, поскольку традиционные промышленные территории ожидали свое реструктуризации, или даже совсем могли исчезнуть, войти в состав более развитого региона, тем самым увеличивая напряженность на рынке труда. Поэтому с приходом 1990-х гг. экономика стала больше ориентироваться на создание рабочих мест, на рост развивающихся территорий. Таблица 2 показывает, как развивались тенденции в экономике второй половины двадцатого века [8, с.145].

Сложность технологического процесса требовала перехода к передовым технологиям. Поэтому в течение 80-90-х гг. подход, основанный на функционале, подчеркивал важность повсеместного распространения технологического прогресса и образования. Регионы, делавшие упор в своей политике на развитие науки, исследовательские институты и взаимодействие между ними были хорошими проводниками для долгосрочного продвижения инноваций на данной территории. В их сотрудничестве использовался метод, основанный на науке, научных знаниях, который помогал территориям становиться более развитыми по сравнению с другими регионами, которые еще не

Таблица 2. Тенденции в экономике второй половины XX века

<i>период</i> <i>факторы</i>	<i>главная роль — сектор</i> <i>(70-80-е гг.)</i>	<i>главная роль — функционал</i> <i>(80-90-е гг.)</i>	<i>главная роль — взаимосвязь</i> <i>(90-2000-е гг.)</i>
<i>движущие силы экономики</i>	научные, высокотехнологические сектора	высшее образование	познавательный потенциал
<i>месторасположение регионов</i>	развитые территории	научные регионы	развивающиеся территории
<i>разработка инноваций</i>	инновации вводятся только в короткие циклы производства	второстепенные предприятия	коллективное познание, взаимодействие
<i>«от инноваций к производству»</i>	радикальные инновации	технологический прорыв	разработка инноваций, производительный прирост
<i>пространственный контекст</i>	высокотехнологические кластеры	технопарки, большие города-регионы	инновационные округа, агломерации
<i>роль пространства</i>	близость производственных факторов (источников производства)	близость размещения производственных факторов	наличие взаимосвязанного капитала

перешли на данный этап, иметь конкурентные преимущества. Далее появляется необходимость применять как научные знания, так и производственные мощности. Поэтому в начале 2000-х гг. и по настоящее время возникает методика развития экономики, основанная на взаимодействии знаний и производства. Появляется понятие *когнитивного (познавательного) потенциала*. Западные ученые определяют его как способность управлять информацией в соответствии с определением и решением проблем в экономической сфере, способность передачи информации и внедрение ее в разработку инноваций и производство посредством сотрудничества и рыночного взаимодействия [8, с.147]. При данном подходе важную роль играют развивающиеся регионы, в которых можно легко сочетать информационные потоки с интеллектуальными способностями населения. Таким образом, получаем цепочку развития экономики: секторный подход (развитие на основе производства) — функциональный подход (научные исследования) — когнитивный потенциал (взаимодействие первого и второго).

Развитие потенциала территории при когнитивном подходе происходит благодаря двум взаимосвязанным процессам. *Во-первых*, это мобильность профессионально обученных кадров между компаниями одной территории. А *во-вторых*, интенсивность взаимосвязанных отношений между локальными субъектами и, в частности, отношения «покупатель-продавец» в производстве, при разработки научных исследований для производства, и, наконец, при выработке знаний, благодаря которым быстрее происходит инновационно-внедренческой деятельности [8, с.150].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что экономика знаний опирается на следующие факторы:

- ✓ Когнитивный процесс с участием всего общества;
- ✓ Интерактивный процесс внутри предприятий (взаимодействие всех департаментов, отделов);
- ✓ Коллективный процесс создания знаний в рамках локального округа;
- ✓ Основывается на том, что могло бы называться «взаимосвязанным капиталом», то есть сформиро-

ванным благодаря социальным связям и сплоченности, вариативности субъектов, внешним кооперативным связям, внешней доступности и интеграции, традициям общественного и личного партнерства, адаптивности к внешним угрозам.

Знания передаются через информационные потоки как внутри предприятия, локального округа (муниципалитета), территории, так и во вне (обмен знаниями между предприятиями, территориями). Раньше знания определялись как продукт, который можно было легко передать друг другу. Никаких барьеров не существовало. А в последнее время к знаниям начали относиться с точки зрения как к когнитивному процессу, к взаимосвязанному процессу. Обратим внимание на разницу между традиционным и современным взглядом на выработку (создание) и использование знаний (Таблица 3).

Необходимо развивать систему эффективной передачи данных, информации, необходимо обучать кадры, а для этого вводить инновационные технологии обучения, выработки и распространения знаний посредством научных технологий, образования сотрудников предприятия.

Сложно оценить потенциал территории, на которой есть только одно предприятие. Которое является градообразующим и которое находится на стадии закрытия, банкротства. Данная ситуация характерна для моногородов. Обучение и переобучение кадров на предприятии потребует огромных средств. Но при этом необходимо развивать и материально-техническую базу предприятия наравне с повышением квалификации сотрудников. А как показывает практика, в моногородах финансовые потоки не так развиты, как в больших городах-миллионниках. Поэтому чаще всего происходит слияние данного градообразующего предприятия с каким-нибудь более развитым и экономически успешным предприятием (может быть даже находящимся на другой территории). Вследствие чего усиливаются информационные потоки (выработка знаний), создаются новые и совершенствуются имеющиеся рабочие места. Тем самым моногород начинает «жить по-новому», экономика города строится на зна-

Таблица 3. Знания: традиционный и современный взгляд

<i>Знания как продукт (традиционный взгляд)</i>	<i>Знания как когнитивный процесс (современный взгляд)</i>
введение знаний в производство через исследования, купленные на рынке	знания развиты через изученные процессы, посредством взаимодействия, благодаря кооперативным процессам
- в основном частное владение знаниями; - пространство важно на межрегиональном уровне; - политические цели: ускорить принятие/введение знаний и снизить социальные затраты	- общественное владение или 50/50; - важна территория как локальный округ; - развитие зависит от территориального контекста и общности; - политические цели: улучшение пространственного контекста для развития знаний

ниях, полученные извне кооперационным путем.

Для того чтобы увеличить темпы роста российской экономики, необходимо направить силы на возобновление рабочих профессий, больше вкладывать финансовых средств в средние специальные образовательные учреждения. Все меньше выпускников школ выбирают профессии, связанные с математикой, наукой, инженерными специальностями. В скором будущем не останется людей, которые бы хотели быть задействованными именно в производственной сфере. Следовательно, необходимо создавать благоприятные условия, чтобы люди хотели пойти работать на заводы. Переквалификация существующих кадров, обучение новым технологиям, — вот главные задачи на сегодняшний день государственно-частного партнерства (кооперации государства и заводов, фабрик).

Однако, делать ставку только на обучение кадров мало. Необходимо еще «прививать» чувство патриотизма у граждан. Потому как, если человека обучить, присвоить ему квалификацию, то он вполне способен уехать за пределы своей территории и не развивать ее в силу различных объективных и субъективных причин. А если чувство патриотизма за свою территорию будет развито: почему моя «малая Родина» хуже другой при равных условиях, необходимо «догнать и перегнать» соседей, — то тогда он направит все свои силы, навыки, умения, компетенцию на развитие территории и достижение поставленных целей. Безусловно, чтобы этого достичь, потребуются некоторые затраты со стороны должностных лиц, для того, чтобы стимулировать граждан жить и работать на этой территории. Ими могут быть как материальные, так и нематериальные блага: налоговые льготы, увеличение заработной платы за счет районного коэффициента, предоставление жилья. Обучение за счет государства, предоставление мест в дошкольные учреждения. А также ранжирование в заработной плате. Другими словами за одну и ту же работу, работники разного образования, разного гражданства получают разную заработную плату. Такую политику мы можем наблюдать в Объединенных Арабских Эмиратах. Люди разного происхождения получают разную плату за свою работу, причем разница весьма существенная. Например, продавец индийского или пакистанского происхождения будет получать всего 500-800 долларов США, а точно такой же продавец, но русского или арабского (не граждане ОАЭ) получают уже в четыре раза больше, а коренной житель за работу продавца получит 5000 долларов США. Конечно, у нас в России данная политика по разделению наций по уровню зарплат может вызвать противоречия. Но почему нельзя ранжировать по уровню образования? На самом деле, на сегодняшний день, люди с высшим образованием и люди, со средним образованием, могут занимать одинаковые должности и получать за это одинаковую зарплату. «И если нет разницы, тогда за-

чем мне образование?» — скажет человек не имеющий университетского образования. А если будет разница? Причем ощутимая. То наверняка он задумается о получении образования. Следовательно, чем выше человек будет подниматься (по карьерной лестнице или на образовательный олимп), тем больше пользы он может принести своей территории. А, как говорилось выше, потенциал территории напрямую зависит от уровня образованности граждан.

Очевидно, что прослеживается четкая взаимосвязь между образованием, получением знаний, инновационно-изобретательской деятельностью, воспитанием патриотических принципов граждан, которая определяет потенциал развития территории.

Продвижение возможностей для отдельного человека переводится на уже сформированные возможности территории. Ответом на развитие конкуренции (конкурентоспособности) служит создание устойчивой системы рынка труда, способной обеспечить экономику компетентными кадрами. Поддержка государства будет важной составляющей в этом ответе, но только частью. Будущее будет зависеть от сплоченного партнерства государственного, частного и общественного сектора. Способность общества воспитывать талантливых, конкурентоспособных во всем мире граждан, следуя принципам экономики знаний, и желание самих граждан расти и развиваться, будет определять конкурентоспособность территории на долгие годы вперед [2, с.21].

Литература:

1. Елдышев Ю.Н. Экономика знаний // Экология и жизнь. 2003. №1. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/econ/2003-1-1.shtml> (дата обращения 21.02.2013).
2. Garmise Shari. People and the competitive advantage of place: building a workforce for the 21st century. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. 2006. 202 p.
3. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 75 с.
4. The Global Knowledge Economy: its implication for markets [электронный ресурс]. URL: <http://www.skyrme.com/insights/21gke.htm> (дата обращения 21.02.2013).
5. Глухов В.В., Коробко С.Б., Маринина Т.В. Экономика знаний. СПб: Питер. Серия «Учебное пособие». 2003. 528 с.
6. Кравченко Е.Н., Шаркевич И.В. Особенности развития человеческого потенциала регионов современной России // Экономика региона. 2011. № 3. С. 71-79.

7. Fratesi U., Senn L. Growth and Innovation of Competitive Regions: the Role of Internal and External Connections. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2009. 368 p.

References:

1. Yeldishev Yu.N. Economics of knowledge // *Ekologiya i zhizn*. [e-resource] URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/econ/2003-1-1.shtml> (date of access 21.02.2013).
2. Garmise Shari. People and the competitive advantage of place: building a workforce for the 21st century. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. 2006. 202 p.
3. Kapelyushnikov R.I. How much is human capital in Russia? Preprint WP3/2012/06; Nat. research university "The higher school of economics". M.: Publ. house of The higher school of economics. 2012. 75 p.
4. The Global Knowledge Economy: its implication for markets [e-resource]. URL: <http://www.skyrme.com/insights/21gke.htm> (date of access 21.02.2013).
5. Glukhov V.V., Korobko S.B., Marinina T.V. Economics of knowledge. StPetersb.: Piter. Series "Uchebnoye posobiye". 2003. 528 p.
6. Kravtchenko E.N., Sharkevitch I.V. Peculiarities of human potential of regions in modern Russia // *Ekonomika regiona*. 2011. № 3. P. 71-79.
7. Fratesi U., Senn L. Growth and Innovation of Competitive Regions: the Role of Internal and External Connections. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2009. 368 p.

АНАЛИЗ УРОВНЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пиньковецкая Ю.С.

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет (Россия), 432000, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 9, judy54@yandex.ru

УДК 658.152

ББК 65.29-56

В статье представлены результаты проведенного автором исследования достигнутого уровня инвестиций в основной капитал малого и среднего предпринимательства, показано наличие существенной дифференциации значений инвестиций по регионам страны, предложена и доказана возможность использования экономико-математических моделей для описания имеющихся закономерностей. Приведены три класса моделей, описывающих такие показатели, как доли инвестиций в основной капитал предпринимательских структур в общих объемах инвестиций по регионам страны, объем инвестиций, приходящихся на одного жителя по каждому из регионов, соотношения инвестиций в основной капитал и объема производства.

Ключевые слова: предпринимательские структуры, инвестиции, экономико-математические модели, субъекты страны, объем производства.

Pinkovetskaya Yu.S.

ANALYSIS OF INVESTMENT QUOTE TO THE BASIC CAPITAL OF BUSINESS STRUCTURES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents the results made by the author research of the achieved level of investment in the fixed capital small and medium entrepreneurship, showed the sufficient differentiation of values investment in the regions of the country, suggested and proved the possibility of use of economic-mathematical models for the describing of getting regularities. There are three classes of models that describe such indicators as the share of investment in the fixed capital of entrepreneurial structures in the whole amount of investment in the regions of the country, the amount of investment, account on one person in every region, the relations between investment in the fixed capital and turnover.

Key words: entrepreneurial structures, investment, economic-mathematical models, subjects of the country, turnover.

Важнейшим направлением управления развития малого и среднего предпринимательства является обеспечение финансовой поддержки этого сектора экономики в регионах. В статье под предпринимательскими структурами (называемыми также МСИП) будут пониматься три типа хозяйствующих субъектов — малые предприятия, средние предприятия и индивидуальные предприниматели. Такой подход является в настоящее время наиболее целесообразным, что отмечается в частности в проводимом ежегодно по большинству стран мира Глобальном Мониторинге Предпринимательства [1].

Основное внимание в статье уделено такой актуальной проблеме как анализ уровня инвестиций в МСИП в общих объемах инвестиций по всем хозяйствующим субъектам каждого из регионов страны, а

также сравнению инвестиций в МСИП с инвестициями по предприятиям и организациям, не относящимся к предпринимательским структурам. Установление соответствующих закономерностей и тенденций развития предпринимательства представляется насущным, поскольку позволяет обосновать объекты наиболее эффективных финансовых вложений, оценить достигнутый уровень инвестиций в конкретных регионах, осуществлять мониторинг состояния инвестиционной активности, определять необходимые объемы и структуру ресурсов, направляемых государственными и муниципальными органами управления на поддержку предпринимательства. Важность решения рассматриваемой проблемы в ближайшие годы подтверждается необходимостью улучшения инвестиционного климата и привлечения капитала, о чем говорится в Указе

Президента Российской Федерации «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7.05.12 № 596 [2] и «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» [3].

Критерии отнесения к малым и средним предприятиям были установлены в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.07 № 209-ФЗ [4]. При этом численность работников малых предприятий не превышает 100 человек, а средних предприятий — 250 человек. К малому и среднему предпринимательству в соответствии с пунктом 1 статьи 3 указанного закона, относятся также индивидуальные предприниматели. Субъекты малого и среднего предпринимательства в соответствии с указанным законом должны соответствовать следующим условиям: суммарная доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, иностранных юридических лиц, иностранных граждан, общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов в уставном капитале не должна превышать двадцать пять процентов, доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства, не должна превышать двадцать пять процентов, а выручка от реализации товаров (работ, услуг) или балансовая стоимость активов за предшествующий календарный год не должна превышать предельные значения, установленные Правительством Российской Федерации.

Целью исследования являлась разработка методики и проведение анализа закономерностей и тенденций, характеризующих достигнутый уровень инвестиций в малое и среднее предпринимательство. При этом были решены следующие задачи: обоснован методический подход и алгоритм исследования, разработаны экономико-математические модели, описывающие такие показатели, как доли инвестиций в основной капитал предпринимательских структур в общих объемах инвестиций по субъектам страны, объем инвестиций, приходящихся на одного жителя по каждому из субъектов, соотношения инвестиций в основной капитал и объема производства (оборота). Проведен анализ полученных моделей и определены закономерности, характеризующие сложившиеся значения рассматриваемых показателей. По двум последним показателям в процессе анализа проведено сопоставление их с соответствующими показателями, характеризующими предприятия и организации, не относящиеся к предпринимательским структурам.

Методика исследований основана на рассмотрении совокупностей предпринимательских структур во всех субъектах (республиках, краях, областях)

страны. Необходимость такого подхода обусловлена существенной дифференциацией значений рассматриваемых показателей в различных субъектах нашей страны. Известно, что становление предпринимательства началось после создания Российской Федерации. Этот процесс происходил во многом неравномерно и хаотично, что обуславливалось неоднократным изменением законодательной и нормативной базы, особенностями развития субъектов страны, политической региональных органов власти. Уровень развития предпринимательских структур в регионах страны определялся большим количеством как объективных, так и субъективных факторов [5, 6, 7]. Все это приводило к существенной дифференциации показателей, характеризующих предпринимательство в субъектах Российской Федерации.

Авторский алгоритм анализа инвестиций в основной капитал по различным видам предприятий, организаций и предпринимателей включал следующие этапы:

- формирование информационной базы, описывающей по каждому субъекту страны оборот и объемы инвестиций в основной капитал всех предприятий, организаций и предпринимателей, а также общую численность населения соответствующего субъекта страны;
- формирование информационной базы, описывающей по каждому субъекту страны оборот и объемы инвестиций в основной капитал малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей;
- формирование информационной базы, описывающей по каждому субъекту страны оборот и объемы инвестиций в основной капитал предприятий и организаций, не относящихся к предпринимательским структурам;
- определение оборота и объемов инвестиций в основной капитал всех предприятий, организаций и предпринимателей в каждом из субъектов страны;
- определение оборота и объемов инвестиций по совокупностям соответственно малых предприятий, средних предприятий, индивидуальных предпринимателей в каждом субъекте;
- определение оборота и объемов инвестиций по предприятиям и организациям, не относящимся к предпринимательским структурам;
- расчет доли инвестиций в основной капитал по предпринимательским структурам в целом, а также по каждому их типу в общих объемах инвестиций по субъектам страны;
- расчет объема инвестиций, приходящихся на одного жителя (по всем предприятиям, организациям и предпринимателям субъекта страны, только предпринимательским структурам, а также юридическим лицам, не относящимся к МСИП);

– расчет соотношений инвестиций в основной капитал и оборота по всем видам предприятий, организаций и предпринимателей, как входящих в МСИП, так и не относящимся к ним;

— построение функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих значения долей инвестиций в основной капитал по предпринимательским структурам в целом, а также по каждому их типу в общих объемах инвестиций (первый класс моделей);

– построение функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих значения объема инвестиций, приходящихся на одного жителя (второй класс моделей);

– построение функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих соотношения инвестиций в основной капитал и оборота (третий класс моделей);

– оценка качества построенных функций по принятым критериям;

– анализ полученных моделей и определение закономерностей сложившейся инвестиционной активности, как по предпринимательским структурам, так и по предприятиям и организациям, не относящимся к МСИП.

При построении моделей в качестве исходной информации были использованы массивы данных, характеризующие суммарные инвестиции, оборот (объем производства), численность населения по всем субъектам Российской Федерации. Кроме того, использовались аналогичные данные по совокупностям

малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей. Рассматривались статистические материалы по 21 республике, 9 краям и 46 областям страны. Для исключения двойного счета не рассматривались данные по автономным округам и автономной области. При разработке моделей использовались массивы информации, приведенные в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2010 год [8], а также в отчете о сплошном наблюдении за деятельностью малого и среднего предпринимательства Федеральной службы государственной статистики [9].

В таблицах 1 и 2 приведены фрагменты исходных данных (по 6 субъектам страны), используемых в процессе проведения исследований.

В процессе исследования использовались методы логического, экономико-математического анализа, статистики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы Statistica, Microsoft Excel, Mathcad. Проверка полученных функций производилась по критериям Пирсона [10], Колмогорова–Смирнова, Шапиро–Вилка [11].

В процессе исследований был разработан ряд экономико-математических моделей (все формулы и таблицы, приведенные в статье, получены автором), отражающих роль и место инвестиций в предпринимательские структуры в региональной экономике. В качестве моделей использовались функции плотности нормального распределения, которые, как показали

Таблица 1. Фрагмент исходных данных, характеризующих оборот предприятий и организаций, численность населения и суммарные инвестиции по субъектам страны

Субъект Российской Федерации	Оборот предприятий и организаций (без учета малых предприятий и индивидуальных предпринимателей), млрд. руб.	Численность населения, тыс. чел.	Суммарные инвестиции, млн. руб.
Белгородская область	673,6	1533	90945
Брянская область	178,5	1278	40149
Владимирская область	307	1445	47734
Воронежская область	393,3	2336	122963
Ивановская область	124	1062	28381
Калужская область	413,8	1012	67292
...	...	...	...

Таблица 2. Фрагмент исходных данных по предпринимательским структурам, млн. руб.

Субъект Российской Федерации	Малые предприятия		Средние предприятия		Индивидуальные предприниматели	
	Оборот	Инвестиции	Оборот	Инвестиции	Оборот	Инвестиции
Белгородская область	158013	5471	84303	7823	75211	2520
Брянская область	103801	2694	33965	1358	56855	981
Владимирская область	155994	5350	63934	2293	60919	1276
Воронежская область	286884	19797	130882	6713	127687	2483
Ивановская область	130657	5061	46422	3136	43597	345
Калужская область	119139	5703	30736	1269	43398	956
...	...	...	...	...	...	...

предыдущие исследования [12] хорошо описывают сложившуюся дифференциацию показателей, характеризующих совокупности предпринимательских структур в субъектах страны. Первый класс разработанных моделей представляет собой функции плотности нормального распределения значений долей инвестиций в основной капитал предпринимательских структур в общих объемах инвестиций за 2010 год по субъектам страны, а также долей приходящихся, соответственно, на совокупности малых предприятий, совокупности средних предприятий и совокупности индивидуальных предпринимателей. Соответствующие функции приведены ниже:

– доля инвестиций в предпринимательские структуры в общих объемах инвестиций по субъектам в целом (x_1 , %)

$$y_1(x_1) = \frac{356,25}{7,49 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 15,85)^2}{2 \cdot 56,10}} \quad (1)$$

– доля инвестиций в малые предприятия в общих объемах инвестиций по субъектам в целом (x_2 , %)

$$y_2(x_2) = \frac{225,00}{4,24 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 8,17)^2}{2 \cdot 17,98}} \quad (2)$$

– доля инвестиций в средние предприятия в общих объемах инвестиций по субъектам в целом (x_3 , %)

$$y_3(x_3) = \frac{100,00}{2,19 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 3,90)^2}{2 \cdot 4,80}} \quad (3)$$

– доля инвестиций у индивидуальных предпринимателей в общих объемах инвестиций по субъектам в целом (x_4 , %)

$$y_4(x_4) = \frac{60,94}{1,22 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4 - 3,35)^2}{2 \cdot 1,49}} \quad (4)$$

Второй класс разработанных моделей, описывает объем инвестиций, приходящихся на одного жителя по каждому из субъектов Российской Федерации. При этом были оценены три показателя:

- суммарные инвестиции во все предприятия, организации и предпринимателей в расчете на одного жителя по субъектам страны;
- инвестиции в предпринимательские структуры;
- инвестиции в прочие юридические лица (то есть, исключая МСНП).

Модели, описывающие значения инвестиций, приходящихся на одного жителя, по данным за 2010 год приведены далее:

– суммарные инвестиции по всем предприятиям, организациям и предпринимателям, приходящиеся на одного жителя (x_5 , тыс. руб.)

$$y_5(x_5) = \frac{937,50}{18,59 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5 - 47,09)^2}{2 \cdot 345,59}} \quad (5)$$

– инвестиции в предпринимательские структуры, приходящиеся на одного жителя по субъектам страны (x_6 , тыс. руб.)

$$y_6(x_6) = \frac{160,71}{2,24 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_6 - 6,71)^2}{2 \cdot 5,02}} \quad (6)$$

– инвестиции в предприятия и организации (не относящиеся к МСИП), приходящиеся на одного жителя по субъектам страны (x_7 , тыс. руб.)

$$y_7(x_7) = \frac{1375,00}{19,97 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_7 - 40,40)^2}{2 \cdot 398,80}} \quad (7)$$

Определенный интерес представляет оценка соотношения инвестиций в основной капитал и оборота по всем видам рассматриваемых в настоящей статье хозяйствующих субъектов. Соответствующие экономико-математические модели составили третий класс разработанных в процессе исследований функций. Эти функции плотности нормального распределения представлены ниже:

– соотношение инвестиций и оборота по МСИП (x_8 , %)

$$y_8(x_8) = \frac{85,71}{1,16 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_8 - 3,76)^2}{2 \cdot 1,35}} \quad (8)$$

– соотношение инвестиций и оборота по малым предприятиям (x_9 , %)

$$y_9(x_9) = \frac{85,71}{1,21 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_9 - 3,62)^2}{2 \cdot 1,46}} \quad (9)$$

– соотношение инвестиций и оборота по средним предприятиям (x_{10} , %).

$$y_{10}(x_{10}) = \frac{103,13}{2,08 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{10} - 4,58)^2}{2 \cdot 4,33}} \quad (10)$$

– соотношение инвестиций и оборота по индивидуальным предпринимателям (x_{11} , %)

$$y_{11}(x_{11}) = \frac{112,50}{1,69 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{11} - 3,09)^2}{2 \cdot 2,86}} \quad (11)$$

– соотношение инвестиций и оборота по предприятиям и организациям, не относящимся к МСИП (x_{12} , %)

$$y_{12}(x_{12}) = \frac{468,75}{9,16 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{12} - 22,16)^2}{2 \cdot 83,91}} \quad (12)$$

– соотношение инвестиций и оборота по совокупности всех предприятий, организаций и предпринимателей (x_{13} , %)

$$y_{13}(x_{13}) = \frac{342,86}{5,46 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{13} - 13,12)^2}{2 \cdot 29,81}} \quad (13)$$

Разработанные модели позволяют оценить средние по субъектам страны значения долей инвестиций, приходящихся соответственно на предпринимательские структуры в общих объемах инвестиций по субъектам в целом, средние значения инвестиций, приходящихся на одного жителя по предпринимательским структурам и юридическим лицам, не относящимся к МСИП, а также сложившиеся соотношения величин инвестиций и объемов производства (оборота) товаров и услуг по МСИП. Кроме того, с использованием моделей может быть определен диапазон значений указанных выше показателей, характерный для большинства субъектов Российской Федерации.

Логический и статистический анализ показал, что все разработанные модели хорошо аппроксимируют исходные данные на всем диапазоне их изменения. В таблице 3 приведены расчетные значения основных статистик по трем критериям качества. Сравнение этих расчетных значений показало, что статистики по критерию Пирсона меньше табличного значения критерия [13]. Аналогично, расчетные значения по критерию Колмогорова–Смирнова меньше табличной величины [10]. Статистики по критерию Шапиро–Вилка близки к единице [11]. Таким образом, по всем рассмотренным критериям разработанные модели обладают высоким качеством и могут быть использованы для описания исследуемых закономерностей.

Поскольку все разработанные экономико-математические модели хорошо аппроксимируют исходные данные и обладают высоким качеством по принятым критериям, можно сделать вывод о целесообразности использования функций плотности нормального рас-

Таблица 3. Расчетные значения статистик по критериям качества

Номер функции	Расчетное значение по критерию качества		
	Колмогорова–Смирнова	Пирсона	Шапиро–Вилка
(1)	0,06	3,44	0,94
(2)	0,08	3,05	0,94
(3)	0,09	3,27	0,96
(4)	0,08	3,32	0,96
(5)	0,06	1,70	0,95
(6)	0,05	2,48	0,96
(7)	0,05	3,98	0,96
(8)	0,08	3,17	0,97
(9)	0,08	3,50	0,96
(10)	0,05	1,27	0,98
(11)	0,06	1,51	0,96
(12)	0,06	2,63	0,97
(13)	0,07	2,65	0,97

Таблица 4. Доли инвестиций в предпринимательские структуры в общих объемах инвестиций, %

	Средние значения	Интервалы изменения
Предпринимательские структуры в целом	15,85	8,36–23,34
Малые предприятия	8,17	3,93–12,41
Средние предприятия	3,90	1,71–6,09
Индивидуальные предприниматели	3,35	2,13–4,57

пределения для описания закономерностей и анализа всех рассматриваемых в настоящей статье показателей.

Особенностью функций плотности нормального распределения [13] является то, что по ним без сложных расчетов могут быть определены средние значения и интервалы изменения рассматриваемых показателей. Эти интервалы для большинства (68%) субъектов страны рассчитываются исходя из значений средних квадратических отклонений показателей. При этом для расчета границ интервала к среднему значению показателя соответственно прибавляется и вычитается указанное отклонение.

Средние значения и интервалы изменения значений долей инвестиций в основной капитал предпринимательских структур в общих объемах инвестиций по данным за 2010 год, представлены в таблице 4. Они основаны на разработанных моделях (1)–(4).

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что на ин-

вестиции в основной капитал предпринимательских структур приходится, в среднем, менее 16 % от общего объема инвестиций по субъектам страны. При этом для большинства (68%) субъектов соответствующие значения лежат в относительно небольшом диапазоне от 8 % до 24 %. Наибольшая доля инвестиций приходится на малые предприятия, общее число которых составляло в стране в 2010 году более 1,6 миллиона. Доля инвестиций в средние предприятия и в индивидуальное предпринимательство составляла менее 4 %. Отметим, что количество средних предприятий относительно не велико и составляло около 26 тысяч, в то время как индивидуальных предпринимателей было более 2,9 миллиона. Таким образом, инвестиции, связанные с индивидуальным предпринимательством в сравнении с количеством предпринимателей были очень малы.

Рассматриваемая доля инвестиций МСИП в об-

Таблица 5. Доля МСИП в общем объеме производства (обороте) всех предприятий и организаций, %

	Средние значения
По МСИП в целом, в том числе	50
По малым предприятиям	28
По средним предприятиям	11
По индивидуальным предпринимателям	11

Таблица 6. Характеристика инвестиций, приходящихся на одного жителя в 2010 году, тыс. руб.

	Средние значения	Интервалы изменения
Общие инвестиции по всем предприятиям, организациям и предпринимателям	47,09	28,50–65,68
Инвестиции в МСИП	6,71	4,47–8,95
Инвестиции в предприятия и организации, не относящиеся к МСИП	40,40	20,43–60,37

Таблица 7. Соотношения инвестиций и оборота по предприятиям, организациям и предпринимателям в 2010 году, %

	Средние значения	Интервалы изменения
По всем предприятиям, организациям и предпринимателям	13,12	7,66–18,58
По предприятиям и организациям, не относящимся к МСИП	22,16	13,00–31,32
По МСИП в целом	3,76	2,60–4,92
По малым предприятиям	3,62	2,41–4,83
По средним предприятиям	4,58	2,50–6,66
По индивидуальным предпринимателям	3,09	1,40–4,78

щих инвестициях по субъектам существенно меньше доли предпринимательских структур в общих объемах производства (обороте) всех предприятий и организаций субъектов страны. Этот тезис подтверждается проведенными ранее автором исследованиями [12] доли МСИП в общем объеме производства товаров и услуг по каждому субъекту. Некоторые итоги этих исследований представлены в таблице 5, в которой приведены средние значения долей оборота МСИП, а также по отдельным типам предпринимательских структур в суммарных объемах производства по субъектам страны.

Анализ таблицы 6 подтверждает сделанный ранее вывод о том, что инвестиции в МСИП существенно меньше инвестиций в предприятия и организации,

не относящиеся к предпринимательским структурам. При этом в расчете на одного жителя соответствующие значения по МСИП почти в 6 раз меньше, чем по остальным юридическим лицам. Интервалы изменения рассматриваемых показателей относительно не велики, что свидетельствует о наличии отмеченной закономерности в большинстве регионов.

Анализ соотношения инвестиций и объемов производства основывался на моделях (8)–(13). В таблице 7 представлены эти соотношения для предпринимательских структур разных типов, а также предприятий и организаций, не относящихся к МСИП. Кроме того, приведены соотношения в целом по всем хозяйствующим субъектам.

В целом по всем хозяйствующим субъектам инвестиции в основной капитал составили в 2010 году более 13 % от общих объемов производства. При этом различия между полученными значениями показателя были очень значительными. По предприятиям и организациям, не относящимся к МСИП, соответствующий показатель составил около 22%, в то время как по предпринимательским структурам в целом он не достиг 4 %. Относительно более высокое значение характерно для средних предприятий, однако и оно составило менее 5 % от их оборота. Интересно, что для всех предпринимательских структур рассматриваемые значения по большинству регионов относительно схожи и находятся в пределах от 3 % до 5 %.

Относительно небольшие значения сложившегося уровня инвестиций в малое и среднее предпринимательство обусловлены недостаточным объемом финансовых вложений в этот сектор экономики, о чем неоднократно указывалось в различных источниках [14, 15, 16]. Для обеспечения роста инвестиций наряду с деятельностью непосредственно предпринимательских структур необходимо развитие институтов поддержки предпринимательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Определенные положительные сдвиги в этой сфере имеются в последнее время [17, 18].

Проведенные исследования позволили сделать следующие выводы:

- показана возможность использования функций плотности нормального распределения в качестве экономико-математических моделей для характеристики закономерностей достигнутого уровня инвестиций в основной капитал предпринимательских структур по субъектам страны;

- предложен алгоритм и разработаны модели, описывающие доли инвестиций в основной капитал предпринимательских структур в общих объемах инвестиций по субъектам страны, объем инвестиций, приходящихся на одного жителя по каждому из субъектов, соотношения инвестиций в основной капитал и объема производства (обороты);

- все построенные функции плотности распределения хорошо аппроксимируют исходные данные и обладают высоким качеством по принятым критериям;

- определены средние по субъектам страны значения рассмотренных показателей, а также интервалы изменения этих показателей, характерные для большинства (68%) субъектов страны;

- показано наличие дифференциации по всем рассматриваемым показателям в различных субъектах страны;

- доля инвестиций в МСИП в общих по регионам инвестициях по сравнению с соответствующими долями МСИП в объемах производимой продукции существенно (почти в 3 раза) ниже. Подтверждается не-

однократно отмеченный в выступлениях Президента и материалах, представленных на сайтах Правительства, тезис о том, что инвестиции в МСИП не соответствуют уровню, достигнут предпринимательством в нашей стране;

- доказано, что инвестиции в МСИП существенно (почти в 6 раз) меньше инвестиций в предприятия и организации, не относящиеся к предпринимательским структурам;

- определено, что для предпринимательских структур соотношения инвестиций в основной капитал к их обороту находятся в пределах от 3 % до 5 %.

Полученные результаты имеют определенное теоретическое и прикладное значение, в частности, в дальнейших научных исследованиях малого и среднего предпринимательства, а также для обоснования предложений по его функционированию. Они представляют интерес для кредитных, финансовых организаций и фондов, специализированных на поддержке предпринимательских структур. Разработанные модели и вытекающие из них закономерности могут быть использованы при решении широкого круга задач мониторинга предпринимательской деятельности, проектирования его развития и прогнозирования этой сферы экономики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления.

Литература:

1. Xavier S.R., Kelley D., Kew J., Herrington M., Vorderwulbecke A. Global Entrepreneurship Monitor 2012 Global Report [электронный ресурс]. URL: <http://www.gemconsortium.org/docs/2645/gem-2012-global-report> (дата обращения 01.08.2013).
2. О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента Российской Федерации № 596 от 07.05.2012 // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.05.2012. № 19. Ст. 2333.
3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года: сайт Правительства Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/> (дата обращения 16.07.2013).
4. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4006; 2008. № 30. Ст. 3615; 2009. № 31. Ст. 3923; 2011. № 50. Ст. 7343.
5. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегии // Экономическое возрождение России. 2006. № 4. С. 17–23.
6. Кузнецова И.И. Проблема территориальной диф-

- ференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды Института Системного Анализа РАН. 2006. Т. 22. С. 261–268.
7. Егоршин А.П., Львов Д.С., Гранберг А.Г. Стратегическое управление: регион, город, предприятие. М.: Экономика, 2005. 605 с.
 8. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 10.06.2013).
 9. Федеральная служба государственной статистики. Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010 году [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog-spn.html (дата обращения 10.06.2013).
 10. Кремер Н.Ш., Путко Б.А. Эконометрика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 311 с.
 11. Вуколов Э.А. Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов STATISTICA и EXCEL. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2004. 464 с.
 12. Пиньковецкая Ю.С. Методика анализа роли предпринимательских структур в экономике субъектов Российской Федерации // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 2. С. 99–105.
 13. Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М.: Высшая школа, 2001. 575 с.
 14. Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются для финансирования мероприятий, осуществляемых в государственной поддержке малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации № 220 от 24.04.2013 [электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/smallbusiness/support/doc20130424_06 (дата обращения 16.06.2013).
 15. Водянов А., Смирнов А. Шанс на инвестиционный подъем и трудности его реализации // Российский экономический журнал. 2000. № 11–12. С. 10–21.
 16. Плакин В. Кризис инвестиционной сферы Российской экономики и пути его преодоления // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 40–47.
 17. О совершенствовании системы финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства, в том числе создании новых инструментов такой поддержки: Материалы к заседанию Правительственной комиссии по вопросам конкуренции и развития малого и среднего предпринимательства (заседание 10 апреля 2013 года) [электронный ресурс]. URL: <http://government.ru> (дата обращения 27.07.2013).
 18. Инструменты поддержки и защиты малого и среднего бизнеса в условиях глобальных рынков: Аналитические материалы XIII Всероссийской конференции представителей малых и средних предприятий. Москва. 14.05.2013 [электронный ресурс]. URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_2077.html?effort= (дата обращения 15.08.2013).

References:

1. Xavier S.R., Kelley D., Kew J., Herrington M., Vorderwulbecke A. Global Entrepreneurship Monitor 2012 Global Report [e-resource]. URL: <http://www.gemconsortium.org/docs/2645/gem-2012-global-report> (date of reference 01.08.2013).
2. On long-term state economic policy: The RF Presidential Decree № 596 от 07.05.2012 // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsiyi. 07.05.2012. № 19. Art. 2333.
3. Major directions of the RF Government up to 2018: site of the RF Government [e-resource]. URL: <http://government.ru/> (date of reference 16.07.2013).
4. On development of small and medium business in the RF: Federal law № 209–FL dated 24.07.2007 // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsiyi. 2007. № 31. Art. 4006; 2008. № 30. Art. 3615; 2009. № 31. Art. 3923; 2011. № 50. Art. 7343.
5. Granberg A.G. Economic environment of Russia: eternal problems, transformational processes, strategy search // Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossiyi. 2006. № 4. P. 17–23.
6. Kuznetsova I.I. Problem oftterritorial differentiation in regional economy and possibilities of its research on a city level // Trudy Instituta Systemnogo Analysa RAN. 2006. V. 22. P. 261–268.
7. Yegorshin A.P., Lvov D.S., Granberg A.G. Strategic management: region, city, enterprise. M.: Ekonomika, 2005. 605 p.
8. Federal service of national statistics. Regions of Russia. Social-economic indices [e-resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (date of reference 10.06.2013).
9. Federal service of national statistics. Results of complete enumeration of the activity of small and medium business subjects in 2010 [e-resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog-spn.html (date of reference 10.06.2013).

10. Kremer N.Sh., Putko B.A. Econometrics. M.: YUNITY-DANA, 2002. 311 p.
11. Vukolov E.A. Basics of statistical analysis. Practical course on statistical methods and research of operations using packages STATISTICA and EXCEL. M.: FORUM: INFRA-M, 2004. 464 p.
12. Pinkovetskaya Yu.S. Methods of analyzing the role of business structures in economy of the RF subjects // *Uchoniye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta*. 2013. V. 2. № 2. P. 99–105.
13. Ventsel E.S. Theory of probabilities. M.: Visshaya shkola, 2001. 575 p.
14. On arrangement of carrying out competitive selection of the Federal subjects which budgets will be provided for subsidies from the federal budget to support small and medium business by the RF subjects: Order of the RF Ministry of economic development № 220 dated 24.04.2013 [e-resource]. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/smallbusiness/support/doc20130424_06 (date of reference 16.06.2013).
15. Vodyanov A., Smirnov A. A chance for investment rising and difficulties of its realization // *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. 2000. № 11–12. P. 10–21.
16. Plakin V. Crisis of investment sphere of the Russian economy and methods of its overcoming // *Voprosy ekonomiki*. 1996. № 12. P. 40–47.
17. On improvement of the financial support system of small and medium business including development of new tools of such support: Materials for the sitting of the Governmental commission on issues of competition and small and medium business development (session dated April 10, 2013) [e-resource]. URL: <http://government.ru> (date of reference 27.07.2013).
18. Tools for support and protection of small and medium business in conditions of global markets: Analytical material of XIII All-Russian conference of small and medium business representatives. Moscow. 14.05.2013 [e-resource]. URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_2077.html?effort= (date of reference 15.08.2013).

АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА ПО НАИБОЛЕЕ ВОСТРЕБОВАННЫМ В ОТРАСЛИ ЭНЕРГЕТИКИ НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ В РЕГИОНЕ СКФО

Плотницкая Е.Е.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления
филиала в г. Георгиевске, Ростовский государственный экономический университет (Россия),
357800, Россия, Ставропольский край, г. Георгиевск, ул. Кочубея, д. 30, e.plotn@mail.ru

Сергеева Е.А.

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита
филиала в г. Георгиевске, Ростовский государственный экономический университет (Россия),
357800, Россия, Ставропольский край, г. Георгиевск, ул. Кочубея, д. 30, ret84@mail.ru

УДК 331.5
ББК 65.240.5

В статье проводится исследование наиболее востребованных в отрасли энергетика профессий и специальностей требующих компетенций востребованных на рынке труда. Анализ проведен для уровней образования: начальное, среднее и высшее профессиональное образование. Проведен сравнительный анализ между востребованными специальностями работодателями, данными центров занятости СКФО и наличием данных по профессиональной подготовке образовательными организациями в СКФО.

Разработаны рекомендации по реализации программ разных уровней, соответствующих требованиям работодателей организаций энергетики СКФО.

Ключевые слова: компетенция, квалификация, рынок труда, профессиональное образование, энергетика.

Plotnitskaya E.E., Sergeyeva E.A.

ANALYSIS OF LABOR MARKET ACCORDING TO THE MOST REQUIRED TRAINING COURSES IN THE ENERGY INDUSTRY IN THE NORTHERN CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT

The paper carried out research into the most sought after in the energy industry jobs and professions requiring skills in demand in the labor market. The analysis was performed for the levels of education: primary, secondary and higher vocational education. A comparative analysis between demand professions employers, employment data centers North Caucasus Federal District and the availability of data for training educational organizations in North Caucasus Federal District.

The recommendations on the implementation of programs of different levels corresponding to the requirements of the employers' organizations of Energy North Caucasus Federal District.

Key words: competence, qualifications, labor market and vocational education and energy.

Экономические проблемы конца XX — начала XXI века привели к тому, что российская система профессионального образования попала в ситуацию целевого кризиса: рынок труда практически распался, профессиональное образование готовило кадры, невостребованные слабеющей экономикой. Для того чтобы выжить, образовательные учреждения профессионального образования сосредоточились на выполнении функции социализации, переориентировались на потребности абитуриентов и их родителей.

Решение задач модернизации и технологического развития экономики России требует перехода системы профессионального образования от ориентации исключительно на свои внутренние ценности к ориентации на потребности рынка труда.

В настоящее время, развитие Северо-Кавказского федерального округа нуждается в подготовке кадров для реального сектора экономики, в частности отрасли энергетика.

Таким образом, при изучении требований рабо-

тодателей к обучению, обеспечивающее подготовку по наиболее востребованным специальностям в отрасли энергетики для организаций СКФО были изучены следующие направления:

выявление перечня направлений подготовки, специальностей и профессий, востребованных в организациях энергетики СКФО;

соответствия перечня и содержания, реализуемых ОУ СКФО программ подготовки в области энергетики потребностям рынка труда;

В настоящее время в энергетике на отраслевом уровне осознается острая необходимость в получении полной отраслевой информации об условиях труда и рынке труда [1]

Проведенный анализ вакансий в энергетической отрасли СКФО, для занятия которых необходимо начальное профессиональное образование или профессиональная подготовка (профессиональное обучение), показывает, что большинство из них (74%) находятся в Ставропольском крае (рисунок 1).

По данным служб занятости регионов СКФО составлена таблица 1, в которой представлены квалификации, требующие НПО, и являющиеся лидерами в рейтинге дефицитных для организаций энергетики СКФО профессий.

В тройку наиболее востребованных профессий (должностей), требующих начального профессионального образования или профессиональной подготовки, в организациях энергетики СКФО, а значит и наиболее востребованных программ НПО и профессиональной подготовки входят:

- Электромонтер по ремонту и обслуживанию

электрооборудования (соответствует профессии НПО 140446.03 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования) — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 336,3;

- Слесарь по ремонту оборудования котельных и пыле приготительных цехов (осваивается в рамках профессии НПО 140407.01 Слесарь по ремонту оборудования электростанций) — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 33,3;

- Электрослесарь по ремонту и обслуживанию автоматики и средств измерений электростанций (осваивается в рамках профессии НПО 140404.01 Электрослесарь по ремонту оборудования электростанций) — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 30.

Аналитические данные, сведенные в таблице 1, позволили предварительно разработать рекомендации по реализации программ НПО, соответствующих требованиям работодателей организаций энергетики СКФО:

программа подготовки по профессии НПО 140446.03 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования должна реализовываться в ОУ СКФО как приоритетная;

подготовка по профессии 140407.01 Слесарь по ремонту оборудования электростанций должна быть приоритетной Ставропольского края. При выборе возможных сочетаний квалификаций (ФГОС предусмотрена обязательная подготовка по двум квалификациям из 3-х по выбору ОУ с учетом потребностей рынка труда) приоритетными должны стать квалификации «Слесарь по ремонту оборудования котельных и пыле приготительных цехов» и «Слесарь по ремонту обо-

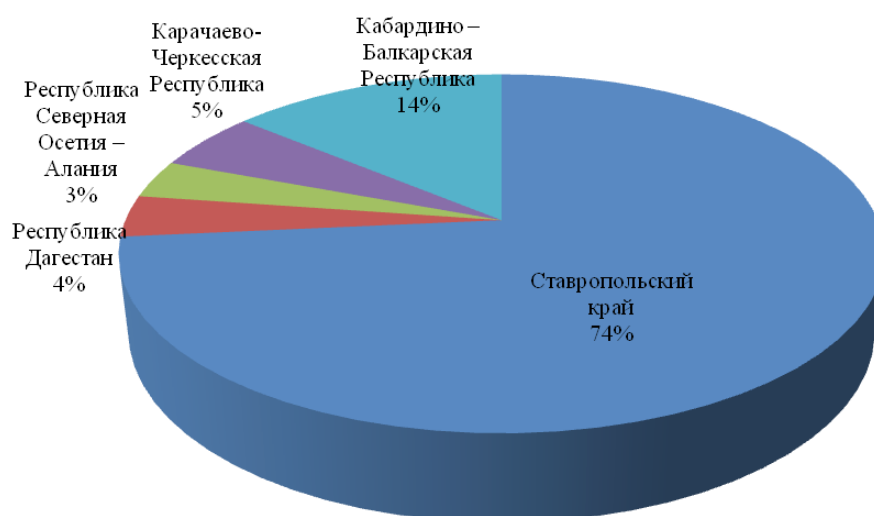

Рисунок 1 — Распределение вакансий в организациях энергетики, требующих НПО или профессиональной подготовки по регионам СКФО

Таблица 1. Перечень профессий (квалификаций) начального профессионального образования, востребованных в организациях энергетики СКФО (количество вакансий по данным служб занятости / количество трудоустроившихся, чел.)¹

№	Квалификация	Ставропольский край			Республика Дагестан			Республика Северная Осетия — Алания			Карачаево-Черкесская Республика			Кабардино — Балкарская Республика			Среднее число вакансий за 2010-2012гг. СКФО	РАНГ
		2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012		
1	140404.01 Электрослесарь по ремонту оборудования электростанций																	
	Электрослесарь по ремонту и обслуживанию автоматики и средств измерений электростанций;	6/0	3/0	2/0	-	-	2/0	2/1	1/0	-	2/0	2/0		22/11	12/6	36/9	30,0	3
	Электрослесарь по ремонту оборудования распределительных устройств;	1/0			-	1/0	-	-	-	-	-	-	9/2	8/2	10/3	7/4	12,0	10
	Электрослесарь по ремонту электрических машин;		18/0	20/7	1/0	-	-	-	-	-	-	-	4/1	6/2	4/1	12/7	21,3	6
	Электрослесарь по ремонту электрооборудования электростанций;	5/0	16/0	2/0	2/0	1/1	2/0			2/0	-	2/1	2/0	5/3	7/2	5/3	17,0	8
ВСЕГО, включая квалификацию «Слесарь по ремонту оборудования топливоподачи»		13/0	37/0	26/9	3/0	2/1	2/0	2/1	1/0	2/0	2/0	2/0	15/3	47/22	40/13	67/28	89,0	
2	140407.01 Слесарь по ремонту оборудования электростанций																	
	Слесарь по ремонту оборудования тепловых сетей;	16/8	14/5	23/7	-	-	-	-	-	-	1/1	2/1	1/1	5/4	-	-	20,6	7
	Слесарь по ремонту оборудования котельных и пылеприготовительных цехов;	13/5	23/3	42/9	-	2/0	3/1	1/0	3/0	-	2/2	1/1	1/0	5/0	5/2	-	33,3	2
ВСЕГО, включая квалификацию «Слесарь по ремонту парогазотурбинного оборудования»		29/13	37/8	69/16	-	2/0	3/1	1/0	3/0	-	3/3	6/3	3/1	15/4	5/2		58,3	
3	140407.03 Электромонтер по ремонту электросетей																	
	Электромонтер по ремонту воздушных линий электропередачи;	10/0	18/0	25/1	2/0	3/2	-	2/0	5/1	3/2	2/0	1/1	1/1	-	-	3/1	24,6	5
	Электромонтер по ремонту и монтажу кабельных линий	7/2	12/0	8/0	-	-	2/0	-	2/0	3/1	8/2	2/0	1/0	13/7	3/3	23/16	28,3	4
ВСЕГО, включая квалификации «Электромонтер по ремонту аппаратуры релейной защиты и автоматики» и «Электромонтер по ремонту вторичной коммуникации и связи»;		19/6	31/0	36/1	3/0	3/2	2/0	2/0	10/2	6/3	11/3	5/2	3/1	13/7	3/3	33/18	60,0	
4	140446.03 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования																	
	Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования	212/56	293/17	436/78	2/0	12/4	6/0	7/1	1/0	12/1	2/0	9/4	-	-	3/1	4/2	336,3	1
5	140446.04 Сборщик электроизмерительных приборов																	
	Сборщик электроизмерительных приборов	6/0	5/0	12/4	2/1	-	3/0	2/0	-	-	1/0	-	3/0	-	-	-	14,7	9

¹ число вакансий по годам (над чертой), результаты их заполнения (под чертой)

рудования тепловых сетей». На их освоение рекомендуется отводить дополнительные часы из вариативной части, обеспечивая тем самым более высокий разряд по данным профессиям;

подготовка по профессии 140404.01 Электрослесарь по ремонту оборудования электростанций должна быть приоритетной Кабардино-Балкарской республики. При выборе возможных сочетаний квалификаций (ФГОС предусмотрена обязательная подготовка по двум квалификациям из 5-ти по выбору ОУ с учетом потребностей рынка труда) приоритетной должна стать квалификация «Электрослесарь по ремонту и обслуживанию автоматики и средств измерений электростанций». На ее освоение рекомендуется отводить дополнительные часы из вариативной части, обеспечивая тем самым более высокий разряд по данной профессии;

подготовка по профессии 140407.03 Электромонтер по ремонту электросетей должна быть приоритетной Кабардино-Балкарской республики;

Востребованными в регионе СКФО являются специалисты имеющие среднее профессиональное образование.

Анализ информации о вакансиях, для занятия которых необходимо среднее профессиональное образование показал, что большинство из них (59%) находятся в Ставропольском крае (рисунок 2)

В таблице 2 представлены квалификации, требующие среднего профессионального образования, и являющиеся лидерами в рейтинге дефицитных для организаций энергетики СКФО.

В тройку наиболее дефицитных специальностей, требующих среднего профессионального образования, в организациях энергетики СКФО, а значит и наиболее востребованных программ СПО (программы подготовки специалистов среднего звена) входят:

- 140433 Электроизоляционная, кабельная и конденсаторная техника, квалификация техник — среднее

число вакансий за 2010-2012гг. — 110,6. Программа должна стать приоритетной для Ставропольского края;

- 140448 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям), квалификация техник среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 89,6. Программа должна стать приоритетной для Ставропольского края;

- 140408 «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем», квалификация техник — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 35,3. Программа должна стать приоритетной для Республики Северная Осетия — Алания.

Аналогичный анализ вакансий был проведен по направлению востребованности специалистов с высшим профессиональным образованием. Анализ показал, что большинство из них (57%) находятся в Ставропольском крае (рисунок 3).

Перечень должностей наиболее востребованных в регионе СКФО, требующие ВПО, представлены в таблице 3.

Таким образом, были выявлены дефицитные должности, требующие высшего профессионального образования, в организациях энергетики СКФО и должны использоваться при определении приоритетных профилей подготовки ВПО:

диспетчер предприятия (района) сетей — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 11,3;

инженер службы изоляции и защиты от перенапряжений предприятия сетей — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 87,3;

инженер службы линий предприятия сетей — среднее число вакансий за 2010-2012гг. — 48,3.

По приведенным данным предварительно можно дать следующие рекомендации по разработке и реализации программ ВПО, соответствующих требованиям работодателей организаций энергетики СКФО. Приоритетными для СКФО направлениями подготовки должны стать направления 140100.62 Теплоэнерге-

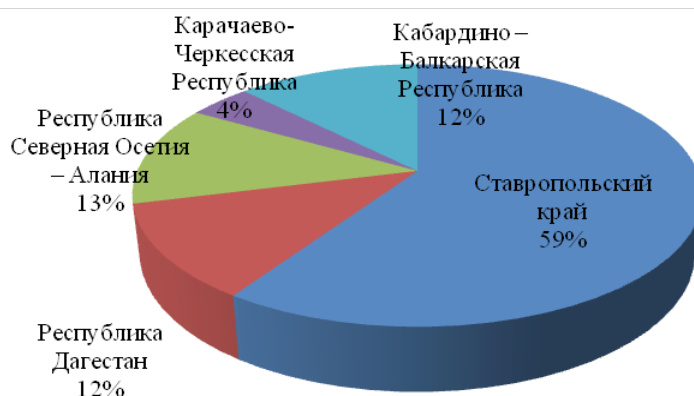

Рисунок 2 — Распределение вакансий в организациях энергетики, требующих СПО по регионам СКФО

Таблица 2. Определение перечня специальностей среднего профессионального образования, востребованных в организациях энергетики СКФО (количество вакансий по данным служб занятости / количество трудоустроившихся, чел.)¹

№	Специальность, квалификация	Ставропольский край			Республика Дагестан			Республика Северная Осетия — Алания			Карачаево-Черкесская Республика			Кабардино — Балкарская Республика			Среднее число вакансий за 2010-2012 гг.	Р А Н Г
		2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012		
1	140433 Электроизоляционная, кабельная и конденсаторная техника Техник	175/142	64/27	41/24	5/2	7/3	8/4	-	7/5	5/3	-	-	-	2/0	7/1	11/1	110,6	1
2	140448 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) Техник	98/56	39/16	71/34	11/4	10/4	11/3	-	-	-	-	-	-	10/2	10/2	10/0	89,6	2
3	140408 «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем» Техник				12/4	2/1	2/0	18/10	21/12	24/8	-	-	-	12/2	5/2	4/0	35,3	3
4	140446 Электрические машины и аппараты Техник				4/2	3/1	3/1	4/1	11/3	9/1	-	-	-	4/0	4/0	4/0	15,3	4
5	140443 Монтаж и эксплуатация линий электропередачи Техник-электромонтажник				7/1	3/3	7/2	5/1	7/2	6/1	-	-	-	2/1	5/2	3/0	15,0	5

¹ число вакансий по годам (над чертой), результаты их заполнения (под чертой)

тика и теплотехника и 140400.62 Электроэнергетика и электротехника. При этом подготовка к ряду функциональных обязанностей инженера службы изоляции и защиты от перенапряжений предприятия сетей может осуществляться в рамках профилей «Тепловые электрические станции», «Автоматизация технологических процессов и производств», «Энергообеспечение предприятий». Подготовка к выполнению функциональных обязанностей инженера службы линий предприятия сетей может осуществляться в рамках профилей «Электроснабжение», «Электроэнергетические системы и сети».

Подготовка к выполнению функциональных обязанностей диспетчера предприятия (района) сетей может осуществляться в рамках профилей «Электроснабжение», «Электроэнергетические системы и сети», «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем».

Данные анкетирования региональных органов по труду и занятости населения СКФО позволяют получить данные об актуальной кадровой потребности, однако для того чтобы подготовить специалиста, необходимо время. Поэтому система профессионального образования заинтересована в прогнозных данных, данных о перспективных потребностях организаций энергетики в специалистах различного уровня квалификации (таблица 4.).

Поскольку такая система в настоящее время на отраслевом уровне не сформирована (такая задача только поставлена в проекте Дорожной карты «Обеспечение ТЭК России человеческим капиталом») [2], при проведении исследования мы обратились к крупным организациям — работодателям: ОАО «МРСК Северного Кавказа» и филиалу ОАО «ФСК ЕЭС» — МЭС Юга, которые имеют филиалы во всех субъектах федерации СКФО.

Общая численность персонала ОАО «МРСК

Северного Кавказа» составляет 8,1 тыс. чел., с учетом управляемых обществ — 13,2 тыс. человек. Компания имеет шесть филиалов, одно дочернее общество и одного управляемое общество, а также осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа ОАО «Дагэнергосеть», ОАО «Нурэнерго» и ОАО «Чеченэнерго». Производственный потенциал ОАО «МРСК Северного Кавказа» составляют 23,6 тыс. подстанций общей мощностью 13 775 МВА, 106,7 тыс. км воздушных и кабельных линий электропередачи [3]

Общая численность производственного персонала филиала ОАО «ФСК ЕЭС» — МЭС Юга составляет 2712 человек. В настоящее время в оперативном подчинении Магистральных электрических сетей (МЭС) Юга находятся пять филиалов — предприятий магистральных электрических сетей (ПМЭС): Ставропольское, Ростовское, Кубанское, Каспийское и Сочинское. В эксплуатационном обслуживании МЭС Юга находятся 74 подстанции и 264 линии электропередачи общей протяженностью свыше 11 тысяч км [4].

В результате опроса ключевых работодателей отрасли выявлены дополнительные потребности данных организаций в работниках различного уровня квалификации в текущем году и в перспективе до 2015 г.

Сравнение данных представленных организациями энергетиками и региональными органами по труду и занятости позволяет говорить о подтверждении тенденции: востребованными оказываются те же квалификации. Есть, однако, и некоторые исключения.

Так, востребованные, по данным региональных органов по труду и занятости, должности инженера службы изоляции и защиты от перенапряжений предприятия сетей и диспетчера предприятия (района) сетей отсутствуют в списке организаций — работодателей. Это объясняется тем, что в различных организациях специалистов, выполняющих один и тот же функционал, часто называют по-разному. В МРСК

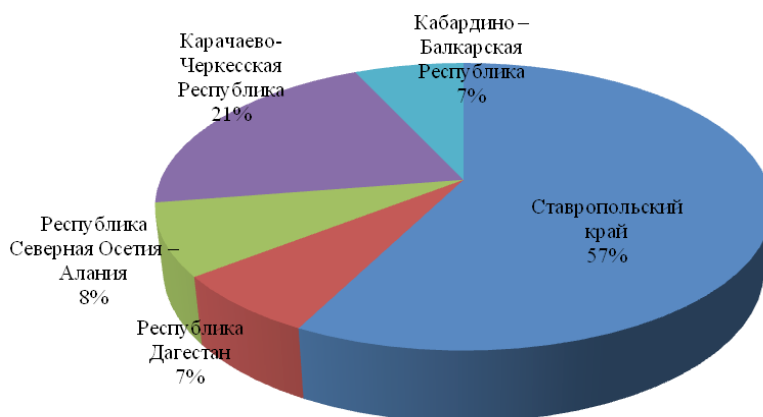

Рисунок 3. Распределение вакансий в организациях энергетики, требующих ВПО по регионам СКФО

работы инженера службы изоляции и защиты от перенапряжений предприятия сетей и инженера службы подстанций предприятия сетей выполняет специалист — энергетик, эти же специалисты могут выполнять обязанности инженера службы изоляции и т.п.

В перечне, востребованных квалификаций, представленном ОАО «МРСК Северного Кавказа» и филиалом ОАО «ФСК ЕЭС» — МЭС Юга отсутствуют квалификации техников по специальностям Электро-изоляционная, кабельная и конденсаторная техника и 140448 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям), поскольку их функционал не востребован в деятельности данных компаний.

Значительное количество вакансий, требующих

данных квалификаций, приходится на иные организации энергетики СКФО: ООО «Энергосбытовая компания «Ставрополье»» ОАО «Буденновский машиностроительный завод» ООО «Югспецавтоматика» ООО «ПК «НЭВЗ» Пятигорского филиала ООО «Энергия Юга» МКУ Управление ЖКХ г. Георгиевска ОАО «Электромонтажное управление № 3» ООО «Региональная Управляющая компания».

Возникшая коллизия позволяет сделать важный вывод: при определении перечня и содержания программ профессионального образования, востребованных в энергетике, необходимо ориентироваться не только на крупные компании, но и на средние, а также занимающиеся различными видами деятельности в сфере энергетики: производством, передачей, сбытом

Таблица 3. Перечень должностей, требующих высшего профессионального образования, востребованных в организациях энергетики СКФО (количество вакансий по данным служб занятости / количество трудоустроившихся, чел.)¹

№	Должность	Ставропольский край			Республика Дагестан			Республика Северная Осетия — Алания			Карачаево-Черкесская Республика			Кабардино — Балкарская Республика			Среднее число вакансий за 2010–2012гг.	РАНГ
		2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012		
1	диспетчер предприятия (района) сетей	1/0		1/0	1/0	1/0	1/0	4/0	4/1	4/1	4/1	4/2	4/2	2/0	2/2	1/0	11,3	3
2	инженер службы изоляции и защиты от перенапряжений предприятия сетей	51/26	82/27	89/14	3/1	3/1	4/1	1/0	1/1	2/1	4/1	4/2	4/1		7/0	7/2	87,3	1
3	инженер службы линий предприятия сетей	31/7	42/2	42/18	3/1	3/1	4/1	1/1	2/1	1/0	3/1	5/2	3/0		2/0	12/3	48,3	2

¹ число вакансий по годам (над чертой), результаты их заполнения (под чертой)

электроэнергии, ремонтом и производственным сервисом и т.д.

Для проверки соответствия структуры подготовки кадров в области энергетики потребностям рынка труда, проанализируем контрольные цифры приема на программы подготовки кадров по ранее

определенным наиболее востребованным профессиям и специальностям (таблица 5). Сравнение позволяет определить одну из главных причин дефицита кадров в области энергетики СКФО: по ряду ключевых профессий и специальностей подготовка в СКФО не осуществляется.

Таблица 4. Квалификации (профессии, специальности, должности), востребованные в организациях энергетики СКФО (дополнительная потребность в кадрах по данным организаций энергетики, чел)

№	Квалификация (профессии, специальности, должности)	Ставрополь- ский край			Чеченская республика			Республика Северная Осетия — Алания			Карачаево- Черкесская Республика			Кабардино — Балкарская Республика		
		2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Профессии начального профессионального образования																
1	Электрослесарь по ремонту электрооборудования электростанций;	1	6	5	20	20	4	2	2	4	3	2	2	5	5	7
2	Слесарь по ремонту оборудования котельных и пыле приготoвительных цехов	2	2		1	2	1				1	2	2			
3	Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования	53	53	53	2	2	2	5	6	5	12	14	13	52	52	55
Итого		56	61	58	23	24	7	7	8	9	16	18	17	57	57	63
Специальности среднего профессионального образования																
4	140408 «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем» Техник	1	1	1	2	2										
5	140409 «Электроснабжение (по отраслям)» Техник	2	2	2				2	2	3						
6	140443 Монтаж и эксплуатация линий электропередачи Техник-электромонтажник	5	5	5		2	3	1	2		1	3	3	2	1	2
7	140445 Гидроэлектроэнергетические установки Техник	2	2	2				2	1	1						
8	140448 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) Техник	3	4	4	6	4	4	5	5	5	2	2	3	3	5	3
Итого		13	14	14	8	8	7	10	10	9	3	5	6	5	6	5
Должности, требующие высшего профессионального образования																
9	инженер службы распределительных сетей предприятия сетей	4	4	4	-	-	-	3	3	4	2	2	2	5	4	3
10	инженер службы средств диспетчерского и технологического управления предприятия сетей	4	4	4	-	-	-	3	3	4	2	2	2	5	4	3
11	инженер службы линий предприятия сетей	4	4	4	-	-	-	3	3	4	2	2	2	5	4	3

Таблица 5. Анализ соответствия структуры подготовки по программам НПО и СПО требованиям рынка труда (КЦП по наиболее востребованным профессиям и специальностям)

№	Профессия / Специальность и квалификация	Ставрополь- ский край		Республика Дагестан		Республика Северная Осе- тия — Алания		Карачаево- Черкесская Республика		Кабардино — Балкарская Республика	
		Среднее число вакансий (2010-2012гг.)	КПП 2012/ 2013	Среднее число вакансий (2010-2012гг.)	КПП 2012/ 2013	Среднее число вакансий (2010-2012гг.)	КПП 2012/ 2013	Среднее число вакансий (2010-2012гг.)	КПП 2012/ 2013	Среднее число вакансий (2010-2012гг.)	КПП 2012/2013
	Профессии НПО										
1	140404.01 Электрослесарь по ремонту оборудования электростанций	25,3	-	2,3	-	1,6	-	6,3	-	51,3	-
2	140407.01 Слесарь по ремон-ту оборудования электро-станций	45,0	-	1,7	-	1,3	-	4,0	-	6,7	-
3	140407.03 Электромонтер по ремонту электросетей	28,7	-	2,6	-	6,0	-	6,3	-	16,3	-
4	140446.03 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования	313	106/75	6,6	-	6,7	0/25	3,7	-	2,3	25/20
5	140446.04 Сборщик электро-измерительных приборов	7,6	-	1,6	-	0,6	-	1,3	-	-	
	Специальности СПО										
1	140408 «Релейная защита и автоматизация электроэнер-гетических систем» Техник	-	-	6,0	25/25	23,0	-	-	-	7,0	-
2	140433 Электроизоляцион-ная, кабельная и конденса-торная техника Техник	93,3	-	6,6	-	4,3	-	-	-	6,6	-
3	140443 Монтаж и эксплуата-ция линий электропередачи Техник-электромонтажник	-	-	5,7	-	6,0	-	-	-	3,3	-
4	140446 Электрические машины и аппараты	-	-	3,3	-	8,0	-	-	-	4,0	-
5	140448 Техническая экс-плуатация и обслуживание электрического и электро-механического оборудования Техник	69,3	75/75	10,7	-	-	25/25	-	-	10	-

Таблица 6. — Анализ соответствия структуры подготовки по программам ВПО в области энергетики требованиям рынка труда (КЦП по наиболее востребованным направлениям подготовки)

Направление подготовки	140400.62 Электроэнергетика и электротехника			140100.62 Теплоэнергетика и теплотехника	
Должность	диспетчер предприятия (района) сетей / инженер службы линий предприятия сетей			инженер службы изоляции и защиты от перенапряжений предприятия сетей	
Субъект РФ	Среднее число вакансий за 2010-2012гг.		КЦП на 2013г	Среднее число вакансий за 2010-2012гг.	КЦП на 2013г.
Ставропольский край	0,7	38,3	170	74	-
Республика Дагестан	1	3,3	67	3,3	-
Республика Северная Осетия — Алания	4	1,3	68	1,3	21
Карачаево-Черкесская Республика	4	3,7	31	4,0	11
Кабардино — Балкарская Республика	1,7	4,7	-	4.7	13

Выявленный дисбаланс структуры подготовки кадров в области энергетики в части соответствия требованиям работодателей требует коррекции, т.е. открытия соответствующих направлений подготовки по востребованным профессиям и специальностям в области энергетики.

По высшему профессиональному образованию ситуация отличается большей сбалансированностью (таблица 6.). Во-первых, здесь меньше вакансий, во-вторых, при интерпретации данных, приведенных в таблице необходимо учитывать, что выпускники по определенному направлению подготовки могут работать не только на указанных должностях, но и на других.

По результатам исследования рынка труда по наиболее востребованным в отрасли энергетики направлениям подготовки и требованиям работодателей к профессиональным компетенциям специалистов сделаны следующие выводы:

Предприятия энергетической отрасли Северо-Кавказского федерального округа испытывают острый дефицит по отдельным категориям работников, обусловленный отсутствием необходимых условий подготовки кадров в регионе.

В Северо-Кавказском федеральном округе наиболее востребованы следующие профессии и специальности в области энергетики (НПО/СПО):

140404.01 Электрослесарь по ремонту оборудования электростанций

140407.01 Слесарь по ремонту оборудования электростанций

140407.03 Электромонтер по ремонту электро-сетей

140446.03 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования

140446.04 Сборщик электроизмерительных приборов

140408 «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем» Техник

140433 Электроизоляционная, кабельная и конденсаторная техника Техник

140443 Монтаж и эксплуатация линий электропередачи Техник-электромонтажник

140446 Электрические машины и аппараты

140448 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования Техник

Для кадрового обеспечения процессов модернизации энергетики СКФО необходима адаптивная система образования, способная реагировать на запросы рынка труда. Возможным путем повышения качества профессионального образования, обеспечения структурного соответствия подготовки кадров требованиям региональных и локальных рынков труда (минимизации кадрового дисбаланса) и эффективного использования ресурсов системы профессионального

образования федерального округа является создание межрегиональных распределенных отраслевых ресурсных центров (МОРЦ).

Результаты статистического исследования могут быть использованы для планирования подготовки специалистов всех форм и уровней обучения в регионе СКФО.

Литература:

1. Выступление представителя ОАО «РусГидро» на третьем заседании Совета Минэнерго России по вопросам кадрового потенциала ТЭК 5-го марта 2013 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.rael.elektra.ru/union/news_detail.php?news=1100 (дата обращения 10.05.2013).
2. Дорожная карта «Обеспечение ТЭК России человеческим капиталом» [электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/documents/razrabotka/14605.html?sphrase_id=314232 (дата обращения 10.05.2013).
3. Официальный сайт Межрегиональная распределительная сетевая компания Северного Кавказа [электронный ресурс]. URL: http://mrsk-sk.ru/about/common_information/ (дата обращения 10.05.2013).
4. Официальный сайт Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы [электронный ресурс]. URL: http://www.fsk-ees.ru/about/affiliates/mes_south/about_the_branch/ (дата обращения 12.05.2013)

References:

1. Statement by the representative of JSC "RusHydro" at the third meeting of the Ministry of Energy of Russia on human resources Energy 5th March 2013 [e-resource]. URL: http://www.rael.elektra.ru/union/news_detail.php?news=1100 (date of access 10.05.2013).
2. Roadmap "Ensuring Energy Russian human capital" [e-recourse] URL: http://minenergo.gov.ru/documents/razrabotka/14605.html?sphrase_id=314232 (date of access 10.05.2013).
3. Official site of Interregional Distribution Grid Company of the North Caucasus [e-resource] URL: http://mrsk-sk.ru/about/common_information/ (date of access 10.05.2013).
4. Official site of the Federal Grid Company of Unified Energy System [e-resource] URL: http://www.fsk-ees.ru/about/affiliates/mes_south/about_the_branch/ (date of access 12.05.2013)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФОРМАЛЬНОЙ И ФАКТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Пресняков М.В.

доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления-филиала им. П.А. Столыпина, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25, kafpravst@pags.ru

УДК 342
ББК 67.400.22

Цель. Изучение процессов формирования в конституционно-правовом пространстве моделей формальной и фактической справедливости.

Методы. Диалектический метод позволил рассмотреть принцип справедливости с позиции выявления его инвариантной сущностной основы, с одной стороны, и содержательных характеристик, динамически изменяющихся под влиянием различных экономических, социокультурных, исторических факторов, — с другой. Методы формальной логики: описание, сравнение, классификация, анализ и синтез, позволили охарактеризовать конституционный принцип справедливости с позиции его нормативного содержания. Широко использовался междисциплинарный подход.

Результаты. В рамках дистрибутивной модели справедливости автором проанализированы равенство перед законом и судом и необходимость дифференцированного подхода к правовому регулированию как два основополагающих начала принципа справедливости. Различные дифференциации правового регулирования с позиции формального равенства оказываются имманентными самому правовому полю и обусловленными динамикой его развития. В этом смысле конституционный принцип справедливости выполняет функции механизма распределения возникающих в процессе дифференциации правового регулирования равенств и неравенств, обеспечивая сбалансированность правовой системы. Нарушение данного принципа в конституционно-правовом контексте выступает в форме дискриминации. При этом дискриминация может выражаться как в установлении необоснованных различий в правовом регулировании (чрезмерной дифференциации), так и в недифференцированном, уравнительном подходе к субъектам, находящимся в различных ситуациях.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании принципа справедливости как важнейшего конституционного принципа, его соотношения с принципом равенства, выявляющего как совпадения по содержанию, так и качественную специфику.

Ключевые слова: справедливость, конституционный принцип, модель, право, дискриминация.

Presnyakov M.V.

CONSTITUTIONAL CONCEPTUALISATION OF FORMAL AND REAL JUSTICE

Purpose. To study formation processes of models of formal and real justice in constitutional-legal environment

Methods. On the one hand, dialectic method allowed considering the principle of justice from a perspective of revealing its invariant essential basis and, on the other hand — its substantial characteristics changing dynamically under the influence of various economic, social-cultural and historical factors.

Results. Within the framework of a distributive model of justice the author analyzed the equality before law and court and necessity of a differentiated approach to legal regulation as the two basics for justice principle. Various differentiations of legal regulation from a perspective of formal equality are immanent to the legal environment and specified by the dynamics of its development. In this context constitutional principle of justice performs functions of a distributing tool which appear during differentiation of legal regulation of equality and inequality providing balance of a legal system. Contravention of that principle within the constitutional-legal context appears in the form of discrimination. When this happens discriminations can be expressed both in determination of unproven differences in legal regulation (excessive differentiation) and undifferentiated, equalitarian approach to the subjects in different situations.

Scientific novelty. Scientific novelty involves investigation of the principle of justice as the most important constitutional principle, its correlation with the principle of equality identifying both coincidence of the content and quality specificity.

Key words: justice, constitutional principle, model, law, discrimination.

Принцип справедливости предполагает свое формальное и материальное, или фактическое, выражение. В формальном плане справедливость представляет собой основу правовой формы вообще, то есть не какого-то права (аристократического, социалистического, демократического и т. п.), а права как определенной системы нормативного регулирования общественных отношений. В этом смысле принцип справедливости выражает имманентно присущее праву начало «соразмерности», «юридической меры». В том или ином социокультурном, историческом контексте задаются определенные параметры этой соразмерности, или, как мы говорили выше, формальная справедливость наполняется фактическим содержанием. Принцип «равное — равным; неравное — неравным» в зависимости от этого контекста может предусматривать различное распределение равенств и неравенств: раба и господина, сюзерена и вассала, наконец, гражданина и негражданина. Со своей позиции, обусловленной в конечном итоге нашей «включенностью» в этот самый социокультурный дискурс, мы можем сказать, что правовое закрепление «статусов» раба и господина несправедливо (или не является правовым). Однако в таком случае мы уже наполняем формальный принцип справедливости известным и близким нам фактическим содержанием.

Как нам представляется, современные либертаристы допускают именно такую подмену понятий. В. С. Нерсисянц определял формальную справедливость во взаимоотношениях индивидов как выражение достигнутого равенства (уравненности, баланса интересов) в свободе взаимоотношений [1, 2, 3]. Формальная справедливость, по его мнению, есть имманентное качество права. «Справедливость — внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не неправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)» [4, с. 29].

В этом смысле формальной справедливости у В. С. Нерсисянца противостоит «социальная справедливость» как множество разнородных «неправовых» притязаний, которые обусловлены различными (инди-

видуальными, групповыми, коллективными, партийными, классовыми и т. п.) интересами.

Справедливость как принцип права (формальная справедливость) не сливается с самими этими притязаниями и не является нормативным выражением и генерализацией какого-либо одного из таких частных интересов, а, возвышаясь над всем этим партикуляризмом, «взвешивает» (на единых весах правовой регуляции и правосудия, посредством общего масштаба права) и оценивает их формально-равным, а потому и одинаково справедливым для всех правовым мерилom [4, с. 30-31]. «Например, те или иные требования так называемой “социальной справедливости”, с правовой точки зрения, имеют рациональный смысл и могут быть признаны и удовлетворены лишь постольку, поскольку они согласуемы с правовой всеобщностью и равенством и их, следовательно, можно выразить в виде требований самой правовой справедливости в соответствующих областях социальной жизни» [4, с. 31].

По нашему мнению, принцип всеобщего равенства в рамках данной концепции, будучи изначально «вложенным» в формальную структуру принципа справедливости как правовой «соразмерности», задает содержательную, или материальную, составляющую справедливости. О самой же формальной характеристике принципа справедливости в действительности нельзя сказать ничего, кроме того, что она представляет собой определенную меру, то есть чистую соразмерность. Поэтому, как нам кажется, конкретный «образ» принципа справедливости (конституционного принципа справедливости) всегда является нам содержательно определенным, включающим в себя определенное идеологическое, или ценностное, наполнение.

Подобное понимание принципа справедливости высказывается, как нам кажется, одним из крупнейших европейских цивилистов — доктором Францем Быдлински, который отмечает, что принцип справедливости в самом общем смысле выражает соразмерность, сообразно которой к равному применяется равный масштаб, а неравное обсуждается соответственно выявленному неравенству [5]. «Очевидная неполнота этого

критерия, в котором не содержится точных критериев для определения равного и неравного, является преодолимой. Такое преодоление возможно посредством того, что в качестве ориентира относительно этого (для оценки равного и неравного) принимаются те установки относительно цели или ценности норм, которые отыскиваются уже в другом месте правового порядка, а значит, за пределами толкуемого закона. Следовательно, искомым дополнительным материалом толкования здесь является уже не явное содержание других полезных в систематическом плане норм ..., а целевые и ценностные основания таких норм» [5].

Таким образом, единственным требованием принципа формальной справедливости является равномерность применения закона. Так, например, Р. Иеринг, разграничивая формальную и материальную справедливость, полагал, что материальная справедливость призвана обеспечивать «внутреннее» равенство, баланс между заслугой и вознаграждением, возмездием и виной. Формальная справедливость выражается в равномерности применения закона к решению каждого конкретного случая, установлении внешнего равенства [6, с. 19]. «Если мы считаем, что справедливость всегда выражает определенный вид равенства, тогда формальная справедливость требует, чтобы законы и институты применялись равно (то есть одинаковым образом). Формальная справедливость есть приверженность принципу, или, как часто говорят, “повиновение системе”» [7].

В. М. Сырых, критикуя позицию В. С. Нерсесянца, отмечает: «Логика не знает дихотомического деления понятия “равенство” на формальное и фактическое, для нее равенство может быть только реальным, фактическим...» [8, с. 51].

Возражая ему, В. В. Лапаева отмечает, что «как раз с точки зрения логики как науки (в отличие от обыденных представлений) равенство может быть только формальным» [9, с. 70]. Равенство всегда есть теоретическая (логическая) абстракция, которая в чистом виде не существует в фактической реальности. «Когда мы говорим о человеке как о социальном существе, то мы можем уравнивать людей, например, по уровню доходов, по наличию или отсутствию собственности на средства производства, по характеру профессии, уровню образования, по религиозной принадлежности и т. д., каждый раз абстрагируясь при этом от иных их свойств и качеств. В этом случае речь пойдет о формальном экономическом, социальном и т. д. равенстве» [9, с. 70-71].

Не следует, однако, полагать, что формальная справедливость чужда всякого рода дифференциации, признанию фактических различий носителей прав. Обратим внимание, что в приведенном рассуждении речь идет не о равенстве, а об «уравнивании» («мы можем уравнивать людей...»). Если действительное

равенство невозможно в силу огромного количества детерминант, которые отличают одного человека от другого, то выбираются те характеристики, которые имеют значение с позиций целей такого «уравнивания». Применительно к конституционно-правовому регулированию это могут быть различного рода статусные характеристики, половозрастные и т. п.

Представляется, что подобное «уравнивание» в какой-либо одной конкретной позиции одновременно предполагает и дифференциацию правового регулирования по другим критериям. Уравнивание и распределение, дифференциация в правовом регулировании выступают в качестве двух взаимосвязанных аспектов реализации конституционного принципа справедливости. «Правовое равенство и правовое неравенство (равенство и неравенство в праве) — однопорядковые (предполагающие и дополняющие друг друга) правовые определения и характеристики и понятия, в одинаковой степени противостоящие фактическим различиям и отличным от них. Принцип правового равенства различных субъектов предполагает, что приобретаемые ими реальные субъективные права будут неравны. Благодаря праву хаос различий преобразуется в правовой порядок равенств и неравенств, согласованных по единому основанию и общей норме» [4, с. 20].

По мысли В. С. Нерсесянца, формальное, или правовое, равенство индивидов заключается в равной правоспособности, то есть возможности приобрести те или иные права. В процессе же реализации этой абстрактной возможности неизбежно возникают «различия в приобретенных, лично принадлежащих конкретному субъекту (в этом смысле — субъективных) правах» [4, с. 21].

Различные дифференциации правового регулирования с позиции формального равенства оказываются имманентными самому правовому полю и обусловленными динамикой его развития. Вот как пишет об этом судья Европейского Суда Б. Цупанчич: «Высокий уровень концептуальной дифференциации, иными словами, постоянное создание новых нормативных различий, характеризует правовую систему, усовершенствованную по отношению к примитивной системе. Усовершенствованные правовые системы, таким образом, оказываются перед основной дилеммой: «Как поддерживать равенство граждан перед законом, равенство защиты, предоставленной законами, постоянно вводя новые правовые различия («дискриминации»), новые правовые категории, новые классы субъектов права, использующих различное обращение...?» Противоречие, присущее праву, является, таким образом, постоянным равновесием между требованием равенства, с одной стороны, и постоянной необходимостью создавать новую дискриминацию — с другой» [10].

Одинаковое применение закона как требование формальной справедливости (или формальное требо-

вание справедливости) возможно только к субъектам, находящимся в аналогичных ситуациях. Если же эти ситуации существенно различны, то распространение на них одинаковых правовых предписаний (по принципу «всем сестрам по серьгам»), напротив, будет отступлением от принципа справедливости. В этом качестве принцип справедливости находится за пределами дихотомии формального и фактического равенства. Оппозиция формальной и фактической справедливости содержательно возникает, только когда мы обращаемся к вопросу о критериях дифференциации правового регулирования.

Согласно ст. 19 Конституции, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Означает ли это, что любая дифференциация по перечисленным выше признакам будет неконституционной? Нужно сказать, что действующим законодательством установлены различия правового регулирования, в том числе и в зависимости от указанных обстоятельств. Например, обязанность прохождения военной службы устанавливается по признаку пола. Право на замену военной службы альтернативной гражданской службой предоставляется в зависимости от соответствующих убеждений (которые еще и необходимо доказать). Владение русским языком является одним из необходимых условий поступления на государственную службу. Некоторые должности (не только государственной службы) не могут замещаться гражданами, достигшими определенного предельного возраста.

Хотелось бы отметить, что Конституция запрещает неравное обращение с субъектами именно в зависимости от данных признаков или по указанным признакам. Как справедливо отмечает В. И. Крусс, «если ограничения или преимущества установлены или применяются исключительно по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, они являются ...неконституционными. Вместе с тем все общеправовые, актуальные для всех основных прав и свобод формы, виды и способы нормативного опосредования возможностей практического правоупотребления могут устанавливаться и в связи со статусными особенностями лиц (правообладателей), и в силу иных конституционно значимых обстоятельств» [11, с. 575]. Другими словами, эти обстоятельства, признаки вполне могут, а иногда и должны выступать в качестве критерия конституционной диф-

ференциации, однако они не могут являться ее целью.

Конституционный запрет дискриминации не исключает дифференциации правового регулирования, в том числе и по тем критериям, которые прямо названы в ст. 19 Конституции РФ. С другой стороны, некорректное установление различий правового регулирования по тем основаниям, которые традиционно лежат в основе дифференциации правового статуса, в конкретной ситуации может оказаться дискриминационным.

На языке Аристотеля проблема уравнивания и дифференциации выражается в дихотомии «арифметического» и «геометрического» равенства, «уравнивающей» и «распределяющей» справедливости. Причем у Стагирита это взаимодополняющие категории: только их правильное и «уместное» сочетание составляет основу справедливого общественного устройства.

Обратим внимание, что как «арифметическое», так и «геометрическое» (или «пропорциональное») равенство выражают формальный аспект отношений равенства. Это формальное равенство нередко отождествляется с правовым равенством в целом. Так, например, В. С. Нерсесянц отмечал: «Правовое равенство — это равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере» [4, с. 17].

Мы совершенно не можем согласиться с теми авторами, которые отождествляют «арифметическое» и «формальное» равенство, или «уравнивающую» и «формальную» справедливость. Так, например, В. Д. Зорькин полагает, что уравнивающая справедливость представляет собой чисто формальное равенство, или равенство «арифметическое» [12, с. 9].

На наш взгляд, при таком подходе допускается смешение двух совершенно различных оппозиций: «формальное — фактическое» равенство, с одной стороны и «арифметическое — геометрическое» равенство — с другой. Между тем в основе этих дихотомий лежат различные критерии разграничения соответствующих категорий. Как арифметическое, так и геометрическое равенство в основе своей инструментальны и означают, по сути, одинаковое отношение к равным и различное — к неравным, что вполне охватывается формальным модусом равенства. В основе же оппозиции формального и фактического равенства, как мы покажем ниже, лежит критерий цели правового регулирования.

Точно так же будет неверным отождествлять формальную справедливость с уравнивающей, а фактическую — с распределяющей. Отношения уравнивания и распределения в равной мере характерны как для формальной, так и для фактической (или иначе — материальной) справедливости.

Так, например, уравнивающая справедливость выражается в равном обеспечении и гарантировании

основных прав и свобод человека, что находится в плоскости формальной справедливости. С другой же стороны, законодательное закрепление минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума, которое также представляет собой проявление уравнивающей справедливости, призвано скомпенсировать (в какой-то мере) фактическое неравенство, дифференциацию доходов.

Формальный аспект распределяющей справедливости находит выражение в дифференцировании ответственности в зависимости от тяжести совершенного правонарушения, в различной оплате за труд разной сложности и напряженности и т. п. Установлению фактического равенства как реализации материальной справедливости способствует предоставление различного рода льгот и гарантий в трудовых отношениях лицам, нуждающимся в особой защите, в чем также следует видеть проявление распределяющей справедливости. Примером может служить квотирование рабочих мест для инвалидов.

Литература:

1. Нерсисянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
2. Нерсисян В.С. Правовое регулирование общественных отношений: пути и формы совершенствования законодательства: учебное пособие. М., 2006.
3. Нерсисян В.С. Критерий истины в праве // Выступление на Общероссийской научной конференции. ГУ — ВШЭ. М., 30 окт. 2006.
4. Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2005.
5. Быдлинский Ф. Основные положения учения о юридическом методе // Вестник гражданского права. 2006. № 1, 2; 2007. № 1.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1912. С. 19.
7. Perelman Ch. The idea of Justice and the Problem of Argument. L., 1963. P. 41. Цит. по: Черняева А. В. Теория Дж. Роулза и государство: пути осмысления политической справедливости власти и государства // История государства и права. 2008. № 2.
8. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3: Современное правопонимание. М., 2007.
9. Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. № 2.
10. Частично совпадающее с мнением большинства, частично особое мнение судьи Б. Цупанчича. Постановление ЕСПЧ от 29 апреля 1999 г. «Дело “Шассану (Chassagnou) и другие против Франции”» [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007.
12. Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12.

References:

1. Nersesyan V.S. Philosophy of law: libertarian-juridical concept // Voprosy filosofii. 2002. № 3. P. 3–15.
2. Nersesyan V.S. Legal regulation of public relations: way and forms of legislation improvement: study book. M.: 2006.
3. Nersesyan V.S. Standard of truth in law // Speech at the All-Russian scientific conference. GU — VshE. M.: October 30, 2006.
4. Nersesyan V.S. Philosophy of law. M., 2005.
5. Bydlinisky F. Main aspects of the theory of juridical method // Vestnik grazhdanskogo prava. 2006. № 1, 2; 2007. № 1.
6. Iering R. Juridical techniques. StPetersb., 1912. P. 19.
7. Perelman Ch. The idea of Justice and the Problem of Argument. L., 1963. P. 41. Cited by: Chernyaeva A.V. Theory John Rawls and state: ways of understanding of political justice of power and state // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 2.
8. Syrykh V.M. Logical basics of the general theory of law. V. 3: Modern legal consciousness. M., 2007.
9. Lapayeva V.V. Legal principle of formal equality / Zhurnal rossiyskogo prava. 2008. № 2.
10. Judge B.Tsupanchich's partially special opinion which coincides partially with the majority opinion. Decree of ESPCh dated April 29, 1999 "Case "Chassagnou and others vs France" [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant-Plus".
11. Kruss V.I. Theory of constitutional right to use. M.: Norma, 2007.
12. Zorkin V.D. Asset approach in constitutional regulation of rights and freedom // Zhurnal rossiyskogo prava. 2008. №12.

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Руденкин В.Н.

доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой
социально-политических наук, Уральский институт экономики, управления и права (Россия),
620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 194, rudenkin@mail.ru

УДК 342
ББК 67.400.22

Цель. Выявление и анализ причин актуализации проблемы социальной справедливости в современном российском обществе и предлагаемых путей ее решения.

Методология и методы. Проанализированы представления россиян о социальной справедливости на основе изучения данных социологических опросов. В качестве основных методологических подходов используются теория плюралистической демократии и теория «заинтересованных групп». Эмпирическую базу работы составил вторичный анализ данных.

Результаты. Обоснован вывод о конкретно-историческом и конвенциональном характере социальной справедливости, а также о необходимости проведения общественных дискуссий по данной проблеме с целью выработки и сохранения базового ценностного консенсуса. Выявлена неразрывная взаимосвязь проблемы социальной справедливости с различными видами неравенств (экономическим, правовым, политическим). Показано, что большие масштабы распространения «политической бедности» приводят к деформации публичной сферы и, как следствие, к недостаточному учету интересов больших социальных групп в принимаемых государством решениях.

Научная новизна. Раскрыты причины и следствия «политической бедности» в современной России как одного из факторов, актуализирующих проблему социальной справедливости в массовом сознании; обоснован вывод о взаимосвязи проблемы социальной справедливости с характером отношений государства и гражданского общества.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, неравенство, «политическая бедность», публичная политика, справедливость.

Rudenko V.N.

PROBLEM OF JUSTICE IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Purpose. To identify and analyze the causes of actualizing a social justice problem in the modern Russian society and the ways of its solution.

Methodology and methods. The author has analyzed the idea of the Russian people about social justice on the basis of research of sociological poll data. As the main methodological approaches the author uses the theory of pluralistic democracy and the theory of “interested groups”. The secondary analysis of data is an empirical basis for the research.

Results. The author has proved the conclusion on definite-historical and conventional character of social justice, about the urgency of public discussions on that issue aimed at the development and preserving of the basic asset consensus. The author has defined inextricable connection between the social justice problem and various types of injustice (economic, legal, and political). The author has shown that a large scale of “political poverty” bring to deformation of public sphere and, as a consequence, to insufficient consideration for other large social groups in decision-making by the government.

Scientific novelty. The author has revealed the reasons and consequences of ‘political poverty’ in modern Russia as one of the factors actualizing a social justice problem in mass consciousness; he also has substantiated the conclusion on interrelation of the social justice problem and character of relationship between the state and civil society.

Key words: state, civil society, inequality, “political poverty”, public policy, justice.

Актуальность проблемы справедливости

Проблема социальной справедливости — одна из наиболее актуальных и в то же время наиболее

сложных проблем современного мира. О ней говорят и спорят политики, ученые, журналисты, рядовые граждане. Тема справедливости занимает важное место в программах политических партий, общественных

движений, неправительственных организаций. Проводится большое число социологических исследований, научных конференций, посвященных проблеме справедливости; появляется все больше монографий и статей, авторы которых предлагают свое видение проблемы справедливости в современном мире и пути ее решения.

Не будет преувеличением сказать, что проблема социальной справедливости приобрела глобальный характер. Свой ежегодный доклад о мировом развитии за 2006 г. Всемирный банк озаглавил «Социальная справедливость и развитие». Авторы доклада отмечают, что существующие во многих странах мира колоссальные «различия в жизненных шансах, зависящие от национальности, расы, пола и социальной группы, поразят многих читателей масштабами лежащей в их основе несправедливости. Кроме того, они приводят к растрачиванию человеческого потенциала и, следовательно, упущенным возможностям в области развития». Главную идею доклада авторы видят в том, что «справедливость в некоторых основополагающих аспектах служит дополнительным фактором стремления к долгосрочному благосостоянию. Институты и политика, содействующие созданию равных условий, в которых все члены общества имеют одинаковые шансы на социальную активность, политическое влияние и экономическую эффективность, способствуют устойчивому росту и развитию. Укрепление справедливости, таким образом, вдвойне важно в борьбе с бедностью: благодаря благоприятному воздействию на долгосрочное развитие в целом и расширению возможностей для беднейших групп населения в любом обществе» [1, с. 1].

Проблема справедливости вызывает большой и быстро растущий в последние полвека интерес ученых — в первую очередь зарубежных. Так, в англоязычных журналах по философии, социологии, психологии и религиоведению количество статей, имеющих в названии слово «справедливость» (*justice, fairness, equity*), еще в 1951–1960 гг. составляло 277, а в 2001–2010 гг. достигло 2317 (почти в 30 раз больше, чем за тот же период в России). Однако в последние годы интерес к проблеме справедливости заметно вырос и у российских ученых. Если в течение 1991–2000 гг. в изданиях, включенных в электронный ресурс EastView, появилось всего 5 публикаций российских ученых, содержащих в названии слово «справедливость», то в следующее десятилетие (2001–2010 гг.) их было уже 80 [2, с. 72].

И, конечно, проблема справедливости не может не беспокоить политиков: они обязаны реагировать на исследования и рекомендации ученых, но в еще большей степени — на общественное мнение, в котором эта проблема занимает далеко не последнее место. Утрата обществом уверенности в справедливости обществен-

ного и государственного устройства может создать серьезные проблемы, привести к росту общественного недовольства и протестной активности, в чем ни одна власть, разумеется, не заинтересована.

О том, насколько важна справедливость для российского общества, неоднократно говорил Президент России В.В. Путин. Выступая на съезде «Единой России» в ноябре 2011 г., В.В. Путин заявил, что «сегодня очевиден главный запрос граждан России — обеспечить справедливость в самом широком смысле этого слова» [3]. В своих предвыборных статьях он писал о том, что «общество будет успешным, только когда у наших граждан не будет сомнений в его справедливости» [4]; что «справедливое устройство общества, экономики — главное условие нашего устойчивого развития в эти годы» [5]. В своем выступлении в октябре 2013 г. на Инвестиционном форуме «Россия зовет!» В.В. Путин заявил: «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [6].

Такие заявления главы государства представляются совершенно не случайными. Проблема справедливости в современной России действительно приобрела особую актуальность. Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что «справедливость» входит в первую пятерку наиболее важных для россиян ценностей. Так, согласно одному из опросов ВЦИОМ, скорее положительные чувства у россиян вызывают такие слова-символы, как «порядок» (58%), «справедливость» (49%), «стабильность» (38%), «достаток» (37%), «свобода» (37%), «патриотизм» (35%), «русские» (34%), «права человека» (33%), «труд» (31%), «успех» (31%). Важно при этом отметить, что электораты ведущих политических партий практически единодушны в своих позитивных оценках этих понятий. Отрицательные эмоции эти слова-символы вызывают не более чем у 3 % опрошенных [7].

Упоминание «справедливости» в числе наиболее значимых ценностей россиян — во многом закономерная реакция общества на последствия посткоммунистических реформ, которые для значительного числа людей оказались слишком болезненными. Чрезмерная дифференциация доходов, несправедливая приватизация, правовая и социальная незащищенность, неравенство перед законом — эти и другие реалии жизни современной России привели к тому, что значительное число россиян испытывает острое чувство социальной несправедливости сложившейся в стране общественной модели. По свидетельству социологов, именно это чувство является самым распространенным по частоте его переживания [8, с. 18]. Неудивительно поэтому, что лишь 12 % опрошенных социологами Фонда «Общественное мнение» в ноябре 2011 г. сказали, что современное российское общество в целом устроено справедливо, тогда как 61 % опрошенных заявили, что оно в целом устроено несправедливо (еще 27 %

затруднились ответить). При этом большинство россиян считает, что современное российское общество устроено менее справедливо, чем западное и советское общества [9, с. 28–31].

В марте-апреле 2012 г. Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ провел общероссийское социологическое исследование на тему «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?». Социологи предложили респондентам ограниченный набор альтернатив, из которых они могли выбрать определенное число позиций, характеризующих их мечтания. Его результаты представляются очень интересными. Первые три места в списке того, о чем мечтают россияне, заняли следующие ответы (допускалось до трех вариантов ответа): «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки»» (40%); «иметь хорошее здоровье» (33%); «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%), составляющими которого являются социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Как отмечают авторы исследования, первые две мечты «просты и понятны каждому, их притягательность закономерна, особенно в условиях широкого распространения малообеспеченности в современной России. Этого, однако, нельзя сказать о третьей популярной в России мечте — «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%). Какой бы ни была мотивация человека при выборе подобного ответа на вопрос о его мечтаниях, он вполне сознательно использовал одну из трех возможностей выбора именно данной мечты, которая от его личной жизни, казалось бы, далека» [10, с. 22].

Казалось бы, вот она — консолидирующая общество национальная идея, о которой так долго говорят и спорят политики, ученые, журналисты! По словам директора Института социологии РАН М.К. Горшкова, великую русскую мечту можно выразить одним словом — и «это будет слово «справедливость». Как на «высшем уровне», когда речь идет об идеальном устройстве государства, так и «для себя» — чтобы людям воздавалось по заслугам, чтобы они имели равные шансы и их дети были «не хуже других». О социальной справедливости мечтают 45 % граждан, ни один лозунг не набирает столько голосов. Если мы говорим о национальной идее, то вот она, можно долго не искать. Наши сограждане мечтают жить в справедливом и разумно устроенном обществе, где вознаграждаются добродетель и труд, где доходы соответствуют квалификации, где все равны перед законом и могут реализовать свои жизненные шансы» [11].

Если это так, дело за малым — воплотить мечту о справедливости в реальность. Однако, судя по всему, сделать это будет очень непросто — как минимум, по двум причинам. Во-первых, вследствие многозначно-

сти термина «справедливость», что порождает у многих ученых сомнения в продуктивности самой этой идеи. Во-вторых, мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе вовсе не гарантирует готовности граждан своими реальными действиями способствовать практическому воплощению этой мечты. А без такой готовности у «сказки» немного шансов стать «былью». Рассмотрим эти причины более подробно.

Конвенциональный характер справедливости

Какой бы смысл ни вкладывали политики или ученые в понятие «справедливость», оно остается одним из самых «загадочных» и многозначных. Однако при этом оно несет в себе несомненную позитивную смысловую нагрузку. Например, трудно представить политика (да и просто обычного человека), который бы выступал с публичными призывами к несправедливости. Трудно спорить и с тем, что у каждого человека (группы людей) — собственное представление о справедливости. Так, по мнению известного российского политолога-американиста Н. Злобина, «справедливость всегда носит конкретный исторический и социальный характер. То, что справедливо для одного человека или социальной группы, то может оказаться вопиющей несправедливостью для кого-то другого. Посмотрите, например, на международное право или традиции кровной мести в разных культурах мира. Это, кстати, отлично понимали, например, марксисты-ленинцы, которые в свое время придали понятию справедливость сугубо классовый характер» [12].

Ученый обращает внимание на разницу менталитета американцев и россиян: «Американцы признают главенство закона, мы уповаем на справедливость. Но её одну на всех никогда не установить. Её даже в Библии нет. Справедливость — не один стандарт для всех... В жизни любого человека много стандартов. Строить «справедливое государство» — значит, открыть ящик Пандоры. Я противник поиска модели в рамках разговоров о справедливости. России нужна правовая система, которая пользуется поддержкой общества, и равенство перед законом. Оно не означает полного торжества справедливости, поскольку люди все разные, но облегчает реализацию закона» [13].

Казалось бы, более чем убедительные аргументы, с чем тут спорить? Однако убедительными они выглядят только на первый взгляд.

Во-первых, социальная справедливость вовсе не исключает главенства закона, более того, — имманентно его предполагает. Не случайно латинское слово *iustitia* переводится на русский язык именно как «справедливость», «законность».

Во-вторых, из того факта, что разные социальные группы имеют разные представления о социаль-

ной справедливости, вовсе не следует, что эти представления *полностью исключают* друг друга и не могут хотя бы частично пересекаться.

В-третьих, — и это, пожалуй, самое главное, — справедливость всегда является важным элементом общественного консенсуса и имеет конкретно-исторический и *конвенциональный* характер. Иными словами, *что* общество в данный исторический момент времени посчитает (договорится считать, признает) справедливым, тому таковым и быть — нравится это кому-то или нет. В каждый конкретный исторический момент любое общество вырабатывает и поддерживает собственное понимание справедливости. Ученые могут быть с ним не согласны, указывать на его «неправильность», находить логические уязвимости и т.д. — это ровным счетом ничего не меняет. Во всяком случае до тех пор, пока в силу ряда причин общество не скорректирует свои представления о справедливости и не «переформатирует» общественный договор, частью которого они и являются. Возьмем для примера те же США. Были времена, когда рабство в этой стране вовсе не считалось предосудительным и нарушающим принципы справедливости. Потом эти представления американцев о справедливости претерпели кардинальные изменения, хотя еще более века чернокожие в США продолжали оставаться фактически гражданами второго сорта — и многие белые американцы считали это вполне справедливым.

Вот почему дискуссии о справедливости всегда будут иметь место. Хотя бы потому, что жить с ощущением несправедливости происходящего вокруг очень трудно. Актуализация проблемы справедливости происходит, как правило, в результате нарастания глубоких социальных противоречий, а потому и государству, и обществу следует не только обсуждать эту проблему, но и совместными усилиями искать пути ее решения. Это намного более продуктивная позиция, нежели отказ от самой идеи подобного обсуждения на том основании, что справедливость — «не один стандарт для всех», что «её одну на всех никогда не установить».

Несправедливые неравенства

Дискуссии о справедливости в современном российском обществе необходимы как минимум по двум причинам. Первая из них заключается в том, что в обществе существует достаточно большой разброс мнений относительно того, что считать справедливым, а что — нет. И очень важно, чтобы представители различных социальных групп не только имели возможность публично выражать и отстаивать свое понимание справедливости, но и проявляли готовность слушать и слышать своих оппонентов, признавать за ними право на иное понимание справедливости, идти

на компромиссы. Только при этом условии можно выработать новый ценностный консенсус, без которого невозможны ни политическая стабильность, ни прочный гражданский мир.

Дополнительную актуальность такого рода дискуссиям придает переходный (транзитный) характер современного российского общества. На смену ценностному консенсусу, который объединял советских людей, пока не пришел его современный российский аналог, хотя контуры его, можно сказать, в общем и целом определились. Однако упоминавшееся выше «переформатирование» общественного договора — процесс небыстрый и отнюдь не беспроблемный. Он как раз и требует публичного сопоставления разных мнений, подходов, на основе которого только и возможна выработка нового ценностного консенсуса. Дополнительную актуальность такому обсуждению проблемы справедливости придает то обстоятельство, что «в транзитивных обществах слова значат гораздо больше, чем кажется. В силу повышенного разнообразия конкурирующих между собой картин мира любое идеологически, культурно нагруженное понятие («за-разительная идея», говоря словами В.М. Бехтерева) конкретизируется контекстуально, дискурсивно, утрачивая однозначность и способность к «выравниванию» смыслов: оно только усугубляет социальную конкуренцию за право определять и диктовать «подлинное», «действительно истинное» понимание происходящих трансформаций. Процедуры понимания справедливости в данном случае имеют принципиально разную направленность: с одинаковой степенью убедительности справедливость может означаться либо в сопряжении с идеалом свободы и равенства, либо в сопряжении с тяготами социальной ответственности, либо в связке с «сожалением о прошлом», о «неверно» когда-то выбранном пути развития» [14, с. 74].

Это действительно так. Достаточно проанализировать программные документы российских политических партий, в которых находят отражение представления о справедливости различных социальных групп и предлагаются варианты ее утверждения в реальной жизни. Разумеется, и суть проблемы, и предлагаемые пути ее решения партии понимают по-разному. Однако, несмотря на более чем очевидную актуальность проблемы справедливости, она до сих пор так и не стала частью современной российской «политической повестки». Как справедливо констатирует российский ученый Г.Ю. Карнаш, «в России в силу ряда причин до сих пор не возникло полноценной дискуссии об основаниях общественного устройства» [15, с. 342]. То ли партии не «угадывают» общественные предпочтения (представления «своих» электоратов о справедливости); то ли рассматривают их не более чем как ресурс мобилизации электоральной поддержки, вовсе не собираясь следовать ему в реальной по-

литической практике; то ли просто не находят достаточной поддержки избирателей, которых затронул бы их «дискурс справедливости»; то ли сами избиратели, которые мечтают о справедливости, не особенно верят в возможность практической реализации этой мечты — с равной вероятностью можно допустить любое из этих объяснений. Но факт остается фактом: острота проблемы справедливости в современном российском обществе, несмотря на партийно-идеологические споры, в последние годы не только не снизилась, — значительно возросла.

Социологические опросы тоже не всегда дают достоверную картину. Многое зависит от используемых социологами методологии и методов исследования (открытые или закрытые вопросы предлагались респондентам, касались ли они справедливости вообще или социальной справедливости, какое количество вопросов задавалось респондентам и т.д.). В качестве примера анализа социологических опросов, посвященных проблеме справедливости, можно привести глубокую и содержательную статью М.Ю. Урнова. По мнению ученого, в массовом сознании не следует искать адекватного осмысления понятия «справедливость»: анализ содержащихся в ответах респондентов общих представлений о справедливости «позволяет выявить основные контуры семантического поля, в котором оно на данный момент существует», однако не позволяет получить глубокой и целостной картины. Эти слабости ученый компенсирует, используя метод *«реконструкции представлений о справедливости по имеющимся в социологических опросах частным суждениям о том, что справедливо, а что — нет...»* Человек, затрудняющийся дать определение справедливости в целом, в большинстве случаев может достаточно легко сказать, в чем она состоит в конкретной ситуации» [2, с. 72]. И к какому же выводу пришел автор? Да, в общем, примерно к тому же, к которому приходят исследователи «партийно-идеологического» дискурса справедливости: «Проведенный анализ показывает, что сегодня в российском общественном мнении нет единства представлений о справедливости. Существующие воззрения зачастую противоречат друг другу» [2, с. 85].

Это, конечно, несколько не умаляет значимости той работы, которую делают социологи. Ценность социологических опросов, равно как и теоретического анализа и интерпретации получаемых в их ходе результатов, состоит в том, что они позволяют, с одной стороны, очертить проблемное поле (с чем связывают респонденты понятие «справедливость»?); с другой стороны, выявить наиболее значимые, с точки зрения респондентов, ее проявления, степень общественного согласия относительно того, что в первую очередь считать справедливостью. Сами по себе результаты опросов, конечно, не способны оказать существенного влияния на утверждение в обществе принципов спра-

ведливости, однако они способны привлечь внимание органов власти и общества к актуальной проблеме и при определенных условиях подтолкнуть их к практическим шагам в соответствующем направлении.

Какой же смысл вкладывают россияне в понятие «справедливость» («социальная справедливость»)? Исследования социологов не подтверждают широко распространенное мнение о якобы «уравнительском» характере российского менталитета и показывают, что отношение россиян к понятию «справедливость» является многозначным и многоаспектным. Наиболее значимым проявлением социальной справедливости относительно большинство россиян (36%) считает равенство всех граждан перед законом. Каждый пятый опрошенный (20%) видит социальную справедливость в том, чтобы «уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных»; далее, в порядке убывания — «чтобы каждый мог достичь того, на что способен» (13%); «чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями» (12%); «в гарантиях для социально незащищенных, в социальной ответственности богатых» (11%); лишь 6 % респондентов заявили, что «никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет». Примечательно, что наименьший разброс оценок среди электоратов всех партий (в том числе непарламентских), а также абсентеистов и затрудняющихся ответить на вопрос о своих партийных предпочтениях наблюдается по двум позициям — «равенство всех граждан перед законом» и «чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями» [16].

Высокий уровень имущественного неравенства, в основе которого лежат несправедливые социальные практики; неравенство граждан перед законом и судом; неравенство в доступе к медицинским услугам — наиболее важные и болезненно воспринимаемые россиянами виды неравенств и проявлений социальной несправедливости. Подавляющее большинство россиян (83%) считает слишком большими, чрезмерными существующие различия в доходах; две трети считают несправедливой сложившуюся систему распределения частной собственности и столько же — что люди не получают достойного вознаграждения за свой труд; при этом более половины опрошенных (54%) отмечают, что последнее утверждение относится и к ним лично. По их мнению, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают. Причем *«существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия»* [17, с. 18]. Именно чрезмерное и нелегитимное (в оценках россиян) имущественное неравенство предстает как самое очевидное и непри-

емлемое нарушение социальной справедливости. При этом острота этой проблемы в последние годы только нарастает: если еще пять-шесть лет назад колоссальный разрыв в уровне и качестве жизни между богатыми и бедными включали в число самых нетерпимых проблем 43 % россиян, то в 2013 году — уже 53 % [18].

Дело еще и в том, что все большее число россиян связывает причины богатства не столько с собственными усилиями человека (например, с умением использовать все возникающие шансы; с работой без оглядки на время и здоровье; с наличием высокой квалификации, знаний), сколько с наличием нужных связей, знакомств, а также с фактором везения, удачи. Россияне спокойно относятся к достаточно глубокому неравенству доходов, если оно связано с разницей в квалификации, образовании, эффективности труда или получением наследства; и в то же время они не приемлют несправедливые способы обогащения.

«Политическая бедность»

Проблема социальной справедливости неразрывно связана не только с избыточным имущественным неравенством, с неравными возможностями доступа к важнейшим социальным благам и неравенством граждан перед законом, но и с неравенством политическим, которое проявляется в неодинаковых возможностях различных социальных групп влиять на принятие важных для страны (региона, города, населенного пункта) решений. А между тем эти измерения избыточного социального неравенства неразрывно связаны друг с другом: низкий уровень общественно-политической активности граждан является одним из факторов, затрудняющих поиск эффективных решений проблем избыточного имущественного и правового неравенств.

Избыточные (и несправедливые, в оценках населения) экономическое и правовое неравенства и неразрывно связанное с ними политическое неравенство порождают у людей, не входящих в верхние слои общества, целую цепочку негативных чувств — ощущение социального аутсайдерства, беспомощности, недовольство, обиду, разочарование, тревогу, растерянность, агрессивность и т.д. Неудивительно поэтому, что многие граждане оценивают свое государство как «социально несправедливое», действующее преимущественно в интересах бюрократии и влиятельных олигархических групп. И эти чувства и оценки имеют под собой серьезные основания: как справедливо отмечают авторы упоминавшегося выше Доклада о мировом развитии-2006, «при высоком уровне экономического и политического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных

групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям, когда личные и имущественные права обеспечиваются избирательно, бюджетные ассигнования выделяются главным образом тем, кто обладает политическим влиянием, предпочтение при распределении общественных услуг предоставляется богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом тогда становится менее эффективным и упускает возможности для инноваций и инвестиций» [1, с. 2].

Для обозначения политического неравенства ученые даже придумали специальный термин — «политическая бедность». В научный оборот его ввел американский политолог Дж. Бохман, по мнению которого «политическая бедность» проявляется в «неспособности каких-то групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и в обусловленной этим уязвимости перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений» [Цит. по: 19, с. 973]. Следствием «политической бедности» становится неспособность граждан представлять своё мнение и интересы ни в обществе, ни в государстве, т.е. быть полноправными и влиятельными участниками публичной сферы, в которой происходит обсуждение важнейших проблем общества и поиск вариантов их решения. Порогом «политической бедности» Дж. Бохман считает именно способность-неспособность той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих её интересы, и предостерегает власть от ошибочного восприятия пассивности граждан как согласия с проводимой ею политикой.

«Политическая бедность» оборачивается сужением пространства публичной сферы, недопредставленностью в ней целых сегментов групповых интересов. Неготовность общественных организаций заставить государство воспринимать себя в качестве его равноправных партнеров приводит к тому, что политика приобретает преимущественно «монологический» характер, а многие важные решения разрабатываются и принимаются без предварительной апробации в виде широкой общественной дискуссии с участием всех заинтересованных сторон.

Следствием застойной «политической бедности» становится также нарастание в обществе энергии социального недовольства и протеста. Не выходя открыто в публичную сферу, она проявляется в росте масштабов социально-девиантного поведения больших групп населения. Следует также учитывать, что отсутствие массовых акций протеста вовсе не обязательно является свидетельством согласия общества с проводимой государством политикой и готовности ее поддерживать. Это может быть просто следствием глубоко укорененной в массовом сознании ценностной установки: какой смысл митинговать (бастовать), если

мы все равно ничего изменить не можем? Но общественно-политическая апатия — вещь коварная: она может долгое время успешно «маскировать» упоминавшиеся выше негативные чувства, порождая тем самым иллюзию стабильности и внешнего благополучия, но которые, подспудно накапливаясь, вполне могут в определенный момент спровоцировать людей на активные протестные действия.

Готово ли общество к «борьбе за справедливость»?

Исследования социологов показывают, что в настоящее время большинство россиян не особенно верят (или вовсе не верят) в возможность реализации мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. Разрыв в уверенности в возможности реализации такой мечты между тремя нижними (нищие, представители глубокой бедности, собственно бедные) и двумя верхними (обеспеченные, состоятельные) стратами необычайно велик — практически восьмикратный (7 % и 55 % соответственно). Что же касается представителей 4–8 страт (нуждающиеся, малообеспеченные, среднеобеспеченные), составляющих свыше 80 % населения России, то оптимистов (т.е. уверенных в осуществимости мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе) среди них чуть более трети — 36 % [10, с. 267].

Большинство россиян, выражающих недовольство многочисленными проявлениями несправедливости, не изъявляют готовности личными усилиями содействовать их устранению. В целом ученые весьма скромно оценивают мобилизационный потенциал запроса на социальную справедливость. Причины этого они видят не только в том, что он главным образом адресован государству, но и в том, что «стремление к справедливости в современной России практически никак не сопряжено с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться» [20, с. 22], в низком потенциале субсидиарности, неразвитости чувства общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности, неготовности к солидарным действиям по защите своих групповых интересов [21, с. 102–103].

Это сильно отличает Россию от развитых демократий, в которых утверждение и поддержание в обществе принципов социальной справедливости — во многом заслуга общественных (неправительственных) организаций, которые являются важнейшими институтами артикуляции (выражения) интересов различных социальных групп (их так и называют — «группы интересов», «заинтересованные группы»). Ассоциации работодателей, профсоюзы, ветеранские, молодежные, женские, правозащитные, экологические и множество других подобных организаций постоянно выявляют (уточняют, корректируют) интересы соответствующих

социальных групп и в случае необходимости транслируют их в публичную сферу, привлекая к ним внимание органов власти различных уровней, настаивая на учете ими этих интересов при разработке и принятии политических решений. Тем самым общественные организации играют роль важнейшего связующего звена между властью и гражданами.

В России таких организаций тоже много. По данным Минюста России, на 1 января 2013 г. в нашей стране было зарегистрировано 104949 общественных объединений, 32334 профсоюза, 988 национально-культурных автономии, 87028 некоммерческих организаций [22, с. 7]. Казалось бы, внушительная сила? Однако этот огромный потенциал используется явно недостаточно, в том числе — по причине недоверия граждан к таким организациям. По данным социологических опросов, подавляющее большинство россиян не являются членами общественных организаций и никакого участия в их работе не принимают. Но дело, конечно, не только в недоверии граждан к общественным организациям. Не менее важным фактором, сдерживающим развитие гражданского общества, является низкая гражданская самооценка, неверие людей в то, что их личное участие в политической или общественной жизни способно что-либо изменить в деятельности различных социальных институтов. Такая ценностная установка закономерно приводит к отчуждению граждан от этих институтов. Большинство людей предпочитают занимать привычную для них позицию «зрителя», предпочитая делегировать полномочия (равно как и ответственность за происходящее в стране) властным элитам. Сказывается и предубеждение чиновников по отношению к общественникам, настороженное отношение к любым проявлениям «живого творчества масс», понимание общественно-политического участия как исключительно участия в выборах.

Значит ли это, что мечта россиян о социальной справедливости неосуществима? Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Многое будет зависеть от позиции государства, от его готовности слушать и слышать голос гражданского общества, реагировать на исходящие от него общественные запросы, поддерживать с ним подлинно партнерские отношения.

Не менее важно, какую позицию займет гражданское общество, базовые структуры которого «могут стать основой для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни, тем более что это соответствует ожиданиям и настроениям большинства населения страны» [20, с. 22]. Могут, конечно, и не стать — в таком случае придется либо уповать на государство, либо смириться с тем, что мечта о справедливо устроенном обществе так и останется мечтой.

И все же, думается, в России имеются некото-

рые предпосылки для того, чтобы постепенно преодолеть те преграды, которые стоят на пути утверждения в обществе принципов социальной справедливости — избыточное неравенство в экономической, правовой и политической сферах. Первоочередной задачей в этом плане видится преодоление именно «политической бедности». Решение этой задачи позволит добиться реализации как минимум двух целей.

Во-первых, широкое вовлечение неправительственных организаций, представляющих интересы массовых слоев общества, в процесс обсуждения актуальных проблем будет способствовать более полному учету групповых (в первую очередь социально-экономических) интересов в принимаемых государством решениях, а, следовательно, постепенному преодолению чрезмерного (и оцениваемого населением как несправедливого) социально-экономического неравенства. Важно также продолжить работу по созданию и расширению правовой базы гражданского участия — в частности, принять закон об общественном контроле, создать постоянно действующий механизм общественной экспертизы социально-значимых законодательных актов с привлечением экспертов НКО. Об этом говорил в своем Послании Федеральному Собранию РФ Президент России В.В. Путин 12 декабря 2013 г.: «Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причём с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение. Считаю, что все законопроекты, ключевые государственные решения, стратегические планы должны проходить гражданское, так называемое «нулевое», чтение с участием НКО, других институтов гражданского общества» [23].

Во-вторых, само участие организаций гражданского общества в обсуждении и выработке государственных решений позволит им почувствовать себя реальными субъектами политической жизни, а государство, в свою очередь, получит в их лице надежного союзника, не только участвующего в выработке политического курса, но и готового наряду с ним нести ответственность за его реализацию. Как справедливо отмечает руководитель Центра комплексных социальных исследований ИС РАН В. Петухов, «связка между экономическими и политическими интересами возникает, когда запросы отдельных групп становятся значимыми для всего общества. Этого в России не видно, даже когда затронуты коренные социально-экономические права людей. Крайне слабо выражена общественная солидарность, абсолютно закрытым и непрозрачным остается корпоративный сектор рынка труда — в основном за счет «сращивания» крупного бизнеса и властных структур. Когда конфликты все-таки выплескиваются наружу, как это было в том же Пикалево, «разруливать» их приходится первым ли-

цам страны, что явно ненормально для демократического государства» [18].

Важно отметить, что подобные «пикалевскому» спонтанные выплески социальной агрессии являются прямым следствием неработающих обратных связей между государством и гражданским обществом, своеобразным «жестом отчаяния» со стороны граждан, которые не могут иным способом «достучаться» до властей. Вот почему выстраивание социально-партнерских отношений государства и гражданского общества способно в перспективе привести к положительным изменениям как в реальной политике, так и в ее оценке населением.

В принципе, в современной России уже сегодня в сфере публичной политики имеются отдельные формы институционального диалога власти и гражданского общества: публичные слушания, гражданский контроль, общественные экспертизы, институт обращения граждан, гражданские инициативы, интерактивные телепередачи с участием представителей власти, работа общественных палат и общественных советов и т.д. Другое дело, что в силу массовой общественно-политической пассивности они далеко не в полной мере реализуют свой потенциал.

Думается, одной из важных мер, способных преодолеть отчуждение граждан от общественно-политической жизни и содействовать более широкому вовлечению неправительственных организаций в сферу публичной политики, могла бы стать, как говорили в советские времена, «активная пропаганда передового опыта» гражданского общества — в первую очередь усилиями СМИ. Люди должны знать и на конкретных примерах убеждаться в том, что гражданское участие может давать (и часто действительно дает) реальные практические результаты; что власть отнюдь не всегда глуха к инициативам общественных организаций — напротив, нередко демонстрирует готовность к конструктивному диалогу. С большой долей уверенности можно предположить, что позитивные примеры успешного и взаимовыгодного сотрудничества власти и общества способны существенно повысить гражданскую самооценку людей.

Наконец, немаловажную роль в преодолении «политической бедности» может и должно сыграть государство. В последнее время оно предпринимает немалые усилия в этом направлении. Это и государственная/муниципальная финансовая поддержка программ НКО; и механизм грантовых конкурсов при выделении средств на поддержку социально значимых проектов; и поддержка благотворительной деятельности, и многое другое. Важно, чтобы такая работа продолжалась, и эта поддержка была постоянной. Причем не только финансовая, но также и информационная, и моральная. Внимательное отношение государства к исходящим «снизу» инициативам, готовность к конструк-

тивному диалогу и сотрудничеству с общественными организациями, безусловно, дадут мощный импульс развитию институтов гражданского общества, сделают их надежным партнером государства и будут способствовать утверждению в нашей стране принципов социальной справедливости.

Литература:

1. Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2006. 312 с.
2. Урнов М.Ю. Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. 71–88.
3. Путин В.В. Главный запрос граждан России — обеспечить справедливость [электронный ресурс]. URL: <http://media-mera.ru/politics/putin/2011-11-27-glavnyi-zapros-grazhdan-rossii-obespechit-spravedlivost> (дата обращения 19.01.2014)
4. Путин В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить [электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/511884> (дата обращения 19.01.2014)
5. Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России [электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html> (дата обращения 19.01.2014)
6. Владимир Путин: «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [электронный ресурс]. URL: <http://news.sibsose.ru/?id=796473> (дата обращения 19.01.2014)
7. Порядок и справедливость — главные ценности россиян [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4271> (дата обращения 19.01.2014)
8. Социокультурные факторы консолидации российского общества М.: Институт социологии РАН, 2013. 54 с. [электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html. (дата обращения 19.01.2014)
9. Справедливость в российском обществе // Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень. 24.11.2011. № 47. [электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf> (дата обращения 19.01.2014)
10. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
11. Добрынина Е. Великая русская мечта [электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html> (дата обращения 19.01.2014)
12. Злобин Н. Как распределить несправедливость [электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/07/sistema.html> (дата обращения 19.01.2014)
13. Злобин Н. «Лучше равенство перед законом, чем упования на справедливость» [электронный ресурс]. URL: http://www.russia-today.ru/2012_14_12.htm (дата обращения 19.01.2014)
14. Пономарева Г.М. Справедливость и переходность: проблемы совместимости // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 4 №№ 59–60. С. 73–82.
15. Канарш Г.Ю. Концепции справедливости в российской политике // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2008. Вып. 8. С. 341–354.
16. Социальная справедливость: как мы ее понимаем [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114297> (дата обращения 19.01.2014)
17. Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26.
18. Добрынина Е. Как по-русски «демократия»? [электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html> (дата обращения 19.01.2014)
19. Красин Ю.А. Политические аспекты социального неравенства // Вестник Российской академии наук. 2006. Том 76. № 11. С. 971–977.
20. Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1. С. 6–23.
21. Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 95–108.
22. Россия 2013: Стат. справочник. Росстат. М., 2013. 62 с.
23. Послание Президента Федеральному Собранию [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 19.01.2014)

References:

1. Report on the world development of 2006. Justice and development. Transl. From English. M.: Published by “Ves Mir”, 2006. 312 p.
2. Urnov M.Yu. What is justice? (An effort to analyze mass-scale view) // Obshchestvenniye nauki i sovremennost. 2012. № 5. 71–88.
3. Putin V.V. Major demand of citizens is to provide justice [e-resource]. URL: <http://media-mera.ru/politics/putin/2011-11-27-glavnyi-zapros-grazhdan-rossii-obespechit-spravedlivost> (date of reference 19.01.2014)
4. Putin V. Russia focuses — challenges we must meet [e-resource]. URL: <http://www.izvestia.ru/>

- news/511884 (date of reference 19.01.2014)
5. Putin V. Making justice. Social policy for Russia [e-resource]. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html> (date of reference 19.01.2014)
 6. Vladimir Putin: "Power must be strong, consistent and justified" [e-resource]. URL: <http://news.sibsose.ru/?id=796473> (date of reference 19.01.2014).
 7. Order and justice — main assets for the Russian people [e-resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4271> (date of reference 19.01.2014)
 8. Social-cultural factors of the Russian society consolidation. M.: Institut sotsiologii RAN, 2013. 54 p. [e-resource]. URL: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html. (date of reference 19.01.2014)
 9. Justice in the Russian society // Dominant ideas. A scope of opinions. Sotsiologicheskii bulletin. 24.11.2011. № 47. [e-resource]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf> (date of reference 19.01.2014)
 10. What the Russians dream about: ideal and reality / Edited by M.K. Gorshkov, R. Krumm, Y.T. Tikhonova. M.: Ves mir, 2013. 400 p.
 11. Dobrinina E. A great Russian dream [e-resource]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html> (date of reference 19.01.2014)
 12. Zlobin N. How to distribute injustice [e-resource]. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/07/sistema.html> (date of reference 19.01.2014)
 13. Zlobin N. "It is better to be equal before the law than to count on justice" [e-resource]. URL: http://www.russia-today.ru/2012_14_12.htm (date of reference 19.01.2014)
 14. Ponomaryova G.M. Justice and transitivity: problems of compatibility // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. 2010. V. XII. Issue 4 №№ 59–60. P. 73–82.
 15. Kanarsh G.Yu. Concept of justice in the Russian policy // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filisifiyi i prava UrO RAN. Ekaterinburg, 2008. Issue 8. P. 341–354.
 16. Social justice: the way we understand it понимаем [e-resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114297> (date of reference 19.01.2014)
 17. Mareyeva S.V. Just society in the Russians' perception // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2013. № 5. P. 16–26.
 18. Dobrinina E. What is "democracy" in the Russian? [e-resource]. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html> (date of reference 19.01.2014)
 19. Krasin Yu.A. Political aspects of social injustice // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2006. V. 76. № 11. P. 971–977.
 20. Petukhov V.V. Axiological palette of the modern Russian society: "ideological porridge" or search of a new meaning? Monitoring obshchestvennogo mneniya i sotsialniye peremeny. 2011. № 1. P. 6–23.
 21. Andreyev A.L. The Russian dream: sociologist's view // Monitoring obshchestvennogo mneniya i sotsialniye peremeny. 2013. № 1. P. 95–108.
 22. Russia 2013: Statistical reference. Rosstat. M., 2013. 62 p.
 23. President's Letter to the Federal Assembly [e-resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (date of reference 19.01.2014)

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ — ЭФФЕКТИВНЫЙ ПУТЬ УСТРАНЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА И КСЕНОФОБИИ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

Ионцев В.А.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Россия), 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, дом 1, стр.46, 3-й учебный корпус, к. 462, iontsev@econ.msu.ru

УДК 325.14
ББК 60.546.7

Цель. Целью исследования является выявление закономерностей иммиграционных процессов, возможностей интеграции мигрантов в принимающей стране и положительного эффекта и обоснование необходимости государственной политики интеграции мигрантов.

Методы. Информационной основой исследования стали экономико-демографические исследования автора, специалистов МГУ им. М.В.Ломоносова, а исследования, проведенные зарубежными специалистами.

Результаты. Проведенное исследование показало, что игнорирование политики интеграции мигрантов приводит к снижению уровня толерантности в обществе, самоизоляции мигрантов, к обострению конфликтов между мигрантами местным населением и, в конечном счете, — к росту социальной напряженности.

Выводы. Для преодоления демографического спада, обеспечения дальнейшего социально-демографического развития страны в условиях глобализации необходимо со стороны государства создавать условия для формирования так называемого «нового населения», образующегося в брачных союзах между мигрантами и коренными гражданами страны, способного, благодаря крепкому здоровью, поликультурному восприятию, на более высокую репродуктивную активность, межэтническую толерантность.

Ключевые слова: адаптация, ассимиляция мигрантов, ксенофобия, политика интеграции мигрантов.

Iontsev V.A.

MIGRANTS' INTEGRATION IS AN EFFECTIVE WAY FOR ELIMINATION OF INEQUALITY AND ZENOPHOBIA IN THE HOST COUNTRY

Purpose. The purpose of the research is to identify common factors of immigration processes, possibilities of migrants' integration to the host country and positive effect and substantiation of necessity state policy concerning migrants' integration.

Methods. Economic-demographical research by the author, experts from Moscow State University after M.I. Lomonosov and research performed by foreign experts are an informational basis of the given research.

Results. The carried out research has shown the disregard of migrants' integration policy brings to tolerance runoff in our society, migrants' self isolation, escalation of the conflicts between migrants and local citizens and, as a result, to the growth of social tension.

Conclusion. To overcome demographic recession, provide further social-demographic development of the country in conditions of globalization the state should create conditions for the development of the so-called "new population" resulting from marriages of migrants and local citizens of the country equal to high reproduction and interethnic tolerance due to good health and multicultural perception.

Key words: adaptation, migrants' assimilation, xenophobia, migrants' integration policy.

В последние годы в связи с огромным наплывом из стран Центральной Азии мигрантов, численность которых с 7 % в 2000-м году возросла до 70 % в 2012 при абсолютной численности всех мигрантов более 11 миллионов за прошедший год, среди граждан России резко возросли антимигрантские настрое-

ния: усилилась ксенофобия, неприязнь, нетерпимость к этим людям. Но хотелось бы подчеркнуть, что основная неприязнь направлена против нелегальных иммигрантов, которые и так подвергаются самой жесткой эксплуатации: чрезвычайно низкая оплата труда, а иногда и вовсе ее отсутствие, лишение социальной

поддержки, ненормированный рабочий день, проживание в неприспособленных для жизни местах, несоблюдение техники безопасности и т.п. В этих условиях неизбежно возникает вопрос: что делать государству и обществу в целом для того, чтобы искоренить неравноправие, несправедливость, националистические настроения и другие негативные явления, возникающие в последние годы, причем не только в нашей стране, но и в других странах массовой иммиграции? Одним из эффективных решений этой проблемы может стать разработка и проведение в жизнь политики интеграции мигрантов в принимающее общество.

Интеграция мигрантов как процесс их «вхождения» в социум стран иммиграции и последующей их ассимиляцией в этом обществе является относительно новым, хотя сам термин «интеграция» применяется в политической, экономической, социологической науках достаточно уже давно. Неслучайно выделяют три типа интеграции: политическая, экономическая и социальная. Что касается первых двух, то процесс интеграции стал достаточно интенсивно развиваться после Второй Мировой войны, когда стали создавать различные межгосударственные союзы и стал происходить процесс объединения внутри них, не только политических, но и экономических условий жизнедеятельности государств, образовавших эти союзы. Характерной чертой подобных союзов становятся свобода передвижения населения и рабочей силы через государственные границы объединившихся государств. В связи с этим появляются такие термины, как «ассимиляция»,

«адаптация», «приживаемость», которые обозначают различную степень вхождения разных групп мигрантов в социум принимающих стран. С одной стороны, можно говорить о безвозвратных мигрантах, переезжающих на постоянное место жительства в другие страны, с другой стороны, речь может идти о различных категориях временных мигрантах, в частности, о трудовых мигрантах, приезжающих на время поработать в эти страны. Соответственно степень их интеграции в политическую, экономическую и социальную жизнь принимающего общества должна быть различна.

Для России важно выделение не только этих двух групп мигрантов, но и тех, кто живёт в странах так называемого «нового или ближнего зарубежья» (постсоветские государства) и тех кто проживает в странах «дальнего зарубежья». Но, прежде чем более подробно рассмотреть эти группы мигрантов в России, хотелось бы вкратце остановиться на понятийном аппарате (см. схему 1).

В целом, интеграция может быть разделена на полную интеграцию, базирующуюся на адаптации и ассимиляции мигрантов, и частичную интеграцию, включающую в себя процессы адаптации и приживаемости. Под ассимиляцией обычно понимается процесс, в ходе которого две или более группы, ранее различавшиеся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой, создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности. Наиболее широкое применение этот

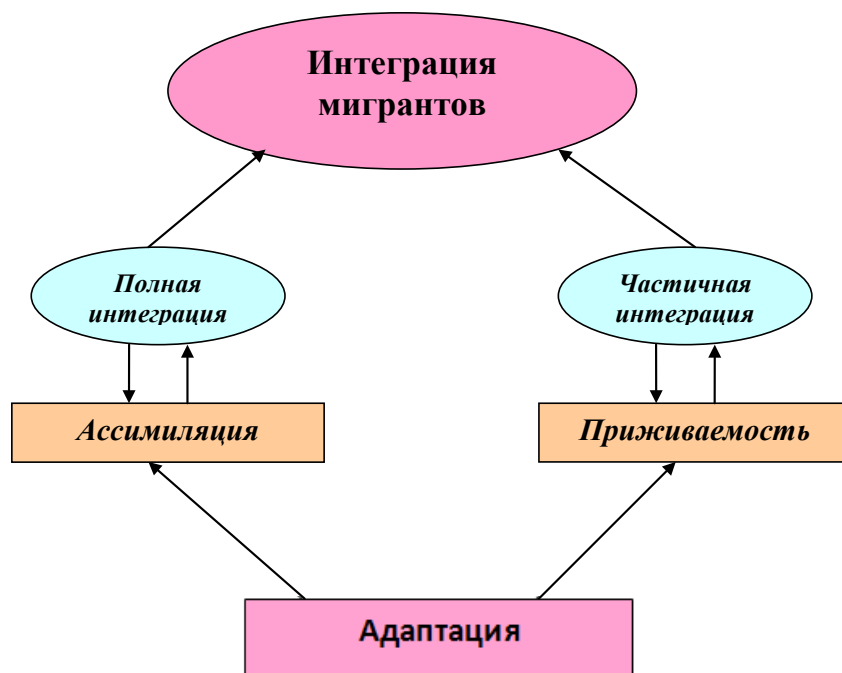

Рис. 1. Классификация терминов, обозначающих различную степень интеграции мигрантов

термин приобрел для характеристики межэтнических процессов, проявляющихся в том, что группы людей, принадлежащих к уже сформировавшимся этносам, оказавшись в тесном контакте с другим народом или его среде (дисперсно расселенные этносы, например, в России — карелы, мордва и др.) воспринимают его язык, культуру и обычаи. В последующих поколениях происходит полная смена национальной самоидентификации (причисление себя к данному народу).

Существенным фактором ассимиляции являются межэтнические браки (межнациональные браки, образование которых лежит в основе выдвинутой нами концепции четвертого демографического перехода). Вместе с тем заметим, что этническая самоидентификация детей, рожденных в таких браках, во многом зависит от национальности супруга-лидера, а также ряда конъюнктурных факторов (приоритетов национальной политики на определенной территории).

Процесс ассимиляции может иметь как универсальный, так и частичный характер. Например, при ассимиляции народ может утратить свой язык, самоназвание, традиционную структуру деятельности, но сохранить религиозные верования, некоторые бытовые традиции (о чем свидетельствует, в частности, история создания американской нации).

Ассимиляция может происходить естественным и насильственным путем. Естественная ассимиляция — следствие объективных процессов экономического и политического сближения территорий (отдельных регионов и целых государств) и народов, давших мощный импульс их культурному сближению (например, растущая интернационализация мирового хозяйства). Естественная ассимиляция характерна и для мигрантов, которые на своей новой родине вливаются в состав коренного населения, постепенно растворяясь в нем.

Принудительная (насильственная) ассимиляция — это проявление определенной национальной политики, имеющей целью уничтожение того или иного этноса как самостоятельной единицы, но не физическим способом. В качестве примеров насильственной ассимиляции используются: ограничение сферы применения национального языка с последующим полным его изъятием из обращения; искоренение национальных традиций (запрет на празднование национальных праздников, исполнение обрядов); насаждение несвойственных народу видов деятельности и др.

Такая политика деформирует мораль, систему ценностей обоих народов, провоцирует ожесточенное сопротивление ассимилируемого народа, его стремление к этнической замкнутости, искусственное «выпячивание» его отличительных черт. Насильственная ассимиляция — потенциальный источник межэтнических конфликтов. Насильственную ассимиляцию необходимо отличать от вынужденной, характерной, например, для мигрантов в развитых странах Запада,

где быстрая ассимиляция приезжих является существенным условием их успешной социальной и экономической адаптации.

Интенсивность ассимиляции не всегда определяется соотношением численности этносов. Имеются исторические примеры того, как народ-завоеватель на покоренных территориях принимал культуру побежденных (норманны в Южной Италии, болгары на Балканском полуострове, хамитские племена в Восточной Африке и т.д.), а также того, как малочисленный народ ассимилировал более многочисленный. Один и тот же народ может сам активно ассимилировать другие народы (так, русские ассимилировали многочисленные финские и тюркские племена), но в отдельных случаях, особенно при проживании небольшими группами на территории традиционного расселения других народов, может стать объектом ассимиляции.

В глобальном плане всю историю человечества можно представить как процесс ассимиляции народов, объединения бесчисленных племен в ограниченное число этнических групп, народов (наций, народностей).

В России ассимиляционные процессы носят взаимный характер, хотя и являются избирательными относительно разных этнических групп.

Усиление ассимиляции происходит в период стабильной общественной жизни. Межэтнические конфликты, которые стали характерной чертой современной России, снижают динамику развития процесса ассимиляции, что прежде всего отражается на интеграции мигрантов в российское общество, так как в обществе нарастают и достаточно быстро антииммигрантские настроения. При этом очень важно подчеркнуть, что говоря об интеграции мигрантов, необходимо понимать, что **это двухсторонний процесс, направленный на ассимиляцию и приживаемость мигрантов в принимающем обществе, что может способствовать как экономическому, так и демографическому развитию самого этого общества.** Речь идет не только об отношении принимающего общества к мигрантам, но и о желании мигрантов интегрироваться в это общество. Нарушение этой двусторонности и делает невозможным полную интеграцию мигрантов в принимающее общество. Ярким примером такого нарушения стало заявление, которое сделал в 2011 году премьер-министр Великобритании, Дэвид Кэмерон, о крахе «политики мультикультурности в Европе». И главными виновниками этого краха были обозначены сами мигранты. Но возникает вопрос, а как мигранты, в частности, из арабского мира могли интегрироваться в западное общество, если в отношении них была проведена политика создания мигрантских анклавов, т.е. изолированные от коренного населения районы компактного проживания мигрантов? Заметим что в каком то смысле Россия повторяет печальный опыт западных стран, создавая примерно такие же анклавы в Москве,

Санкт-Петербурге и других крупных городах и тем самым вольно или невольно создаёт препятствия для полной интеграции мигрантов.

Очевидно, что интеграция представляет собой совокупность действий и убеждений, как иммигрантов, так и коренных жителей, действия последней группы особенно важны, так как они определяют и оказывают сильное влияние на условия приёма иммигрантов и структурные условия их проживания, тем самым направляя национальную идентификацию иммигрантов либо в противодействующее русло (т.е. нежелание интегрироваться), либо в русло интеграции.

Говоря о частичной интеграции мигрантов (речь, прежде всего, идёт о временных трудовых мигрантах, численность которых в России значительно возросла и ежегодно в среднем насчитывает более 2 млн. человек), необходимо обозначить два таких понятия, как приживаемость и адаптация. Собственно именно с адаптации, под которой мы понимаем процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни, начинается интеграция. Этот процесс может иметь двойственный характер. С одной стороны, это приспособление человека как живого существа, а с другой — как личности, социального феномена. И в этом смысле адаптацию можно разделить на социальную и биологическую. То и другое составляет среду обитания. Такое деление имеет определённую условность, поскольку биологическая адаптация во многом зависит от социальных условий, а социальная адаптация не исключает биологических особенностей человека, особенно если речь идёт о миграции в регионы с суровыми климатическими условиями.

Интеграция мигрантов как предмет государственной политики является относительно новым вопросом для современной России, хотя определённый исторический опыт в этой сфере имеется.

В советское время миграция населения в условиях многонациональной страны сопровождалась «перемешиванием народов», но этот процесс происходил относительно безболезненно. Одним из важных направлений государственной политики было воспитание интернационализма: понятие «советский народ» было наполнено реальным смыслом, который обеспечивался общностью языка, едиными программами школьного образования по всей стране, равенством прав и условий жизни для всех граждан. При всей жесткости советской политической системы государством обеспечивались условия для социально-экономической интеграции мигрантов в местах поселения (обеспечение работой, жильём, возможностью получения образования самими мигрантами и их детьми и т.д.). Тем не менее, в союзных республиках, куда целенаправленно, мерами государственной политики, направлялись миграционные потоки из России, ещё с 1970-х гг. на уровне местных властей начались

процессы противодействия этому и на пути интеграции выходцев из России создавались искусственные препятствия.

После распада Советского Союза ситуация кардинально переменялась. Политика в области внутренней миграции населения в России была свернута, а политика в области международной миграции концентрировалась на создании принципиально нового законодательства и институциональной структуры и понималась достаточно узко — как административно-правовое регулирование миграционных процессов.

В 1990-х гг., несмотря на масштабный приток мигрантов из бывших советских республик, политика интеграции мигрантов фактически не проводилась. При этом, заметим, что именно в эти годы особое внимание начинает уделяться вопросам российских соотечественников, оказавшихся (страны Ближнего зарубежья) и проживающих (страны Дальнего зарубежья) за рубежом. Именно в отношении этих соотечественников в августе 1994 года Правительство России принимает первое постановление «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом», в Приложении к которому появляется термин «интеграция», а именно меры, предлагаемые в этом документе, в конечном счёте, сводятся к «содействию по добровольной интеграции российских соотечественников из ближнего зарубежья в политическую, социальную и экономическую жизнь новых независимых государств», а также к мерам по «предотвращению их массового исхода» из этих государств.

Первоначально миграционный приток в Россию (достигавший в отдельные годы 1 млн. чел. в год!) состоял из русских и представителей других коренных этносов России, которые волею обстоятельств проживали к моменту распада на территории других советских республик. Считалось, что близкие в этническом отношении мигранты не нуждаются в обеспечении им специальных условий для социально-психологической адаптации (изучение русского языка, знакомство с русской культурой, историей и т.д.), а условия для социально-экономической интеграции мигрантов (прежде всего обеспечение работой и жильём) были крайне ограничены из-за переживаемого тогда Россией глубокого экономического кризиса. Даже когда в начале 2000-х гг. значительную долю в миграционных потоках, направленных на Россию, стали занимать представители титульных наций стран СНГ, политика интеграции мигрантов не стала частью миграционной политики. Об этом свидетельствует, в частности, Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, утверждённая в 2003 г. в которой вопросы интеграции мигрантов не упоминаются вовсе. Вместе с тем заметим, что именно в 2000-е годы термин «интеграция» получает развитие в российской научной литературе.

Игнорирование политики интеграции мигрантов обернулось в результате снижением уровня толерантности в обществе, ростом межэтнической напряженности, отчуждением мигрантов со стороны российского общества, их самоизоляцией, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением. Стало совершенно очевидно, что в условиях массового притока мигрантов, даже из исторически близких государств «нового зарубежья», политика их интеграции должна быть неотъемлемым элементом миграционной политики. Это признано и в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025г., утвержденной в июне 2012г. Перед Федеральной миграционной службой России поставлена задача разработки и апробации конкретных программ в области обеспечения интеграции мигрантов в российское общество; в структуре ФМС создано Управление по содействию интеграции мигрантов, к 2016г. должна быть создана «инфраструктура для интеграции и адаптации трудовых мигрантов».

Однако для того, чтобы политика интеграции мигрантов была эффективной, необходимо четкое понимание того, что такое интеграция, какими инструментами она может осуществляться в отношении разных групп мигрантов, какова численность и специфика этих групп, их социальное, экономическое и демографическое поведение и т.д. Иными словами, политика интеграции должна опираться на надежную информационную и концептуальную основу.

Одной из таких концептуальных разработок является, предложенная в 2010г., концепция «четвертого демографического перехода». Её суть заключается в том, что, используя все плюсы таких демографических процессов, как международная миграция и брачность, выйти на так называемое «новое население», формирующееся через рождение детей в брачных союзах между мигрантами и коренными гражданами страны иммиграции. Это новое население может обладать более высокими репродуктивными установками и более крепким здоровьем, более богатыми культурой и знаниями, и другими более качественными характеристиками, в том числе намного большей толерантностью к пришлым людям, что и ведет к полной интеграции мигрантов в социум принимающего общества! Заметим, что формирование подобного населения уже началось, охватывая многие регионы мира, в том числе и Россию. Насколько успешным будет этот процесс, во многом зависит как от соответствующей государственной политики стран въезда, так и их общества в целом. Хотя возможен и другой сценарий, о чем пишет Д.Коулмен, заключающийся в простом замещении вымирающего и деградирующего коренного населения мигрантами. Время для выбора еще есть!

Литература:

1. Баришполец В.А. Интеграция // Международный междисциплинарный энциклопедический словарь «Глобалистика». Москва- Санкт- Петербург- Нью-Йорк, 2006.
2. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система. Теория и политика. М., МАКС Пресс, 2008.
3. Ионцев В.А., Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.
4. Ионцев В.А., «Диаспора»// Энциклопедический словарь «Народонаселение». Издательство «Большая Российская энциклопедия». М., 1994.
5. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.
6. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. «Глобальные перспективы международной миграции и брачности. Возможен ли четвертый демографический переход?» // 24 выпуск, научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». М.: ТЕИС, 2011.
7. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Формирование «нового населения» в свете концепции 4-го демографического перехода» // Вестник Московского государственного университета. Серия Экономика». 2012. №4.
8. Космарская Н. «Русские диаспоры»-научный дискус и низовые восприятия (статья вторая) // Диаспоры. 2013. №4.
9. Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью-третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие». Москва, 13-15 сентября. М.: СП Мысль, Би эль Принт, 2007.
10. Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры. 2000. №1-2.
11. Топилин А.В. Взаимодействия миграционных и этнических процессов. М., 2010.
12. Douglas S. Massey and Magaly Sanchez R. Identity, Integration, and Future // Brokered boundaries. Creating immigrant identity in anti- immigrant times. New York, 2010.

References:

1. Barishpolets V.A. Integration // International interdisciplinary encyclopedic dictionary "Globalistika". Moscow-StPetersburg-New-York, 2006.
2. Ivakhnyuk I.V. Eurasian migration system. Theory and politics. M., MAKSS Press, 2008
3. Iontsev V.A. International migration of population:

- theory and history of study. M., 1999.
4. Iontsev V.A. "Expatriate community" // Encyclopedic dictionary "Human population". Published by "Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya". M., 1994.
 5. Iontsev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. Migration and repatriation in Russia. M., 2001.
 6. Iontsev V.A., Prokhorova Yu.A. "Global perspectives of international migration and marriages. Is the fourth demographic transition possible?" // Issue 24, scientific series "Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremenniy mir". M.: TEIS, 2011.
 7. Iontsev V.A., Prokhorova Yu.A. Development of "new population" in the light of the concept of the fourth demographic transition" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Ekonomika" 2012. №4.
 8. Kosmarslaya N. "The Russian expatriate communities" — scientific discourse and local perception (the second article) // Diaspory. 2013. №4.
 9. Coleman D. Immigration and ethnic shifts in countries with low-level fertility- the third demographic transition in action? // Migration and development: reports and articles of the leading sections and lecturers of the international conference "Migration and development". Moscow, September 13-15. M.: SP Misl, Bi el Print, 2007.
 10. Melkonyan E. Expatriate communities within the system of ethnic minorities (exemplified by Armenian Diaspora) // Diaspory. 2000. №1-2.
 11. Topilin A.V. Interrelation of migrating and ethnic processes. M., 2010.
 12. Douglas S. Massey and Magaly Sanchez R. Identity, Integration, and Future // Brokered boundaries. Creating immigrant identity in anti- immigrant times. New York, 2010.

РОСТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Акьюлов Р.И.

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления
Уральского института-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург,
ул. 8 марта, д. 66, к. 510, akyulov_ri@mail.ru

УДК 177.5
ББК 60.524.41

Цель. Целью исследования является выявление социальных, экономических, политических последствий экономического неравенства населения России, а также факторов, способствующих росту этого неравенства.

Методы. Информационной основой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики, зарубежных специалистов, а также результаты общероссийских социологических исследований, проведенных специалистами ИСЭПН РАН (г.Москва), ИСПИ РАН (г.Москва). Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты. Проведенное исследование показало, что избыточное неравенство доходов населения, высокий уровень бедности коррелируют с низкими показателями экономического роста, здоровья населения, социальной устойчивости. Выявлены факторы, способствующие увеличению неравенства доходов.

Выводы. Для обеспечения ускорения социально-экономического развития страны в условиях глобализации и роста конкуренции на международных рынках необходимо обеспечить социальную стабильность, снижение экономического неравенства, создавая условия для роста доходов групп населения с низкими доходами и совершенствовать механизмы регулирования распределения доходов со стороны государства.

Ключевые слова: экономическое неравенство, валовой внутренний продукт, уровень бедности, социальная напряженность.

Akyulov R.I.

GROWTH OF ECONOMIC INEQUALITY IN RUSSIA: SOCIAL-POLITICAL CONSEQUENCES

Purpose. The purpose of the research is to identify social, economic and political consequences of economic inequality of the population in Russia and factors encouraging the growth of that inequality.

Methods. The data from the Federal service of national statistics, foreign experts and the results of the All-Russian sociological research conducted by the experts of ISEPN RAN (Moscow), ISPI RAN (Moscow) have become an informational basis of the research.

Results. The conducted research has proved that the excessive inequality of personal income, high level of poverty associate with indices of economic growth, health of the population, social steadiness.

Conclusions. To provide acceleration of social-economic development of the country in the age of globalization and growth of competitiveness on the world markets it is necessary to assure social stability, decrease of economic inequality developing the conditions for income rise of low-income population and improve regulating mechanisms of revenue distribution on part of the state.

Key words: economic inequality, GDP, poverty level, social tension.

В настоящее время в России происходит замедление темпов экономического роста. В 2011 году ВВП вырос на 4,3%, в 2012 — на 3,4 % [1]. «Всемирный банк (ВБ) ожидает в 2013 году в РФ экономического роста на 2,3 процента ВВП» [2]. Продолжает оставаться актуальной проблема высокого уровня бедности, одновременно с каждым годом в стране растет

число миллиардеров, миллионеров. При этом наблюдается неуверенный рост благосостояния населения и незначительное увеличение доли среднего класса в современном российском обществе. Проблема имущественного расслоения, экономического неравенства, увеличивающего разрыва по уровню доходов между разными слоями населения выступает чрезвычайно

© Акьюлов Р.И., 2014

серьезным вызовом национальной безопасности государства. Специалисты, занимающиеся изучением проблем бедности, уровня, качества жизни и социального поведения населения, приходят к общему консенсусу относительно закономерностей и взаимосвязи между показателями, характеризующими социальную, экономическую, демографическую ситуацию в стране и динамикой показателей, отражающих неравенство доходов различных слоев населения.

Статистические данные показывают, что Россия находится в группе стран со значительным удельным весом социальных групп, доходы которых оказались ниже условной черты бедности (табл. 1)

Как видно из представленных в таблице данных, по уровню бедности Россия оказывается в более неблагоприятном положении, чем даже некоторые страны СНГ — Казахстан, Беларусь, Украина, Азербайджан, где доля населения, находящегося ниже уровня бедности, в 2 раза меньше, чем в России.

Общеизвестным фактом является выявленная обратная зависимость между ростом неравенства доходов населения и экономическим ростом государства. Если мы посмотрим на значения коэффициента Джини, отражающего степень отклонения фактического распределения доходов населения от равномерного распределения, представленного в таблице 1 для ряда стран и соотнесем их с показателями динамики ВВП соответствующих стран, то увидим, что в странах с меньшим коэффициентом Джини динамика ВВП имеет более высокие значения, чем в странах с более высокими значениями коэффициента Джини.

Таким образом, очевидно, что больший уровень расслоения населения по уровню доходов коррелирует с невысокими значениями экономического роста страны, что также констатируют многие специалисты.

В частности, по мнению А.Шевякова «избыточ-

ное неравенство доходов является системной характеристикой экономических и социальных дисфункций», результаты проводимых им исследований показали, что «при снижении избыточного неравенства на 1 % темп экономического роста повышается примерно на 5%, а темп роста инвестиций — на 6,2%» [3, с.307]. При этом данная зависимость проявляется таким образом, что «нормальное неравенство проявляет себя как позитивный фактор, а избыточное — как негативный» [4, с.197].

Эту корреляцию подтверждают опубликованные данные других исследователей — увеличение доходов 20 % наиболее богатых слоев общества на 0,07 пункта снижает среднегодовые темпы роста экономики на 0,5 пункта [5, с.618]. По результатам исследований в 45 странах учеными Гарвардского университета Ф. Ларрэн и Р. Вергар установлено, что при увеличении неравенства на 10 % в распределении доходов между высшим и низшим квинтилем населения происходит падение производства на 0,9 % на душу населения, на основании чего они пришли к выводам о том, что «неравенство тормозит процесс экономического роста» и «между неравенством и экономическим ростом существует негативная корреляция» [6]. Другие исследователи, также констатируют, что «социальное неравенство в той или иной степени негативно сказывается на экономическом росте», масштабные разрывы в распределении доходов, характерные, в том числе, для России, «не могут не тормозить экономического роста, ибо они будут сдерживать расширение ... совокупного платежеспособного спроса, определяющего повышающую динамику ВВП» [7, с.15-16].

Вместе с тем следует рассмотреть генезис данной взаимозависимости между неравным распределением доходов и ростом экономики. На наш взгляд, здесь имеют место не только экономические, но и социально-психологические механизмы. Соглашаясь с

Таблица 1- Уровень бедности в различных странах мира в 2009-2011гг, %

Страна	Удельный вес населения за чертой бедности	Коэффициент Джини
Россия	12,8	41,6
Беларусь	7,3	28,4
Украина	7,8	26,3
Азербайджан	7,6	25,2
Вьетнам	14,5	35,6
Индия	29,8	33,4
Индонезия	13,3	34,0
Казахстан	5,3	28,9
Киргизия	36,8	38,2
Таиланд	8,1	40,0
США	14,3	40,8
Чили	15,1	52,1

Источник: Россия и страны мира. Стат. сб. / РосстатМ., 2012. С.109,111.

точкой зрения А. Шевякова относительно того, что «неравенство, порождающее лишения среди значительных групп населения, вызывает ощущение бессилия, невозможности улучшить свою ситуацию, воздействует на социально-психологическое состояние общества негативно. В этом случае оно не только служит источником психологической напряженности, но и деформирует мотивацию социального поведения, в частности репродуктивного» [4, с.201], целесообразно утверждать об ухудшении социального самочувствия большинства населения, снижении мотивации к производительному труду и повышении протестных настроений.

Нельзя не согласиться с точкой зрения О.Кислицыной, которая отмечает, что «чем выше различия в уровнях жизни между богатыми и бедными, тем сильнее недовольство последних, что увеличивает социальную напряженность в обществе и может привести к социальному взрыву» [8, с.133]

Для определения последствий чрезмерного имущественного расслоения специалистами выдвинут ряд гипотез. В частности, негативные социальные последствия этого явления призвана объяснить предложенная Р.Вилкинсоном «гипотеза относительной позиции означает, что плохому здоровью способствуют не просто условия, испытываемые теми, кто находится в абсолютной бедности, а, скорее, осознание своей обездоленности, стресс и другие психологические, а не материальные, факторы. Влияние неравенства в распределении доходов на здоровье было эмпирически доказано в ряде зарубежных исследований, которые проводились не только на уровне одной страны, но и в разных странах и регионах» [8, с.136-137].

Увеличение социального неравенства, которое идет вслед за ростом экономического, и его осознание людьми с низкими доходами и социальным статусом в обществе «создает стресс, который в свою очередь

способствует развитию сердечно-сосудистых заболеваний, депрессии, и т.п. Таким образом, неравенство является причиной возникновения проблем со здоровьем среди бедных. Однако стресс и депрессии способствуют тому, что индивид, возможно, станет виновником аварии или совершит преступление. И, таким образом, вредное воздействие неравенства может распространиться на все население в целом» [8, с.137].

По мнению ведущих российских специалистов по социальной психологии, «наиболее отчетливо социально-психологические последствия избыточного неравенства сказываются не среди богатых, а среди более бедных слоев населения, включая и «нижнюю» часть среднего класса. В частности, негативные психологические эффекты социальных сравнений особенно остро проявляются в ситуациях, когда искусственно навязываются, например, посредством СМИ, заведомо недостижимые образцы для подражания (гламур, образ жизни «новых русских» и т. п.), которые порождают в обществе лишь недовольство, раздражение, дискомфорт, агрессию, суицидальные намерения, протестные настроения, что находит выражение в соответствующей статистике» [9].

Автор солидарен с точкой зрения сторонников так называемой нематериальной концепции, полагающих, что «несправедливое распределение дохода в стране приводит к неравному доступу различных слоев населения к товарам и услугам, прямо или косвенно способствующим улучшению состояния здоровья. Что, в свою очередь, способствует снижению эффективности профилактических мер здравоохранения (например, прививки детям), контроля заболеваемости (например, туберкулезом), повышению показателей преступности, влияющей на здоровье всего населения [8, с.138].

В связи с этим можно констатировать, что социальная стабильность государства зависит от степе-

Таблица 2- Динамика валового внутреннего продукта

Страны	2009	2010	2011
Россия	92,2	104,3	104,3
Беларусь	100,2	107,7	103,3
Украина	85,2	104,1	105,2
Азербайджан	109,3	105,0	100,1
Вьетнам	105,3	106,8	-
Индия	106,6	110,6	107,2
Индонезия	104,6	106,1	106,4
Казахстан	101,2	107,3	107,5
Киргизия	102,9	99,5	105,7
Таиланд	97,7	107,8	100,1
США	96,5	103,0	101,7
Чили	99,0	106,1	106,1

Источник: Россия и страны мира. Стат. сб. / РосстатМ., 2012. С.80,81.

ни выраженности протестных настроений, агрессии, других асоциальных форм поведения населения, вызванных избыточным неравенством в распределении доходов. Автор согласен с мнением А.Шевякова, определяющего в качестве основной причины избыточного экономического неравенства и бедности «деформацию современных механизмов формирования и перераспределения доходов населения, их настройку в пользу богатых... в результате реформ выиграло только 20 процентов наиболее обеспеченного населения (9-я и 10-я децильные группы). Россияне со средними доходами не только не разбогатели, но и не восстановили уровень благосостояния 1990 года. А группы с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности». Несовершенные механизмы формирования и распределения доходов не позволяют ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе, создать условия для сплочения, повышения социальной стабильности российского общества. Дезинтеграционные процессы, как в социальном, так и в территориальном плане продолжают усугубляться, поскольку «межрегиональное неравенство доходов у нас гораздо выше, чем неравенство индивидуальных доходов на душу населения в государствах Западной Европы. А это чревато угрозой распада страны. Разрыв между доходами наиболее и наименее обеспеченных 10 процентов россиян внутри регионов в 5—10 раз превосходит западноевропейские показатели! Из-за неравномерности развития территорий показатели бедности охватывают от 12 до 90 процентов населения» [10].

В последние годы неравенство доходов постоянно увеличивается, что приводит к обострению у большинства населения чувства несправедливого распределения ресурсов страны, что приводит к нелегитимности в восприятии населения существующего высшего класса, его права владения источниками обогащения и, как следствие, — всей политико-экономической системы в целом в стране. По мнению одних специалистов, «население, 15 лет живущее в условиях рынка, считает рыночные отношения нелегитимными и аморальными» [11, с.80].

Согласно точки зрения других специалистов, «по мнению общества, власть и собственность сосредоточились в руках бюрократов, богатых и криминала» [12, с.283]. Все распространенные в общественном сознании точки зрения относительно распределения ресурсов в стране способствуют усилению протестных настроений и неуверенности у владельцев капитала в своем будущем, подталкивая их к выводу капиталов за рубеж. Такое положение вещей несет в себе серьезную опасность возобновления такого явления как классовая борьба. При этом имеется весьма высокая вероятность перехода скрытых классовых противоречий, включающих желание высших классов сохранить статус-кво, а низших классов — радикально изменить существую-

щее положение вещей, к открытой классовой вражде, а затем и к борьбе. Проводимые специалистами исследования показывают, что «по мнению большинства наших сограждан, в современном российском обществе становятся все более заметными противоречия между бедными и богатыми (в 2006 г. их отметили 84 % опрошенных), между низшими и высшими классами (76%), между работодателями и работниками (53%) , причем постоянно нарастает доля россиян, которые считают, что наше государство выражает интересы богатых граждан и государственной бюрократии» [12].

Мы солидарны с мнением В.Левашова о том, что «социально-классовый разлом общества на две явно неравные части: богатое и сверхбогатое меньшинство (5%) и нищее, бедное и едва накормленное большинство (до 60%), — объективно удерживают Россию в зоне повышенных рисков, в зоне предкризисного состояния, вероятных классовых конфликтов» [12, с.88]. К этому следует добавить неспособность или нежелание государства, как важнейшего регулятора социально-экономических процессов, минимизировать подобного рода риски, что свидетельствует о его неэффективности в решении данного вопроса.

Таким образом, следует констатировать, что в России сохраняется и продолжает увеличиваться разрыв по уровню доходов между высшими и низшими социальными слоями общества по ряду причин, устранение которых позволило бы создать такие условия, при которых усиливающийся антагонизм между различными частями российского общества — сверхбогатым меньшинством и бедным большинством — мог быть ослаблен. Это позволит снизить уровень социальной напряженности, преступности, смертности, создать предпосылки для экономического роста и, наконец, повысить качество жизни для большей части населения. Факторов, препятствующих этому, достаточно много. Сюда можно отнести качество государственного управления, степень коррумпированности госаппарата, состояние судебно-правовой системы, прозрачность банковской системы, уровень защищенности частной собственности, степень антагонизма труда и капитала (наемных работников и работодателей-собственников), наличие условий для предпринимательства, самозанятости населения. Экономическая свобода и самостоятельность, равенство всех перед законом, равный доступ к ресурсам, одинаковые возможности для самореализации, развитие предпринимательства выступают «важнейшим внутренним стратегическим ресурсом устойчивого саморазвития муниципального образования, региона и страны в целом» [13]. Это позволит снизить разрыв в доходах разных слоев населения и предотвратить губительный для страны рост экономического неравенства.

В развитых странах мира найдены и успешно функционируют механизмы государственного регули-

рования распределения доходов, включающие принцип прогрессивного налогообложения, социальной мобильности, государственных преференций малому бизнесу и т.д. Все это возможно реализовать и в России для придания импульса для ускорения поступательного социально-экономического развития страны. Для этого нужна политическая воля законодательной, исполнительной ветвей власти, а также гражданская, социальная, политическая активность российского населения.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (дата обращения 21.01.2014)
2. Всемирный банк: Рост ВВП в России в 2013 году составит 2,3 % // Российская газета 2013, 13 июня [электронный ресурс]: <http://www.rg.ru/2013/06/13/vvp-anons.html> (дата обращения 21.01.2014)
3. Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 4. С. 304-331.
4. Шевяков А.Ю. Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник РАН. 2007. Том 77. № 3. С. 195-210.
5. Persson T. and Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence // American Economic Review, 1994 Vol. 84. P. 600-621.
6. Larrain F. and Vergara R. Income Distribution, Investment and Growth. Development Discussion Paper № 596. Harvard University. August 1997.
7. Надель С.Н. Социальные факторы экономического роста // Социальные источники экономического развития М.: ИМЭМО РАН, 2005. С.7-18.
8. Кислицына О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М.: ИСЭПН РАН, 2005. 376 с.
9. Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России [электронный ресурс] // Национальная безопасность. № 2. 2013. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_550.html (дата обращения 21.01.2014)
10. Шевяков А. Избыточное неравенство как тормоз развития страны [электронный ресурс] // Российская Федерация сегодня. 2007. №23. URL: http://www.russia-today.ru/old/archive/2007/no_23/23_economics.htm (дата обращения 21.01.2014)
11. Дондурей Д. Без модернизации массового сознания любые социально-экономические преобразования обречены // Мир перемен. 2007. № 2. С.70-85
12. Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества: 2000-2006. М.: Academia, 2007. 514 с.
13. Масленникова А.Ю. Развитие предпринимательства в городах Свердловской области на современном этапе [электронный ресурс] // Муниципалитет: экономика и управление. 2012. №2(3). URL: <http://municipal.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/02/10/> (дата обращения 22.01.2014)

References:

1. Federal service of national statistics [e-resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (date of reference 21.01.2014)
2. World bank: Growth of GDP in Russia in 2013 is 2,3 % // Rossiyskaya gazeta June 13, 2013 [e-resource]: <http://www.rg.ru/2013/06/13/vvp-anons.html> (date of reference 21.01.2014)
3. Shevyakov A.Yu. Inequality and development of new social policy of the state // Vestnik RAN. 2008. V. 78. № 4. P. 304-331.
4. Shevyakov A.Yu. Social policy and reformation of distributive relations// Vestnik RAN. V. 77. № 3. P. 195-210.
5. Persson T. and Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence // American Economic Review, 1994 Vol. 84. P. 600-621.
6. Larrain F. and Vergara R. Income Distribution, Investment and Growth. Development Discussion Paper № 596. Harvard University. August 1997.
7. Nadel S.N. Social factors of economic growth // Sotsialnye istochniki ekonomicheskogo razvitiya. M.: IMEMO RAN, 2005. P.7-18.
8. Kislitsina O.A. Inequality of income and health distribution in modern Russia. M.: ISEPN RAN, 2005. 376 p.
9. Yurevitch A.V., Zhuravlyov A.L., Yurevitch M.A. Excessive inequality of incomes as jeopardy to national security of Russia [e-resource]//Natsionalnaya bezopasnost. № 2. 2013. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_550.html (date of reference 21.01.2014)
10. Shevyakov A. Excessive inequality as a deterrent of the country development [e-resource]//Rossiyskaya Federatsiya segodnya. 2007. №23. URL: http://www.russia-today.ru/old/archive/2007/no_23/23_economics.htm (date of reference 21.01.2014)
11. Dondurey D. Any social-economic reforms without modernization of mass conscience are doomed // Mir peremen. 2007. № 2. P.70-85
12. Levashov V.K. Social-political dynamics of the Russian society: 2000-2006. M.: Academia, 2007. 514 p.
13. Maslennikova A.Yu. Contemporary business development in the cities of Sverdlovsk region [e-resource] // Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye. 2012. №2(3). URL: <http://municipal.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/02/10/> (date of reference 22.01.2014)

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

ОЦЕНКА ВАРИАНТОВ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦЕПОЧКАХ ПРОИЗВОДСТВА ХЛЕБОПРОДУКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ермакова Ж.А.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом, сервиса и туризма, директор Научно-исследовательского института региональной экономики, Оренбургский государственный университет (Россия), 460018, Россия, г. Оренбург, ул. Терешковой, д. 10/3, к. 67, 56ermakova@mail.ru

Андреева Т.В.

кандидат экономических наук, декан экономического факультета Орского гуманитарно-технологического института, Оренбургский государственный университет (Россия), 462404, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Лесная, д. 25/2, andreeva-orsk@mail.ru

УДК 664.66(470.56)
ББК 65.305.7(2Рос-4Оре)

В статье рассмотрены варианты цепочек, сформированные посредством вертикальной интеграции звеньев, для предприятий, осуществляющих хлебопекарное, макаронное и мучное кондитерское производство в Оренбургской области. Осуществлена оценка эффективности вариантов цепочек на основе расчета пропорций распределения добавленной стоимости между ее участниками в процессе интеграционного взаимодействия. Предложенный инструментарий применим в практике стратегического управления интегрированными корпоративными структурами. Работа выполнена в рамках гранта РГНФ, региональный конкурс «Урал: история, экономика, культура» 2012 г., № проекта 12-12-56002а.

Ключевые слова: цепочка производства хлебобулочных изделий, вертикальная интеграция, добавленная стоимость.

Ermakova Zh.A., Andreyeva T.V.

ASSESSMENT OF VERSIONS OF INTEGRATIONAL COOPERATION IN THE BREAD PRODUCTION CHAINS (EXEMPLIFIED BY ORENBURG REGION)

The article considers the options chains formed by the vertical integration of links to companies engaged in bakery, pasta and flour confectionery production in the Orenburg region. There is an estimation of effectiveness of the options chains by calculating of proportions of distribution of value added among the participants in the process of integration and interaction. The proposed tool is applicable to the practice of strategic management of integrated corporate structures.

Key words: production chain of bakeries, vertical integration, value added.

Одним из приоритетных направлений развития предприятий пищевой промышленности Оренбургской области является создание эффективных вертикально-интегрированных структур, включающих

сельхозпроизводителей, предприятия пищевой промышленности и торговли. Измерителем эффективности интеграционного взаимодействия предприятий выступает вновь созданная добавленная стоимость,

которая аккумулируется в каждом звене стоимостной цепочки.

По своему экономическому содержанию добавленная стоимость, созданная всеми хозяйствующими субъектами региона в различных отраслях и сферах производства, находит своё отражение в показателе валового регионального продукта. Анализ добавленной стоимости во всех звеньях стоимостной цепочки учитывает взаимосвязи между всеми ее участниками и направлен на выявление резервов роста эффективности производства конкретного продукта, повышение конкурентоспособности предприятий и региона в целом. При этом для обеспечения конкурентоспособности региона важно осуществлять максимальное воспроизводство добавленной стоимости на данной территории при эффективном использовании всех факторов производства.

Для разработки стратегии развития предприятия важно оценить эффективность всех вариантов интеграционного взаимодействия в цепочке производства продукта. При этом необходимо учитывать, что эффективность цепочки определяется эффективностью её звеньев (видов деятельности), в рамках которых формируется добавленная стоимость. Добавленная стоимость всех звеньев стоимостной цепочки, образует цену конечного продукта, которая положена в основу данного исследования.

Посредством анализа состава и структуры средних потребительских цен на хлебобулочные изделия за 2010-2012 гг. [1] установлены пропорции распределения добавленной стоимости между звеньями цепочек и возможные варианты цепочек для предприятий, осуществляющих хлебопекарное, макаронное и мучное кондитерское производство в Оренбургской области (табл. 1-3). Для каждой стоимостной цепочки целесообразным представляется выделение одиннадцати вариантов интеграционного взаимодействия между ее участниками.

В табл. 1-3 видно, что в отличие от хлебобулочных изделий полностью интегрированная цепочка производства макаронных и мучных кондитерских изделий состоит из восьми видов деятельности (звеньев), осуществляемых хозяйствующими субъектами различных отраслей экономики: сельского хозяйства, мукомольно-крупяной и пищевой промышленности, транспорта, торговли и общественного питания. Организационно-экономические отношения в цепочке производства хлебобулочных изделий возникают между сельхозпроизводителями, заготовительными организациями (элеваторами), мукомольными предприятиями (мельницами), производителями прочего сырья и материалов, хлебозаводами, комбинатами хлебобулочных изделий, пекарнями, макаронными фабриками, автотранспортными предприятиями, организациями оптовой и розничной торговли [2, с. 245].

Сформированные варианты цепочек отличаются не только степенью вертикальной интеграции звеньев, но и созданной при этом объединении величиной добавленной стоимости. Особое внимание уделено исследованию долевого соотношения между добавленной стоимостью, сформированной в рамках интеграционного взаимодействия производителей хлебобулочных изделий с другими участниками цепочки и внешними контрагентами. Это процентное соотношение показано в табл. 1-3 серым и белым цветом.

Для более наглядного представления различных вариантов интеграционного взаимодействия в цепочках и количественного измерения его эффективности в табл. 1-3 использованы следующие условные обозначения:

■ — добавленная стоимость, сформированная в результате интеграции соответствующих звеньев цепочки, %;

□ — добавленная стоимость, сформированная другими звеньями цепочки, %;

38; 23,5; 40,5 — добавленная стоимость управляющего звена, %;

↕ — направления интеграционного взаимодействия в цепочке производства продукта (интеграция «назад» и/или «вперед»).

Во всех вариантах цепочек выпуск прочих видов сырья и материалов производителями хлебобулочных, макаронных и мучных кондитерских изделий затруднен в связи с большим разнообразием используемых в производстве дополнительного сырья и материалов. Поэтому в каждом представленном варианте цепочки производства хлебобулочных изделий всегда будет присутствовать добавленная стоимость внешних звеньев. Это в равной степени относится и к реализации продуктов посредством собственной розничной сети, обеспечивающей продажу только части продукции, а другая часть реализуется сторонними торговыми агентами.

Анализ пропорций распределения добавленной стоимости позволил выявить в цепочках производства хлебобулочных изделий управляющие звенья, концентрирующие наибольшую часть добавленной стоимости. Так, в цепочке производства хлебобулочных изделий основная часть стоимости (38%) создается хлебозаводами. При производстве макаронных изделий управляющим является звено «Оптовая торговля хлебобулочными изделиями», на долю которого в среднем приходится 23,5 % добавленной стоимости. В цепочке изготовления мучных кондитерских изделий 40,5 % добавленной стоимости создается поставщиками прочего сырья и материалов.

Идентификация управляющих звеньев необходима для установления потенциальных возможностей интеграционного взаимодействия между звеньями цепочки с целью повышения эффективности производства продукта. Так, для производителей хлеба важно

Таблица 1. Варианты интеграционного взаимодействия в цепочке производства хлебобулочных изделий в Оренбургской области по средним данным 2010-2012 гг., % (составлено по [1])

	Основные виды деятельности (звенья цепочки создания стоимости)	Варианты интеграционного взаимодействия										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Интеграция «назад»	Выращивание зерновых культур	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0	14,0
	Хранение и складирование зерна	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
	Переработка зерна в муку	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0
	Производство прочего сырья и материалов	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0
	Производство хлебобулочных изделий	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0	38,0
Интеграция «вперед»	Продвижение и доставка продуктов	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
	Розничная торговля хлебобулочными изделиями	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5	9,5
	Итого добавленная стоимость, сформированная в результате интеграции звеньев цепочки	38,0	43,0	46,5	50,0	51,5	52,5	59,5	60,5	61,0	65,5	75,0
	Итого добавленная стоимость, сформированная другими звеньями	62,0	57,0	53,5	50,0	48,9	47,5	40,5	39,5	39,0	34,5	25,0
	Предприятия-производители хлебобулочных изделий в Оренбургской области		ОАО «Оренбургский хлебокомбинат», ОАО «Новотроицкий комбинат хлебопродуктов», ООО «Медногорский хлебокомбинат», ООО «Сорочинский хлебокомбинат»			ООО «Бузулук-мука», ЗАО «Хлебопродукт ДМВ»	ЗАО «Городской торг»					ЗАО «Хлебопродукт-2», ОАО «Орский хлебокомбинат»

Таблица 2. Варианты интеграционного взаимодействия в цепочке производства макаронных изделий в Оренбургской области по средним данным 2010-2012 гг., % (составлено по [1])

	Основные виды деятельности (звенья цепочки создания стоимости)	Варианты интеграционного взаимодействия										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Интеграция «назад»	Выращивание зерновых культур	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0
	Хранение и складирование зерна	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Переработка зерна в муку	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5	8,5
	Производство прочего сырья и материалов	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0
	Производство макаронных изделий	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0
Интеграция «вперед»	Продвижение и доставка продуктов	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Оптовая торговля хлебопродуктами	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5	23,5
	Розничная торговля хлебопродуктами	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0
	Итого добавленная стоимость, сформированная в результате интеграции звеньев цепочки	20,0	22,0	30,5	30,5	32,5	45,5	47,5	49,5	64,5	73,0	92,0
	Итого добавленная стоимость, сформированная другими звеньями	80,0	78,0	69,5	69,5	67,5	54,5	52,5	50,5	35,5	27,0	8,0
	Предприятия-производители макаронных изделий в Оренбургской области	1		1	1	ОАО «Орская макаронная фабрика»		1	1	1	1	ОАО «Орский хлебокомбинат»

Таблица 3. Варианты интеграционного взаимодействия в цепочке производства мучных кондитерских изделий в Оренбургской области по средним данным 2010-2012 гг., % [Составлено по 1]

	Основные виды деятельности (звенья цепочки создания стоимости)	Варианты интеграционного взаимодействия										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Интеграция «назад»	Выращивание зерновых культур	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8
	Хранение и складирование зерна	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
	Переработка зерна в муку	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
	Производство прочего сырья и материалов	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5	40,5
	Производство мучных кондитерских изделий	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0
Интеграция «вперед»	Продвижение и доставка продуктов	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5
	Оптовая торговля хлебопродуктами	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0	8,0
	Розничная торговля хлебопродуктами	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0	17,0
	Итого добавленная стоимость, сформированная в результате интеграции звеньев цепочки	27,0	28,2	30,0	31,5	32,5	32,7	34,5	40,7	56,5	57,7	59,5
	Итого добавленная стоимость, сформированная другими звеньями	73,0	71,8	70,0	68,5	67,5	67,3	65,5	59,3	43,5	42,3	40,5
	Предприятия-производители мучных кондитерских изделий в Оренбургской области	1			ОАО «Оренбургский хлебокомбинат», ОАО «Новотроицкий комбинат хлебопродуктов», ООО «Медногорский хлебокомбинат», ООО «Сорочинский хлебокомбинат»	1	ООО «Бузулук-мука», ЗАО «Хлебопродукт ДМВ»		1	ЗАО «Городской торг»	1	ОАО «Орский хлебокомбинат»

углублять специализацию. Для производителей макарон и мучных кондитерских изделий рекомендована частичная интеграция «вперед», которая связана с продвижением на уровень оптовых каналов дистрибуции, образующих посредническое звено между производством и розничной торговлей. Важно отметить, что в цепочке производства мучных кондитерских изделий для производителей нецелесообразна интеграция «назад», то есть движение вверх по цепочке на уровень поставщиков. Это связано с большим разнообразием потребляемых в производстве материалов, с поставщиками которых необходимо устанавливать долгосрочные связи.

Управленческое решение о степени интеграции в цепочке производства продукта принимается индивидуально каждым производителем. В зависимости от потенциальных возможностей производители хлебопродуктов могут стремиться к полной интеграции (осуществление деятельности во всех звеньях стоимостной цепочки по производству — распределению продукта, включая его продажу конечному покупателю), частичной интеграции (занятие позиций в ключевых звеньях цепочки производства продукта) или специализации (работа только в одном звене цепочки).

Расширение видов деятельности в цепочке производства хлебопродуктов достигается посредством вертикальной интеграции «назад» (на уровень поставщиков) и / или «вперед» (на уровень оптово-розничных каналов дистрибуции). Организационно-вертикальная интеграция может проходить двумя путями: производитель хлебопродуктов создает новые подразделения (дочерние и зависимые предприятия) в других звеньях стоимостной цепочки, учитывая при этом существующие барьеры входа в отрасль, либо прибегает к поглощению (слиянию) других предприятий, действующих в этих звеньях и обладающих соответствующими компетенциями.

Под слиянием понимается реорганизация, при которой два и более юридических лица прекращают свою деятельность в результате объединения и на их основе образуется новое юридическое лицо. Поглощение представлено в форме сделки, совершаемой с целью установления контроля над хозяйственным обществом и осуществляемой путем приобретения более 30 % уставного капитала (акций, долей, и т. п.) поглощаемой компании, при этом сохраняется юридическая самостоятельность общества [3, с. 192].

Самыми распространенными вариантами цепочек производства хлебобулочных и мучных кондитерских изделий в Оренбургской области являются второй (табл. 1) и четвертый (табл. 3), когда производитель осуществляет только производство хлебопродуктов и их доставку организациям торговли. Эти варианты не требуют значительных капиталовложений и позволяют производить 43 % и 31,5 % добавленной

стоимости соответственно.

Одиннадцатый вариант, охватывающий почти все звенья цепочки, начиная от выращивания зерновых культур, производства хлебопродуктов и заканчивая их продажей конечному потребителю через собственную сеть розничной торговли, встречается реже. К числу таких предприятий в Оренбургской области относятся ЗАО «Хлебопродукт-2» (г. Оренбург) и ОАО «Орский хлебокомбинат» (г. Орск), в состав которых входят юридически самостоятельные предприятия, деятельность которых направлена на создание конкурентоспособной цены хлебопродукта и удовлетворение потребностей конечных потребителей.

Основной недостаток полностью интегрированной цепочки производства продукта заключается в том, что она ориентирована только на собственные возможности и источники снабжения, которые бывают более дорогостоящими, чем внешние поставки. В частности, для производителей хлеба нецелесообразность интеграции как «назад», так и «вперед» связана, во-первых, с государственным регулированием цен на зерно и хлеб, приводящее к низкой рентабельности выращивания зерновых культур и розничной торговли, во-вторых, обусловлена диспаритетом цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Эти два фактора искажают реальную стоимость продукта, созданную в рамках отдельных звеньев цепочки, и снижают эффективность работы всей цепочки [4, с. 26].

Цепочки, сформированные посредством интеграции «назад», то есть на уровень поставщиков основного сырья, эффективны в тех случаях, когда у поставщиков высок показатель рентабельности продаж и поставляемые материалы составляют значительную долю в себестоимости конечного продукта. В частности, при производстве хлеба и макарон формирование цепочек целесообразно осуществлять с использованием вариантов 3-5,8 которые позволяют производителям хлебопродуктов создавать от 30 % до 60 % добавленной стоимости.

Рассматривая возможные варианты интеграционного взаимодействия в мучном кондитерском производстве необходимо обратить внимание, что доля добавленной стоимости, сформированная внешними звеньями, велика даже в одиннадцатом варианте (40,5 %). Это связано с тем, что в структуре себестоимости мучных кондитерских изделий затраты на сырье и материалы (муку, сахар, сливочное масло, маргарин, яйцо и др.) составляют около 50 %. В связи с этим основным фактором повышения эффективности деятельности производителей мучных кондитерских изделий выступают отложенные долгосрочные связи с поставщиками сырья и материалов. Если производитель специализируется исключительно на производстве мучных кондитерских изделий, то осуществлять переработку зерна в муки, а тем более хранение и

выращивание зерна нецелесообразно, так как на эти виды деятельности приходится до 3 % добавленной стоимости.

Таким образом, результаты исследования цепочек производства хлебопродуктов в Оренбургской области показали, что анализ пропорций распределения добавленной стоимости является адекватным инструментарием для оценки эффективности вариантов интеграционного взаимодействия между участниками (звеньями) цепочки, который может быть дополнен анализом прибыльности и рентабельности определенного вида деятельности на территории конкретного региона. Данный инструментарий, базирующийся на расчете добавленной стоимости, предоставляет мощный информационный ресурс для принятия обоснованных управленческих решений, направленных на повышение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов и укрепление их конкурентных позиций на рынке.

Литература:

1. Центральная база статистических данных. Цены [электронный ресурс] // базы данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://cbstd.gks.ru> (дата обращения 02.10.2013).
2. Ермакова Ж.А., Андреева Т.В. Добавленная стоимость в системе анализа цепочки производства продукции [электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 10. С. 242-248. URL: http://vestnik.osu.ru/2011_10/41.pdf (дата обращения 25.10.2013).
3. Томпсон-мл А.А., Стрикленд III А.Дж. Стратеги-

ческий менеджмент: концепции и ситуации для анализа / Под ред. Н.М. Макаровой. 12-е изд. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. 928 с.

4. Ермакова Ж.А., Андреева Т.В. Особенности цепочки создания стоимости продукта в пищевой промышленности Оренбургской области [электронный ресурс] // Инновационный вестник регион. 2012. № 4. С. 22-27. URL: <http://www.v-itc.ru/investregion/2012/04/pdf/2012-04-05.pdf> (дата обращения 28.10.2013).

References:

1. The central statistical database. Prices [e-resource]: basedata of Federal State Statistics Service. URL: <http://cbstd.gks.ru> (access date 02.10.2013).
2. Yermakova Zh.A., Andreyeva T.V. Value added in the system analysis of the production chain (for example, the food industry of the Orenburg region) [e-resource] // Vestnik of the Orenburg State University. 2011. № 10. С. 242-248. URL: http://vestnik.osu.ru/2011_10/41.pdf (access date 25.10.2013).
3. Thompson A.A., Strickland III A. J. Strategic management: concepts and cases / Edited by N.M. Makarova. 12th edition. Transl. from Engl. M.: Publishing House «Williams», 2006. 928 p.
4. Yermakova Zh.A., Andreyeva T.V. The peculiarities of product cost creation chain in food industry of Orenburg region [e-resource] // Vestnik of Innovation Region. 2012. № 4. С. 22-27. URL: <http://www.v-itc.ru/investregion/2012/04/pdf/2012-04-05.pdf> (access date 28.10.2013).

СОЗДАНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ НА НЕФТЕХИМИЧЕСКОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Буньковский Д.В.

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики предприятий и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет экономики и права (Россия), 664058, Россия, г. Иркутск, ул. Бажова, д. 19, к. 38, bdv611@yandex.ru

УДК 665.6/.7

ББК 65.305.143.223-21

Рассмотрена проблема управления качеством, экологическими показателями и безопасностью труда на предприятиях нефтепереработки и нефтехимии. Приведены модели интеграции систем менеджмента таких предприятий. Предложена концептуальная схема взаимодействия процессов интегрированной системы менеджмента на предприятиях нефтепереработки и нефтехимии.

Ключевые слова: интегрированная система менеджмента, нефтехимия, качество, экология, безопасность и охрана труда.

Bunkovskiy D.V.

DEVELOPMENT OF INTEGRATED MANAGEMENT SYSTEM AS AN INNOVATION PROJECT AT FUEL AND PETROCHEMICAL REFINERY

The quality management problem, by ecological indicators and safety of work at the oil processing and petrochemistry enterprises is considered. Models of integration of systems of management of such enterprises are given. The conceptual scheme of interaction of processes of the integrated system of management at the oil processing and petrochemistry enterprises is offered.

Key words: the integrated system of management, petrochemistry, quality, ecology, safety and labor protection.

Стратегия в области качества, экологии, охраны труда и профессиональной безопасности должна быть неотъемлемой частью политики любой нефтяной компании. Осознавая свою ответственность перед потребителями нефтепродуктов и другими заинтересованными сторонами, компании должны строить свою деятельность на:

- удовлетворении требований и ожиданий, связанных с качеством продукции и услуг, защитой окружающей среды и охраны труда и профессиональной безопасности;
- неукоснительном соблюдении законодательных и нормативных требований в отношении защиты окружающей среды, охраны труда и профессиональной безопасности;
- предотвращении загрязнения окружающей среды, охраны труда и профессиональной безопасности;
- постоянном улучшении менеджмента качества, экологии, охраны труда и профессиональной безопасности;

- регулярном информировании персонала и заинтересованных сторон о результатах работ относительно качества, экологии, охраны труда и профессиональной безопасности.

Главным инструментом реализации вышеуказанной политики предприятия, как правило, является интегрированная система менеджмента (ИСМ), отвечающая требованиям международных стандартов:

- ИСО 9001:2000 Системы менеджмента качества. Требования;
- OHSAS 18001:1999 Система менеджмента в области профессиональной безопасности и охраны труда. Требования;
- ИСО 14001:2004 Системы экологического менеджмента. Общие требования и руководство по применению;
- ISO/TS 29001:2003 Нефтяная, нефтехимическая и газодобывающая промышленность. Отраслевые системы менеджмента качества. Требования к продукции и обслуживающим организациям.

Интегрированная система менеджмента —

часть системы общего менеджмента организации, отвечающая требованиям двух или более международных стандартов на системы менеджмента и функционирующая как единое целое.

При этом ответственность за реализацию этой политики должны принимать на себя высшее руководство предприятий и руководители их структурных подразделений и служб. Осуществляя свою деятельность в соответствии с миссией компании на основе максимального удовлетворения потребностей всех заинтересованных сторон руководство должно выполнять следующие обязательства:

- не принимать решений и действий, противоречащих этой политике;
- регулярно анализировать политику на постоянную пригодность;
- обеспечивать все подразделения компании необходимыми ресурсами для деятельности относительно качества, экологии, охраны труда и профессиональной безопасности;
- доводить политику до каждого сотрудника компании и обеспечивать ее понимание.

Для снижения издержек и повышения уровня эффективности деятельности предприятия могут объединять требования и принципы разнообразных систем менеджмента, то есть создавать ИСМ. При формировании таких систем управления все чаще прибегают к совместному применению нескольких международных стандартов на функциональные системы менеджмента благодаря их совместимости. Конвергенция, то есть сходство элементов международных стандартов позволяет предприятиям объединять различные системы в единое целое. Конвергенция стандартов ИСО 9001:2000, ИСО 14001:2004 и OHSAS 18001:1999 наблюдается по следующим объектам стандартизации [1], [2]:

- Документирование системы:
 - Создание документации;
 - Управление записями;
 - Управление документацией;
- Ответственность руководства:

- Политика;
- Планирование;
- Цели;
- Ответственность и полномочия;
- Представитель руководства;
- Анализ со стороны руководства;
- Внутреннее информирование;

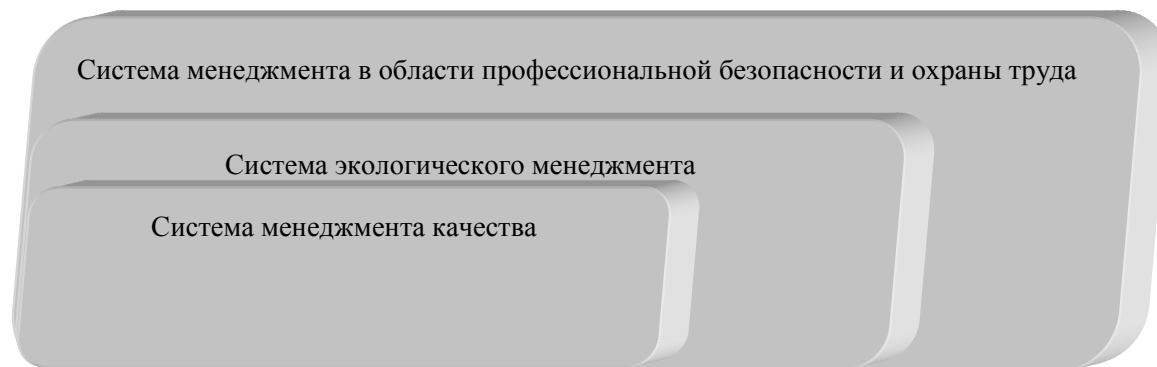
- Управление основной деятельностью;
- Менеджмент ресурсов;
- Управление несоответствующей продукцией;
- Управление действиями в аварийных и чрезвычайных ситуациях;
- Мониторинг и измерения;
- Постоянное улучшение;
- Внутренний аудит;
- Корректирующие и предупреждающие действия.

Учитывая специфику и уникальные особенности конкретного нефтехимического производства, интеграция систем менеджмента может осуществляться двумя способами. Последовательное объединение или наложение представляется в виде аддитивной модели интеграции, когда на основе системы менеджмента в области охраны труда и профессиональной безопасности формируется система экологического менеджмента, лежащая в основу системы менеджмента качества (рис. 1).

Другим вариантом интеграции является модель одновременного интегрирования, когда все системы менеджмента объединяются в единый комплекс одновременно (рис. 2).

После выбора варианта модели интеграции переходят к ее осуществлению. Создание ИСМ на предприятии проходит несколько типовых этапов:

- 1) Инициация и организация работ по созданию ИСМ;
- 2) Проектирование, моделирование и оформление организационной структуры ИСМ;
- 3) Создание нормативной основы и документирование ИСМ;
- 4) Внедрение и обеспечение функцио-

нирования ИСМ;

5) Сертификация ИСМ.

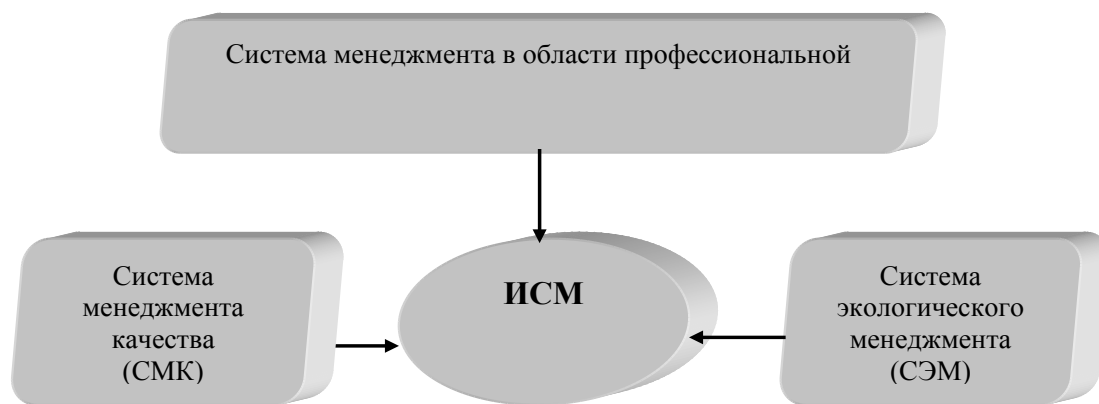
Реализация каждого из этапов приведенного алгоритма должна соответствовать следующим основным организационно-методическим положениям интегрирования систем менеджмента:

- Создание ИСМ целесообразно рассматривать как сложный инновационный проект, направленный на повышение эффективности общего менеджмента и бизнеса организации (рис. 3);
- Интеграция систем менеджмента должна строиться на принципах и требованиях, установленных в международных стандартах на системы менед-

жмента;

- Создание и освоение ИСМ должно предусматривать формирование общей терминологии;
- При разработке и внедрении ИСМ ведущая роль должна принадлежать менеджерам (прежде всего — высшего звена), а не специалистам по качеству, экологии и промышленной безопасности;
- При создании ИСМ необходимо учитывать стратегию организации и ее корпоративную культуру;
- Создание ИСМ должно быть увязано с развитием бизнеса организации (включаться в бизнес-планы организации).

Эффективное взаимодействие процессов ИСМ

в текущей деятельности нефтеперерабатывающего или нефтехимического предприятия можно представить в виде схемы изображенной на рис. 4. Представляется, что предлагаемая схема является типичной для крупных предприятий нефтепереработки и нефтехимии и может не учитывать специфику деятельности и уникальные особенности конкретных предприятий. В таких случаях схема может быть дополнена необходимыми структурными единицами и видами работ.

Литература:

1. Системы менеджмента качества. Требования: ГОСТ Р ИСО 9001-2001. Введ. 2001-08-15. М.: Изд-во стандартов, 2001. 27 с.

2. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению ISO 14001:2004: ГОСТ Р ИСО 14001:2007. Введ. 2007-07-12. М.: Изд-во стандартов, 2007. 21 с.

References:

1. Quality management system. Requirements: GOST P ISO 9001-2001. Vved. 2001-08-15. M: Publishing house of standards, 2001. 27 p.
2. Systems of ecological management. Requirements and application guide of ISO 14001:2004: GOST P ISO 14001:2007. Vved. 2007-07-12. M: Publishing house of standards, 2007. 21 p.

**РАЗРАБОТКА МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ОЦЕНКЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ**

Дюйзен Е.Ю.

аспирант, ст. преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента,
Хабаровская государственная академия экономики и права (Россия), 680042,
Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134, lim-20@mail.ru

УДК 630
ББК 65.342.1

В данной статье представлен методический подход к оценке ресурсного потенциала предприятия через его составляющие. Вводится понятие локального потенциала организации, позволяющего рассматривать ресурсный потенциал как многоуровневую систему. Автором предпринята попытка разработки алгоритма экспертной оценки, которая существенно повышает качество и эффективность принимаемых управленческих решений на основе разносторонности анализа. Представленный методический подход по оценке потенциала позволяет выявить уровень его развития, на базе которого возможно принятие решения о корректировке стратегии организации.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, локальный потенциал, методика оценки, экспертная оценка, уровень развития потенциала.

Duyzen E.Yu.

**DEVELOPMENT OF THE METHODOICAL APPROACH TOWARDS THE ASSESSMENT OF RESOURCE
POTENTIAL OF THE ENTERPRISES IN THE FOREST INDUSTRY SECTOR**

This article illustrates the methodical of the assessment of the organization recourse potential on the base of its elements. It describes the concept of the local potential of the organization that allows presenting the organization as the multilevel system. The author undertakes the attempt of development of algorithm of expert assessment that substantially improves quality and efficiency of the administrative decisions. The methodical helps to find out the level of its development that helps to make a decision about adjustment of strategy of organization.

Key words: resource potential, local potential, methodical of the assessment, expert assessment, the level of the positional development.

В настоящее время не существует единой комплексной методики оценки потенциала предприятия. Многие исследователи предлагают оценивать потенциал в отношении его составляющих элементов с помощью выработанной системы показателей. Стадия формирования подходов к анализу ресурсного потенциала предприятия свидетельствует о недостаточной разработанности данного вопроса и отсутствия единого взгляда на данную проблему. Объединяя все вышесказанное можно утверждать, что в распоряжении исследователя может иметься достаточно богатый методический инструментарий для оценки потенциала организации, где каждый из методов имеет как свои достоинства, так и недостатки.

Теоретическая база для изучения подходов, методов к оценке потенциала предприятия представлена работами таких исследователей, как Р.А. Фатхутдинов,

У.В. Улезько, Н.В. Шаланов, Д.В. Джагмаи, А.С. Сайфуллин, И.В. Сименко, М.И. Лагун и др.

Широко используемый в настоящее время ресурсно-затратный подход к оценке потенциала отражает лишь одну сторону анализа потенциала и не включает в себя качественных характеристик. Мы разделяем мнение о том, что оценка потенциала не должно сводиться только к учету ресурсов, а должна предусматривать выявление способностей и потенциальных возможностей организации.

Процесс анализа потенциала предприятия начинается со сбора информации. Затем определяются элементы ресурсного потенциала, поддающиеся анализу. Следующий шаг заключается в определении частных показателей, характеризующих каждый из элементов, определяется общий уровень использования потенциала. На наш взгляд, необходимо не только определить

© Дюйзен Е.Ю., 2014

уровень использования потенциала, но и установить (выбрать) эталонные значения по показателям каждого элемента потенциала. Не менее важным считаем определить резервы использования того или иного элемента потенциала, а также при необходимости принять меры по улучшению использования ресурсного потенциала предприятия.

Отметим, что в литературе, как правило, рассмотрен анализ отдельных элементов потенциала предприятия, комплексная же оценка представлена недостаточно. Проблема комплексной эффективной оценки ресурсного потенциала организации в целом остается открытой, хотя оценка составляющих потенциала на текущий момент времени уже исследована и описана исследователями. В связи с этим нами предпринята попытка разработки методики оценки ресурсного потенциала на основе системного, дифференцированного подхода. В процессе формирования методики мы опирались на ранее описанный метод комплексной оценки, а также метод экспертных оценок.

Формирование экспертной комиссии

Рассмотрим более подробно первый этап оценки потенциала, предполагающий формирование экспертной комиссии. Заранее отметим, что экспертное оценивание вносит степень субъективности в полученные результаты, однако, на сегодняшний день это безальтернативный метод.

Очевидным является тот факт, что от точности и обоснованности выбора частных показателей оценки локальных потенциалов, установления эталонных значений и интерпретации полученных результатов, зависит достоверность полученных выводов и возможность их использования на практике. Эксперты должны быть профессионально компетентными в исследуемой области [9]. Кроме того, использование метода экспертных оценок позволяет формализовать процессы сбора, анализа, обработки мнений экспертов с преобразованием полученной информации в наиболее приемлемую и удобную форму. В результате изучения наиболее распространенных подходов к экспертному оцениванию предлагаем следующий алгоритм.

Первоочередной задачей подготовительного этапа является назначение руководителя экспертной комиссии, осуществляющего общее руководство по работе экспертной комиссии и ответственного за интерпретацию получаемых результатов [1]. Как правило, возглавляет экспертную комиссию непосредственно представитель управляющего аппарата, одновременно являющийся инициатором проведения анализа по заданной проблеме. В его обязанности входит определение цели и задач по формированию экспертной группы.

На наш взгляд, имеет смысл включить в экспертную комиссию экспертную и рабочие

группы. Рабочая группа включает в себя технических исполнителей, основными функциями которых является проведение работ по подготовке материалов, информированию, обработке результатов, составлению анкет, сбору информации и т.д.

Экспертная группа состоит из специалистов, обладающих необходимыми теоретическими знаниями и практическим опытом по решаемой проблеме. Если формирование рабочей группы не составляет особой сложности, то работа по формированию экспертной группы требует большего внимания, поскольку правильный подбор экспертов позволяет снизить субъективизм будущих оценок, и, в конечном счете, самих результатов. Как уже было отмечено, состав экспертной группы определяется необходимостью привлечения специалистов из разных отделов организации в зависимости от целей проведения экспертного анализа.

Руководитель экспертной комиссии формирует исходный список кандидатов экспертной группы. Затем проводится корректировка исходного списка путем включения специалистов, проявивших желание участвовать в работе экспертной группы и отобранных руководителем. После получения полного списка кандидатов, проводится анализ их компетентности с использованием метода самооценки. Коэффициент компетентности кандидата определяется по формуле:

$$K_i = \frac{\sum_{j=1}^4 K_{ij}}{4}, \text{ где}$$

K_{i1} — коэффициент информированности i -го кандидата;

K_{i2} — коэффициент индивидуальных качеств i -го кандидата;

K_{i3} — коэффициент стабильности работы i -го кандидата;

K_{i4} — коэффициент согласованности мнения i -го кандидата с мнением предварительно сформированной экспертной группы.

Для расчета первых трех коэффициентов кандидаты используют балльные оценки, значение которых варьируется по шкале от 0,1 до 1, где 1 — это максимальный балл.

Коэффициент информированности определяется по данным, представленным в таблице 1. Данный показатель отражает, какие источники информации и в какой степени влияют на мнение i -го кандидата при принятии им решений.

Коэффициент, отражающий характеристики индивидуальных качеств кандидата, также необходимо учитывать при определении компетентности. В ряде работ (А.И.Афоничкин, О.С.Кошелев, Л.И.Лукичева и др.) показано, что на эффективность экспертного оценивания непосредственно влияют личные характери-

Таблица 1 — Исходные данные для оценки коэффициента информированности

Источники аргументации	Оценка в баллах
Исследования отечественных ученых	
Исследования зарубежных ученых	
Практический опыт	
Интуиция	
Опыт решения приближенной по содержанию проблемы	
<i>Итого</i>	<i>n</i>

Таблица 2 — Исходные данные для оценки коэффициента индивидуальных качеств кандидата

Индивидуальные качества кандидата	Оценка в баллах
Способность формировать и поддерживать благоприятный социально-психологический климат в коллективе	
Способность работать в команде	
Способность оперативно принимать решения	
Организованность и пунктуальность	
Объективность при принятии решений	
<i>Итого</i>	<i>n</i>

стики экспертов, наиболее значимыми среди которых выступают умение работать в команде, объективное оценивание ситуации и т.д. В результате их исследования, для оценки были выделены 5 обязательных индивидуальных качеств экспертов (таблица 2).

Подчеркнем, что K_{i1} и K_{i2} рассчитываются по формуле средней арифметической:

$$K_{i1,2} = \frac{\sum_{j=1}^5 O_{ij}}{5}, \text{ где}$$

O_{ij} — оценка в баллах *i*-го кандидата по *j*-му критерию.

Коэффициент стабильности работы предлагаем принимать в зависимости от стажа работы кандидата (таблица 3).

Следует отметить, что стаж работы учитывается в отношении организации, где работает кандидат на данный момент времени. Кандидат просто выделяет необходимое поле, которому соответствует обозначенные баллы.

При определении коэффициента согласованности мнений воспользуемся

$$K_{i4} = 1 - \left| \frac{r_j - r_{cp}}{r_{cp}} \right|, \text{ где}$$

r_j — ранг, присвоенный *j*-ым кандидатом в отношении определенного объекта;

r_{cp} — средний ранг определенного объекта, полученный в результате проведения тестового опроса

всеми кандидатами.

Расчет данного коэффициента основан на проведении тестового опроса с просьбой проранжировать объекты по степени их влияния на какой либо показатель. Соответственно, если ранг *i*-го кандидата значительно отличается от группового среднего ранга, то и значение K_{i4} будет стремиться к 0, в противном случае, оно будет приближено к 1.

Градация значений коэффициента компетенции определяет его уровни: 0,9-1,0 свидетельствует о максимальном уровне компетентности, 0,8-0,9 — высоким, 0,7-0,8 — уровень компетенции выше среднего, 0,6-0,7 — средний, 0,5-0,6 — ниже среднего, и менее 0,5 — низкий. Очевидно, что кандидаты с низким, ниже среднего, а также средним уровнем компетентности исключаются из списка претендентов. За сбор информации, обработку собранных данных отвечает рабочая группа, предоставляющая результаты руководителю экспертной комиссии.

После того, как установлен уровень компетентности кандидатов, необходимо определить численный состав экспертной группы. В теории существуют некоторые подходы к определению числа экспертов в составе группы. Так, по мнению Е.Марголина, специалиста в области экспертных оценок, число экспертов должно быть больше, чем количество объектов оценивания [3]. Данный подход является довольно простым, без конкретного обоснования. Ряд авторов утвержда-

ют, что количество экспертов в группе должно быть от 7 до 20 человек. Однако объединяет исследователей одна общая позиция: слишком малое количество экспертов в группе приводит к недостоверным результатам, а слишком большое — к проблемам организационного характера.

Согласно принципу Гештальта, численность экспертной группы не должна превышать 10 человек. Мы в полной степени согласны с данным принципом в силу двух основных причин: во-первых, если количество экспертов будет превышать 10 человек, то станет сложным согласовывать их мнения; во-вторых, возникнут сложности организационного характера. Очевидно, что не все кандидаты после определения уровня компетентности будут включены в окончательный список. Представляется достаточно проблематичным определить точную численность экспертов. Однако следуя законам логики, можно определить минимальное и максимальное количество. Минимальное количество вполне может быть определено численностью экспертов, имеющих максимальное значение коэффициента компетентности. Максимальную же границу предлагаем определять на основе выражения:

$$m \leq \frac{3}{2 \cdot Q_{\max}} * \sum_{i=1}^{m^*} Q_i, \text{ где}$$

m^* — общее количество кандидатов;

$Q_{\max}$ — значение максимального коэффициента компетентности;

Q_i — компетентность i -го эксперта.

После определения количества экспертов, руководитель комиссии формирует окончательный список экспертной группы.

Второй этап по формированию экспертной комиссии является не менее значимым. Он включает в себя работу по определению методов сбора информации, типов оценочных шкал, способов измерения объектов, а также работу по созданию форм получения экспертных данных.

Общепринятыми способами сбора мнений экспертов является «мозговой штурм», деловые игры, дискуссии, метод «Дельфи», метод комиссий и др. Наименее затратными и простыми в организации, на

наш взгляд, являются анкетирование и опрос.

Система правил измерения объектов (явлений) позволяет преобразовать полученную от экспертов информацию в удобную для дальнейшего анализа форму. Традиционно тот или иной тип шкалы определяется системой предпочтений экспертов. Так, наиболее простой является номинальная шкала. Она основана на сравнении объектов (явлений) с эталоном и упорядочении их по двухноминальной шкале, при этом присваиваемый балл равен 0 или 1. Шкала отношений используется при наличии абсолютного свойства объекта, когда известна нулевая точка, например размер прибыли при выпуске нового продукта. Мы рекомендуем использовать при экспертном оценивании порядковую и интервальную шкалы. Данный выбор объясняется тем, что они имеют преимущество по сравнению с другими и наиболее часто используются при проведении экспертных оценок. Это обусловлено тем, что например, при номинальной шкале возможно только два варианта: да или нет, что сужает рамки оценивания. А с помощью шкалы отношений определяются количественные характеристики, которые могут быть получены и расчетным путем.

Следующий шаг заключается в определении способа измерения объектов. При работе с порядковой и интервальной шкалой, как правило, используются ранжирование, парное сравнение и непосредственная оценка. Поскольку экспертное оценивание не предполагает анализа большого числа объектов, а различие между оцениваемыми объектами является довольно значительным, то не рационально использовать способ парного сравнения при исследовании ресурсного потенциала организации. Соответственно оптимальными методами является ранжирование и непосредственная оценка. Сущность ранжирования сводится к выбору наиболее существенного объекта из исследуемой совокупности и расположения объектов в порядке убывания (возрастания). Ранги могут принимать значение от 1 до n , при этом значение самого важного ранга равно 1. Необходимо подчеркнуть, что если, по мнению экспертов, несколько оцениваемых объектов имеют одинаковую важность, то ранги присваиваются таким образом, чтобы сумма оставалась неизменной.

Таблица 3– Данные для определения стабильности работы кандидата

Стаж работы	Оценка в баллах
более 15 лет	1,0
10-15 лет	0,8
5-10 лет	0,6
1-5 лет	0,4
1 год	0,2

Например, если объекты 2 и 3 считаются одинаковыми по значимости, то им необходимо присвоить ранг 1,5 и т.п. Данный метод может использоваться при определении показателей, характеризующих тот или иной локальный потенциал и т.д.

Непосредственная оценка не просто упорядочивает, но и определяет, насколько один объект более важен, чем другой посредством интервалов, которым соответствуют баллы, например от 0 до 5, от 1 до 10 и т.д. Ранжированию соответствует порядковая шкала, а способу непосредственных оценок — интервальная.

Под разработкой форм получения экспертных данных подразумеваем составление анкет и опросников, посредством которых будет собираться экспертная информация.

Этап экспертного оценивания заключается в непосредственном сборе мнений экспертов и их отборе с применением выбранных методик.

С целью определения достоверности результатов полученных оценок, необходимо определить согласованность мнений экспертов. Другими словами, полученные мнения экспертов имеют дальнейшее практическое применение только в том случае, если они являются согласованными.

Так, для определения согласованности мнений экспертов используются статистические характеристики — меры разброса. Наиболее распространенным параметром является коэффициент вариации. Его мы используем при обработке результатов, полученных в ходе анкетирования при оценке организационного и предпринимательского потенциалов. Традиционно данный коэффициент рассчитывается по формуле:

$$V = \frac{\text{СКО}}{\bar{x}} * 100\%, \text{ где}$$

СКО — среднее квадратическое отклонение, определяемое по формуле:

$$\text{СКО} = \frac{\sum_{j=1}^m (x_j - \bar{x})^2}{m}, \text{ где}$$

m — количество экспертов;

x_j — оценка j -го эксперта

$\bar{x}$ — средняя оценка группы экспертов.

Преобразуя данную формулу для балльных оценок, получим следующее выражение:

$$V = \sqrt{\frac{\sum_i (B_{ij} - \bar{B}_j)^2}{k_j}} * 100\%, \text{ где}$$

$\bar{B}_j$ — средний балл i -го эксперта в отношении j -го объекта, рассчитываемый по формуле:

$$\bar{B}_j = \frac{\sum B_{ij}}{k_j}, \text{ где}$$

B_{ij} — баллы i -го эксперта в отношении j -го объекта;

k_j — число экспертов, оценивающих j -ый объект;

$\bar{B}_{\text{гр}}$ — средний балл по группе.

Полученное значение коэффициента вариации характеризует долю среднего значения этой величины, составляющей её средний разброс. [Статистика: учебник Елисеева А.А. М.: проспект, 2011. 448 с.] Оно не имеет четких границ, однако очевидным является то, что большое значение данного коэффициента характеризует сильное изменение признака. Эмпирическим путем установлено, что до 10 % — слабое изменение; от 10 до 25 % — умеренное изменение и свыше 25 % — высокое изменение. В теории статистики данное значение несколько выше и принято считать, что если оно превышает 35%, это свидетельствует о неоднородности оценок экспертов.

В случае использования метода ранжирования, необходимо рассчитать коэффициент конкордации. В случае если все ранги различны, то используется следующая формула:

$$W = \frac{12S}{k^2(n^3 - n)}, \text{ где}$$

$$S = \sum_i (\sum_j R_{ij})^2 - \frac{(\sum_i \sum_j R_{ij})^2}{n},$$

R_{ij} — ранг i -го объекта оцениваемого j -ым экспертом, n — количество объектов; k — количество экспертов.

Если хотя бы один эксперт выставил одинаковые ранги, то формула примет вид:

$$W = \frac{12S}{k^2(n^3 - n) - k \sum_i T_j}, \text{ где}$$

T_j — присутствие в анкете j -го эксперта одинаковых рангов, рассчитывается по формуле:

$$T_j = \frac{\sum_{r=1}^{m_j} (t_{rj}^3 - t_{rj})}{12}, \text{ где}$$

m_j — количество групп одинаковых рангов в анкете j -го эксперта;

t_{rj} — количество рангов в r -й группе одинаковых рангов в анкете j -го эксперта.

Значение коэффициента может принимать значение от 0 до 1, чем ближе значение к единице, тем более согласованными являются мнения экспертов. О высокой согласованности свидетельствует значение более 0,8.

Таким образом, использование метода экспертных оценок позволяет формализовать процессы сбора, анализа, обработки мнений экспертов с преобразова-

нием полученной информации в наиболее приемлемую и удобную форму. Не стоит, однако забывать, о том, что данный метод не может заменить количественный анализ, он лишь дополняет картину, и в тоже время является безальтернативным вариантом в случае невозможности применения более точных методов. Итак, формирование экспертной комиссии является важным этапом оценки потенциала организации.

Сбор и группировка исходных данных

Второй этап оценки ресурсного потенциала является важной процедурой, поскольку для проведения дальнейшего анализа необходима определенная информация за ряд лет, характеризующая результаты деятельности бизнес-единиц, входящих в состав холдинга. Так, при оценке финансового, фондового и кадрового потенциалов потребуются такой метод сбора информации, как анализ документов. Документальными источниками являются: бухгалтерская отчетность, штатное расписание, свод основных задач и функций структурных подразделений, организационно — функциональная структура и т.д. Для сбора первичной информации при анализе организационного и предпринимательского потенциалов целесообразно использовать анкетирование. При проведении анкетирования необходимо следовать правилам составления анкет, и также помнить о том, что анкета — это не простой список вопросов: ее составление требует корректных, верно сформулированных и уместных вопросов [5]. Наиболее простой в применении формой анкетирования является письменное анкетирование, другими словами корреспондентский способ, при котором анкета заполняется непосредственно респонденты. Поскольку в роли респондентов у нас выступают эксперты, соответственно анкетирование носит экспертный характер. В случае если невозможно по объективным причинам использовать анкетирование, вполне уместно применить экспертный опрос. При оценке лесосырьевого потенциала помимо анализа документов, потребуется использовать интервьюирование в отношении получения отсутствующих в документах информации.[4]

Анализ ресурсного потенциала 1 уровня

Третий этап оценки предполагает анализ ресурсного потенциала 1 уровня. Наша задача заключается в отборе и формировании оптимального количества показателей, всесторонне отражающих действительное состояние системы, что является трудоемким процессом.

Локальные составляющие потенциала первого уровня включают оценку финансового, фондового и трудового потенциалов. Так финансовый потенциал подразумевает оценку показателей по таким направлениям, как анализ финансовой устойчивости, платежеспособности, деловой активности (оборачиваемости) и рентабельности. Оценка фондового потенциала включает в себя анализ состояния, движения и эффек-

тивности использования основных фондов. Трудовой потенциал включает в себя оценку по следующим направлениям: анализ профессионально-квалификационной, физиологической составляющей, а также анализ движения кадров [1].

Анализ ресурсного потенциала 2 уровня

Четвертый этап оценки ресурсного потенциала — оценка предпринимательского, организационного и лесосырьевого потенциалов. Следует подчеркнуть, что для показателей локальных составляющих ресурсного потенциала определяются пороговые значения, которые позволяют выявить степень использования того или иного показателя, а также самого локального потенциала. Причем для некоторых показателей пороговые значения теоретически являются установленными, для остальных пороговые значения определяются методом экспертных оценок (кроме предпринимательского и организационного потенциала).

Если при оценке локальных составляющих потенциала первого уровня не возникло особых трудностей, в силу широкой освещенности этих вопросов в литературе, то оценка предпринимательского и организационного потенциала вызывает некоторое затруднение, требует обязательного использования метода экспертных оценок [2].

Оценка предпринимательского потенциала проводится через модель компетенций: профессиональных, личностных и инновативных.

$$k_{\text{комп } i} = \frac{\sum \overline{O}_{ij}/n}{5}, \text{ где}$$

$k_{\text{комп } i}$ — коэффициент i -ой компетенции;

$$\overline{O}_{ij} = \frac{\sum O_{ij}}{m_i} \text{ — средняя оценка в баллах } j\text{-го}$$

эксперта в отношении i -ой компетенции;

n — количество экспертов;

m_i — количество пунктов оценки i -ой компетенции;

5 — максимально возможный балл.

Базой для оценки организационного потенциала является организационная культура. При оценке организационного потенциала мы совместили несколько современных методик анализа организационной культуры, а именно методику «Культурного поля» Т.О.Соламандиной и Organizational Culture Survey (OCS) Сьюзан Гласер и Сони Заману. Несмотря на мнение некоторых исследователей, среди которых выделяется Т.Фицджеральд, о том, что вообще невозможно оценить организационную культуру, мы считаем, что это вполне реально [4]. Несомненно, с помощью широко используемых методик по оценке организационной культуры зачастую нельзя выявить причины существующей культуры, однако многие из них являются вполне приемлемыми для практической дея-

тельности, поскольку основываются на эмпирических доказательствах, объективного описания реальности и т.д. Так, преимуществом подхода ОКС является емкость анализа при использовании небольшого количества параметров (командная работа, мораль, информационные потоки, участие в управлении, контроль, собрания). Причем каждый из параметров включает в себя несколько частых показателей. Помимо этого, авторы допускают включение в методику дополнительных параметров, которые наилучшим образом описывают особенности любой организации.

Методика «культурного поля» включает в себя 4 параметра оценки: социально-психологический климат, система управления, место работника в организации, продвижение и закрепление работника.

Форма оценки состоит из четырех блоков, каждый из которых включает по пять пунктов оценки. Значения составляющих организационного потенциала рассчитываются по следующей формуле:

$$k_{\text{исп ОП } i} = \frac{\sum \overline{O_{ц ij}}}{5n}, \text{ где}$$

$k_{\text{исп ОП } i}$ — коэффициент использования i -ой составляющей организационного потенциала;

$$\overline{O_{ц ij}} = \frac{\sum O_{ц ij}}{m_i} \text{ — средняя оценка в баллах}$$

j -го эксперта в отношении i -ой компетенции;

n — количество экспертов;

m_i — количество пунктов оценки i -ой компетенции;

5 — максимально возможный балл.

Возможные значения уровня организационного и предпринимательского потенциала варьируются в пределах от 0 до 1. Интерпретация результатов оценки: 0,91-1 — высокое значение (гр.А); 0,61-0,90 — среднее (группа В); 0,1-0,60 — низкое (группа В).

Лесосырьевой потенциал характеризует ресур-

сы отраслевой специфики. Как было выявлено ранее, предприятия лесопромышленной отрасли включают лесосырьевые ресурсы, а также условия вырубki, транспортировки леса. Соответственно, значение лесосырьевого потенциала рассчитывается на основе оценки сырьевых ресурсов леспромхозов и рассчитывается в рамках бизнес — единицы «Лесозаготовка». Известно, что формой закрепления лесов за предприятием является аренда лесного участка. Это обстоятельство обуславливает расчет такого показателя, как запас древесины на закрепленных за предприятием лесных участках. Данный показатель можно рассчитать по следующей формуле:

$$Z_{\text{древ.}} = \sum S_i * Z_{\text{ср.}}, \text{ где}$$

S_i — площадь i -го лесного участка;

$Z_{\text{ср.}}$ — средний запас древесины на i -ом лесном участке.

Вместе с тем нельзя не учитывать качество того запаса древесины, которым располагает предприятие. Больше значение данного показателя не будет давать объективной картины, поскольку, качество дерева может находиться на достаточно низком уровне. Исходя из этого, необходимо при расчете потенциала учесть долю ценных, хвойных и лиственных спелых насаждений — качественной древесиной.

Для определения уровня развития лесосырьевого потенциала необходимо рассчитать интегральный показатель:

$$ЛСП = Z_{\text{древ.}} * d_{\text{кач}}(1 - d_{\text{дор и тр.}}), \text{ где}$$

$Z_{\text{древ.}}$ — запас древесины закрепленных лесных участков;

$d_{\text{кач}}$ — доля качественной древесины;

Таблица 4 — Весовые коэффициенты локальных потенциалов

Наименование локального потенциала	Весовой коэффициент			
	Номер эксперта			Средний весовой коэффициент
	1	...	n	
Финансовый потенциал				
Фондовый потенциал				
Трудовой потенциал				
Организационный потенциал				
Предпринимательский потенциал				
Природно-ресурсный потенциал				
Итого	1	1	1	1

$d_{\text{дор и тр.}}$ — доля затрат организации на строительство, восстановление лесовозных дорог, а также транспортировку древесины в общих затратах по заготовке древесины.

Увеличение данного показателя в динамике свидетельствует о повышении эффективности использования данного локального потенциала (гр.А). Негативной динамикой является снижение значения показателя (предприятия группы В). Если значение данного показателя значительно снижается за ряд лет, то резервы потенциала истощены (гр.С).

Определение весовых коэффициентов локальных потенциалов

Пятый этап оценки составляющих ресурсного потенциала холдинга подразумевает определение весовых коэффициентов локальных потенциалов. Характерной особенностью представляемой методики оценки ресурсного потенциала является необходимость установления относительных весов объектов с помощью ранжирования. Пусть x_{ij} — оценка i -го фактора, данная j -ым экспертом, при этом значение i от 1 до n , значение j от 1 до m . Тогда средний относительный вес i -го объекта будет рассчитываться по следующей формуле:

$$w_i = \frac{\sum_{j=1}^m w_{ij}}{m}, \text{ где}$$

Таблица 5— Балльные оценки локальных потенциалов и их составляющих

Локальный потенциал	Количество показателей	баллы		
		$C_{\text{Оц}_{\min}}$	$B_{\text{Оц}_{\text{ср.}}}$	$A_{\text{Оц}_{\max}}$
1. Кадровый потенциал ($\Sigma \Pi_1$)	7	7	14	21
- профессионально-квалификационная составляющая $O_{\text{ч}_{\text{пр.-кв.с.}}}$	2	2	4	6
- физиологическая составляющая $O_{\text{ч}_{\text{ф.с.}}}$	2	2	4	6
- движение кадров $O_{\text{ч}_{\text{дв.к.}}}$	3	3	6	9
2. Финансовый потенциал, в т.ч.:	27	27	54	81
- финансовая устойчивость	7	7	14	21
- платежеспособность	4	4	8	12
- деловая активность	10	10	20	30
- рентабельность	6	6	12	18
3. Фондовый потенциал	6	6	12	18
- анализ состояния ОФ	1	1	2	3
- анализ движения ОФ	3	3	6	9
- анализ эффективности использования ОФ	2	2	4	6
Итого по 1 уровню ресурсного потенциала $O_{\text{ч}_{1\text{ур}}}$	40	40	80	120
5. Предпринимательский потенциал	3	3	6	9
- предпринимательские компетенции	1	1	2	3
- инновационные компетенции	1	1	2	3
- личностные компетенции	1	1	2	3
6. Организационный потенциал	4	4	8	12
- СПК	1	1	2	3
- Система правления	1	1	2	3
- Место работника в организации	1	1	2	3
- Продвижение и закрепление	1	1	2	3
7. Лесосырьевой потенциал	1	1	2	3
Итого по 2 уровню ресурсного потенциала $O_{\text{ч}_{2\text{ур}}}$	8	8	16	24
Итого по локальным составляющим ресурсного потенциала 1 и 2 уровней	48	48	96	144

n — число объектов;

m — количество экспертов;

W_{ij} — относительный вес i -го объекта по оценкам j -го эксперта, рассчитанный по формуле:

$$W_{ij} = \frac{x_{ij}}{\sum_{i=1}^n x_{ij}}$$

Результаты коэффициентов весомости локальных потенциалов заносятся в таблицу 4.

Балльные оценки локальных потенциалов бизнес — единицы

Шестой этап предполагает определение балльных оценок локальных потенциалов и их составляющих бизнес единиц. Отметим, что при расчетах (этапы 3,4), мы получали значения, которым соответствует определенная группа А, В или С. Для того, чтобы осуществлять работу на дальнейших этапах, используем условный пример. Минимальным баллом является 1, соответственно он будет соответствовать группе С, группа В характеризуется 2 баллам, группа А 3 баллами.

Необходимо определить сумму баллов по трем группам в отношении каждого локального потенциала (таблица 5).

Для каждого предприятия (бизнес — единицы) максимальное значение по использованию ресурсного потенциала равно 144, минимальное — 48 (совпадает

с количеством показателей).

Далее дадим оценку показателей потенциала по бизнес — единицам и сформируем расширенную таблицу балльных оценок составляющих локальных потенциалов холдинга. Итоговая оценка ресурсного потенциала бизнес — единиц представлена в сводной таблице 6.

Балльные оценки локальных потенциалов холдинга

На седьмом этапе определяем оценку ресурсного потенциала холдинга в целом, которая складывается как сумма оценок локальных потенциалов всех бизнес — единиц. Итоговый вид оценок холдинга представлен в сводной таблице 7.

После того, как определены фактические оценки по каждой бизнес — единице, необходимо рассчитать коэффициент развития локальных потенциалов (этап 8):

$$k_{\text{разв.ЛП}i} = \frac{O_{\phi i}}{O_{\max i}}, \text{ где}$$

$O_{\phi i}$ — фактическая балльная оценка i -го локального потенциала;

$O_{\max i}$ — максимальная балльная оценка i -го локального потенциала.

Коэффициент развития ресурсного потенциала i -го уровня находится по формуле:

Таблица 6 — Сводная таблица оценки потенциала бизнес-единиц холдинга

Локальный потенциал	Бизнес-единица 1			Бизнес-единица 2			Бизнес единица n		
	2009	...	2013	2009	...	2013	2009	...	2013
1. Кадровый потенциал	$O_{\phi 1}$	...	...	$O_{\phi 1}$	...	...	$O_{\phi 1}$	...	...
2. Финансовый потенциал	$O_{\phi 2}$	...	...	$O_{\phi 2}$	...	...	$O_{\phi 2}$	...	...
3. Фондовый потенциал	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Итого по 1 уровню ресурсного потенциала ($O_{\phi 1 \text{ ур}}$)	$O_{\phi 1 \text{ ур}}$	...	...	$O_{\phi 1 \text{ ур}}$	...	...	$O_{\phi 1 \text{ ур}}$	...	...
4.Предпринимательский потенциал	...	...	...	...	...	...	...	...	...
5. Организационный потенциал	...	...	...	...	...	...	...	...	...
6. Лесосырьевой потенциал	$O_{\phi 7}$	...	...	$O_{\phi 7}$	...	...	$O_{\phi 7}$	...	...
Итого по 2 уровню ресурсного потенциала ($O_{\phi 2 \text{ ур}}$)	$O_{\phi 2 \text{ ур}}$	...	...	$O_{\phi 2 \text{ ур}}$	...	...	$O_{\phi 2 \text{ ур}}$	...	...
Оценка РП бизнес — единицы $O_{\phi \text{ РП}}$	$O_{\phi \text{ РП } 6-1}$	...	...	$O_{\phi \text{ РП } 6-2}$	...	...	$O_{\phi \text{ РП } 6-n}$	...	...

Таблица 7 — Сводная таблица оценок локальных потенциалов холдинга

Локальный потенциал	Холдинг		
	2009	...	2013
1. Кадровый потенциал	$\sum O_{\phi 1}$	...	...
2. Финансовый потенциал	$\sum O_{\phi 2}$	...	...
3. Фондовый потенциал	...	...	...
Итого по 1 уровню ресурсного потенциала ($O_{\phi 1 \text{ ур}}$)	$\sum O_{\phi 1 \text{ ур}}$	...	...
4. Предпринимательский потенциал	...	...	...
5. Организационный потенциал	...	...	...
6. Лесосырьевой потенциал	...	...	...
Итого по 2 уровню ресурсного потенциала ($O_{\phi 2 \text{ ур}}$)	...	...	...
Оценка РП холдинга $O_{\phi \text{ РП}}$	$\sum O_{\phi \text{ РП холд.}}$	...	...

Таблица 8 — Сводная таблица расчетных данных

Локальный потенциал	Бизнес-единица 1			Бизнес-единица 2			Бизнес-единица n		
	2009	...	2013	2009	...	2013	2009	...	2013
1. Финансовый потенциал	$k_{\text{разв.ЛП1}}$	...	...	$k_{\text{разв.ЛП1}}$	...	...	$k_{\text{разв.ЛП1}}$	...	...
2. Фондовый потенциал	$k_{\text{разв.ЛП2}}$	...	...	$k_{\text{разв.ЛП2}}$	...	...	$k_{\text{разв.ЛП2}}$	...	...
3. Кадровый потенциал	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Коэффициент использования РП 1 уровня $k_{\text{исп.РП 1 ур.}}$	$k_{\text{разв.РП 1 ур.}}$	...	...	$k_{\text{разв.РП 1 ур.}}$	...	...	$k_{\text{разв.РП 1 ур.}}$	...	...
4. Интеллектуальный потенциал	...	...	...	...	...	...	...	...	...
5. Организационный потенциал	...	...	...	...	...	...	...	...	...
6. Лесосырьевой потенциал	$k_{\text{разв.ЛП6}}$	...	...	$k_{\text{исп.ЛП6}}$	...	...	$k_{\text{исп.ЛП6}}$	...	...
Коэффициент использования РП 2 уровня $k_{\text{исп.РП 2 ур.}}$	$k_{\text{разв.РП 2 ур.}}$	...	...	$k_{\text{исп.РП 2 ур.}}$	...	...	$k_{\text{исп.РП 2 ур.}}$	...	...
Коэффициент использования ресурсного потенциала бизнес-единицы $k_{\text{исп.РП 6-е 1}}$	$k_{\text{разв.РП 6-е 1}}$	...	...	$k_{\text{разв.РП 6-е 2}}$	...	...	$k_{\text{разв.РП 6-е 3}}$	...	...

Таблица 9 — Шкала желательности

Значение показателя	Оценка показателя	Интерпретация показателя
0,81-1,00	Очень хорошо	Абсолютный уровень развития потенциала
0,61-0,80	Хорошо	Высокий уровень развития потенциала
0,41-0,60	Удовлетворительно	Средний уровень развития потенциала
0,21-0,40	Плохо	Низкий уровень развития потенциала
0,0-0,20	Очень плохо	Кризисный уровень развития потенциала

$$k_{\text{разв.РПур } n} = \frac{O_{\text{цф } n \text{ ур}}}{O_{\text{цmax } n \text{ ур}}}, \text{ где}$$

$O_{\text{цф } n \text{ ур}}$ — фактическая балльная оценка i -го уровня ресурсного потенциала;

$O_{\text{цmax } n \text{ ур}}$ — максимальная балльная оценка i -го уровня ресурсного потенциала.

Полученные результаты рассчитанных коэффициентов заносятся в таблицу 8.

Расчет интегрального показателя ресурсного потенциала

На десятом этапе рассчитываем интегральный показатель развития ресурсного потенциала холдинга.

Степень развития ресурсного потенциала холдинга определяем с помощью весовых коэффициентов:

$$k_{\text{разв.РП}} = \sum k_{\text{вес } i} * k_{\text{разв.ЛП } i}, \text{ где}$$

$k_{\text{вес } i}$ — весовой коэффициент i -го локального потенциала;

$k_{\text{разв.ЛП } i}$ — коэффициент развития i -го локального потенциала.

Для интерпретации полученного результата воспользуемся разработанной шкалой желательности интервалом от 0 до 1. Она переделывает соответствие результата оценки его с его желательным значением. Соответственно, более предпочтительному значению присваивается большая степень желательности. При применении данной шкалы, присвоим возможным результатам следующие оценки желательности: очень хорошо, хорошо, удовлетворительно, плохо, очень плохо. Данные оценки основаны на шкале желательности Харрингтона. Представим шкалу желательности и ее характеристику в таблице 9.

Итак, выделяется 5 интервалов в шкале оценки. Абсолютный уровень развития потенциала (значение показателя 0,81-1,00) является скорее теоретическим, на практике предприятия редко достигают данный уровень. Данный уровень характеризуется максимально эффективным использованием составляющих ресурсного потенциала, коэффициенты развития локальных потенциалов достигают идеальных значений.

Высокий уровень развития ресурсного потенциала (0,61-0,80) характеризуется довольно эффективным использованием ресурсов предприятия. Средний уровень (0,41-0,60) — недостаточно эффективным использованием ресурсов, требуются способы и пути по улучшению системы управления потенциалом органи-

зации. Отдельные локальные потенциалы могут иметь минимальные значения показателя. Низкий уровень развития потенциала (0,21-0,40) свидетельствует о неэффективном использовании ресурсного потенциала, локальные потенциалы развиты минимально, развитие отдельных составляющих ресурсного потенциала может и вовсе отсутствовать. Кризисный уровень развития потенциала (0,0-0,20) говорит об отсутствии использования потенциала организации; организации, имеющие такое значение являются неконкурентоспособными. Без применения соответствующих мер, предприятие в скором времени закончит свое существование.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели возможность оценки ресурсного потенциала предприятия через составляющие его элементы (локальные потенциалы). Данная методика позволяет не только провести количественный анализ, но и выявить уровень развития потенциала организации, который позволит определить дальнейший вектор развития предприятия.

Литература:

1. Афоничкин А.И. Управленческие решения в экономических системах. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
2. Елисеева А.А. Статистика. М.: Проспект, 2011. 448 с.
3. Жуков Б.М., Ткачева Е.Н. Исследование систем управления. М.: Дашков и К, 2011. 208 с.
4. Зерный Ю.В., Якушин А.А. Управление качеством в приборостроении. М.: Новый центр, 2011. 479 с.
5. Малин А.С. Исследование систем управления. М.: ИнфраМ, 2008. 352 с.
6. Стеклова С.Ю. Оценка ресурсного потенциала предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. №4.

References:

1. Afonichkin A.I. Managerial decisions in economic systems. StPetersb.: Piter, 2009. 480 p.
2. Yeliseyeva A.A. Statistics. M.: Prospect, 2011. 448 p.
3. Zhukov B.M., Tkachyova E.N. Investigation of managerial systems. M.: Dashkov i K, 2011. 208 p.
4. Zerniy Yu.V., Yakushin A.A. Quality control in instrument engineering. M.: Noviy tsentr, 2011. 479 p.
5. Malin A.S. Control of managerial systems. M.: InfirmaM, 2008. 352 p.
6. Steksova S.Yu. Assessment of resource potential of an enterprise // Menedzhment v Rossiye i za rubezhom. 2007. №4.

**ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АППАРАТА
ТЕОРИИ ТРУДНОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ
ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ПОТЕНЦИАЛА
РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ**

Фрум О.Л.

магистр экономики, ассистент кафедры экономики промышленности, Одесская национальная академия пищевых технологий (Украина), 65062, Украина, Одесса, пер. Леваневского, д. 9а, к. 63, olg30246972@yandex.ru

УДК 33(477)
ББК 65.9(4Укр)

В работе рассмотрено применение критерия стадии жизненного цикла предприятия, метод его оценки, представлены результаты анализа уровня потенциала винодельческих предприятий Украины.

Цель работы: рассмотреть сферу применения критерия стадии жизненного цикла потенциала предприятия и обосновать применение метода его оценки, провести анализ уровня потенциала винодельческих предприятий Украины.

В работе использовались математические, логические, эмпирические методы исследования.

Результатом данной работы является систематизация итогов теоретических и эмпирических исследований возможностей оценки уровня потенциала развития для принятия управленческих решений.

Применение критерия идентификации стадии жизненного цикла потенциала предприятия по уровню его развития даёт возможность принятия управленческих решений о дальнейших направлениях развития предприятия.

Ключевые слова: индекс уровня потенциала, критерий жизненного цикла, d-оценка, трудность достижения цели, локальная оценка.

Frum O.L.

**APPLICATION OF MATHEMATICAL MACHINERY OF GOAL ACHIEVEMENT PROBLEM THEORY
FOR THE ASSESSMENT OF POTENTIAL LEVEL OF BUSINESS DEVELOPMENT**

In this paper we considered the application of the criterion in the life cycle potential of the company, its method of evaluation, the results of the analysis of the level of capacity wineries Ukraine.

Objective: to examine the scope of the test phase of the life cycle of the enterprise potential and justify the use of its assessment, an analysis of the level of capacity wineries Ukraine.

We used mathematical, logical, empirical research methods. The result of this work is to systematize the results of theoretical and empirical research capacity to assess the level of capacity development for management decisions.

Applying the criterion of identification stage of the life cycle of the enterprise potential in terms of its development makes it possible to make management decisions about the future direction of the company.

Key words: index of level of capacity, the criterion of the life cycle, d-assessment, the difficulty of achieving the goal, local assessment.

© Фрум О.Л., 2014
Определение стадии жизненного цикла является необходимым элементом анализа и диагностики состояния предприятия в стратегическом управлении. На каждом этапе жизненного цикла предприятие характеризуют различные показатели функционирования и развития. Особенности стадий жизненного цикла отражаются на характере кризиса развития предприятия. Поэтому методы оценки соответствия состояния пред-

приятия к какой-либо стадии жизненного цикла можно считать основой диагностики кризисного состояния предприятия.

В практике стратегического управления для оценки стадии жизненного цикла предприятия обычно применяются критерии, основанные на уровне дохода, прибыли, денежного потока. То есть стадия жизненного цикла предприятия определяется по уровню резуль-

тирующих или финансовых показателей. Применение таких критериев идентификации стадии жизненного цикла предприятия в стратегическом анализе рассматривали И. Адизес [1], И.В. Ивашковская [2]. Различие в подходах выбора критерия оценки свидетельствует, что не существует единого мнения о критериях оценки уровня развития предприятия, который определяет стадию жизненного цикла предприятия.

Критерием идентификации стадии жизненного цикла стратегического потенциала предприятия может служить показатель, построение которого основано на кумулятивном (накопленном) эффекте. Индекс уровня потенциала предприятия ($I_{\text{уп}}$) определяется по формуле:

$$I_{\text{уп}} = \frac{\sum_{i=1}^n \Delta \dot{A}_i}{\sum_{i=1}^n \Delta \dot{A}_i}, \quad (1)$$

где $\Delta \dot{A}_i$

— суммарный прирост нераспределённой прибыли за рассматриваемый период;

ΔB — суммарный прирост валюты баланса за рассматриваемый период;

n — количество периодов.

На изменение валюты баланса оказывает влияние вся хозяйственная деятельность предприятия, а изменение нераспределённой прибыли отражает поступление прибыли и её распределение. Нераспределённая прибыль составляет большую долю потенциала финансирования развития предприятия. Поэтому значение отношения кумулятивных приращений этих величин показывает уровень накопленного потенциала капитализации за период.

Экономический смысл показателя можно описать как удельный вес накопленного прироста нераспределённой прибыли в суммарном приросте валюты баланса. То есть показатель эффективности и целесообразности расширения или сокращения хозяйственной деятельности в зависимости от её результатов. Динамика индекса уровня потенциала отражает тенденции изменения его уровня.

На основе индекса уровня потенциала определим тенденции развития ряда винодельческих предприятий Одесской области (табл. 1).

Индекс уровня потенциала не отражает наличие у предприятия возможностей дальнейшего развития в каком-либо направлении. Он является показателем необходимости более глубокого анализа инвестиционно-финансовых управленческих решений.

С целью определения стадии жизненного цикла потенциала предприятия необходимо проводить оценку значения индекса уровня потенциала.

Так как для разных предприятий и разных периодов жизнедеятельности индекс уровня потенциала может принимать значения, различающиеся по вектору направленности, необходимо применение обобщающего показателя, с помощью которого можно привести разнородные величины к единой системе сопоставимых результатов.

Для оценки индекса уровня потенциала предприятия предлагается применение d-оценки Руссмана с некоторой корректировкой.

В работе [3] было предложено понятие и алгоритм определения интегральной оценки «трудности» достижения цели, в [4] исследованы возможности применения математического аппарата теории в управлении организационными системами.

Практическое применение предложено для получения оценки риска в управлении портфелем активов [5, 6], в построении моделей производства знаний [7].

D-оценка Руссмана является универсальным инструментом для оценки движения системы к своей цели. Универсальность оценки достигается за счёт того, что через нормировку показателя можно привести любые разнородные величины к единой безразмерной величине на интервале от 0 до 1.

В аппарате трудностей достижения цели И.Б. Руссмана для каждого показателя X_i на основе фактических минимальных и максимальных его значений X_i^{min} и X_i^{max} определяется нормированное значение показателя:

$$\mu_i = \frac{X_i - X_i^{\text{min}}}{X_i^{\text{max}} - X_i^{\text{min}}}, 0 < \mu_i < 1, \text{ где} \quad (2)$$

Таблица 1. Индекс уровня потенциала винодельческих предприятий Украины

Предприятие	Годы						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ПТК «Шабо»	14,85	14,59	-3,35	-1,02	0,90	-0,88	0,96
ПАО «Коблево»	29,30	-16,76	-5,90	6,77	0,71	1,35	2,10
ЧАО «Одессавинпром»	21,47	23,03	18,78	13,91	10,87	14,23	18,87
ЗАО «Кикийский винзавод»	-12,55	8,55	4,54	16,64	17,71	18,23	18,28
ЗАО «Измаильский винзавод»	49,40	53,11	43,14	26,57	25,01	22,96	19,22

* В связи с тем, что значение индекса уровня потенциала может принимать значения низкого порядка, его удобнее определять в процентах

$X_i^{\min}$ — нормированное значение i -го показателя в определённый момент времени;

$X_i^{\min}$ и $X_i^{\max}$ — соответственно минимальное и максимальное значения показателя для рассматриваемого предприятия в определённый момент времени;

X_i — значение показателя в определённый момент времени.

Выражение можно записать в эквивалентной форме:

$$\mu = \frac{X_{\min}}{X_{\max}} \left(1 - \frac{X_{\min}}{X_i}\right) \left[\frac{X_{\min}}{X_i} \left(1 - \frac{X_{\min}}{X_{\max}}\right) \right]^{-1}. \quad (3)$$

Если заменить $\frac{X_i^{\min}}{X_i} = \mu_i$, $\frac{X_i^{\max}}{X_i} = \mu_i$, то получится оценка трудности достижения цели.

Трудностью достижения цели при качестве ресурса μ и требовании к ресурсу ε называют величину d_i , которую определяют по формуле:

$$d_i = \frac{\varepsilon_i(1 - \mu_i)}{\mu_i(1 - \varepsilon_i)}, \quad \text{где} \quad (4)$$

d_i — отражает качество показателя, т.е. трудность достижения его «лучшего» значения в интервале $\varepsilon_i \leq \mu_i$ при выполнении условия $\varepsilon_i \leq \mu_i$, т.е. если ресурс является допустимым;

$\varepsilon_i = \frac{X_i^{\min}}{X_i^{\max}}$ — нижняя граница требований к качеству ресурса;

$\varepsilon_i \leq \mu_i$ — оценка качества некоторого ресурса.

При всех $\varepsilon_i \leq \mu_i$ и $\mu \in (0;1]$, $\varepsilon \in [0;1)$, чем больше $\mu - \varepsilon \geq 0$, тем выше вероятность удовлетворения требований к результату.

Как утверждает Баева Н.Б., идея введения коэффициентов трудности и разработки способов их расчета возникла из соображений о том, что при прочих равных условиях получить результат определенного качества тем труднее, чем ниже качество ресурса и чем выше требования к качеству результата [8]. Поэтому, чем больше значение μ и чем меньше значение ε , тем выше вероятность достижения цели.

Величина d_i является локальной оценкой трудности достижения цели по i -му показателю.

При необходимости проведения оценки нескольких объектов используется свёртка трудностей, которую называют трудностью по совокупности ресурсов [8].

$$D = 1 - \prod_{i=1}^n (1 - d_i). \quad (5)$$

Так как по условию нашей задачи оценивается состояние одного объекта, нет необходимости вычисления интегрального показателя. Поэтому в рассматриваемом случае определяющей оценкой является локальная оценка трудности достижения цели d_i .

Для оценки индекса уровня потенциала воспользуемся формулой [4] из аппарата трудностей И.Б. Руссмана с некоторой корректировкой.

Вместо значения величины i -го показателя X_i в расчёте оценки качества некоторого ресурса

$$\mu_i = \frac{X_i^{\min}}{X_i} \quad \text{предлагается использовать среднее значение } i\text{-го показателя } X_i, \text{ то есть } \mu_i = \frac{X_i^{\min}}{X_i}.$$

В этом случае d -оценка Руссмана приобретает иной экономический смысл как оценка качества уровня развития потенциала. В данном случае под качеством уровня развития понимается стадия жизненного цикла потенциала.

Такая корректировка основана на следующих положениях.

1. При условии, что индекс уровня потенциала строится на кумулятивных величинах за некоторый период времени, целесообразно в расчётах использовать среднее значение за рассматриваемый период.

2. Так как в определении стадии жизненного цикла потенциала по уровню его развития определяющее значение имеет отклонение показателя от тренда, нормирование показателя необходимо проводить с использованием среднего значения.

Определяющим стадии жизненного цикла является расстояние от значения эмпирической величины до среднего значения ряда оцениваемых показателей.

Локальная оценка И.Б. Руссмана применяется для оценки значения показателя в определённый момент времени. Для определения стадии жизненного цикла потенциала необходимо проводить оценку значения индекса уровня потенциала на длительном вре-

Таблица 2. Оценка индекса уровня потенциала винодельческих предприятий Украины

Предприятие	2006-2007	2006-2008	2006-2009	2006-2010	2006-2011	2006-2012
ПТК«Шабо»	0,50	0,66	0,53	0,47	0,41	0,39
ПАО«Коблево»	0,50	0,41	0,44	0,43	0,42	0,42
ЧАО«Одессавинпром»	0,50	0,54	0,59	0,55	0,51	0,53
ЗАО«Кикийский винзавод»	0,50	0,60	0,58	0,65	0,71	0,74
ЗАО«Измаильский винзавод»	0,50	0,54	0,62	0,51	0,46	0,44

менном интервале (табл. 2).

Практические исследования показали следующее.

Если значение показателя находится в интервале от 0 до 0,3, предприятие находится на стадии зарождения, от 0,31 до 0,5 — на стадии стабилизации, от 0,51 до 0,8 — на стадии роста, от 0,71 до 1 — на стадии спада.

Из таблицы 2 видно, что ПТК «Шабо» в 2010 г. из стадии роста перешла в стадию стабилизации, ПАО «Коблево» находится на стадии стабилизации, ЧАО «Одессавинпром» — на стадии роста, ЗАО «Кикийский винзавод» — в 2011 г. из стадии роста перешло в стадию спада, ЗАО «Измайльский винзавод» в 2010 г. перешло из стадии стабилизации в стадию роста.

Результаты оценки индекса уровня потенциала винодельческих предприятий Украины показывают, что предприятия находятся на разных стадиях жизненного цикла в связи с тем, что у них сформировались различные возможности дальнейшего развития.

С использованием математического аппарата теории трудности достижения цели, управление развитием предприятия может рассматриваться как процесс достижения цели системой, которая в своём развитии претерпевает несколько видов структурных изменений.

В применении к оценке уровня потенциала развития степень угрозы недостижения цели определяется как вероятность недостаточности финансово-инвестиционной составляющей потенциала предприятия для дальнейшего развития.

Применение критерия идентификации стадии жизненного цикла потенциала предприятия по уровню его развития даёт возможность принятия управленческих решений о дальнейших направлениях развития предприятия.

Литература:

1. Adizes I. Corporate Lifecycles: How and Why Corporations Grow and Die and What to Do about It. / Prentice Hall: Englewood Cliffs, N.J. 1988.
2. Ивашковская И.В., Янгель Д.О. Жизненный цикл организации и агрегированный показатель роста // Корпоративные финансы. 2007. — №4. С. 97-110
3. Бабунашвили М.К., Бермант М.А., Руссман И.Б. Контроль и управление в организационных системах // Экономика и математические методы. М.: Наука, 1969. Т. 5, вып. 2. С. 212–227.
4. Бабунашвили М.К., Бермант М.А., Руссман И.Б. Оперативное управление в организационных системах // Экономика и математические методы. М.: Наука, 1971. Том 7, вып. 3. С. 377- 388.

5. Иванова К.Г. Управление портфелем ценных бумаг на основе D-оценок Руссмана и нейросетевого моделирования: дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.13. Воронеж, 2009. 129 с.
6. Берколайко М.З., Каширина И.Л., Иванова К.Г. Использование D-оценок Руссмана для управления портфелем активов // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж, 2008. № 1. С. 102–110
7. Берколайко М.З., Руссман И.Б. О моделях производства знаний // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж, 2004. №2. С.151-159.
8. Баева Н.Б., Куркин Е.В. Обобщение методов построения интегральных оценок качества на основе теории трудности достижения цели // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж, 2011. №1. С. 84-92.

9.

References:

1. Adizes I. Corporate Lifecycles: How and Why Corporations Grow and Die and What to Do about It. / Prentice Hall: Englewood Cliffs, N.J. 1988.
2. Ivashkovskaya I.V., Yangel D.O. Life cycle of an organization and aggregated index of growth // Korporativniye finansy. 2007. №4. P. 97-110.
3. Babunashvili M.K., Bermant M.A., Russman I.B. Control and management in organizational systems // Ekonomika i matematicheskiye metody. M.: Nauka, 1969. V. 5, issue 2. P. 212–227.
4. Babunashvili M.K., Bermant M.A., Russman I.B. Operations management in organizational systems // Ekonomika i matematicheskiye metody. M.: Nauka, 1971. V. 7, issue 3. P. 377- 388.
5. Ivanova K.G. Investment management according to Russman's D-assessment and neural network modeling: thesis of the Candidate of science: 08.00.13. Voronezh, 2009. 129 p.
6. Berkolayko M.Z., Kashirina I.L., Ivanova K.G. Application of Russman's D-assessment for portfolio management // Vestnik Voronazhskogo gosudarstvennogo universiteta. Voronezh, 2008. № 1. P. 102–110.
7. Berkolayko M.Z., Russman I.B. On knowledge production models // Vestnik Voronazhskogo gosudarstvennogo universiteta. Voronezh, 2004. № 2. P. 151-159.
8. Bayeva N.B., Kurkin E.V. Summary of integral quality assessment techniques on the basis of the goal achievement difficulties theory // Vestnik Voronazhskogo gosudarstvennogo universiteta. Voronezh, 2011. № 1. P. 84-92.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СФЕРЫ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ)

Чейметова В.А.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики товарных рынков,
Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия), 625048, Россия, г. Тюмень,
ул. Малыгина, д. 49, корпус 2, к. 1, lavoro1203@gmail.com

Сетенева О.Н.

управляющий, ООО «Маска» ресторанного холдинга «Максим» (Россия), 625048, Россия,
г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 49, корпус 2, к. 1, lavoro1203@gmail.com

УДК 640.43

ББК 65.431

В статье представлен анализ конкурентоспособности основных предприятий общественного питания (ресторанов), выявлены резервы повышения их конкурентоспособности, предложены основные направления их развития

Ключевые слова: конкурентоспособность, сфера услуг, общественное питание, резервы.

Cheimetova V.A., Setenyova O.N.

RESEARCH OF SERVICE INDUSTRY COMPETITIVENESS (EXAMPLIFIED BY CATERING BUSINESS)

In the article the authors introduce an analysis of the main catering enterprises (restaurants), identify the reserves of their competitiveness rise and propose the main directions of their development.

Key words: competitiveness, service industry, catering business, reserves.

В настоящее время сфера банкетного обслуживания набирает обороты развития с каждым годом — растет число заведений, совершенствуются формы банкетного обслуживания, разрабатываются уникальные концепции банкетных заведений. Все это способствует обострению конкуренции не только в сфере обслуживания торжеств, но и в целом в ресторанном бизнесе. Все предприятия общественного питания в условиях жесткой конкуренции, быстро меняющейся ситуации должны не только концентрировать внимание на внутреннем состоянии дел в заведении, но и выработать стратегию долгосрочного выживания, которая позволяла бы им поспевать за изменениями, происходящими в их окружении и одновременно сохраняя свои рыночные позиции приумножать свои доходы.

По оценке Росстата на начало 2013 года количество объектов общественного питания в городе Тюмени составило 922 единицы, что на 48 единиц больше чем в январе 2012г. В связи с этим выросло количество

посадочных мест с 51 996 до 55214 единиц за рассматриваемый период. Оборот общественного питания в январе — декабре 2012 года по сравнению с аналогичным периодом 2011 года увеличился на 4,4 % и составил 12 979,8 млн. руб. Примечательно, что сумма расходов на питание вне дома в 2012 году выросла на 28 % в сравнении с прошлым годом и составила 20 928 рублей на 1 жителя города. За последние три года ресторанный рынок г. Тюмени дополнился десятком новых заведений различных типов, концепций и формата, которые только усиливают прежнюю конкуренцию в отрасли общественного питания. Пополнение городских сетей общественного питания новыми заведениями, рост оборота общественного питания, повышение качества обслуживания и расширение ценового предложения — все это свидетельствует о стабилизации ресторанного бизнеса (рисунок 1.).

Таким образом, на основании рис. 1 наибольшую долю рынка занимает ресторан «Маска», его

прямыми конкурентами являются: Свадебный центр «Royal Wedding»; Ресторан «Vintage»; Ресторан «Рафинад»; Ресторан «Урарту», — косвенными конкурентами выступают оставшиеся заведения.

Для оценки конкурентоспособности можно использовать методика расчета сводного показателя конкурентоспособности, согласно которой сводным показателем является отношение произведения значения i -го критерия и его весомости к общему количеству рассматриваемых критериев.

Критерии конкурентоспособности были выбраны и оценены экспертами, в роли которых были отобраны следующие: посетители исследуемых заведений; управляющие ресторанов; случайные прохожие на улице; уполномоченные лица департамента потребительского рынка Администрации города Тюмени; специалисты отдела маркетинговых исследова-

ний предприятий общественного питания.

Экспертам было предложено ответить на вопросы анкеты и оценить по 5-ти балльной шкале 10 критериев конкурентоспособности ресторана. Результаты экспертной оценки критериев конкурентоспособности выбранных заведений представлены в таблице 2.

По результатам балльной оценки невозможно дать комплексную оценку конкурентоспособности ресторанов без учета значимости, весомости каждого критерия. Для того чтобы сравнить на сколько конкурентоспособен банкетный ресторан «Маска» среди основных конкурентов (выбранного как заведение — эталон), примем значения его оценок за «эталон», а так же определим экспертным путем весомость каждого критерия оценки (таблица 3). Сравнивая относительно «эталона» значения оценок каждого конкурента в разрезе критериев получаем индексы кон-

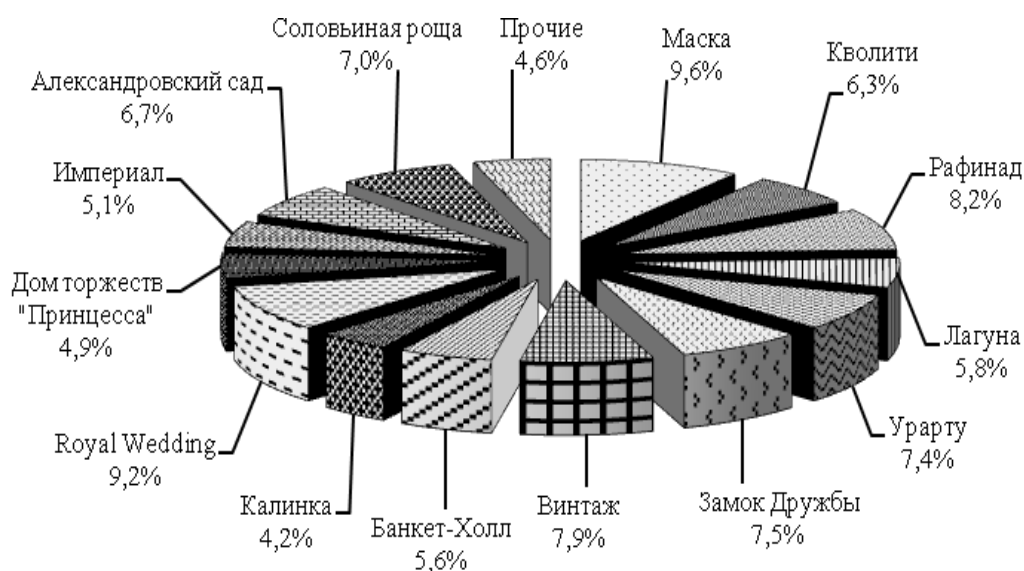

Рис. 1. Сегменты ресторанного рынка

Таблица 2. Результаты экспертной оценки критериев конкурентоспособности ресторанов

Критерий оценки	Средняя оценка критерия по 5 балльной шкале				
	«Маска»	«Royal Wedding»	«Vintage»	«Урарту»	«Рафинад»
1. Местоположение	5	4	4	3	5
2. Качество обслуживания	5	5	5	4	5
3. Средний чек банкета на 1 чел.	4	4	4	3	5
4. Количество посадочных мест	4	5	4	4	3
5. Режим работы	4	3	4	5	5
6. Меню, кухня	5	5	4	4	3
7. Интерьер	4	5	5	4	4
8. Парковочная зона	5	5	3	5	4
9. Известность, репутация	5	5	4	4	3
10. Дополнительные услуги	4	5	5	4	4

курентоспособности каждого заведения (таблица 4).

На основании расчетных индексов конкурентоспособности и показателей весомости определяем сводный показатель конкурентоспособности каждого ресторана в отдельности (таблица 5).

Оценка и анализ показал, что ближайшими конкурентам из рассмотренных заведений по отноше-

нию к «Маске» являются «Royal Wedding», «Vintage», «Рафинад». Чтобы предприятие общественного питания считалось успешным, необходимо учитывать все факторы, влияющие на его конкурентную позицию. В целом «Маска» обладает достаточно высоким, но не абсолютным уровнем конкурентоспособности в сфере банкетного обслуживания торжеств, на чем специ-

Таблица 3. Характеристика весомости критериев и значения эталонных оценок конкурентоспособности заведений

Критерий оценки конкурентоспособности	Параметры критерия	
	Оценка заведения — эталона	Весомость критерия
Местоположение	5	0,07
Качество обслуживания	5	0,15
Средний чек банкета на 1 чел.	4	0,10
Количество посадочных мест	4	0,05
Режим работы	4	0,09
Меню, кухня	5	0,17
Интерьер	4	0,10
Парковочная зона	5	0,06
Известность, репутация	5	0,11
Дополнительные услуги	4	0,10

Таблица 4. Индексы конкурентоспособности рассматриваемых ресторанов

Критерий оценки	Оценка критерия относительно заведения-эталона				
	«Маска»	«Royal Wedding»	«Vintage»	«Урарту»	«Рафинад»
1. Местоположение	1	0,8	0,8	0,6	1
2. Качество обслуживания	1	1	1	0,8	1
3. Средний чек банкета на 1 чел.	1	1	1	0,75	1,25
4. Количество посадочных мест	1	1,25	1	1	0,75
5. Режим работы	1	0,75	1	1,25	1,25
6. Меню, кухня	1	1	0,8	0,8	0,6
7. Интерьер	1	1,25	1,25	1	1
8. Парковочная зона	1	1	0,6	1	0,8
9. Известность, репутация	1	1	0,8	0,8	0,6
10. Дополнительные услуги	1	1,25	1,25	1	1

Таблица 5. Сводный показатель конкурентоспособности рассматриваемых заведений

Сводный показатель конкурентоспособности	Название заведения				
	«Маска»	«Royal Wedding»	«Vintage»	«Урарту»	«Рафинад»
	1	1,026	0,956	0,884	0,911

ализируется заведение. Для выявления слабых сторон необходимо проанализировать каждый фактор конкурентоспособности в соответствии с его значимостью и возможностью изменения (рис. 2). Наиболее значимыми критериями являются: качество обслуживания; средний чек банкета на 1 чел.; меню, кухня; интерьер; известность, репутация; дополнительные услуги.

Конкурентоспособность любого предприятия зависит от ряда факторов, которые можно считать составляющими конкурентоспособности. Их можно разделить на три группы факторов (рис. 3): технико-экономические; коммерческие; нормативно-правовые [8].

К технико-экономическим факторам обычно относят: качество продукции и обслуживания, продажную цену и затраты на потребление продукции или услуги. Эти компоненты в основном зависят от производительности поваров и интенсивности труда обслуживающего персонала, издержек производства, уникальности продукции и пр.

Коммерческие факторы чаще всего определяют условия реализации товаров на конкретном рынке. Они включают: конъюнктуру рынка (острота конкуренции, соотношение между спросом и предложением на банкетные услуги, национальные и региональные особенности рынка, влияющие на формирование платежеспособного спроса на данную услугу); предоставляемый сервис (наличие дополнительных услуг и условия их предоставления, качество обслуживания); рекламу (наличие и действенность рекламы и других средств воздействия на потребителя с целью формирования спроса); имидж фирмы (популярность бренда, репутация заведения, компании) [6].

Нормативно-правовые факторы отражают требования технической, экологической и иной (воз-

можно, морально-этической) безопасности услуги на данном рынке, а также правовые нормы. В случае несоответствия товара и услуги действующим в рассматриваемый период на данном рынке нормам и требованиям стандартов и законодательства они не могут быть проданы на данном рынке. Достаточно высокая конкурентоспособность заведения является гарантом получения высокой прибыли в рыночных условиях [5].

Обобщая проведенный анализ, можно сделать вывод, что лидерство на рынке банкетных услуг дает возможность ресторану: быть полезными гостям в любой момент их жизни и в любом районе города; обеспечивать персоналу ресторана достойное вознаграждение, возможности роста и социальные гарантии; выстраивать систему взаимовыгодного и длительного партнерства с поставщиками и клиентами; зарабатывать достойную прибыль и инвестировать в развитие бизнеса.

На сегодняшний момент рынку банкетно-ресторанных услуг присуща высокая степень конкуренции между заведениями, т.к. на нем всегда есть возможность для относительно быстрого проникновения новых предприятий и вывода нового продукта. Конкурентоспособность ресторана определяется многими факторами и условиями, среди которых главными являются особенности концепции самого заведения и услуг, которые оно предоставляет и степень лояльности потребителей [9].

Резервы повышения конкурентоспособности ресторана в сфере банкетного обслуживания кроются в неиспользованных возможностях заведения по сокращению или оптимизации затрат живого и овеществленного труда и в максимальном использовании всего комплекса условий деятельности в конкретном

Рис. 2. Факторы, влияющие на конкурентоспособность банкетного ресторана

сегменте с целью повышения конкурентоспособности, и в конечном счете, прибыльности предприятия. Процесс преобразования потенциальных возможностей улучшения конкурентного положения в реальные конкурентные преимущества и составляет содержание использования этих резервов. Конкурентная ситуация на рынке общественного питания развивается с высокой долей динамизма, поэтому у заведений этой сферы существует необходимость в оперативном отслеживании конкурентных изменений на рынке на систематической основе. Только в данных условиях заведение сможет правильно дать оценку своим возможностям и преимуществам конкурентов, а также определить эффективную стратегию поведения, которая будет в первую очередь направлена на создание и поддержание собственного конкурентного преимущества [3].

Проведенный анализ и оценка конкурентоспособности ресторана «Маска» и его конкурентов в предыдущем пункте позволил выявить направления и резервы повышения конкурентоспособности заведения. На рисунке 4 представлен многоугольник конкурентоспособности для каждого рассматриваемого заведения. Из диаграммы видно, что конкурентного преимущества, относительно других заведений, ресторану «Маска» можно добиться в следующих направлениях: качество обслуживания; количество посадочных мест; средний чек банкета на 1 человека; интерьер; известность и репутация; дополнительные услуги.

В основном, резервы повышения конкурентоспособности предприятия общественного питания

кроются в использовании ценовых и неценовых факторов (рис. 5). Ценовая конкуренция в сфере банкетного обслуживания формируется на основе изменения цены услуги на 1 чел. Устанавливая более низкую цену в расчете на одно гостя банкета или общую — в расчете на весь контингент торжества, заведение приобретает возможность укрепить свои позиции по сравнению с конкурентами. Главным элементом варианта неценовой конкуренции является — это конкуренция, основанная на качестве предоставляемых основных и дополнительных услуг [8].

Повышая качество обслуживания и удерживая цену на уровне ближайших конкурентов, ресторан получает значительные конкурентные преимущества, наличие которых позволяет ему занять лидирующее положение на рынке, увеличить число гостей и размер занимаемой рыночной доли. Заметим, что, как правило, повышение качества обслуживания может не требовать существенных инвестиционных вложений [2].

Таким образом, использование более квалифицированного персонала может рассматриваться как повышение качества предоставляемых услуг. Это потребует дополнительных затрат, но их величина, как правило, значительно ниже чем величина ожидаемого эффекта. С увеличением числа открывающихся ресторанов, расширяется разнообразие гастрономических предложений и соответственно, требование потребителя в качественном обслуживании тоже растут. Наиболее эффективным орудием неценовой конкуренции всегда была реклама, сегодня ее роль возросла много-

Рис. 3. Основообразующие факторы конкурентоспособности предприятий ресторанного бизнеса

кратно. С помощью рекламы заведения сферы общественного питания не только доносят до потребителей информацию о предоставляемых услугах, но и формируют доверие к своей товарной, ценовой политике, стремясь создать положительный образ ресторана [4].

Укрепить свои позиции в конкурентной среде банкетного обслуживания можно не только с помощью цены и качества, но и с помощью имиджа предпри-

ятия. В условиях развитого, быстрорастущего рынка, когда на нем очень много услуг, близких или аналогичных по цене и качеству, характер конкуренции тяготеет к использованию преимуществ, предоставляемых имиджем предприятия, то есть тех социально-психологических характеристик, которые формируют благоприятное общественное восприятие заведения. Понятие имиджа услуги и её производителя приобретает

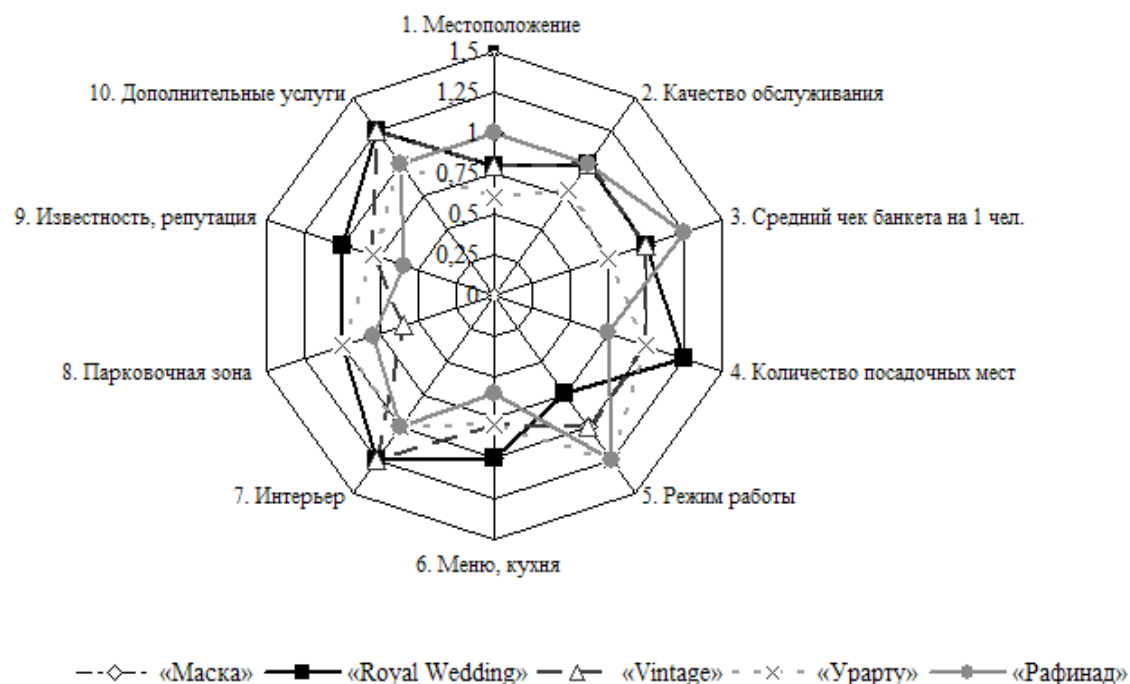

Рис. 4. Многоугольники конкурентоспособности ресторана «Маска» и его конкурентов

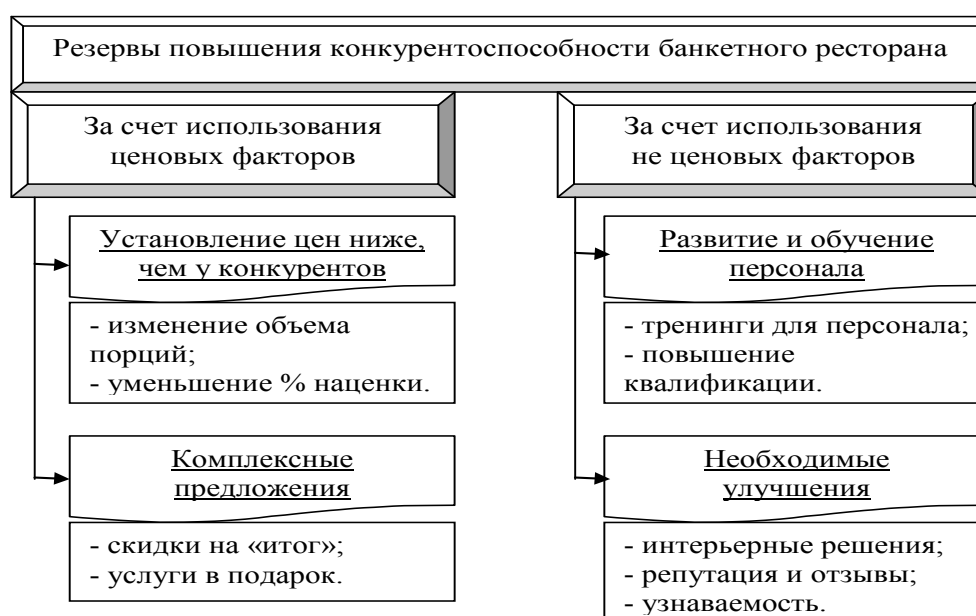

Рис. 5. Резервы повышения конкурентоспособности банкетного ресторана

на рынке ресторанных услуг особое, первостепенное значение. Устойчивый имидж выступает как стимул к первоначальному выбору услуги, основной мотив к предпочтению услуги перед конкурентами. Имидж, таким образом, рассматривается как важнейший фактор укрепления конкурентных позиций банкетного ресторана, обеспечивающий его преимущества и способность к активной конкурентной борьбе.

Литература:

1. Баздникин А.С. Цены и ценообразование: учебное пособие для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. Гриф УМО МО РФ. М.: Юрайт, Юрайт-Издат, 2010. 370 с.
2. Большаков А.С. Менеджмент: учебное пособие. СПб.: «Издательство «Питер», 2011. 160 с.
3. Бурцева Т.А., Сизов В.С., Цень О.А. Управление маркетингом: учебное пособие. М., 2005. 271 с.
4. Дуброви И.А. Маркетинговые коммуникации. Учебник. Гриф УМО МО РФ. М.: Дашков и К°, 2010. 580 с.
5. Емельянова Т.В., Кравченко В.П. Экономика общественного питания. Минск: Высшая школа, 2008. 383 с.
6. Зимин Н.Е. Анализ и диагностика финансово-

го состояния предприятий: учебное пособие. М.: НКФ «ЭКМОС», 2008. 150 с.

7. Лифиц И. М. Конкурентоспособность товаров и услуг: учебное пособие. М.: Юрайт, 2009. 464 с.
8. Орлов А.И. Менеджмент: учебник. М.: Знание, 2010. 314 с.

References:

1. Bazdnikin A.S. Prices and pricing: study book for Bachelors. 2nd revised and enlarged edition. Visa UMO MO RF. M.: Yurait, Yurait-Izdatr, 2010. 370 p.
2. Bolshakov A.S. Management: study book. StPetersb.: "Izdatelstvo "Piter"", 2011. 160 p.
3. Burtseva T.A., Sizov., Tsen O.A. Marketing control: study book. M., 2005. 271 p.
4. Dubrovi I.A. Marketing communication. Study book. Visa UMO MO RF. M.: Dashkov i K°, 2010. 580 p.
5. Yemelyanova T.V., Kravtchenko V.P. Economics of catering. Minsk: Vissshaya shkola, 2008. 383 p.
6. Zimin N.E. Analysis and diagnostics of financial situation on enterprises: study book. M.: NKF «EKMOS», 2008. 150 p.
7. Lifits I.M. Competitiveness of goods and services: study book. M.: Yurait, 2009. 464 p.
8. Orlov A.I. Management: study book. M.: Znaniye, 2010. 314 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Бушуева И.П.

аспирант Сибирского института управления — филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 630133, Россия, г. Новосибирск, ул. Т. Снежиной, д.46, к. 37, irina_lyarskaya@mail.ru

Богдан Н.Н.

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Сибирского института управления-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 630024, Россия, г. Новосибирск, ул. 2-ая Ольховская, д.1, к. 14, bogdan-nn@mail.ru

УДК 35.08
ББК 67.401.02

В статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на профессиональное развитие государственных гражданских служащих, приводятся результаты исследования индивидуальной системы ценностей, мотивов и отношения к профессиональному развитию государственных служащих.

Метод и методология проведения работы: классификация, анкетирование, тестирование.

Результаты: разработана классификация факторов профессионального развития государственных гражданских служащих, изучены и описаны индивидуальные факторы профессионального развития, выявлена динамика в их развитии и зависимость от занимаемой должности.

Область применения результатов. Результаты исследования и выявленные зависимости и противоречия могут применяться при выстраивании и корректировке системы управления профессиональным развитием государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: государственные служащие, факторы профессионального развития.

Bushuyeva I.P., Bogdan N.N.

INFLUENCE OF INDIVIDUAL FACTORS ON PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF CIVIL SERVANTS

The authors consider the factors of professional development of civil servants, introduce the results of the research of individual value system, motives and their attitude towards professional development of civil servants.

Method and methodology: classification, polling, tests.

Results: the authors developed a classification of civil servants' professional development factors, described individual factors of their professional development, identified dynamics in development and dependence on the occupied position.

Application area. The results of the research and the discovered dependence and contradictions can be applied in constructing and correcting the system controlling professional development of civil servants.

Key words: civil servants, professional development factors.

В настоящее время в научной литературе не встречается однозначной трактовки понятия «факторы профессионального развития», но об этом пишут многие авторы (Е.А. Климов, Л.М. Митина, А.К. Маркова, В.И. Слободчиков и др.). Обобщение взглядов, подходов позволяет дать следующее определение факторов профессионального развития — это переменные (причины и условия внутреннего и внешнего характера по отношению к индивиду), значимо влияющие на процесс качественных изменений, происходящих в профессиональной деятельности человека как в одной должности, так и на протяжении всей трудовой жизни.

Практическая деятельность государственного служащего обусловлена личностными характеристиками служащего, но в то же время, зависима от среды. Поэтому в ряде исследований (Л.В. Абдалина, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, О.И. Миронова и др.) факторы, влияющие на профессиональное развитие, разделены объективные, субъективные и субъективно-объективные: объективные факторы отражают общественные отношения, морально-психологический климат и также уровень развития общества в целом и связаны с реальной системой профессиональной деятельности, а также с действиями индивида, направленными на достижение высоких результатов; субъективные факторы связаны с индивидуальными предпосылками успешности профессиональной деятельности и включают ценностные ориентации индивида, его мотивы, направленность, интересы и др. Это, прежде всего, смысл, вкладываемый субъектом в профессиональную деятельность, поступки и действия, а также знания субъекта о средствах, способах, условиях достижения поставленных целей. Проявление этих факторов объясняет субъективные причины, содействующие росту профессионализма; субъективно-объективные факторы, связаны с организацией профессиональной среды, профессионализмом руководителей, качеством управления.

В рамках другого подхода (Зазыкин В.Г., Маркова А.К., Карпова А.В. и др.), основанного на принципе учета пространства действия, факторы, оказывающие влияние на профессиональное развитие, разделены на общие (внеслужебные, непрофессиональные) и специальные (служебные, профессиональные). По нашему мнению, такое разделение является достаточно условным, потому как общие факторы, формируют ключевые характеристики служащего, имеющие отношение к работе, и, наоборот, служебная деятельность во многом определяет поведение индивида за пределами работы.

В рамках нашего исследования интерес представляет позиция З.Э. Исаева, который, наряду с социально-психологическими и личностными факторами выделяет также социальные, к которым относит: необходимость учета тенденций изменений кадровой

политики; необходимость совершенствования оценки кадрового потенциала государственной гражданской службы; осуществление социально значимых программ; разработку и реализацию механизма взаимодействия органов государственной власти и общества при выборе приоритетов профессионального развития кадров[4, с. 15-21].

Изложенные подходы к выделению факторов профессионального развития носят отчасти фрагментарный характер. В то же время, общеизвестно, что профессионализация протекает не только на личностном (индивидуальном) уровне, но и в масштабах всего социально-политического института, которым является государственная служба и затрагивает всю социально-профессиональную общность, занятую в сфере государственного управления[5, с. 33].

Таким образом, положив в основу понимание государственной гражданской службы, с одной стороны, как системы, а с другой стороны, как общественный институт, и принцип «внешней-внутренней» обусловленности процесса профессионального развития, можно предложить классификацию факторов, оказывающих влияние на профессиональное развитие государственных гражданских служащих, включающую два кластера: внесистемные и внутрисистемные (рис. 1).

К внесистемным факторам относятся факторы внешней среды — глобальные, социально-экономические и культурные, а к внутрисистемным — институциональные, организационные и индивидуальные.

Внесистемные факторы можно отнести к регулируемым, так как они не зависят от управленческих усилий, но являются импульсами для принятия корректирующих решений. Данные факторы необходимо учитывать при выработке стратегии профессионального развития государственных гражданских служащих.

Внутрисистемные факторы могут влиять на процессы профессионального развития различным образом. Так, индивидуальные факторы являются отчасти регулируемыми (например, можно и нужно воздействовать на уровень квалификации служащих, а также их систему ценностей и установок), Организационные факторы также относятся к регулируемым, однако в большей степени, учет и изменение данных факторов влияют на эффективность и качество управления профессиональным развитием.

Факторы, отнесенные нами к институциональным, с одной стороны, возникают как ответ на действие внесистемных факторов, а, с другой стороны, создают своеобразный фон, основу для действия факторов организационной и индивидуальной групп.

Таким образом, на профессиональное развитие оказывает влияние множество факторов, классифицируемых по различным основаниям. Данные факторы необходимо учитывать при управлении процессом

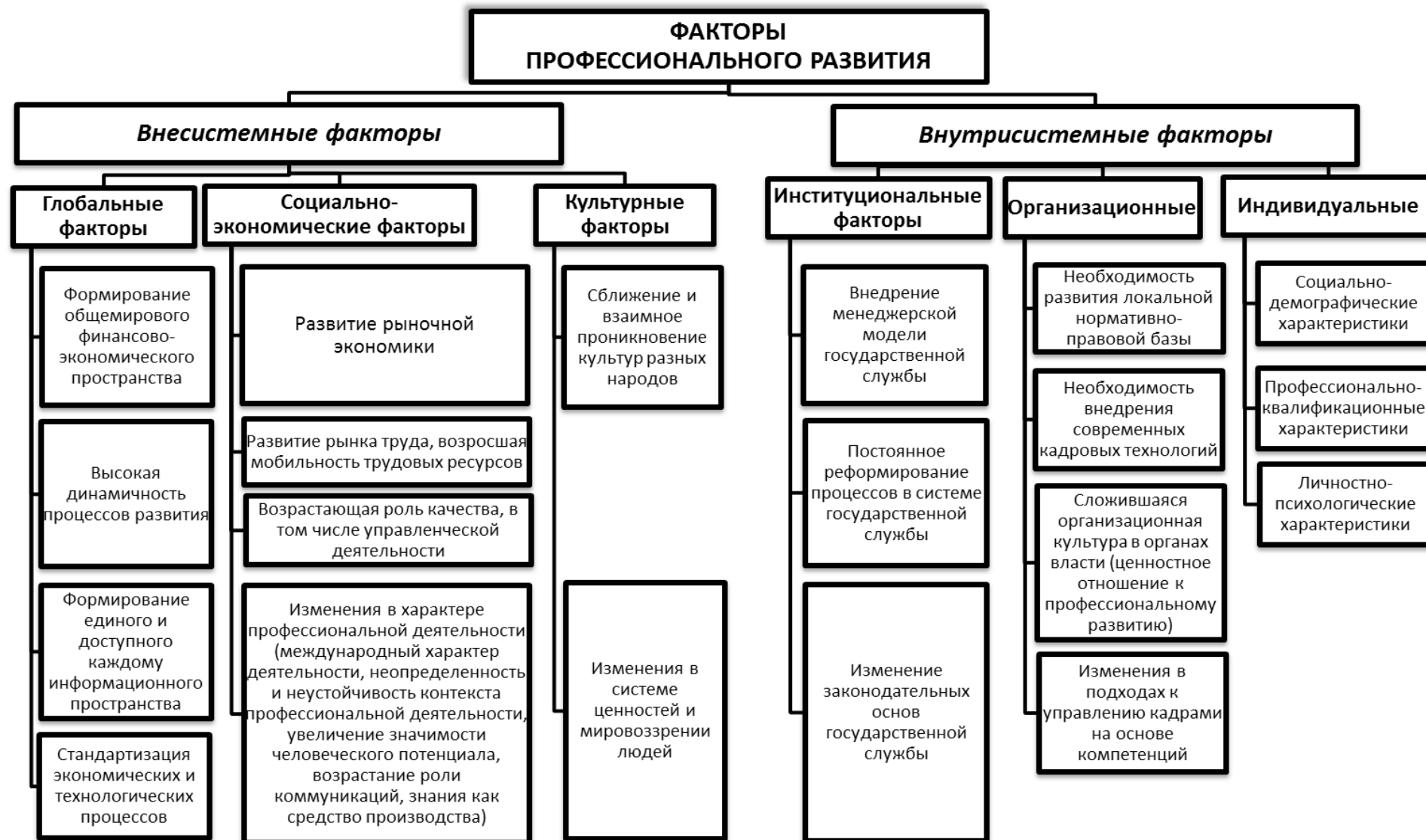

Рис. 1. Классификация факторов профессионального развития государственных гражданских служащих

профессионального развития государственных гражданских служащих.

Предпринятое нами исследование *особенностей профессионального развития государственных гражданских служащих* проводилось в направлении изучения индивидуальных факторов профессионального развития: ценностей, мотивов, целей и др.

Исследование проводилось в 2008-2012 гг. на группах студентов заочного отделения, обучающихся по специальности/направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» в Сибирском институте управления — Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В исследовании использовался комплекс методов: анкета для выявления особенностей профессионального развития в сфере государственной гражданской службы и факторов, способствующих успешному профессиональному развитию; методики, направленные на изучение карьерных ориентаций («Якоря карьеры» Э. Шейна), индивидуальной системы ценностей («Морфологический тест жизненных

ценностей», В.Ф. Сопов Л.В. Карпушина). При этом учитывался реальный опыт профессионального развития и карьеры, который нашел отражение в последовательности занимаемых должностей.

Результаты, полученные в ходе изучения системы ценностей государственных служащих, свидетельствуют, что ведущими ценностями являются высокое материальное положение (66%), достижение результатов (58%) и получение удовлетворения от работы (55%) (рис. 2). Наименьшая значимость наблюдается среди ценностей креативности (26%) и саморазвития (24%).

Поскольку доминирующие ценности находят свое отражение в поведении, то служащие будут проявлять активность в получении высокого заработка, достижении результатов и получении удовлетворения от работы, но их активность будет ниже в плане развития (низкая значимость ценности «саморазвитие» — 24%). Возможно, низкие показатели значимости данной ценности говорят о том, что служащие не связывают профессиональное развитие и развитие личности, либо присутствует убеждение, что в саморазвитии достиг-

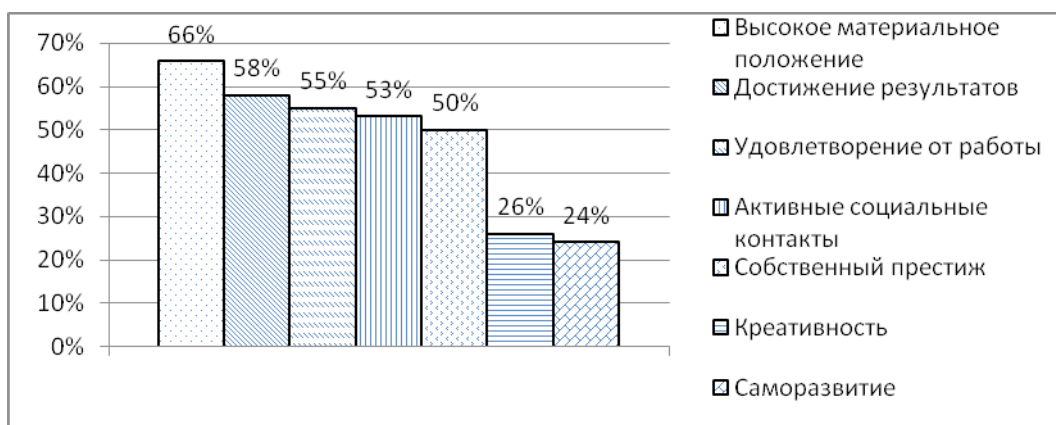

Рис. 2. Распределение ведущих ценностей

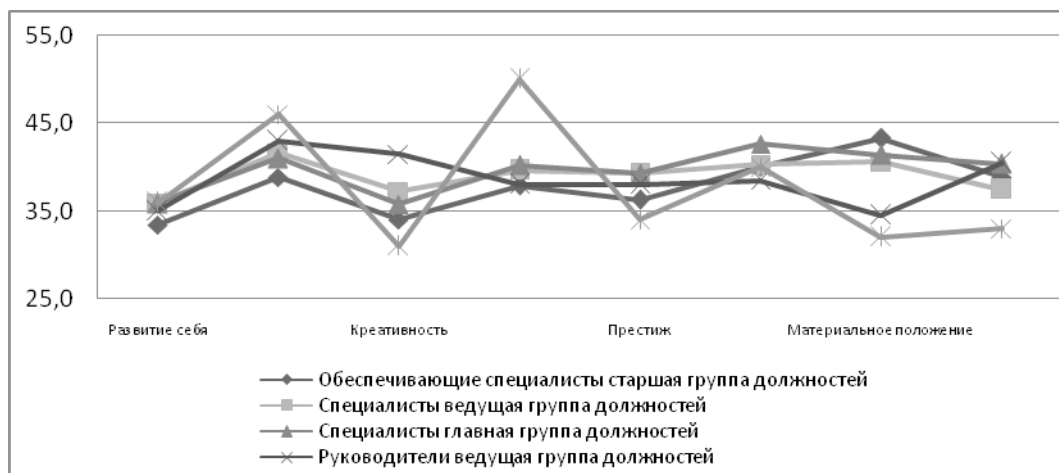

Рис. 3. Распределение значимости жизненных ценностей (с учетом групп должностей)

нут определенный уровень, и эта сторона жизни не является актуальной (известно, что значимость ценности понижается по мере ее удовлетворения).

Нами выявлена зависимость: чем выше должность, тем выше значимость ценности «духовное удовлетворение» и обратная закономерность ценности «материальное положение» (значимость ее тем выше, чем ниже должность). Это можно объяснить тем, что на низших должностях особо ценно материальное благополучие, а с повышением должности растет уровень оплаты труда, поэтому место этой ценности занимает другая (здесь — духовное удовлетворение) (рис. 3).

Ценности реализуются в различных жизненных сферах. Согласно данным опроса наиболее значимой жизненной сферой для госслужащих является сфера профессиональной деятельности (более половины опрошенных) (рис. 4).

Сфера образования значима менее чем для половины опрошенных (47 % респондентов). Таким образом, далеко не все гражданские служащие стремятся к повышению уровня своего образования. На втором месте по значимости — сферы семьи (только у женщин) и общественной активности. При этом наименее вы-

ражены такие сферы, как «увлечения» и «физическая активность», что, скорее всего, связано с возрастом, образом жизни и степенью удовлетворения соответствующих потребностей.

Значимость жизненных сфер примерно одинакова для всех должностных групп государственных служащих, однако для руководителей главной группы должностей сфера общественной жизни является самой значимой и превосходит такие сферы, как «семья» и «профессия» (рис. 5).

Самыми значимыми факторами, оказывающими влияние на достижение успеха в профессиональной деятельности, госслужащие называют личные качества (75%), высокие показатели работы (51%) и стремление к самосовершенствованию и саморазвитию (49%).

В целом анализ значимости личностных и профессиональных ценностей государственных служащих показывает, что среди личностных ценностей имеют высокую значимость семья и здоровье, личная безопасность, а почет и содержательный досуг наименее значимы. Среди ценностей в профессиональной сфере наиболее значимые — интересная работа, стабильность заработка и продвижение по службе, а прибли-

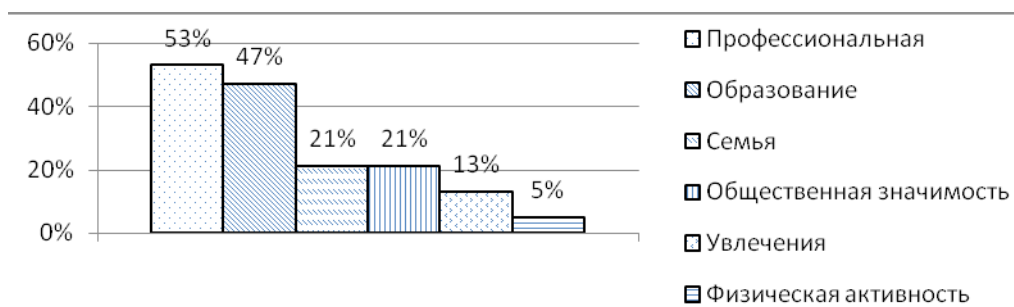

Рис. 4. Распределение значимости ведущих жизненных сфер

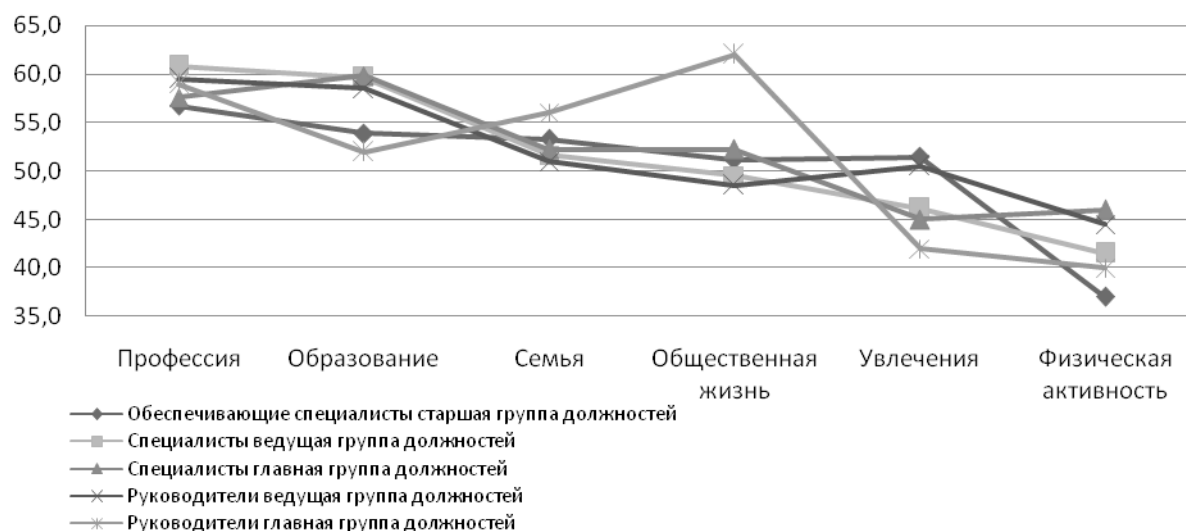

Рис. 5. Распределение ведущих жизненных сфер (с учетом групп должностей)

женность к власти и социальные связи практически незначимы. Следует отметить, что личностные ценности значимы для всех групп должностей. Однако ценность «приносить пользу людям» тем выше, чем выше должность опрошенных (табл. 1).

Таким образом, доминирующими личностными ценностями у государственных служащих являются семья и служение обществу, что соответствуют положительному образу госслужащего. Среди ценностей в профессиональной сфере наблюдается закономерность, что для обеспечивающих специалистов и специалистов важны стабильность заработка, условия труда и продвижение по службе, тогда как для руководителей важным становится участие в управлении.

С другой стороны, присутствует противоречие: главными для государственных служащих являются сферы профессии и образования, но ведущими ценностями в этой сфере выступают ценности не содержания и качества деятельности (например, сложность выполняемых задач, ориентация на результат и пр.), а ценности социальных благ, получаемых в результате этой деятельности (стабильность места работы и материальный доход). Получается, что для госслужащих важно не то, что и как я буду делать, а то, что (какие блага) я получу «на выходе».

Особенности в ценностной сфере отражаются на отношении государственных служащих к профессиональному развитию и карьере. Результаты его изучения показывают, что государственные гражданские

служащие считают проблему профессионального развития актуальной, потому что «происходит постоянное реформирование государственной гражданской службы» (64%) и «существует потребность органов государственной власти в профессионально подготовленных кадрах» (63%).

Под «профессиональным развитием» большинство государственных гражданских служащих понимают повышение качества и результативности деятельности (81%) и накопление опыта в области государственного управления (56%). В меньшей степени государственные гражданские служащие соотносят профессиональное развитие с повышением статуса (15%) и прохождением оценочных процедур (14%).

Самыми важными аспектами профессиональной деятельности государственные гражданские служащие называют стабильность места работы (79%) и достойную заработную плату (55%). А такие аспекты как самореализация (49%) и продвижение по службе (44%) госслужащие считают менее важными (в отличие от студентов). В то же время успешная карьера практически не ассоциируется с высокой должностью (только четверть ответов) и особенно — приобретением властных полномочий (рис. 6).

Таким образом, служащие считают свою работу в первую очередь местом, где они в полной мере получают социальные гарантии, и только после этого — местом для профессионального роста и развития.

Таблица 1. Значимость жизненных ценностей в зависимости от должностных групп (в % от числа опрошенных)

Группы ценностей	Жизненные ценности	Категории должностей			
		Руководители	Специалисты		Обеспечивающие специалисты
			Главная группа	Ведущая группа	
Личностные ценности	Дети	100	38	55	71
	Желание приносить пользу людям	100	63	60	57
	Хорошая семья	67	63	35	86
	Здоровье	33	50	70	71
	Высокое материальное положение	33	50	30	86
	Свобода и независимость	33	63	25	43
	Друзья	—	38	45	71
	Личная безопасность	—	38	10	43
	Почет и уважение	—	25	15	71
	Содержательный досуг	—	13	10	29
Ценности в профессиональной сфере	Интересная работа	100	100	90	100
	Участие в управлении	67	38	30	14
	Возможность общения с людьми своего круга	33	—	40	57
	Стабильность заработка, соц. защищенность	33	75	95	86
	Комфортные условия труда	33	50	66	71
	Возможность продвижения по службе	33	63	70	100
	Наличие социальных связей, помогающих в решении проблем	—	13	15	14
	Престижность работы	—	25	20	29
	Приближенность к власти	—	—	—	—

Государственные гражданские служащие главной целью профессионального развития называют совершенствование своих профессиональных знаний для занятия более высокой должности (69%). Такие данные позволяют сделать вывод, что профессиональное развитие воспринимается государственными служащими как сопутствующий работе процесс, а не как целенаправленная деятельность. Это может привести к отсутствию четкой стратегии в достижении профессиональных целей. Об этом же свидетельствует отсутствие в большинстве случаев планов профессионального развития. Индивидуальные планы профессионального развития, утвержденные руководителем, имеет лишь половина государственных гражданских служащих (53%). Другая половина (47%) утвержденных планов не имеет, хотя признают, что свое развитие планируют.

Основными мотивами профессионального развития у государственных служащих являются стремление «быть уверенным в качестве принимаемых решений» (73%), «к более полному применению своих знаний и умений на практике» (63%), «к получению внутреннего удовлетворения от профессиональных успехов» (61%), «к достижению вершин в профессиональной карьере» (59%). Подобные ответы свидетельствуют о наличии внутренней потребности к профессиональному развитию, а не стремлении получить какие-либо внешние блага (одобрение руководителя, социальную защищенность, повышение заработной платы и пр.). Правда, при условии, что они являются искренними, а не социально одобряемыми, на что наводит противоречие с выявленными ранее важнейшими аспектами профессиональной деятельности.

В качестве факторов, значимо влияющих на карьерный рост, респонденты отметили «совершенное владение предметом деятельности и ситуацией»

и «постоянное повышение квалификации». Около 70 % респондентов заявили, что существенно влияют на карьерный рост социально-демографические (пол, возраст, здоровье) и профессиональные факторы (повышение квалификации, опыт, стаж работы), а также удачное стечение обстоятельств и наличие полезных связей. «Профессиональная компетентность» и «развитые личные качества» как важные факторы отмечены только половиной респондентов. Среди факторов, практически не влияющих на карьеру, более половины служащих назвали идеологию и поддержку со стороны. Таким образом, на первый план выходит личностный аспект, в то время как профессиональные качества, знания и навыки оказываются менее значимыми.

Лишь треть опрошенных считают, что профессиональное развитие непосредственно связано с профессиональным обучением. Однако большинство госслужащих одной из главных форм профессионального развития считают обучение на курсах повышения квалификации (47%) и прохождение переподготовки (36%). В меньшей степени госслужащие считают, что повлиять на их профессиональное развитие может ротация, стажировка, перенимание опыта коллег, участие в проектных группах, участие в конкурсах (в кадровый резерв, на замещение вакантной должности).

Таким образом, у государственных служащих нет четкости представлений относительно профессионального развития как деятельности целенаправленной, организованной, спланированной, хотя стремление к профессиональному росту (карьерному продвижению) присутствует у большинства опрошенных.

Выявленные в исследовании противоречия в системе ценностей, мотивов свидетельствуют о необходимости выстраивать систему управления профессиональным развитием государственных гражданских служащих с учетом данных особенностей.

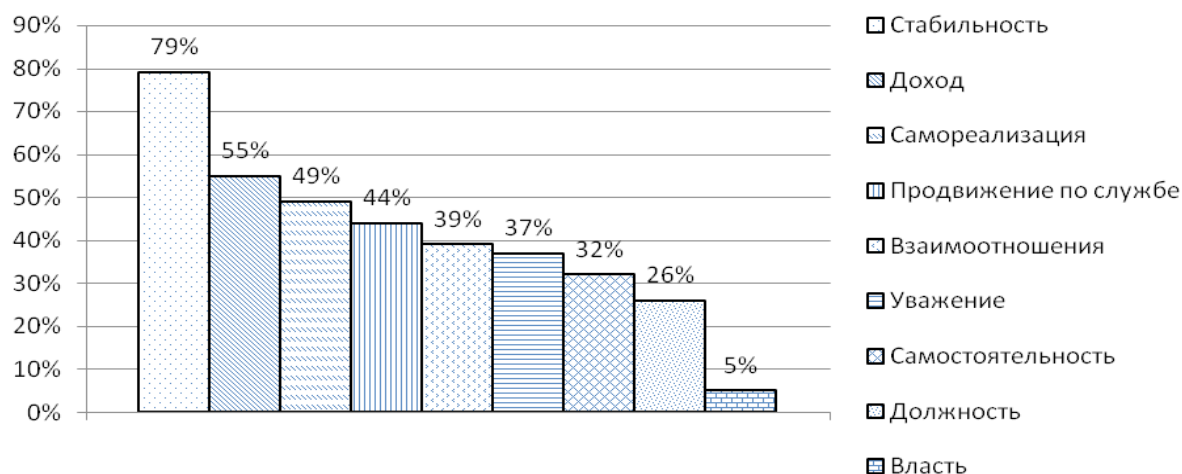

Рис. 6. Значимость аспектов профессиональной деятельности

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

И.П. Бушуева, Н.Н. Богдан

Литература:

1. Богдан Н.Н. Ключевые компетенции государственного служащего: проблема определения и формирования // Международный диалог «Актуальное управленческое образование как ответ современным вызовам»: материалы встречи ректоров академий и институтов государственного управления и государственной службы стран ЕврАзЭС Мн.: Акад. упр. при През.Респ. Беларусь, 2010. 163 с.
2. Бушуева И.П. Профессиональное развитие государственных гражданских служащих: проблемы теории и практики // Образование в третьем тысячелетии: материалы к Седьмой Международной научно-теоретической конференции. Ч. 1/под ред. В.И. Степанова. Барнаул: Изд.Алт. ун., 2013. С. 41-42.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2006. 240 с.
4. Исаев З.Э. Социальные аспекты профессионального развития кадров государственной гражданской службы: автореф. дис. канд.социол. наук: защищена: утв./ З. Э. Исаев. М., 2004. 24 с.
5. Торопин А.Я. Правовое обеспечение профессионализма государственного служащего в субъектах Российской Федерации. Краснодар: «Экоинвест», 2001. 150 с.

References:

1. Bogdan N.N. Key competences of a civil servant: a problem of determination and development // International dialogue "Actual managerial education as an answer to modern challenges: materials of the meetings of the rectors' of academies and institutes of public administration of the EEC countries (Minsk, March 29-30, 2010). Mn.: Academy of public administration of the President of the Republic of Belarus, 2010. 163 p.
2. Bushuyeva I.P. Professional development of civil servants: theoretical and practical issues // Education and science in the 3d millennium: materials of The 7th international scientific-theoretical conference. P.1 / edited by V.I. Stepanov. Barnaul: Published by Altai university, 2013. P. 41-42.
3. Zeyer E.F. Psychology of professional development. M.: Akademiya, 2006. 240 p.
4. Isayev Z.E. Social aspects of professional development of civil servants: abstract of the candidate's thesis: defended: approved/ Z.E. Isayev. M., 2004. 24 c.
5. Toropin A.Ya. Legal groundwork for professionalism of a civil servant in the RF subjects. Krasnodar: "Ekoinvest", 2001. 150 p.

ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Камалова Г.Р.

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (Россия), 450077, Россия, г.Уфа, ул.Достоевского, д.49/1, к.22, guldar@mail.ru

УДК 342.5
ББК 66.3(2Рос),123

В статье рассматривается мировой и российский опыт реализации проекта открытых данных органов государственной власти на материале анализа количественных и качественных социологических исследований. Анализируются имеющиеся проблемы и трудности в реализации данной программы, пути совершенствования и возможности применения имеющегося опыта в российском сегменте, в том числе применение гражданских инициатив.

Ключевые слова: открытые данные, веб-ресурсы, государственное управление, открытое правительство.

Kamalova G.R.

OPEN SOURCE DATA OF STATE GOVERNMENT BODIES: THE RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

In the article the author considers the world and Russian experience in the sphere of realization of an open source data project of the state government bodies using the analysis of qualitative and quantitative sociological research. The author analyses the existing problems and difficulties in realization of the program, ways of improvement and possibilities of using the experience of the Russian segment including application of civil initiatives.

Key words: open source data, web-resources, public administration, public government.

На сегодняшний день информационная деятельность органов государственной власти РФ направлена на решение задач информационной открытости органов власти, информирования граждан о своей деятельности, о результатах работы, оказание государственных услуг гражданам, организациям и бизнесу. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет перейти в поле эффективных коммуникационных взаимоотношений, которые предоставляют гражданам в более краткие сроки получить необходимую государственную услугу или информацию. Применение информационно-коммуникационных технологий позволило создать новый уровень отношений в коммуникативном обмене — были созданы новые проекты «Электронное Правительство/Электронное государство», «Электронная демократия», «Открытое правительство/Открытое государство/Открытое государственное управление» и др.

В разных странах мира имеется различный опыт по предоставлению открытых данных по широкому кругу вопросов (образование, медицина, экономика, безопасность и т.д.). Как известно, в сентябре 2011 года был запущен международный проект — Открытое правительство/Open government (<http://www.opengovpartnership.org>), направленный на достижение открытости, прозрачности и подотчетности в государ-

ственном управлении, борьбу с коррупцией, а также с целью вовлечения гражданского общества в процесс обсуждения и принятия важных решений.

Россия не является участником Партнерства «Открытое Правительство»/ OGP, но сотрудничает с организацией в рамках решений «Большой восьмерки». Так, в июне 2013 г. на саммите «Большой восьмерки» в Лох-Эрне была принята Хартия открытых данных. Страны G8 обязались до конца 2015 года опубликовать самые востребованные государственные данные в машиночитаемом формате. А тема открытых данных на форуме партнерства стала одной из пяти ключевых. Одними из лидеров стран G8 по работе с открытыми данными являются Великобритания и США. Как отмечает министр РФ Михаил Абызов, курирующий данный проект в РФ, для России практики этих стран «крайне полезны, и их можно заимствовать» [1].

В США было проведено исследование по вопросу изучения открытых государственных информационных данных в период с августа по октябрь 2010 г. исследовательской компанией Socrata. В исследовательское поле были включены государственные служащие (300 респондентов), граждане (репрезентативная выборка составила 1000 респондентов в возрасте от 18 до 55 и старше лет). Как показали данные, 67,9 % граждан и 91 % госслужащих полагают, что государственные

данные должны быть доступны и предоставляться бесплатно. 92,6 % работников госорганов и 67,5 % граждан считает, что открытые государственные данные должны быть представлены в он-лайн виде, при этом представители обеих групп поддерживают возможность получения данных по широкому кругу вопросов, но по-разному ранжировали их приоритетность [2, с.6-7].

Так, респондентам было предложено ранжировать наиболее востребованные категории, по которым необходимо предоставление открытых и публичных данных. Так, по мнению граждан, среди таковых были названы — общественная безопасность (н., данные по криминальной обстановке, данные по качеству продуктов) (57%), финансы (н., государственные расходы) (53%), доходы и расходы (52,7 %), образование (н., школьные тесты) (52%), государственные услуги (51%), законодательный уровень (н., данные по голосованию на выборах) (48%), энергоносители и расходы (в т.ч. цены на воду, газ, электричество) (44%), окружающая среда (в т.ч. качество воды и атмосферы) (42%), собственность (н., имущественные налоги) (42%). Среди респондентов — работников государственных органов, первую позицию заняла категория государственные услуги (87%), затем следуют — окружающая среда (82%), общественная безопасность (81%), законодательный уровень (80%), управляющий орган (н., раскрытие данных об управляющей компании) (80%), финансы (75%), собственность (70%), образование (69%), транспорт (67%) и др. [2, с. 13]. При этом, нужно отметить, что 38 % респондентов заинтересовано в получении открытых данных через он-лайн ресурсы, при этом, представляется любопытным, что пожилые респонденты в большей степени проявили интерес к получению открытых данных (44 % респондентов от 55 и старше и 39 % респондентов в возрасте от 35-54 лет, молодые люди были менее заинтересованы в этом (32%) [2, с.15].

На сегодняшний день во многих странах мира государственные органы власти имеют успешно функционирующие порталы открытых данных, которые востребованы гражданским обществом (США, Великобритания, Южная Корея, Саудовская Аравия, Республика Марокко, Албания, Таиланд, ОАЭ, Гонконг, Швеция, Финляндия, Дания, Северная Ирландия, Испания, Франция, Китай, Норвегия, Австралия, Канада, Бразилия и др.). Были выработаны мировые стандарты, требования и рекомендации по раскрытию данных и их представлению в публичных ресурсах (например, ИПДО-мировой стандарт, который обеспечивает прозрачность доходов от нефте-, газо- и горнодобывающей отраслей промышленности и др.). Ряд стран также принял свои директивы, в которых данные процессы строго регламентированы (например, Циркуляр США по управлению федеральными информационными ресурсами и др.) и четко обозначены основные принципы раскрытия данных, среди которых — доступность, от-

сутствие технологических ограничений, целостность, отсутствие дискриминации лиц и групп, отсутствие дискриминации областей и начинаний и др.

В различных странах мира успешно работают различные проекты по открытым данным. Так, в Австралии функционирует сервис, который предоставляет сравнительный анализ данных по районам (показатели экономического развития, уровень образования, социально-экономические возможности и т.д.) (<http://suburbantrends.com.au>). В Великобритании функционируют проекты, представляющие открытые информационные данные по криминальной статистике с детализацией по районам/улицам города (<http://www.ukcrimestats.com>), информационно-картографический сервис по преступлениям, совершенным по всей территории страны и данные по их раскрытию (<http://police.uk>), ресурс для представления идей и предложений гражданами (<http://data.gov.uk/ideas>) и др. В США работает сайт, в котором представлены данные по формированию и расходованию бюджетных средств с детализацией (например, финансирование отдельных комитетов или привлечение средств отдельными конгрессменами) (<http://opensecrets.org>), а также ресурсы, позволяющие проводить сравнительный анализ публичных заявлений конгрессменов (какие термины используют в речи, как голосуют и др.) (<http://congressspeaks.com>).

Интересен опыт Эстонии, которая за последние годы значительно опередила многие страны старого света по вхождению страны в информационное общество. В Эстонии успешно реализуется программа Электронное правительство. Как отмечает разработчик e-government в Эстонии Линнар Виик, развитие в стране интернет-бюрократии (прежде всего речь идет о таких услугах, как получение электронного паспорта, голосование, виртуальная медицинская карта), начатое еще в 1990-е годы, во многом позволило постепенно и с небольшой информации перейти к освоению и заполнению данного пространства качественным, разнообразным и полноценным контентом. Опыт Эстонии показал, что переход к электронному администрированию позволяет значительно сократить расходы бюджета по этой позиции. Однако данная схема не работает по отношению к старым системам. Как отмечает Линнар Виик, в странах ОЭСР (Великобритания, США, Франция, Испания, Италия, Швеция, Нидерланды и др.), «более трети расходов в сфере электронного правительства идет на поддержание старых систем» [3]. Также нужно отметить, что не все страны, которые входят в проект открытое правительство, полностью готовы перейти на модель информационного общества. Так, как отмечает французская исследовательница Элен Бьянвеню [3], во Франции до сих пор нет электронной подписи, не налажено взаимодействие государственного и частного сектора в рамках реализации проектов электронного правительства.

Необходимо отметить активность и самого общества, которое создает проекты, нацеленные на получение информации и обеспечить открытость данных для широкого круга граждан. Так, в США, государственные проекты по открытости бюджета страны появились значительно позже общественного проекта Fedspending.org, созданного OMB Watch в октябре 2006 года. Проекты открытости государственных данных в Европе создавались Open Knowledge Foundation без участия государственных структур Евросоюза, проект Rewired State («переделанное государство») в котором программисты самостоятельно переделывают в государственные сервисы и создают новые проекты на основе государственных данных, также существует независимо. В России подобные проекты открытости также активно создаются членами гражданского общества, среди таких гражданских инициатив необходимо отметить проект Ивана Бегтина [4] «Открытые данные в России» (<http://opengovdata.ru>) и проект в сфере Web-разработок Apps4Russia 2013 (<http://www.apps4russia.ru>), проекты GIS-Lab (Географические информационные системы и Дистанционное зондирование Земли, <http://gis-lab.info>), вики-сайты [5] гражданских проектов и гражданского контроля, а также отдельные инициативы в виде мобильных приложений. Такие проекты создают среду, в которой может существовать Открытое государство. Гражданские проекты вносят большую лепту в создание баз Открытых данных, что лишний раз подтверждает мысль о том, что свобода доступа к информации может быть реализована по-разному и информация может иметь множество форм [4].

В России процесс публикации открытых данных сопровождается Совет по открытым данным. В октябре 2013 г. утвержден национальный план по выполнению Хартии до конца 2015 года [6].

Как показывает анализ ситуации, у России есть хороший интеллектуальный потенциал, активное гражданское общество и поддержка государственной власти в деле построения успешно функционирующей системы открытого государственного управления, что в целом позволит успешно реализовать программы по открытости и доступности информации для граждан страны.

Литература:

1. Абызов считает, что РФ вступит в OGP, если та учтет ее предложения // РИА Новости. 20.05.2013 [электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20130520/938213270.html> (дата обращения 19.11.2013).
2. 2010 Open Government Data Benchmark Study. January, 2011 [электронный ресурс]. URL: <http://www.socrata.com/wp-content/uploads/2011/01/Socrata-Open-Gov-Data-Benchmark-Study-Report-V1.4.pdf> (дата обращения 01.11.2013).
3. Bienvenu H. E-administration: ce que la France

peut apprendre de l'Estonie // Slate.fr, 07.11.2013 [электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/78990/estonie-administration-numerique-linnar-viik> (дата обращения 07.11.2013).

4. Бегтин И. Открытое государство. История и новый смысл // Полит.ру, 28.06.2012 [электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2012/06/28/open_gov/ (дата обращения 13.11.2013).
5. Вики от англ. wiki — веб-сайт, структуру и контент которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом. Форматирование текста и вставка различных объектов в текст производится с использованием вики-разметки. На базе этой технологии построена Википедия и другие проекты Фонда Викимедиа [электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. (дата обращения 13.11.2013).
6. Россия будет заимствовать лучшие практики G8 в области открытых данных. 01.11.2013 [электронный ресурс]. URL: <http://большоеправительство.рф/events/5509135/> (дата обращения 17.11.2013).

References:

Abyzov considers that the RF will join OGP if the last accepts its proposals // RIANovosti. 20.05.2013 [e-resource]. URL: <http://ria.ru/world/20130520/938213270.html> (date of reference 19.11.2013).

2010 Open Government Data Benchmark Study. January, 2011 [e-resource]. URL: <http://www.socrata.com/wp-content/uploads/2011/01/Socrata-Open-Gov-Data-Benchmark-Study-Report-V1.4.pdf> (date of reference 01.11.2013).

Bienvenu H. E-administration: ce que la France peut apprendre de l'Estonie // Slate.fr, 07.11.2013 [e-resource]. URL: <http://www.slate.fr/story/78990/estonie-administration-numerique-linnar-viik> (date of reference 07.11.2013).

Begtin I. Open state. History and new sense // Polit.ru. 28.06.2012 [e-resource]. URL: http://polit.ru/article/2012/06/28/open_gov/ (date of reference 13.11.2013).

Wiki is a web-site which structure and content users can change independently with the help of instruments provided by the site itself. Text formatting and inserting of various objects into the text is made with the help of wiki-marking. On the basis of that technology Wikipedia and other projects of Wikimedia Foundation are built. [e-resource]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (date of reference 13.11.2013).

Russia will borrow the best experience G8 in the sphere of open data. 01.11.2013 [e-resource]. URL: <http://большоеправительство.рф/events/5509135/> (date of reference 17.11.2013).

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ДИАГНОСТИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Кумейко Д.С.

ассистент кафедры социальных технологий, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Россия), 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, wisewater@mail.ru

УДК 316.334.3:321

ББК 60.561.322

В статье излагаются результаты авторского социологического исследования состояния информационно-коммуникативной компетентности государственных гражданских служащих Белгородской области, также сделана попытка обоснования применения социальных технологий к ее развитию.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, информационно-коммуникативная компетентность, государственный служащий.

Kumeiko D.S.

INFORMATIVE-COMMUNICATIVE COMPETENCE OF CIVIL SERVANTS: DIAGNOSTICS OF THE MAIN INDICES

The article presents the results of author's sociological research of a condition of informational and communicative competence of the civil servants of the Belgorod region, also attempted to justify the use of social technologies to its development.

Key words: competence, informational and communicative competence, civil servant.

Основу любых процессов, осуществляемых человеком на производстве, составляет деятельность. А деятельность, особенно профессиональная, немыслима без проявления компетентности. Профессиональная компетентность предполагает не только сформированные умения, но и постоянное обновление знаний, а также мобильность и готовность применить эти знания в конкретных ситуациях для того, чтобы успешно функционировать в обществе. Ученые выделяют достаточно большое количество видов профессиональной компетентности, однако нам представляется важным, в условиях информатизации государственного управления и внедрения новых информационных технологий в государственную службу, рассмотреть подробно особый вид профессиональной компетентности — информационно-коммуникативную. Это достаточно новый вид и рассматривался он преимущественно в педагогических, психологических и культурологических работах. По нашему определению, информационно-коммуникативная компетентность государственных служащих представляет собой способность специалиста аргументировано осуществлять выбор и применять в работе с информацией профессиональные знания, умения и навыки, обеспечивающую при этом эффективное обще-

ние, в том числе с применением средств виртуальной коммуникации, и использование информационно-коммуникативных технологий в служебной деятельности.

Таким образом, информационно-коммуникативная компетентность в информационном обществе является одной из ключевых компетентностей государственного служащего и проявляется в профессиональной деятельности при решении задач с помощью информационных и коммуникационных технологий.

Информационно-коммуникативная компетентность, как и любой другой вид профессиональной компетентности, имеет свою структуру. Нам структура информационно-коммуникативной компетентности государственных служащих представляется в виде трех взаимосвязанных компонентов:

- содержательно-процессуальный компонент. В него входят когнитивный компонент (технические знания, знания технологий работы, компьютерная грамотность, осведомленность, знание коммуникативных стратегий и тактик) и деятельностный (умения и навыки работы с информацией, ее представления и передачи, умение решать возникающие задачи с использованием программного обеспечения, навыки межличностного профессионального и виртуального

общения, развитие коммуникативных умений, полученных на основе когнитивного компонента);

- мотивационно-личностный компонент. Он характеризует степень мотивационных побуждений, готовность и способность к использованию информационных технологий в своей деятельности, отношение государственного служащего к новым информационным технологиям, ценностные ориентации.

- рефлексивный компонент. Он заключается в осознании собственного уровня компетентности и проектирование его повышения, самооценке, самоорганизации и саморегуляции государственного служащего, самоуправления собственным поведением, деятельностью рефлексии, а также в расширении самосознания, самореализации на государственной службе.

Информационно-коммуникативная компетентность государственных служащих не статична, она социодинамична. «Важно осознать, что наряду со статическим, профессиональная компетентность нуждается в динамическом измерении, которое способно определить не только ее изменяющиеся характеристики, формы и уровни проявления, но и ее сущность» [1, с. 31-32]. Именно поэтому необходимо обратить внимание на развитие компетентности.

Общий критерий развития информационно-коммуникативной компетентности государственных служащих можно выразить в следующих показателях:

- система информационных и коммуникативных знаний, умений и навыков в необходимом объеме, ее постоянное обновление, эффективное использование информационно-коммуникативных технологий и налаженная коммуникация;

- наличие мотивации к применению в профессиональной деятельности информационно-коммуникативных технологий;

- личностная и деятельностная рефлексивность.

В целях диагностики состояния информационно-коммуникативной компетентности государственных служащих, условий и факторов, влияющих на это состояние, нами было проведено социологическое исследование методами экспертного опроса и анкетирования государственных служащих. Экспертами (N=25) в социологическом исследовании выступили две категории специалистов: ученые — доктора и кандидаты наук, руководители государственных органов, органов исполнительной власти, органов муниципального управления.

Анкетирование проводилось среди государственных служащих органов исполнительной власти Белгородской области. Всего было опрошено 300 сотрудников: 103 мужчины (35%) и 197 женщин (65%). Анкетирование государственных служащих предполагало оценку регулярности использования

государственными служащими современных информационных технологий в процессе работы, а так же степени владения ими; выявление уровня информационно-коммуникативной компетентности; определение условий и факторов развития информационно-коммуникативной компетентности государственных служащих; оценку удовлетворенности государственных служащих основными параметрами компетентности, мотивации.

По мнению экспертов наиболее серьезными проблемами развития информационно-коммуникативной компетентности являются: отсутствие мотивации, низкая информационно-коммуникативная компетенция, недостаточная профессиональная подготовка государственных служащих и недостаточное теоретическое и методическое сопровождение процесса становления и развития информационно-коммуникативной компетентности. На наличии этих проблем сказываются в основном внутренние условия, причем связанные, в большей степени, со спецификой профессиональной деятельности, а в меньшей — с личностными особенностями работников. На повышение уровня компетентности в основном влияют внешние условия и объективные факторы. На основании результатов экспертного опроса формируется вывод о том, что для деятельности с большой ответственностью существует несоответствие уровня заработной платы затраченным усилиям.

В ходе исследования оценивались следующие блоки показателей: содержательно-процессуальный, мотивационно-личностный и рефлексивный.

Исследование индикаторов содержательно-процессуального блока показало, что государственных служащих условно можно разделить на две категории: половина имеет стаж государственной службы до 5 лет, а вторая половина — свыше 5 лет. В вопросе о стаже государственной службы, респонденты разделились примерно пополам относительно отметки в пять лет, а в вопросе об опыте работы с компьютером отметкой выступает срок в десять лет. Из этих данных следует, что на государственную службу приходят уже опытные компьютерные пользователи.

Государственные служащие хорошо владеют стандартным пакетом программ, однако сталкиваются с трудностями при работе со средствами создания презентаций и при использовании систем быстрого обмена сообщениями. Последнее является средством виртуальной коммуникации и трудности мы можем наблюдать у возрастной категории государственных служащих старше 50 лет. На стандартные операции служащими затрачиваются разные усилия, так как менее половины выполняют работу автоматически, остальные либо задумываются, либо сосредоточенно выполняют действия.

То, что 80-90 % опрошенных, применяющих умения и навыки при работе с компьютером, имеют опыт работы с ним свыше 5 лет, вполне предсказуемо. Примечательно то, что государственные служащие, руководствующиеся знаниями, так же в большинстве своем (свыше 70%) имеют опыт работы за компьютером свыше 5 лет. Это косвенно говорит о том, что данная категория государственных служащих редко работают за компьютером.

Наиболее развита на государственной службе внутренняя коммуникация, как горизонтальная, так и вертикальная. Государственным служащим довольно часто в своей служебной деятельности приходится осуществлять коммуникативные акты. Чаще всего общение происходит с коллегами и руководством, но и большое число государственных служащих общается с гражданами в процессе предоставления государственных услуг.

Однако коммуникация не всегда является эффективной. Это подтверждает тот факт, что треть респондентов указала, что им часто приходится осуществлять поиск дополнительной информации, не поступившей от контрагентов, и также треть указала, что им приходится часто осуществлять дополнительную интерпретацию, уточнение, расшифровку получаемой информации.

Диагностика мотивационно-личностного блока выявила противоречие в развитии информацион-

но-коммуникативной компетентности. По мнению государственных служащих, в первую очередь к повышению уровня владения информационными технологиями их может мотивировать повышение качества собственной работы — 61,00 %, а потом уже повышение заработной платы — 52,33 % (респондентам предлагалось выбрать не более 3 вариантов ответа).

Эксперты же отметили обратную зависимость. В первую очередь, по их мнению, стимулировать государственных служащих может повышение заработной платы (72%), а уже потом возможность самосовершенствоваться (48%) и страх потерять должность (44%), в меньшей мере это могут быть желание быть компетентнее других сотрудников (по 20%) и похвала от руководства (12%). Мы считаем наиболее соответствующей реальности точку зрения экспертов и объясняем такой феномен желанием государственных служащих сформировать положительное мнение о своей профессиональной группе. У государственных служащих велика «внешняя мотивация», то есть ориентированность на материальные ценности, административные факторы. Но, при этом, не менее важна и «внутренняя мотивация», желание самосовершенствоваться, повышать качество работы. При этом государственные служащие выделяли такие стимулы как: новое программное обеспечение; семинары, курсы, тренинги. Отметим тот факт, что на мотивацию сотрудников практически не влияет опыт работы с компьютером.

Таблица 1. Варианты работы респондентов с компьютерными программами

Варианты ответов	Количество %
Задумываетесь о том, что и в какой последовательности необходимо сделать	12.08%
Сосредоточенно и уверенно выполняете необходимые действия	41.95%
Ваши действия доведены до автоматизма	41.28%
Затрудняюсь ответить	4.70%

Таблица 2. Удовлетворенность государственных служащих различными аспектами информационно-коммуникативной компетентности, в %

	Полностью удовлетво- рены	В основном удовлетво- рены	В основном не удовлетво- рены	Полностью не удовлетво- ворены	Затрудня- юсь отве- тить
Условиями работы	39,67	53,67	3,67	1,33	1,67
Компьютерной оснащен- ностью рабочего места	39,0	46,0	11,67	2,67	0,67
Коммуникацией	40,0	50,67	5,33	1,67	2,33
Своим профессиональным развитием	31,54	58,72	6,38	1,01	2,35
Своим уровнем знаний, уме- ний и навыков	27,76	64,88	5,02	0,33	2,01
Своим уровнем подготовки в сфере ИТ	25,42	64,55	6,02	0,67	3,34
Информационным обеспе- чением профессиональной деятельности	30,0	57,0	9,33	0,33	3,33
Уровнем знаний, умений и навыков Ваших коллег	25,84	62,75	4,70	1,01	5,70

Исследование рефлексивного блока показало, что государственные служащие, в основном, удовлетворены условиями своей профессиональной деятельности.

Однако, как можно видеть, условиями, которые напрямую способствуют развитию информационно-коммуникативной компетентности, служащие наиболее не удовлетворены. То есть необходимо обратить особое внимание на компьютерную оснащенность и информационное обеспечение деятельности государственных служащих.

В рамках этого блока также выделена проблема самооценки государственных служащих: либо она является завышенной (что характерно для молодых специалистов), либо она вообще отсутствует.

Что касается построения карьеры и профессионального развития, то государственным служащим был задан вопрос о необходимости получения ими различных видов образования, а именно: профессиональной переподготовки, повышения квалификации, высшего профессионального образования, стажировки. Респонденты отмечают необходимость стажировок и повышения квалификации, но дальше этого планы многих не распространяются. Только небольшое количество респондентов положительно относятся к идее получения высшего профессионального образования и профессиональной переподготовке. Сегодня государственные служащие не готовы осуществлять большие временные и материальные затраты на получение дополнительного образования. Это обусловлено тем, что служебные обязанности не требуют от государственных служащих дополнительных знаний в смежных областях. При этом в основной массе государственные служащие, уже занимая должность, не мотивированы на получение высшего образования как конкурентного преимущества, в том числе и при поступлении на должность.

В ходе исследования выявлено, что наибольшее влияние на параметры информационно-коммуникативной компетентности государственных гражданских служащих оказывают возраст, стаж работы на государственной службе, опыт работы с компьютером и образование. Однако такой фактор как пол служащего, практически не важен для развития информационно-коммуникативной компетентности.

Основываясь на результатах исследования, нами выделена группа социально-технологических факторов, определяющих развитие информационно-коммуникативной компетентности: ориентация на достижения, стремление проявлять себя, способность к рефлексии, потребность познания нового и расширения сферы деятельности и общения, удовлетворенность условиями работы. Это позволяет нам обосновать применение социальных технологий для развития информационно-коммуникативной компетентности.

Социальная технология является специально организованной областью знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов [2, с.6]. Конкретизируя, выразим мнение, что социальные технологии развития информационно-коммуникативной компетентности представляют собой упорядоченные рационально обоснованные процедуры, направленные на организацию перехода компетентности с существующего на более высокий уровень. Однако применение социальных технологий требует разработки алгоритма развития информационно-коммуникативной компетентности, представляющего собой последовательность операций, приводящих исходные данные к искомому результату. В нашем случае необходима дальнейшая разработка совокупности конкретных мероприятий для реализации проектируемого уровня информационно-коммуникативной компетентности государственных гражданских служащих.

Литература:

1. Марченко И.П. Особенности процесса трансформации кадрового потенциала государственной (муниципальной) службы в России рубежа XX-XXI веков: дис. ... д-ра социол. наук. Барнаул, 2005. 376 с.
2. Дятченко Л.Я. Социально-технологическая культура менеджера: проблемы исследования и формирования // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста / Под ред. проф. В.П. Бабинцева. Белгород: КОНСТАНТА, 2010. С. 6-13.
3. Беспалов П.В. Акмеологическая концепция развития информационно-технологической компетентности государственных служащих: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 718 с.

References:

1. Marchenko I.P. Features of the transformation of human resources of the state (municipal) service in Russia in the late XX-XXI centuries : dissertation of the doctor of sociological sciences. Barnaul, 2005. 376 p.
2. Dyatchenko L.Ya. Social and technological culture of the manager: research and formation problems. // Formation and development of social and technological culture of the expert. Belgorod, 2010. P. 6-13.
3. Bespalov P.V. Akmeological concept of development of information and technological competence of civil servants: dissertation of the doctor of education. Moscow, 2006. 718 p.

ЭКОЛОГИЯ И ЭФФЕКТИВНОЕ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЕ

РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОТХОДАХ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Островский Н.В.

кандидат технических наук, доцент кафедры промышленной экологии и безопасности,
Вятский государственный университет (Россия), 613044, Россия, г. Кирово-Чепецк,
ул. 60 лет Октября, д. 5/1, к. 76, ecol34@list.ru

УДК 349.6
ББК 67.407.07

В статье проведён анализ на наличие, предусмотренных Законом нормативно-правовых актов, и рассмотрены некоторые вопросы правоприменительной практики. Выявлены отдельные расхождения в ведомственной трактовке установленных законом норм и сделаны предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности по обращению с отходами.

Ключевые слова: правовое регулирование обращения с отходами, управление.

Ostrovskiy N.V.

REALISATION OF THE FEDERAL LAW “ON WASTES OF PRODUCTION AND CONSUMPTION”

The article analyzes the presence of legal acts, are prescribed by law, and some questions of enforcement practice are described. It is revealed some discrepancies in the departmental interpretation of statutory rules and is made proposals to improve the legal regulation of waste management facilities too.

Key words: legal regulation of waste manipulation, management.

В СССР и РСФСР не было специального закона, регулирующего деятельность по обращению с отходами. Для управления ею использовался набор государственных стандартов и санитарных правил. Существовали также нормативы Госснаба СССР для расчёта расходов различных материалов, которые могли быть использованы при учёте образования отходов.

В современной России ФЗ «Об отходах производства и потребления» [1] (далее по тексту Закон) был принят одним из последних в ряду законов, регулирующих природопользование и охрану окружающей среды — лишь в 1998 г. Это, вне всякого сомнения, связано со сложностью управления данной сферой человеческой деятельности, как бытовой, так и производственной.

Вступление в силу Закона позволило упорядочить деятельность, как органов государственного

управления, так и хозяйствующих субъектов, отрегулировать ряд сложных вопросов. Но остались и определённые проблемы. Именно им посвящена данная статья. В ней прежде всего, вопросы, связанные с принятием подзаконных актов, предусмотренных Законом, а также некоторые аспекты правоприменительной практики.

Законодательная реализация

ФЗ «Об отходах производства и потребления» содержит ряд отсылок к подзаконным актам, которые должны быть приняты на уровне Правительства РФ или специально уполномоченного органа, которым в настоящее время является Министерство природных ресурсов и экологии [2].

Ст. 11 Закона устанавливает требования к эксплуатации предприятий, зданий, строений, сооруже-

ний и иных объектов, которые предусматривают, по смыслу, наличие соответствующих правил и инструкций. По большинству позиций соответствующие документы приняты, но есть и определённые пробелы.

Индивидуальные предприниматели и юридические лица при эксплуатации предприятий, зданий, строений, сооружений и иных объектов, связанной с обращением с отходами, обязаны соблюдать экологические, санитарные и иные требования, установленные законодательством РФ в области охраны окружающей природной среды и здоровья человека. Но собственно «экологических» требований технического характера по обращению с отходами в настоящее время не существует. Существуют санитарные правила «Гигиенические требования к размещению и обезвреживанию отходов производства и потребления» (СанПиН 2.1.7.1322-03).

Одним из принципов осуществления государственного контроля и надзора является разграничение полномочий [3, ст. 3, ч. 10]. Это означает, что контролировать соблюдение СанПиН 2.1.7.1322-03 может лишь Роспотребнадзор, а Росприроднадзор — нет. Росприроднадзор может контролировать соблюдение норм и правил, установленных Минприроды РФ и его предшественниками, которые касаются организации деятельности по обращению с отходами, но не касаются чисто технических вопросов, от решения которых, в конечном итоге, зависит эффективность защиты окружающей среды от отходов.

Это относится, в частности, к накоплению отходов. Под «накоплением отходов» понимается (ст. 1 Закона) «временное складирование отходов (на срок не более чем шесть месяцев) в местах (на площадках), обустроенных в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды и законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в целях их дальнейшего использования, обезвреживания, размещения, транспортирования». Действующий порядок утверждения лимитов на размещение отходов [4] не предусматривает лимиты для объектов накопления. Это не означает, что количество накапливаемых отходов может быть произвольным. Накопление допустимо в пределах ёмкости площадок, обустроенных в соответствии с требованиями законодательства. Но сами требования отсутствуют, что делает невозможным контроль за накоплением отходов со стороны Росприроднадзора.

Другим, не урегулированным в достаточной степени вопросом, является обязанность «проводить мониторинг состояния окружающей природной среды на территориях объектов размещения отходов». Опять таки, положение о порядке подобного мониторинга отсутствует, что осложняет составление Порядка осу-

ществления производственного контроля в области обращения с отходами, который согласно ст. 26 Закона должен быть согласован с органами исполнительной власти в области обращения с отходами.

Ст. 14 Закона содержит специальные требования к обращению с опасными отходами. Дело в том, что на момент принятия Закона по действующим тогда санитарным правилам отходы делились на опасные и неопасные. В настоящее время все отходы рассматриваются как опасные, но действие данной статьи ограничено отходами с I по IV класс опасности.

Согласно ст. 4.1 Закона отходы в зависимости от степени негативного воздействия на окружающую среду подразделяются в соответствии с критериями, установленными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное регулирование в области охраны окружающей среды, на пять классов опасности:

- I класс — чрезвычайно опасные отходы;
- II класс — высокоопасные отходы;
- III класс — умеренно опасные отходы;
- IV класс — малоопасные отходы;
- V класс — практически неопасные отходы.

Отнесение отходов к классу опасности для окружающей среды проводится на основании критериев, утверждённых МПР [5]. Приказ об утверждении критериев не зарегистрирован Минюстом и, следовательно, критерии носят методический характер. Юридический статус класс опасности отхода приобретает после регистрации вида отхода в Федеральном классификационном каталоге [6].

Кроме того, существуют Санитарные правила по определению класса опасности токсичных отходов производства и потребления СП 2.1.7.1386-03, зарегистрированные в Минюсте, т.е. имеющие статус нормативно-правового акта. Согласно данным правилам отходы по степени воздействия на человека и **окружающую среду** распределяются на четыре класса опасности. Сопоставлению этих систем классификации посвящена достаточно подробная статья [7], в которой отмечено, что обе системы базируются на общих подходах. Поэтому целесообразным является создание унифицированной методики по определению классов опасности токсичных отходов и создание методики по классификации отходов, обладающих пожаро- и взрывоопасными свойствами.

Нам представляется, что по вопросам, носящим межведомственный характер, целесообразно принятие нормативно-правовых актов на уровне Правительства РФ, с тем, чтобы исключить ведомственную разобщённость.

Ст. 16 Закона содержит требования к транспортированию отходов I - IV класса опасности и предусматривает, что порядок транспортирования отходов

I - IV класса опасности на транспортных средствах, требования к погрузочно-разгрузочным работам, упаковке, маркировке отходов I - IV класса опасности и требования к обеспечению экологической и пожарной безопасности определяются требованиями, правилами и нормативами, разработанными и утвержденными федеральными органами исполнительной власти в области обращения с отходами в соответствии со своей компетенцией.

Необходимый порядок до сих пор так и не разработан. Актуальность проблемы в настоящее время существенно понизилась в связи с исключением транспортирования отходов из лицензируемых видов деятельности. По существу вопросы безопасности регулируются «Правилами перевозки опасных грузов» и «Гигиеническими требованиями к размещению и обезвреживанию отходов производства и потребления». Тем не менее, раз порядок транспортирования отходов предусмотрен Законом, он должен быть разработан и утвержден.

Трансграничное перемещение отходов в целом регулируется ратифицированной Россией в 1994 г. Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой отходов и их удалением [8]. Ст. 17 Закона содержит норму о том, что «ввоз отходов на территорию РФ в целях их использования осуществляется на основании разрешения, выданного в установленном порядке». В действующих Правилах трансграничного перемещения отходов [9] содержится упоминание о лицензии, выдаваемой Министерством промышленности и торговли. Такое лицензирование в настоящее время не осуществляется, поэтому данную ссылку целесообразно исключить. Трансграничное перемещение особо опасных отходов, приведенных в приложениях к Правилам, осуществляется на основании разрешения, выдаваемого специально уполномоченным органом (в настоящее время — Росприроднадзор [10, п. 5.3.16]). Порядок выдачи разрешений для перемещения прочих отходов на федеральном уровне не отрегулирован.

Ст. 19 Закона устанавливает, что индивидуальные предприниматели и юридические лица, осуществляющие деятельность в области обращения с отходами, обязаны вести в установленном порядке учет образовавшихся, использованных, обезвреженных, переданных другим лицам или полученных от других лиц, а также размещенных отходов. Порядок учета в области обращения с отходами устанавливают федеральные органы исполнительной власти в области обращения с отходами в соответствии со своей компетенцией; порядок статистического учета в области обращения с отходами — федеральный орган исполнительной власти в области статистического учета.

Порядок предоставления статистической отчетности утвержден постановлением Росстата № 17 от

28.11.2011, Порядок ведения учёта в области обращения с отходами — приказом Минприроды № 721 от 01.09.2011.

Порядок ведения учёта отходов предусматривает ежеквартальное заполнение таблиц установленной формы по каждому структурному подразделению хозяйствующего субъекта. Форма таблиц аналогична форме статистического отчёта 2-тп «отходы», что упрощает его заполнение и исключает внутренние противоречия. Но важно подчеркнуть, что формы, установленные Порядком ведения учёта, являются, по сути, сводными. И для их заполнения необходимы данные первичного учёта.

Конечно, деятельность по обращению с отходами весьма разнообразна, как по видам деятельности, так и по видам отходов. Поэтому для обращения с отходами невозможно введение унифицированных форм первичного учёта, как это сделано для выбросов загрязняющих веществ (ЗВ) в атмосферный воздух [11] или для сбросов ЗВ со сточными водами [12]. Однако, представляется необходимым в Порядке ведения учёта отходов отразить принципиальные моменты, указав порядок постановки отходов на учёт, основные способы ведения первичного учёта для различных групп отходов (например, изделия, утратившие свои потребительские свойства, остатки сырья и материалов, отходы обработки материалов, особо опасные отходы и т.п.) и типовые формы журналов первичного учёта. Нужно отметить, что подобные наработки методического характера есть в отдельных субъектах РФ (например, Типовое положение о порядке ведения первичного учёта, сбора, хранения, транспортировки, сдачи и утилизации ртутьсодержащих отходов на территории республики Татарстан [13]).

Правоприменительная практика

Эффективность применения норм права зависит как от того, насколько корректно и точно они сформулированы, так и от того, насколько эти нормы комплиментарны возможностям субъектов и объектов управления.

Рассмотрим полномочия органов местного самоуправления, установленные ст. 8 Закона. К ним относятся: организация сбора и вывоза бытовых отходов и организация утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов.

Прежде всего, возникает вопрос: вывоз куда и для каких целей? Вероятно, раз не указано иное, то на переработку и утилизацию. Между тем, в самом Законе эти термины не определены. В нем (ст. 1) как виды деятельности по обращению с отходами установлены: накопление, использование, обезвреживание, транспортирование и размещение отходов. Под размещением понимается хранение (временное) и захоронение (постоянное).

Конечно, специалисты в состоянии разобраться с тем, что «утилизация» — это синоним слова «использование», а переработка включает в себя сортировку, использование и обезвреживание отходов. Более сложная проблема связана с тем, что в Законе отсутствует субъект, в компетенции которого находится захоронение отходов. Т.е. получается, что вид деятельности предусмотрен, а как эта деятельность должна быть организована — нет. Возможно, законодатели создали данный пробел потому, что считают экологически неоправданным захоронение отходов. Между тем, согласно данным статистики на переработку направляется лишь 10,1 % вывозимого с территории населённых пунктов мусора [14]. Т.е. большая часть его подвергается захоронению. Но, покуда не определён субъект, ответственный за организацию захоронения бытовых отходов и мусора, мы можем в судебном порядке лишь запретить эксплуатацию свалки, но нам не от кого потребовать создания полигона ТБО отвечающего санитарным нормам.

Другая тема — это «организация утилизации и переработки промышленных отходов». Конечно, ФЗ об общих принципах организации местного самоуправления [15] относит к вопросам местного значения муниципального района (ч. 9 ст. 15) «организацию мероприятий межпоселенческого характера по охране окружающей среды» и к вопросам местного значения городского округа (ч. 11 ст. 16) «организацию мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа». Но насколько по силам органам местного самоуправления решение подобных задач, в особенности, если речь идёт о крупных промышленных предприятиях? Можно ли к вопросам местного значения относить «обслуживание» крупных предприятий. На наш взгляд, данная норма Закона требует уточнения.

В том, что касается лицензирования деятельности по обращению с отходами, рассматриваемый Закон содержит отсылку к ФЗ о лицензировании [16], который (п. 30, ч. 1, ст. 12) в настоящее время предусматривает лицензирование деятельности по обезвреживанию и размещению отходов **I-IV классов опасности. Исключение** из лицензируемых видов деятельности «использования отходов» должно способствовать большему распространению этого использования и, следовательно, уменьшению количества отходов, поступающих на захоронение. Но при этом существенно возрастают риски, связанные с ненадлежащим использованием отходов. Объём доклада не позволяет привести данные по известным правонарушениям и преступлениям, связанным с использованием отходов, но среди них есть и вопиющие случаи.

Ст. 18 Закона вводит институт нормирования в сфере обращения с отходами — «нормативы образования и лимиты на размещение». С 2008 г. от обязан-

ности утверждать нормативы образования и получать лимиты на размещение отходов освобождены субъекты малого и среднего предпринимательства. Вместо этого они представляют в уполномоченные органы исполнительной власти отчетность об образовании, использовании, обезвреживании, о размещении отходов в уведомительном порядке [17]. Хотя, навряд ли, это способствует повышению экологической безопасности, с формальной точки зрения здесь всё ясно.

Сложнее ситуация с реализацией Уведомительного порядка осуществления отдельных видов деятельности, предусмотренного ст. 8 закона о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3]. Согласно данной статье «предъявление требований о получении юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями разрешений, заключений и иных документов, выдаваемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, для начала осуществления предпринимательской деятельности в отношении работ и услуг в составе видов деятельности не допускается».

В то же время к видам деятельности, которые можно начинать в уведомительном порядке, относятся и те, что сопряжены с образованием высоко опасных отходов:

- обработка древесины (а это может быть и химическая обработка),
- производство масложировой продукции,
- автотранспортные услуги,
- производство кожи.

Было бы более корректно, если бы уведомительный порядок распространялся лишь на субъекты малого и среднего предпринимательства.

Ст. 20 Закона вводит понятие «Государственного кадастра отходов», который включает в себя федеральный классификационный каталог отходов (ФККО), государственный реестр объектов размещения отходов, а также банк данных об отходах и о технологиях использования и обезвреживания отходов различных видов.

Порядок ведения государственного кадастра отходов утверждён постановлением Правительства РФ № 818 от 26.10.2000. В соответствии с данным Порядком на сегодняшний день существует лишь ФККО, который был утверждён в 2002 г. и с 2003 года не корректировался, что создало для субъектов хозяйственной деятельности существенные проблемы. Дело в том, что ст. 14 Закона требует, чтобы на отходы I-IV классов опасности был составлен паспорт, а паспорт может быть составлен лишь на отход, включённый в ФККО.

С 01.08.2014 постановление Правительства РФ № 818 прекращает своё действие [18] и в силу вступает приказ Минприроды РФ № 792 от 30.09.2011

«Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра отходов». Этот документ предусматривает несколько иную классификацию отходов, а, следовательно, и переиздание ФККО. Будет ли новый каталог отходов утверждён своевременно и не возникнут ли у предпринимателей новые проблемы покажет будущее.

Документа, определявшего порядок ведения государственного реестра объектов размещения отходов, до выхода приказа Минприроды РФ № 792 не было. Тем не менее, реестр ведётся. Первоначально, на основании инвентаризации объектов размещения отходов, проведённой ещё Госкомэкологии РФ в конце 90-ых годов прошлого века, в него были включены все объекты. Затем, Росприроднадзор оставил в реестре, как это и предусмотрено новым Порядком, лишь объекты, соответствующие требованиям, установленным законодательством РФ. А кто должен собирать и систематизировать информацию об объектах, не соответствующих нормативным требованиям, и объектах, выведенных из эксплуатации? Их количество исчисляется десятками тысяч, и они представляют реальную угрозу для экологической безопасности страны. Представляется, что в законодательство должны быть внесены необходимые коррективы для того, чтобы устранить данный пробел.

Банк данных об отходах и о технологиях использования и обезвреживания отходов пока не создан. Создание научно обоснованного банка данных это неформальная задача, которую должны решать специалисты. Но специалисты, во-первых, не хотят бесплатно делиться своими ноу-хау. Во-вторых, если доверить составление такого банка какой-то одной организации, то мы наверняка столкнемся с лоббированием интересов ограниченного числа фирм. На наш взгляд, наиболее реальным является создание двух баз данных [19]:

- о лицензированных организациях, занимающихся переработкой отходов, с указанием видов перерабатываемых отходов и используемых для этого методов;

- об источниках информации, посвященных методам переработки отходов, сгруппированным как по видам отходов, так и по методам их переработки.

Наличие таких баз данных позволит потенциальным потребителям осуществить выбор контрагента для передачи своих отходов или провести анализ для выбора консультанта или разработчика необходимой ему технологии.

В заключение остаётся подчеркнуть, что ФЗ «Об отходах производства и потребления» не исчерпал свой потенциал и развитие, заложенных в нём положений, как в сфере законодательного регулирования, так и в сфере правоприменительной практики позволит

улучшить ситуацию с сфере управления обращения с отходами и уменьшить их вредное влияние на окружающую среду.

Литература:

1. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (в ред. от 28.07.2012) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии: Утверждено постановлением Правительства РФ от 29.05.2008 № 404-ПП (в ред. от 07.11.2013) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (в ред. от 26.04.2010) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Порядок разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение: Утверждён приказом Министерства природных ресурсов РФ № 50 от 25.02.2010 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Об утверждении критериев отнесения опасных отходов к классу опасности для окружающей природной среды: Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 15.06.2001 № 511 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Федеральный классификационный каталог отходов: Утверждён приказом Министерства природных ресурсов РФ от 02.12.2002 № 786 (в ред. от 30.07.03) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Островский Н.В. О классификации токсичных отходов. // Экология и промышленность России. 2009. Август. С. 30-33.
8. О ратификации Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением: Федеральный закон от 25.11.1994 № 49-ФЗ [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Правила трансграничного перемещения отходов: Утверждены постановлением Правительства РФ от 17.07.2003 № 442 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Положение о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования: Утверждено постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 400 (в

ред. 24.03.2011) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11. Инструкция по заполнению формы федерального государственного статистического наблюдения 2-тп (воздух) «Сведения об охране атмосферного воздуха»: Утверждена постановлением Федеральной службы государственной статистики от 29.09.2000 № 90 (в ред. от 05.08.2005) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
12. Порядок ведения собственниками водных объектов и водопользователями учёта забора (изъятия) водных ресурсов из водных объектов и объёма сброса сточных и (или) дренажных вод, их качества: Утверждён приказом Министерства природных ресурсов РФ от 08.07.2009 № 205 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Типовое положение о порядке ведения первичного учета, сбора, хранения, транспортировки, сдачи и утилизации ртутьсодержащих отходов на территории республики Татарстан [электронный ресурс] // Интернет-сайт EcoKub. URL: <http://www.ecokub.ru/load/20-1-0-161>. (дата обращения: 22.12.2013).
14. Охрана окружающей среды в России: статистический сборник. М.: Росстат, 2012.
15. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 25.07.2011) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
16. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (в ред. от 28.07.2012) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
17. Порядок представления и контроля отчётности об образовании, использовании, обезвреживании и размещении отходов (за исключением статистической отчётности): Утверждены приказом Министерства природных ресурсов РФ от 16.02.2010 № 30 (в ред. от 09.12.2010) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
18. О порядке проведения паспортизации отходов I-IV классов опасности: Постановление Правительства РФ от 16.08.2013 № 712-ПП [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
19. Островский Н.В. Проблемы управления отходами в контексте улучшения инвестиционного климата в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8 / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2013. Ч. 1. С. 617-619.

References:

1. On wastes of production and consumption: Federal law dated 24.06.1998 № 89-FL (as revised dated 28.07.2012) [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
2. Statute of Ministry of natural resources and ecology: Approved by the statement of the RF Government dated 29.05.2008 № 404-PP (as revised dated 07.11.2013) [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
3. On protection of rights of juridical persons and sole proprietors in realization of state and municipal control: Federal law dated 26.12.2008 № 294-FL (as revised dated 26.04.2010) [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
4. Plan and approval of norms wastes development and limits for their location: Approved by the decree of the RF Ministry of natural resources № 50 dated 25.02.2010 [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
5. On approval of criteria for ranking wastes as dangerous products for environment: Decree of the RF Ministry of natural resources dated 15.06.2001 № 511 [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
6. Federal classification catalogue of wastes: Approved by the RF Ministry of natural resources dated 02.12.2002 № 786 (as revised dated 30.07.03) [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
7. Ostrovskiy N.V. On classification of toxic wastes. // *Ekologiya i promyshlennost Rossii*. 2009. August. P. 30-33
8. On ratification of Basel convention on control of cross-border shipment of dangerous wastes and their liquidation: Federal Law dated 25.11.1994 № 49-FL [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
9. Regulations for cross-border shipment of wastes: Approved by the decree of the RF Government dated 17.07.2003 № 442 [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
10. Statutes on the Federal service for Supervision in the Sphere of Natural Resources Use: Approved by the Decree of the RF Government dated 30.07.2004 № 400 (as revised dated 24.03.2011) [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant Plus".
11. Instruction on filling the form of the federal state statistical observance 2-tp (air) "Information on air protection": Approved by the decree of the Federal service of state statistics dated 29.09.2000 № 90 (as revised dated 05.08.2005) [e-resource]. Access from

- the reference-legal system “Konsultant Plus”.
12. Rules of accounting order of withdrawal of water resources out of water objects and amount of sewage discharge or drainage waters, their quality by the owners of water objects: Approved by the order of the RF Ministry of natural resources dated 08.07.2009 № 205 [e-resource]. Access from the reference-legal system “Konsultant Plus”.
 13. Standard statute on the order of the primary accounting, collection, storing, shipment and utilization of mercurial wastes on the territory of Tatarstan republic [e-resource] // Интернет-сайт EcoKub. URL: <http://www.ecokub.ru/load/20-1-0-161>. (date of reference: 22.12.2013).
 14. Environmental protection in Russia: statistical collection. M.: Rosstat, 2012.
 15. On general principles of an organization of self-government in the RF: Federal Law dated 06.10.2003 № 131-FL (as revised dated 25.07.2011) [e-resource]. Access from the reference-legal system “Konsultant Plus”.
 16. On licensing of certain types of activity: Federal Law dated 04.05.2011 № 99-FL (as revised dated 28.07.2012) [e-resource]. Access from the reference-legal system “Konsultant Plus”.
 17. Order of accounting presentation and control on education, use, deactivation location of waste (except statistical accounting): Approved by the RF Ministry of natural resources dated 16.02.2010 № 30 (as revised dated 09.12.2010) [e-resource]. Access from the reference-legal system “Konsultant Plus”.
 18. On the order of the waste range classification of I-IV classes of danger: Decree of the RF Government dated 16.08.2013 № 712-[e-resource]. Access from the reference-legal system “Konsultant Plus”.
 19. Ostrovskiy N.V. Problems of wastes control within the context of investment climate in Russia improvement // Rossiya: tendentsiyi i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vip. 8 / Editor-in-chief Yu.S. Pivovarov. M.: INION RAN, 2013. P. 1. P. 617-619.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЯ

Двинин Д.Ю.

старший преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования, Челябинский государственный университет (Россия), 454081, Россия, г. Челябинск, ул. Лермонтова, д. 10, к. 21, dvinin1981@mail.ru

УДК 502:351.853
ББК 65.28-21

В статье предложен метод планирования ресурсосбережения в региональной системе экологического менеджмента, позволяющий снизить потребление природных ресурсов в наибольшей степени при ограниченных финансовых ресурсах. Приведена схема изменений в элементах региональной системы экологического менеджмента, возникающих при организации ресурсосбережения.

Ключевые слова: ресурсосбережение, региональная система экологического менеджмента, программа ресурсосбережения.

Dvinin D.Yu.

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL SYSTEM OF ECOLOGICAL MANAGEMENT AS ORGANISING COST-EFFECTIVE USE OF RESOURCES

This paper proposes a method of resource planning at a regional environmental management system that allows you to reduce consumption of natural resources to the greatest degree with limited financial resources. The scheme of the changes in the elements of regional environmental management system resulting in the organization of resource conservation.

Key words: resource conservation, the regional environmental management system, the program resource conservation.

Ресурсоемкость является одним из важнейших параметров, влияющих на достижение устойчивого развития социально-экономической системы. В среднем потребление ресурсов в России на единицу ВВП в 2-3 раза выше, чем в целом ряде развитых стран [1]. Организацию ресурсосбережения, возможно, осуществлять в системах экологического менеджмента, сформированных согласно международному стандарту ISO 14001. Данные системы экологического менеджмента получают все большее распространение на различных предприятиях, как в России, так и в мире. Общая численность сертифицированных организаций, в соответствии с требованиями ISO 14001, на данный момент превышает 200 тыс., из них около 800 расположено в России. Причем наиболее быстрый рост их численности в России приходится на последние несколько лет.

Необходимость учета ресурсосбережения в процессе инвестирования, кредитования, строительства, эксплуатации и ликвидации производств, предопределяет совершенствование систем экологического ме-

неджмента. Важно совмещать экономические интересы организации, с региональной политикой, целями, определенными на более высоком уровне. Наиболее тесное взаимодействие отдельных экономических субъектов, обладающих системой экологического менеджмента, возникает при реализации региональной политики и программ. Отсюда появляется необходимость создания и внедрения систем управления, которые способствуют ресурсосбережению и обеспечивают экологическую безопасность, с учетом целей поставленных на уровне региона и сохранении финансово-экономических целей организации. При взаимодействии систем экологического менеджмента предприятий с региональными органами управления, возникает новая управленческая конструкция — региональная система экологического менеджмента. В ее рамках можно ставить цели в области ресурсосбережения на уровне региона.

1. Экологический менеджмент как инструмент управления ресурсосбережением

Общее правило функционирования любых экономических субъектов — деятельность по снижению собственных издержек. Однако возникают проблемы с внешними издержками, называемыми экстерналиями. Экстерналии, некомпенсируемые воздействия (положительные или отрицательные) одной стороны на другую, возникающие в результате производства и потребления товаров и услуг. В теории наиболее хорошо изучена проблема интернализация отрицательных экстерналий в области охраны окружающей среды. Интернализированные экстерналии становятся внутренними издержками предприятия, и снижают ее прибыль, а зачастую ставят под вопрос и само существование предприятия. В ответ на это, потребовался эффективный инструмент, который сможет снизить данные издержки до приемлемого уровня. Таким инструментом и стал экологический менеджмент, что, однако практически не отражено в специализированной литературе. В качестве первопричин появления систем экологического менеджмента и их распространения, преобладающее внимание уделяется вопросам осознания бизнесом о необходимости учета экологических аспектов в экономической деятельности и экологической культуре. Системы экологического менеджмента в первую очередь начали внедрять организации расположенные в развитых странах, которые оказывали значительное воздействие на окружающую среду и имели претензии, как от общественности, так и государственных органов. Связано это с жестким экологическим законодательством и требованиями в области ресурсосбережения, что в итоге приводило к увеличению издержек. В развивающихся странах экологический менеджмент развивался медленнее, первоначально его внедряли только структуры транснациональных корпораций или организации, имеющие тесные внешнеэкономические связи с развитыми странами, поскольку издержки, вызванные интернализацией экстерналий, относительно развитых стран невелики, из-за меньших экологических и ресурсосберегающих требований.

В российских условиях, при наличии невысоких ставок за загрязнение окружающей среды, снижение экономических издержек, возможно, осуществлять лишь посредством организации планирования ресурсосбережения в региональном экологическом менеджменте с учетом эколого-экономических критериев. Уменьшение потребления природных ресурсов в регионе в итоге приведет и к некоторому оздоровлению экологической ситуации, повышению конкурентоспособности региональной социально-экономической системы. Особое значение ресурсосбережение приобретает связи с планируемой министерством природных ресурсов и экологии России реформы экологического нормирования. Предусматривается введение кадастров наилучших доступных технологий (НДТ). Наилучшие доступные технологии (НДТ) — это технологии, обеспечивающие минимальные

показатели выбросов и сбросов, а также потребления природных ресурсов и энергии, на единицу производимой продукции. Данные показатели станут основой для экологического нормирования. В настоящее время подобная практика экологического нормирования применяется в ряде стран Евросоюза, где создано 27 отраслевых справочников, описывающих 6 тысяч технологических процессов, которые планируется перевести на русский язык и в дальнейшем адаптировать для внедрения в России. Параметры ресурсосбережения фактически становятся жестко нормируемыми государственными органами. Экономическим субъектам и государственным органам управления потребуется инструмент позволяющий ставить цели связанные с ресурсосбережением и реализовывать мероприятия по их достижению. В российских условиях, трансформированная региональная система экологического менеджмента, способна стать таким инструментом ресурсосбережения.

2. Организация планирования ресурсосбережения в системах экологического менеджмента

При осуществлении планирования в рамках системы экологического менеджмента, первоначально идентифицируют экологические аспекты. Экологическим аспектом является любой элемент деятельности продукции или услуг организации, связанный с воздействием на окружающую среду. К организации предъявляются требования по выявлению контролируемых экологических аспектов, предполагается возможность дальнейшего воздействия на них, с целью изменения [10]. Именно посредством экологических аспектов определяют элементы производственной деятельности предприятия, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду. Вся хозяйственная деятельность взаимодействует с окружающей средой посредством них [9]. Каждый процесс, осуществляемый в рамках организации, имеет собственные экологические аспекты. После итогам проведенной работы создают единый реестр экологических аспектов. В него вносятся все ранее идентифицированные аспекты [6].

После составления реестра экологических аспектов, необходимо оценить их значимость. Критерии для нахождения значимых экологических аспектов определяет сама организация, общих правил стандартами не предъявляется [3]. Значимость экологических аспектов обычно выявляют с помощью экспертных оценок. Это приводит к определенным сложностям, критерии в организациях могут существенно различаться, а оценки будут достаточно субъективными. Итогом являются неверные экологические цели и создаваемые для их достижения экологические программы. Они не смогут привести к улучшению состояния

экологической обстановки и эффективному ресурсосбережению. Для решения данной проблемы предлагается использовать новый метод организации планирования в региональной системе экологического менеджмента.

Для оптимизации процесса оценивания экологических аспектов и выделения из их числа тех, которые являются существенными для управления, предлагается осуществлять деятельность согласно методической схеме представленной на рис.1.

Экологические аспекты, связанные с наруше-

нием нормативно-правовых актов, все признаются достаточно значимыми. Если не выявлено нарушение законодательных норм в области окружающей среды, или легко устранимы, персонал организации должен заняться устранением негативного влияния экологических аспектов второй группы [5]. На данном этапе формируют производственный экобаланс опираясь на схему жизненного цикла. Общая схема экобаланса, представлена на рис.2. Последовательно выделяют технологические этапы производства, далее определя-

Рис. 1. Схема выделения значимых экологических аспектов

ют поступающие на них потоки вещества и энергии, а также выходящие потоки, куда включаются выбросы, сбросы и отходы. Их приводят прямо на схеме в количественной форме, что обеспечивает большую наглядность и облегчает процесс проведения дальнейшего анализа.

Во второй группе экологических аспектов необходимо идентифицировать только непосредственно связанные с материальным входом: полуфабрикатами, сырьем, энергией. На данном этапе можно пренебречь выходными потоками, наиболее значимые среди них, учтены в первой группе экологических аспектов. В результате, останется единственный критерий позволяющий выявить значимость экологического аспекта, им станет материальный вход каждого производственного компонента. Получить его можно при умножении потока входного вещества на его материальную интенсивность (МИ-числа) [8].

МИ (Material Input) — числа, являются показателем выражающим общее количество природных ресурсов (в килограммах), необходимых для производства 1 кг основного материала. Использование МИ-чисел в качестве единого критерия ресурсоемкости и ресурсосбережения существенно облегчает процесс планирования и дальнейшего анализа полученных результатов. Данные критерий вычисляется на основе объективных данных связанных с материальным потоком вещества на единицу продукции или услуги, что позволяет уйти от некоторой субъективности при использовании других критериев связанных с экспертной оценкой. Является единственным, интегральным показателем, на основе которого осуществляется сравнение, и возможна объективная оценка ресурсоемкости, материальной интенсивности, региональной социально-экономической системы в целом. МИ-числа, для значительной части элементарных сырьевых материалов, рассчитаны Вуппертальским институтом климата, окружающей среды и энергии (Германия). Они размещены в сети Интернет по адресу www.wupperinst.org. Опираясь на них можно рассчитать МИ-числа более сложных продуктов, для чего необходимо лишь знать их точный материальный состав.

Для постановки целей и задач в рамках программы по охране окружающей среды и ресурсосбережению необходимо изначально определить мероприятия, ведущие к снижению потребления природных ресурсов. При разработке мероприятий обязательно учитываются как технические возможности для их воплощения, так и наличие финансовых ресурсов. Основным критерием для их оценки должно стать конкретное снижение потребления природных ресурсов. Из-за ограниченности финансов, как правило, достичь все запланированные мероприятия будет невозможно. Сотрудникам придется выбрать из перечня мероприятия

некоторые из них. Отобранные мероприятия в итоге должны позволить достичь наибольшего природоохранного и ресурсосберегающего эффекта [4]. Для решения данной проблемы необходимо воспользоваться задачей выбора вариантов целочисленного линейного программирования [2].

Особенность целочисленного линейного программирования, что переменные могут принимать исключительно целые значения, что важно в данном случае, поскольку конкретное мероприятие должно быть отобрано целиком. Таким образом, при выборе природоохранных мероприятий из подготовленного списка, результат сможет принимать лишь два значения, либо 0 (отказ в реализации мероприятия), либо 1 (мероприятие будет реализовываться). В итоге задача целочисленного программирования с булевыми переменными позволит осуществить выбор наиболее значимых природоохранных и ресурсосберегающих мероприятий, с учетом ограниченных финансов организации.

Условием задачи является, что j -му мероприятию должно соответствовать δ_j ($j=1, \dots, n$). При этом:

$$\delta_j = \begin{cases} 1 & \text{если } j \text{ - мероприятие реализуется;} \\ 0 & \text{если } j \text{ - мероприятие не реализуется.} \end{cases}$$

Тогда задача выбора природоохранных мероприятий примет следующий вид:

$$\begin{aligned} \max L &= \sum_{j=1}^n c_j \delta_j, \\ \begin{cases} \sum_{j=1}^n a_{ij} \delta_j \leq b_i & (i=1, \dots, n) \\ \sum_{j=1}^n \delta_j \leq n. \end{cases} \end{aligned}$$

где δ_j — сокращение потребления природных ресурсов (в тоннах) при осуществлении δ_j мероприятия; n — общее число предлагаемых мероприятий; c_j — финансовые ресурсы которые нужно будет затратить при осуществлении δ_j мероприятия; b_i — сумма предложенного бюджета на природоохранную деятельность.

Алгоритм выбора природоохранных мероприятий при ограниченном финансовом бюджете представлен на рис.3.

Где c_j — эффективность от реализации мероприятия, c_j — сокращение потребления природных ресурсов (в тоннах) при реализации δ_j мероприятия; n — общее число предлагаемых мероприятий; δ_j — финансовые ресурсы, затрачиваемые на реализацию δ_j мероприятия; b_i — общая сумма бюджета.

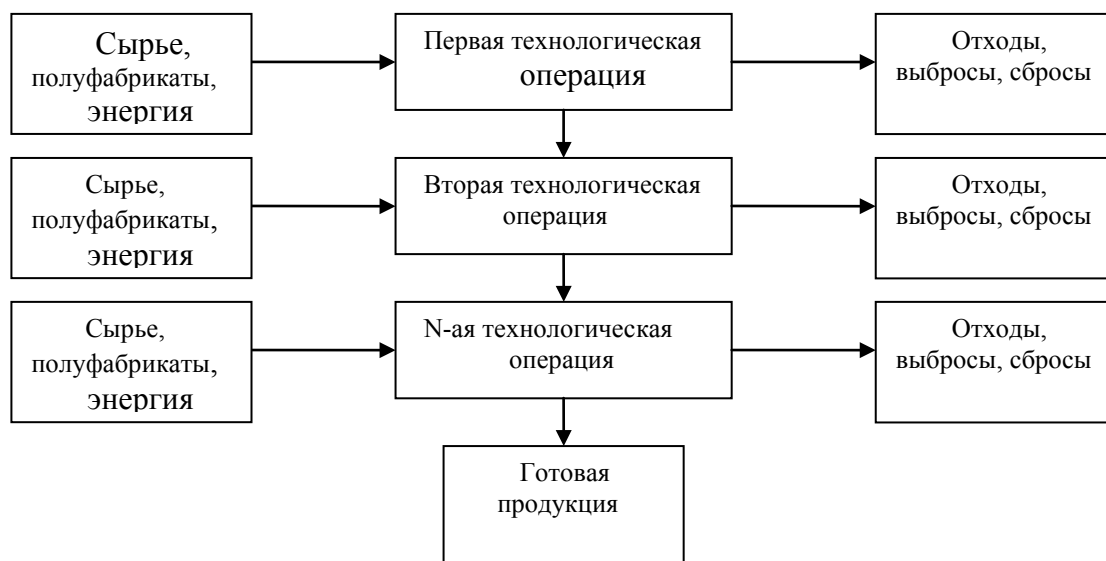

Рис.2. Схема составления экобаланса

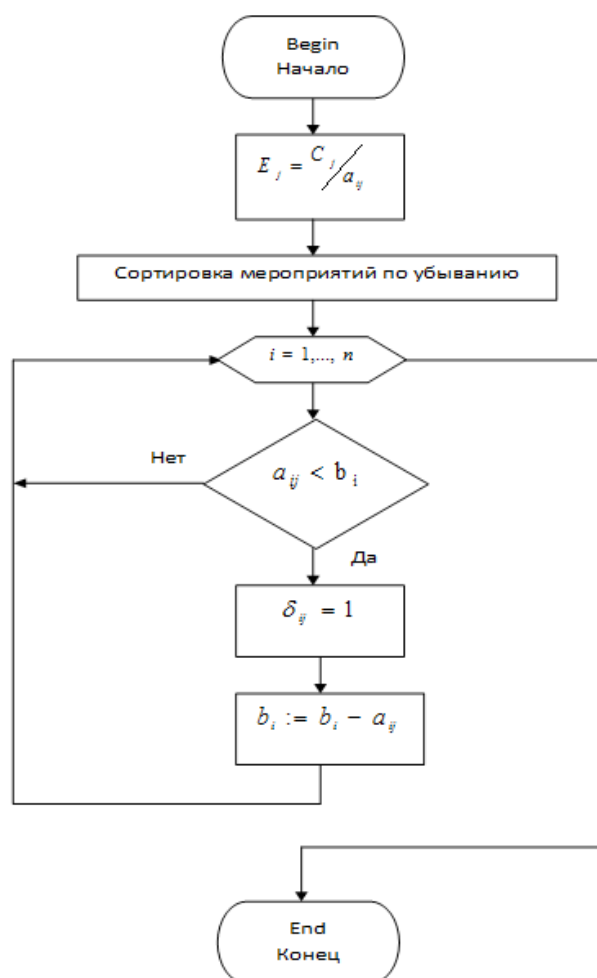

Рис.3. Алгоритм выбора предложенных мероприятий с использованием МП-чисел

Полученные результаты в итоге позволяют сформировать программу ресурсосбережения и охраны окружающей среды.

Трансформация элементов региональной системы экологического менеджмента при осуществлении ресурсосбережения.

При организации ресурсосбережения в региональной системе экологического менеджмента, в структурных элементах системы возникнет ряд изменений. Исследованы изменения в содержании и пра-

вилах функционирования всех основных элементов и процессов региональной системы экологического менеджмента. Сама совокупность элементов унифицированной системы регионального экологического менеджмента приведена на рис. 4. Каждый из элементов представляет собой перечень установленных правил и требований. Минимальный их набор установлен требованиями международного стандарта ISO 14001. Наименьший объем требований предъявляются к элементу "анализ со стороны высшего руководства" и равняет-

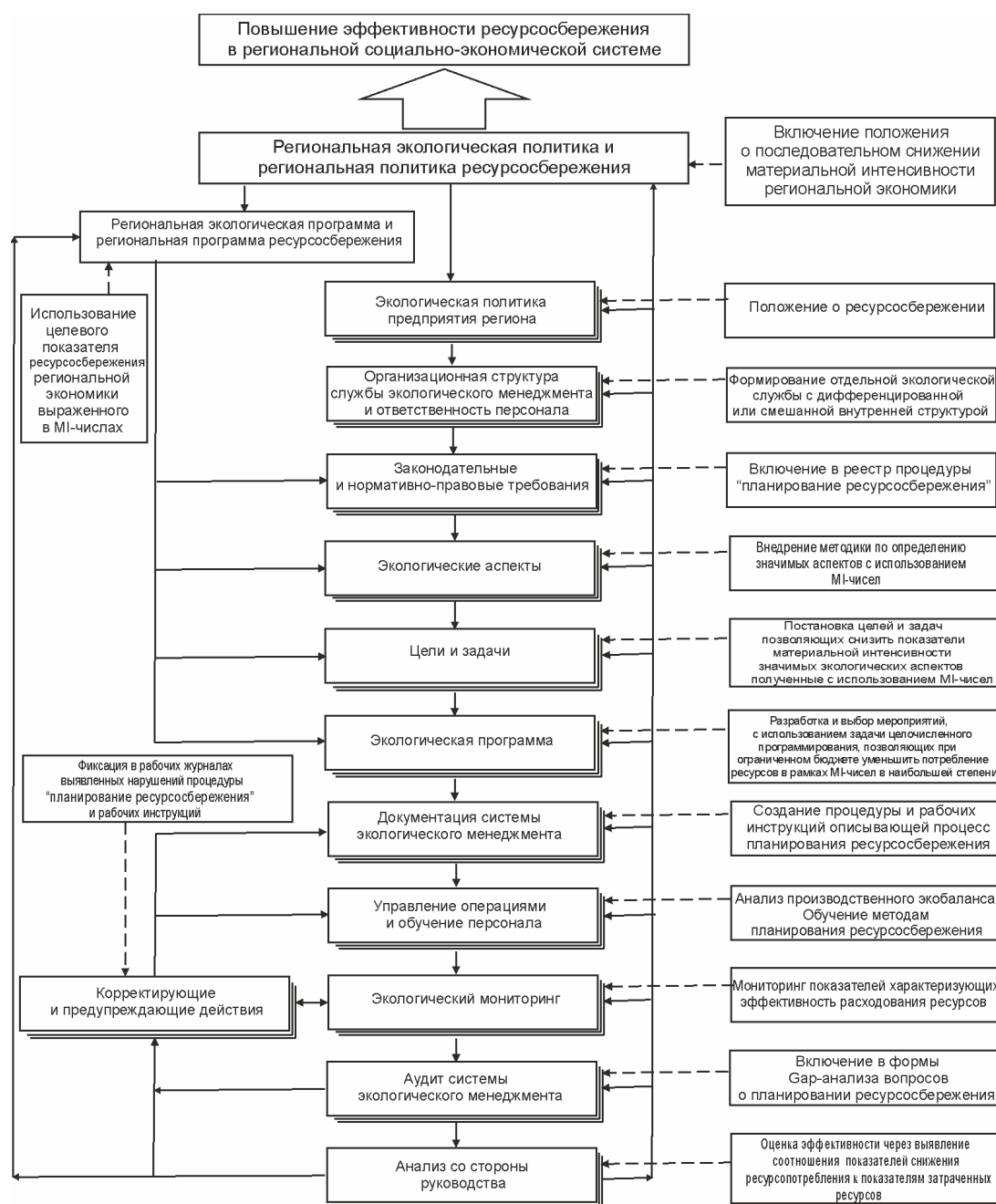

Рис.4. Изменения в элементах региональной системы экологического менеджмента возникающие при трансформации планирования

ся трем, максимальное число у элемента “экологические аспекты” и достигает численности в шестнадцать требований. В дальнейшем, на основании результатов проведенного анализа, формируют перечень необходимых действий, позволяющих сформировать унифицированную региональную систему экологического менеджмента.

Очевидно, что организация ресурсосбережения с использованием МІ-чисел в рамках региональной системы экологического менеджмента потребует изменений в каждом элементе системы. Необходимо будет предусмотреть ряд новых требований, правил функционирования и иных документов описывающих процесс организации ресурсосбережения.

Предложена схема на рис.4 позволяющая вносить необходимые изменения в элементы региональной системы экологического менеджмента при трансформации планирования связанного с ресурсосбережением. Основой является схема региональной системы экологического менеджмента, в которой дополнительно кратко представлены все вносимые изменения, позволяющие в дальнейшем повысить эффективность ресурсосбережения в региональной социально-экономической системе.

Заключение

Полученные результаты позволяют утверждать, что разработан новый метод планирования ресурсосбережения в региональных системах экологического менеджмента с учетом единого эколого-экономического критерия МІ (Material input) связанного с потреблением природных ресурсов, что позволяет использовать целочисленное программирование для выбора мероприятий, реализация которых даст возможность наиболее существенно снизить ресурсопотребление в регионе при наименьших затратах. С целью решения проблемы ограниченности финансовых ресурсов для выполнения всех намечаемых мероприятий, предложено использовать задачу выбора целочисленного программирования. Результатом всей деятельности является программа по ресурсосбережению, позволяющая снизить потребление природных ресурсов в наибольшей степени при ограниченности финансовых ресурсов.

Выявлены изменения в совокупности требований предъявляемых к структурным элементам региональной системы экологического менеджмента, которые необходимо осуществить, при организации ресурсосбережения. Предложена схема позволяющая вносить необходимые изменения в элементы региональной системы экологического менеджмента при трансформации региональной системы экологического менеджмента связанной с организацией ресурсосбережения. Основой является схема региональной системы экологического менеджмента, в которой дополнительно

но представлены все вносимые изменения, позволяющие в дальнейшем повысить эффективность ресурсосбережения в региональной социально-экономической системе.

Полученные результаты могут использоваться при организации ресурсосбережения в региональных системах экологического менеджмента, в региональных программах решающих вопросы ресурсосбережения.

Литература:

1. Бобылев С.Н. Экономика природопользования. М.: ИНФРА-М, 2004. 501 с.
2. Глухов В.В. Математические методы и модели для менеджмента. СПб.: Издательство Лань, 2005. 528 с.
3. Дайман С.Ю. Системы экологического менеджмента для практиков. М.: Изд-во РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2004. 248 с.
4. Двинин Д.Ю. Планирование ресурсосбережения в региональных системах экологического менеджмента // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. №7 [электронный ресурс]. URL: <http://www.uecs.ru> (дата обращения 12.11.2013)
5. Двинин Д.Ю. Оптимизация процесса планирования в системах экологического менеджмента предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Экономика». 2008. №19. С. 102–107.
6. Качалов А.А. ИСО 14001:2004 Системы менеджмента окружающей среды. М.: ИздАТ, 2005. 665 с.
7. Королева Е.Б. Наилучшие доступные технологии: опыт и перспективы. СПб.: ООО «Ай-Пи», 2011. 123 с.
8. Сергиенко О. Основы теории эко-эффективности : моногр. / Под ред. О. Сергиенко, Х. Рона. СПб.: СПбГУНиПТ, 2004. 223 с.
9. EMAS Regulation (EC) No 1221/2009 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009. Enter. 2009-12-22. Strasburg: OJ EC, 2009. 45 p.
10. ISO 14004:2004 Environmental Management Systems — General Guidelines on Principles, Systems and Supporting Techniques. Enter. 2004-11-15. Geneva: ISO, 2004. 24 p.

References:

1. Bobilev S.N. Environmental economics. M.: INFRA-M, 2004. 501 p.
2. Glukhov V.V. Mathematical methods and models for management. StPetersb.: Published by Lan, 2005. 528 p.
3. Daiman S.Yu. Systems of ecological management for

- experts. M.: Published by RHTU after D.I. Mendeleyev, 2004. 248 с.
4. Dvinin D.Yu. Planning resource reservation in regional systems of ecological management // Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronniy nauchniy zhurnal. 2011. №7 [e-resource]. URL: <http://www.uecs.ru> (date of reference 12.11.2013)
 5. Dvinin D.Yu. Optimization of the planning process within the systems of ecological management of enterprises // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Ekonomika". 2008. №19. P. 102–107.
 6. Kachalov A.A. ISO 14001:2004 Systems of environmental management. M.: IzdAT, 2005. 665 p.
 7. Korolyova E.B. The best available technologies: experience and perspectives. StPetersb.: ООО "IP", 2011. 123 p.
 8. Sergiyenko O. Theoretical basics of eco-effectiveness: monograph / Edited by O.Sergiyenko, H. Ron. StPetersb.: SPbGUNIPT, 2004. 223 p.
 9. EMAS Regulations (EC) № 1221/2009 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009. Enter. 2009-12-22. Strasburg: OJ EC, 2009. 45 p.
 10. ISO 14004:2004 Environmental Management Systems — General Guidelines on Principles, Systems and Supporting Techniques. Enter. 2004-11-15. Geneva: ISO, 2004. 24 p.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ
ЭКОЛОГИИ ПОСРЕДСТВОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ
МЕХАНИЗМОВ ПАРИРОВАНИЯ
РИСКОГЕННЫХ ФАКТОРОВ**

Уварова Г.Г.

кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономики, финансов и природопользования Южно-Российского института-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский д.60, к. 90, 2188799@mail.ru

УДК 502:061
ББК 65.28-18

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся определения имеющихся в современной мировой политической науке теоретико-методологических подходов, используемых в изучении механизмов политики, связанных с парированием факторов риска в экологической политике. Определяется место данной научной проблемы в когнитивном поле политической науки, системе государственного управления, уточняются и инструментализируются конкретные значения используемых научных терминов и научных категорий, проводится системно-семантический анализ, необходимый для более четкого понимания политологических подходов к изучению политических механизмов парирования рискогенных факторов и политических отношений, создающих структурные основы и рамки для разработки и реализации механизмов парирования факторов риска в государственной экологической политике.

Ключевые слова: государственное управление, политический механизм, риски, экологическая политика.

Uvarova G.G.

**GOVERNMENT CONTROL IN THE SPHERE OF ECOLOGY USING POLITICAL MECHANISMS OF
RISKOGENICAL FACTORS REJECTION**

The article considers the issues of identifying the theoretical and methodological approaches in the modern political science, which can be used in studying the political mechanisms of fending the risk factors in ecological policy. The author reveals the place of the given scientific problem in the cognitive field of the political science and specifies the certain meanings of the scientific terms and categories used. The systematic and semantic analysis is conducted, which clarifies the understanding of politological approaches to studying the political mechanisms of fending risk factors and political relations creating the structural basics and scope for developing and implementing these mechanisms in the state ecological policy.

Key words: state management, political mechanism, risks, ecological policy.

Для современной отечественной политической науки проблемы, связанные с риском как явлением организованной политической жизни, долгое время оставались за пределами внимания исследователей. Хотя, в зарубежном политологическом дискурсе, уже достаточно давно существует и успешно развивается политическая рискология как одно из направлений в политических исследованиях, ее содержание связано преимущественно с реалиями постиндустриальных обществ Запада, России и растущих азиатских обществ, применительно к глобальным политическим процессам. В этом отношении несколько обделенными

оказываются проблемы более низкого уровня, к которым, в России можно отнести и экологию.

С методологической точки зрения механизмы парирования рискогенных факторов в современной экологической политике должны изучаться в рамках теоретического концепта политической экологии. Здесь основное внимание следует обратить, прежде всего, на отношение политической системы к окружающей среде и производным от этого различным рискогенным факторам и механизмам их парирования [1, с.49].

Для понимания того, как политические механизмы позволяют парировать рискогенные факторы

в современной экологической политике, необходимо провести системно-семантический и теоретико-методологический анализ данного понятия и связанных с ним других понятий в проблемном поле политической науки. Его необходимо проводить, отталкиваясь от термина «механизм». В контексте данного исследования из достаточно большого числа определений понятия «механизм» мы будем использовать следующий. Термин «механизм» обозначает «систему, устройство, которое определяет порядок, связанный с определенным видом деятельности» [2, с. 283]. Таким образом, систему можно рассматривать как организационное множество функционирующих элементов, которые находятся во взаимосвязи и образуют определенную целостность.

С общим понятием механизма и связан, собственно говоря, термин «политический механизм». Однако научная разработка этой категории является, по нашему мнению, явно недостаточной, особенно в том аспекте, который связан с «отраслевым» применением данных механизмов в различных областях политической жизни. Часто в понятие «политические механизмы» вкладывается достаточно широкий смысл по отношению к различным уровням политической деятельности, тем самым размывая его, а не концептуализируя.

В данной связи изучение понятия «политические механизмы парирования рискованных факторов» заставляет уточнять смысловое содержание данного термина, а также определить такое соотношение с категорией «экологическая политика».

Мы должны отметить важное методологическое отличие понятий предотвращения и парирования рискованных факторов. Предотвращение относится, скорее, к характеру превентивных политических мер, оно реализуется до того, как произошла экологическая катастрофа, и возникли вызванные ею политические последствия. Наоборот, парирование в политическом контексте относится к действиям, направленным на отведение уже актуализированной, реально существующей и действующей угрозы. Парирование — это отвод нанесенного удара или потенциальной угрозы политическими средствами в принципиально другое русло или сферу или переадресация его другим участникам политического процесса.

Само государственное управление в сфере экологии является политическим процессом, так как государство, являясь основным политическим институтом, разрабатывает, утверждает и осуществляет все политические стратегии, необходимые для развития общества. Это представляет масштабную, сильную, и достаточно разветвленную, влиятельную систему политического управления. Вследствие этого политические механизмы управления применяются

в государственной и межгосударственной сферах политического взаимодействия [3, с. 268].

Суть того, что в проблемном поле политической науки представляет собой концепт политических механизмов парирования факторов риска, существующих в экологической политике, можно понять, только последовательно рассмотрев его составляющие: по характеру, определенной адресной направленности и роли в возникновении рискованных факторов в современной экологической политике.

Вызовами в концепте рискованных факторов экологической политики в качестве совокупности выступают обычно обстоятельства, не только имеющие угрожающий характер, но, безусловно, требующие адекватного реагирования на них. К ним можно отнести: неконтролируемое распространение оружия массового поражения; технологический отрыв индустриально развитых стран, их стремление к одностороннему решению разнообразных проблем в мировой политике, не учитывающих нормы международного права; глобализацию, осуществляемую по планам и в интересах западных стран; истощение природных ресурсов; этническую мобилизацию и связанные с ней религиозно-этнические конфликты, перерастающие в затяжные региональные войны; диспропорции демографического развития и массовую неконтролируемую миграцию и т. д. Сегодня эти и другие обстоятельства не ставят под вопрос безрисковые факторы развития России. Но если не принять вызов и не осуществить ряд конкретных и решительных мер, в том числе в тесном сотрудничестве с другими странами мирового сообщества, страна может оказаться на периферии международной сферы и прогресса; тогда обеспечение ее безопасности окажется труднодостижимым или невозможным.

Политический риск в контексте экологической политики является объективно существующей возможностью негативного воздействия на жизнь людей, включая их общность и институты, вследствие чего, им может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшивший их состояние, который может придать их развитию нежелательную динамику или изменить параметры. Осознаваемость, но не фатальность вероятности возмущающего воздействия на тот или иной объект, включает объективные и субъективные факторы, обладающие поражающими свойствами. Совокупность рискованных факторов можно рассматривать и как наличие и действие сил (факторов), являющихся деструктивными и дестабилизирующими систему, а при определенных условиях и способными нанести ей ущерб. При этом деструктивные и дестабилизирующие — это силы (факторы), способные причинить ущерб данной системе, выводя ее из строя или полностью уничтожая [4, с. 93]. Конституирующей характе-

ристикой рискогенного фактора является его потенциальный характер, связь с будущим. Таким образом, у рискогенных факторов имеется негативная возможность реализации, которая минует как таковая (т.е. как минимум перестает отождествляться с рискогенными факторами), либо исчезая, либо, напротив, реализуясь.

Известно, что окружающий нас мир не имеет однозначно деструктивных или конструктивных сил, функционирующих в конкретных системах, а также дестабилизирующих сил и рискогенных факторов, существующих в конкретных условиях места и времени. Рискогенные факторы предполагают наличие причин, условий и сопутствующих обстоятельств, превращающих их разрушительный потенциал в реальную угрозу жизнедеятельности людей, либо возрастать, либо уменьшаться [5,с.3].

Экологические проблемы связаны практически со всеми видами опасностей. В этом контексте нельзя не рассмотреть и такую категорию, как угроза — наиболее конкретное и непосредственное проявление деструктивных факторов, порождаемых целенаправленной деятельностью откровенно враждебно настроенных сил. При этом совокупность рискогенных факторов и угроз может быть представлена разнообразными формами и уровнями соответствующего состояния, способного подорвать безрискогенные факторы социума. Однако в обыденном, научном и политическом смыслах они нередко употребляются как синонимические понятия, и различить их довольно сложно [6,с.231].

Понятия «вызов», «угроза», «рискогенный фактор», имеют нематериальный характер, являясь политическим феноменом, представляющим в превращенной форме правила запрета посредством объективно существующей и осознанной возможности причинения деятельности какого-либо субъекта ущерба, деформации, травмы цели, идеала, ценностей, интересов человека, семьи, общества, государства, цивилизации и т.п. [7,с.37].

Режим государственной власти может определять, диктовать некоторые методы, используемые в экологической политике, особенно в вопросе о выборе конкретных механизмов парирования постоянно возникающих рискогенных факторов, где находятся нужные и возможные механизмы определенных управленческих действий и принятия решений. Практически всегда такие механизмы являются совокупностью управленческих процедур, а также навыков, приемов, которые могут быть объединены определенным политическим методом или же конкретным принципом. Среди данных принципов, которые формируют сам характер механизмов, необходимых для парирования факторов риска в современной экологической политике,

имеются те, которые отличаются легитимностью, гласностью, открытостью, законностью, а также ответственностью, научностью, преемственностью [8,с.201]. Поскольку набор механизмов, используемых в политическом управлении различными процессами, связанными с экологией, определяется, главным образом, политическим режимом и его интересами, изучение характера используемых механизмов дает возможность лучше понять и оценить существующий режим государственной власти, его готовность идти на компромиссы, решая глобальные экологические проблемы, а также гибкость во внутриполитических процессах, связанных с экологической сферой.

Используемые механизмы политики выступают основным средством осуществления государственной политики, а также конкретных задач государственного управления. Главный набор, а также характер данных механизмов, используемых практически, диктуется политическим режимом определенной страны, так как именно в нем заключаются основные средства и методы осуществления политической власти.

Специфика механизма политики состоит в том, что он берет за основу государственную власть, которая рассматривает господство и подчинение, с точки зрения их отношений между взаимодействующими акторами. Политическая деятельность институтов, считаясь одним из условий эффективности механизмов политики, является процессом упорядочивания формальных и неформальных правил, существующих в политических отношениях, где общую деятельность политических акторов можно осуществить посредством определенных ролей и статусов [9,с.89].

За основу политической деятельности берутся концептуальные идеи, отраженные в доктринальных, в том числе нормативных правовых, актах, которые устанавливают политические стратегии. Сама же политическая деятельность выявляется в принятии важных решений, которые направлены на разработку и применение определенных средств и методов по достижению поставленных, как внешнеполитических, так и внутриполитических целей.

Можно отметить, что политические механизмы — это сумма разных видов деятельности субъектов политики, а также способов их взаимоотношений, включающих как формальные, так и неформальные правила и процедуры, гарантированные нормами международного и национального права, а также являющимися составным элементом динамики практически-политических отношений, которые реализуются в условиях соответствия выдвигаемым политическим целям [10,с.17].

Механизмы политики не могут существовать сами по себе. Они образуются и реализуются непосредственно в деятельности органов государства,

иных общественно-политических организаций и институтов, а еще и политических организаций международного уровня через соблюдение конкретных правил и выполнение должных процедур для того, чтобы достичь определенной политической цели. [11, с.153]

В теоретическом осмыслении механизмы политического парирования факторов риска в экологической политике связаны с категорией естественного риска, и, видимо, ее следует рассматривать в рамках концепции конкретно российского и общемирового сообщества как многофакторное сочетание различных социальных, природных, предметных элементов, которые находятся в постоянной динамике взаимоотношений. Риск в таком контексте — это присущее, неотъемлемое свойство, которое хоть и является фактором угрозы для равновесия и устойчивости существования любой социальной и политической системы, но, как предусматривает само устройство мира, и составляет один из факторов, которые обеспечивают гармонию и общую целостность мира. Составной частью механизмов политического парирования является упорядочение человеком первичного хаоса бытия, рассмотрение максимального количества обстоятельств будущего и определение всех возможных перспектив развития событий. Естественно, что человек стремится подстраховывать риск своей деятельности, что приводит к появлению новой отрасли знания (калькуляции риска), особого вида деятельности, который предназначался для того, чтобы разделить ответственность за риск отдельного лица или политической структуры.

Крупнейшие современные политологи относят изменения, происходящие в отношении общества к рискам, связанным с началом модернизации. Само же понятие «модернизация» можно отнести к процессу истории, связанному с переходом от традиционного аграрного общества, к современному, индустриальному, секулярному. Большое количество научной литературы посвящено исследованию феномена модернизации в целом и конкретных процессов модернизации, в частности. Было создано семейство теорий, которые стремились понять, как развивалась логика формирования человеческих обществ посредством представлений о том, через какие универсальные стадии развития культуры они проходят. Обычно такие стадии обозначают двумя группами похожих понятий. Это может относиться к традиционному, современному и постсовременному (постэкономическому), либо доиндустриальному, индустриальному и постиндустриальному (информационному) социуму. Иногда различные концепции политики очень часто вносят в эти понятия не совсем одинаковое содержание. Так, например П. Штомпка выполнил исследование, посвященное детальному критическому анализу имеющихся теорий, к которым относятся как классические, так и новые

теории модернизации как генератора факторов риска в экологической политике [12]. Особое внимание он уделяет месту данных теорий в познании закономерностей социального развития, также он отмечает, что они смогли уже пережить сначала мощный расцвет, а затем и период резкой и вполне справедливой критики и, в дальнейшем, реанимацию в форме современных постмодернизационных теорий.

Модернизация социума подразумевает его индустриализацию, что привносит новые смысловые значения в понимание роли экологических проблем в проблемном поле современной национальной и мировой политики. Исторически возникновение современного общества тесно связано с зарождением промышленности и возрастанием давления на окружающую среду, и с постепенным изменением отношения к этому явлению и смещением политических акцентов. Характеристики, которые можно связать с определением модернизации, соотносятся с теми переменами, которые два столетия назад были вызваны индустриальным типом общества. От концепции человека — покорителя и завоевателя — к пониманию политической опасности экологических рисков и стремлению к их минимизации.

С методологической точки зрения, рассматривая место механизмов политики, связанного с парированием факторов риска в современной экологической политике, мы можем говорить о наличии в политической науке градации определенных видов экологической политики: глобальной; региональной; местной; хозяйствующих субъектов.

В связи с этим, в проблемном поле политической науки могут рассматриваться различные инструменты государственной экологической политики. Это, прежде всего инструменты, используемые правительствами, для того, чтобы осуществить собственную экологическую политику. Например, экономические стимулы и основанные на рынке инструменты, такие как налоги и освобождения от налогов, ходкие разрешения и взносы могут быть очень эффективными, чтобы поощрить согласие с действующей экологической политикой [13, с.7].

Добровольными мерами, такими как двусторонние соглашения, о которых договариваются между правительством и частными фирмами, и обязательства, взятые на себя фирмами, независимыми от правительственного давления, являются другие инструменты, используемые в экологической политике, к которым относится выполнение более «зеленых» [14, с.78] общественных покупательных программ.

Часто несколько инструментов объединяются для решения определенной проблемы охраны окружающей среды. Так как современные экологические проблемы очень часто включают различные полити-

ческие аспекты, могут быть также необходимы научно-познавательные и аналитические инструменты, для того, чтобы затронуть каждый аспект, связанный с экологической политикой. Кроме того, комбинации инструментов экологической политики могут дать правительствам и всем заинтересованным сторонам политического процесса большую гибкость в обнаружении способов решения экологических проблем и своевременного парирования возникающих в экологической политике рисковенных факторов, используя адекватные политические механизмы, уменьшая неуверенность в стоимости их выполнения. Однако сочетание инструментов необходимо тщательно комбинировать, чтобы меры в пределах них не подорвали друг друга, делая стоимость выполнения различных действий, связанных с экологической политикой, выше, чем современное общество готово принять безболезненно для себя.

В качестве конкретного примера системности подобных эколого-политических проблем и необходимости их комплексного анализа в политологическом исследовании можно привести меры по повышению эффективности использования энергии. Проблема состоит в том, что в современных условиях требуется все больше энергии, однако попытки реализовать действия, которые могут фактически увеличить ее потребление в традиционном ключе, с ростом добычи углеводородных ресурсов, встречают серьезное политическое сопротивление. Человечеству требуется начать использование более эффективных энергоносителей, но при этом возникают политические и экономические издержки. Одним из недавних примеров является попытка ввести для германских автомобилистов новый вид топлива, который до конца не был изучен, и использование которого привело к массовым поломкам автомобилей, вызвав волну протестов, ставших серьезным внутриполитическим фактором.

В политической науке экология представляется в качестве направления, отличающегося достаточно жесткими алармистскими установками. Экология очень сильно трансформировала политический дискурс, и глобальная экология уже по своей сути предполагает прорыв в будущее, она футурологична. В этом смысле она отвечает не только общей направленности теорий развития, ищущей разгадки будущего, но и в высокой степени стимулирует этот поиск.

Экологическая политика появилась в проблемном поле политической науки относительно недавно и по причинам скорее негативного характера. Они связаны с тем, что бурное экономическое развитие человечества в 19-20 вв. осуществлялось без достаточного внимания к экологии, что привело к появлению глобальных экологических проблем и рисковенных факторов, которые должны получить политическое

осмысление. Вместе с тем, экологическая тематика действительно значительно обогатила политическую науку новыми направлениями и идеями, но она принесла в связи с этим, и абсолютно новые когнитивные проблемы и исследовательские задачи. Прежде всего, современная экологическая система как элемент политической жизни порождающая различные рисковенные факторы, связана с рядом дополнительных системных категорий политической жизни. К ним мы можем отнести, в первую очередь, ее повышенную рисковенность, взаимосвязанность различных политических элементов — глобальных, региональных и локальных, необходимость быстрого и системного политического реагирования на любую экологическую катастрофу или связанный с экологией рисковенный фактор и проблему, значимость политических механизмов в решении экологических проблем и в преодолении последствий уже произошедших экологических катастроф.

Вместе с тем, является очевидным, что за последние двадцать лет в современном обществе произошли серьезнейшие трансформации, которые, может быть, не оказывают прямого воздействия на политические риски, но, тем не менее, меняют поле его возникновения, привнося вопросы, связанные с экологической сферой и ее рисковенными факторами и проблемами. При этом, когда мы говорим о проблемном «поле» политической науки, мы прежде всего подразумеваем совокупность взаимосвязей политического характера в когнитивном пространстве, связанном с разработкой наиболее эффективных механизмов политического парирования рисковенных факторов в современной экологической политике, реализуемой органами государственного управления.

Литература:

1. Джус И.В. Политические риски: оценка, анализ и управление. М., 2004.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989.
3. Якунин В.И. Формирование государственной политики в современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
4. Калинина Н.А. Феномен опасного знания в обществе риска// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 93-96.
5. Hasna, A.M., Sustainability and Economic Theory : an Organism in Premise. The International Journal of Knowledge, Culture and Change Management, 2011): p. 1-12.
6. Соловьев А.И. Принятие государственных решений. М.: КРОНУС, 2006. 289 с.

7. Кортунов С.В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. 204 с.
8. Andersson A. Andersson D. Gateways to the Global Economy // Journal of Housing and Built Environment. 2002. April. Vol. 17, Number 2.
9. Агаханянц П.Ф. Принятие экологически значимых решений и российская общественность — позиции участников процесса // Экологическое планирование и управление. 2006. № 1. С. 89-93.
10. Douglas M. Risk Acceptability according to the Social Sciences. N.Y.: Dussel Sage Foundation, 1985.
11. Артюхин О.А. Политические аспекты противодействия экологическими климатическим угрозам // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 4. С.151-157.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 245 с.
13. Homer-Dixon T. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. 1994. Vol. 19. № 1. P. 5-40.
14. Уварова Г.Г. Механизмы парирования рисков в современной экологической политике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 3. С.77-84.
3. Yakunin V.I. Formirovanie gosudarstvennoi politiki v sovremennoi Rossii. Moscow: ROSSPEN, 2006. 268 p.
4. Kalinina N.A. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie // Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 4 (18): in 2 parts. Part. II. Pp. 93-96.
5. Hasna, A.M., Sustainability and Economic Theory : an Organism in Premise. The International Journal of Knowledge, Culture and Change Management, 2011. P. 1-12.
6. Solov'ev A.I. Prinyatie gosudarstvennykh reshenii. Moscow: KRONUS, 2006. 289 p.
7. Kortunov S.V. Stanovlenie politiki bezopasnosti: Formirovanie politiki natsional'noi bezopasnosti Rossii v kontekste problem globalizatsii. Moscow: Nauka, 2003. 204 p.
8. Andersson A. Andersson D. Gateways to the Global Economy // Journal of Housing and Built Environment. 2002. April. Vol. 17. №2.
9. Agakhanyants P.F. Ekologicheskoe planirovanie i upravlenie, 2006. № 1. Pp. 89-93.
10. Douglas M. Risk Acceptability according to the Social Sciences. N.Y.: Dussel Sage Foundation, 1985.
11. Arthyukhin O.A. Political aspects of counteraction to ecological and climatic threats // Uchenye zapiski. SKAGS. 2011. №4. Pp. 151-157.
12. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. Moscow: Aspekt-Press, 1996. 245 p.
13. Homer-Dixon T. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. 1994. Vol. 19. № 1. Pp. 5-40.
14. Uvarova G.G. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. SKAGS. 2011. №3. Pp.77-84.

References:

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ»

1. Статьи должны быть написаны на актуальную тематику по направлениям (политология, экономика, социология, право), но в содержательном отношении обязательно связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи по иным направлениям науки, помимо перечисленных (например, по истории, психологии, проблемам высшей школы).

2. Автор представляет статью в электронном варианте (на дискете (CD диске) в формате .doc или по электронной почте по адресу nvestnik@uapa.ru). Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

3. Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

4. Объем статьи должен составлять не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, **шрифт Times New Roman 14 кегль, 1,5 интервала, поле со всех сторон 20 мм, текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов, с абзацным отступом 1,25 см**)

5. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4.

6. Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц - сквозная. Со-

кращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле. **Оформление таблиц — шрифт Times New Roman 12 кегль через одинарный интервал.**

7. Название статьи указывается первой строкой, выравнивание по ширине (жирным 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные строчными. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия (имя и отчество автора — инициалы), место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются).

8. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 8-10 источников.

9. **Пристатейный библиографический список** — обязательный элемент статьи, он входит в общее количество страниц. Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description), установленные на февраль 2013 года. Например:

- Агафонова Н.Н. Гражданское право: учеб. пособие для вузов / под. общ. ред. А.Г. Калпина. М-во общ. и проф. образования РФ, Моск. гос. юрид. акад. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юрист, 2002. 542 с.
- Гонтмахер Е. Судьба российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту [электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (дата обращения 23.01.2008).
- Орехов С.И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2006 [сайт]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-21.pdf> (дата обращения 10.01.2007)
- Абрамов А.М. Молчание профессионалов // Независимая газета. 2010. 27 мая.

- О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненецкого автономного округа от 19 мая 2006 года №721-ОЗ // Собрание депутатов Ненецкого автономного округа. 2008. 24 мая.
- Россия и мир: гуманитар. проблемы : межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т вод. коммуникаций. 2004. Вып. 8. С. 64-81.
- Фенухин И.В. этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 178 с.
- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 июля 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
- Шпер В.Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях // Методы менеджмента качества. 2002. № 1. С. 43-47.
- О введение надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [электронный ресурс]: указание Министерства социальной защиты Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они даны в источнике информации.

10. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском:

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора **с переводом на английский язык**. Аннотация должна соответствовать требованиям ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования». Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы. Последовательность пунктов аннотации может быть изменена. Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов исключительно общепринятой терминологии. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи.

Примеры структурированных аннотаций:

1. Мороз П.А. Анализ противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса

Цель. Изучение причин возникновения кризисных явлений в странах-участниках ЕС и противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик в преодолении последствий современного кризиса.

Методы. Проанализирована динамика экономического развития Еврозоны на основе сопоставления макроэкономических показателей Греции, Кипра и других стран ЕС, а именно, объемов номинального валового внутреннего продукта, валового государственного долга, динамики инвестиций в экономику, уровня безработицы, индекса потребительских цен и т. д.; определены „зоны риска“ для тех стран, экономика которых наиболее поражена кризисом.

Результаты. Исходя из динамики базовых макроэкономических индикаторов, на основе научно обоснованных подходов и экспертных оценок, а также собственных выводов, исследована взаимосвязь между целями бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в современных кризисных условиях развития экономики Еврозоны. Сравнивая последствия финансовой стабилизации современной экономики с последствиями перепроизводства в реальном секторе развитых экономик во времена Великой депрессии (30-е гг. XX в.), делается вывод относительно наличия противоречий в реализации бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи между бюджетной и денежно-кредитной политиками, когда использование различных инструментов и имплементация механизмов обеих политик подчиняются единой цели — преодолению последствий современного кризиса и обеспечению устойчивого экономического роста стран-членов ЕС в дальнейшем.

2. Julie E.M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Цель: исследование направлено на анализ развития документооборота в рамках финансовой отчетности в двух больницах, финансируемых государством, в Новом Южном Уэльсе за период с 1857 году после 1975 году.

Методология и методы: ретроспективный анализ основан на технологических и концептуальных изменениях финансовой отчетности в указанный период. В качестве основного подхода используется теория «заинтересованных сторон», в основу анализа положены как первичные, так и вторичные данные.

Результаты и область применения: в данном исследовании приводится исторический контекст последних разработок отчетности и подотчетности в государственном секторе Австралии. В частности,

подробно рассматривается вопрос ведения учета по методу начисления, что дает представление о природе трансформации бухгалтерского учета в организации государственного сектора, что может быть экстраполировано на организации иных форм подведомственности и собственности.

Научная новизна: выявлены закономерности изменений (и стабилизации) финансовой отчетности в больнице, связанные с социальным и политическим контекстом.

3. Курицева Ю.Е. Долгосрочные последствия реструктуризации градообразующих угледобывающих предприятий (на примере муниципальных районов Пермского края)

Цель. Выявление и оценка интенсивности долгосрочных последствий реструктуризации угледобывающих регионов, проводимой в условиях рыночной трансформации.

Методы. Исследование базируется на методах теории функциональной специализации поселений и теории реструктуризации. Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты и практическая значимость. Выявлены тенденции социально-экономического развития муниципальных районов Пермского края угледобывающего профиля в условиях реструктуризации. Обоснованы факторы, усиливающие негативное влияние программ реструктуризации на территориальное развитие. Выявлены территории, в наибольшей степени пострадавшие в результате проведения реструктуризации, и ключевые недостатки реализованных программ территориального развития.

Научная новизна. Раскрыты долгосрочные негативные последствия реализации программ реструктуризации при отсутствии четко обоснованных механизмов территориального развития. Обоснована специфика влияния программ реструктуризации градообразующих предприятий на различные элементы сложных пространственных систем расселения.

Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

б) ключевые слова и словосочетания (не более пяти) **с переводом на английский язык;**

в) пристатейный библиографический список **с**

переводом на английский язык.

г) сведения об авторе в следующей последовательности: ФИО (полностью), место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, рабочий телефон, адрес электронной почты **с переводом на английский язык.**

Дополнительные сведения к статье оформляются шрифтом Times New Roman 14 кегль, через 1 интервал, выравнивание по ширине.

. 12. Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

. 13. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами Уральского института-филиала РАНХиГС или других ВУЗов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора/кандидата наук соответствующего профиля. Решения о публикации, направленных в журнал материалов, принимает редакционная коллегия. Основанием для отказа в публикации материалов могут служить:

а) несоответствие представляемого в редакцию материала тематике журнала

б) несоответствие представляемого в редакцию материала требованиям, установленным редакцией журнала к публикации

Автор информируется об отклонении материалов, не соответствующих требованиям, установленным редакцией журнала.

Авторам бесплатно высылается один авторский экземпляр журнала. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается. Дополнительные экземпляры можно приобрести, сделав соответствующий заказ в редакции.

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 66, к. 25,

тел. (343) 257-27-68

(343) 2517-863

e-mail.: nvestnik@uapa.ru

REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL “MANAGEMENT ISSUES”

1. Articles should be written on actual subjects indicated in the title of the journal in the areas of eg (political science, economy, sociology and law), but must be connected with an administrative subject (management of political, social, economic processes, legal regulation of various spheres of society and the state, current problems of state policy of modern Russia and corporate management). The editorial board reserves the right to publish articles in other areas of research besides those listed (for example, on philosophy, history, psychology and problems of higher education).

2. The Author should submit the article in an electronic form (on a diskette or CD disk or by E-mail *nvestnik@uapa.ru*) and on paper (1 copy). Other means of submission are not accepted. The editors do not return manuscripts, CD's and diskettes.

3. Requirements for the structure of the article:

- formulation of the problem in general and its connection to important scientific and practical tasks;
- analysis of recent research and publications, which laid the foundation for solving this problem;
- selection of the unsolved parts of the problem which the article is devoted to;
- formulation of purposes of the article (problem definition);
- basic material of research with full justification of scientific results;
- conclusions of this study and the prospects for further development in this direction.

4. The length of the article should be no more than 1 printed page (40,000 characters including spaces, **font Times New Roman size 14, spacing 1.5, 20 mm margins, the text should be justified without hyphens, with paragraph indentation 1, 25 cm).**

5. Illustrative materials (figures, drawings, schedules, diagrams, schemes) must be submitted in electronic format. All figures should have consecutive numeration.

6. Figures should be presented in the form of a table. Tables should not be large. Each table should have a serial number and a title. Numbering of tables should be consecutive. Abbreviations are not permitted except for units of measure. The electronic version of each table and figure should be submitted as a separate file. **Making tables - font Times New Roman 12 pt single-spaced.**

7. The title of the article should be centered and underlined in bold, font size 14. Only the first letter of the title should be capitalized, the others lower case. In the top right corner above the title, the full name of the author should be written in full. This should be followed

by the author's institutional affiliation, position, degrees if appropriate.

8. Footnotes should be placed in square brackets at the bottom of each page, with the number that corresponds to the number of the source in the bibliography, together with a page reference, the bibliographic list and page or article reference, for example: [8, p. 16], [8, article 16]). Usually the list of references must be at least 8-10 sources.

9. **A bibliography** is essential and is included in the total number of pages. The bibliography must be placed at the end of article in their order of appearance in the text, (not alphabetically and nor hierarchy of sources). Do not duplicate names, do not specify with the same number several sources or sources of literature used. Making the bibliography must meet the requirements of bibliographic description ISBD (International Standard Bibliographic Description), established by February 2013. For example:

- Agafonov N.N. Civil law: a textbook for high schools / Under the editorship of Kalpin A.G. The Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow State Law Academy. Second edition, revised and enlarged. M.: Jurist, 202. 542 p.
- Gonthmaher E. The fate of the Russian state depends on will the new presiden be able to update the Russian political elite [E-resource]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (date of access 23.01.2008).
- Orekhov S.I. Hypertext way of organizing virtual reality [E-resource] // Vestnik of Omsk State Pedagogical University: electronic scientific journal. 2006 [website]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf> (date of access 10.01.2007).
- Abramov A.M. Silence of professionals // Nezavisimaya gazeta. 2010. May 27.
- On Amending Article 30 of the Law of the Nenets Autonomous District “On State Service of the Nenets Autonomous District “: the law of the Nenets Autonomous District from May 19, 2006 №721-RL // Assembly of Deputies of the Nenets Autonomous District. 2008. May 24.
- Russia and the World: the humanitarian problems: Interuniversity collection of scientific papers / St. Petersburg State University of Water Communications. 2004. Issue 8. P. 64-81.
- Fenuhin I.V. Ethno-political conflicts in modern Russia: the example of the North Caucasus region: the dissertation for the degree of candidate of political sciences. M., 2002. 178 p.
- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W.

Edwards Deming. 1900. 367 p.

- On Arbitration Courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 28 April 1995 № 1-FCL (as amended on July 12, 2006) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1995. № 18. Art. 1589.
- Shper V.L. Again about the quality, definitions and related matters // Methods of Quality Management. 2002. № 1. P. 43-47.
- On the introduction of allowances for complexity, intensity and quality of the work [E-resource]: designation of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated June 14, 1992 № 1-49-D. The document has not been published. Access of legal reference system "ConsultantPlus".

The numbered order of references in the text should be the same in the Bibliography.

10. For statutory acts in the list, both original and most recently amended version should be included.

11. **In addition to the text of the article, the author should submit in a separate electronic file the following information in Russian:**

a) abstract must indicate the title of article, surname and initials of the author **with an English translation**. The abstract must meet the requirements The state standard 7.9-95 «Summary and abstract. General requirements». Abstract includes the following aspects of the content of the article: the subject, the purpose of work, method or methodology of work, results, the field of application of results, conclusions. The sequence of abstract can be changed.

Volume of abstract should be between 200 to 300 words of accepted terminology only. Abstract text should not repeat the title and text of the article.

Examples of structured abstracts:

1. Moroz P.P. Analysis of the contradictions of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis

Purpose. Study of the causes of the crisis in the EU member countries and contradictions of fiscal and monetary policies in overcoming the consequences of the present crisis.

Methods. Analyzed the dynamics of the euro area economic development based on a comparison of macroeconomic indicators in Greece, Cyprus and other EU countries, namely, the volume of nominal gross domestic product, gross public debt, dynamics of investment in the economy, the unemployment rate, consumer price index, etc., "risk zone" for those countries whose economies most affected by the crisis are defined.

Results. Based on the dynamics of basic macroeconomic indicators, based on evidence-based approaches and expertise, as well as own conclusions, investigated the relationship between the objectives of fiscal and monetary policies of the EU in the current crisis

conditions of economic development in the Eurozone. Comparing the effects of financialization of the modern economy with the consequences of overproduction in the real sector of developed economies during the Great Depression (30-ies. Twentieth century.) author concludes the existence of contradictions in the implementation of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in studying the relationship between fiscal and monetary policy, where the use of various tools and mechanisms for implementation of both policies are subject to a common goal - to overcome the consequences of the present crisis and sustainable economic growth in the EU in the future.

2. Julie E.M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Purpose - study aims to analyze the development of workflow within the financial reports in two hospitals, financed by the state, in New South Wales for the period from 1857, after 1975.

Methodology and Methods: A retrospective analysis based on technological and conceptual changes in the financial statements during the period. As a basic approach uses the theory of "stakeholders", analysis is based on both primary and secondary data.

Results and Applications: This study provides the historical context of the latest developments of reporting and accountability in the public sector in Australia. In particular, discussed in detail the issue of accounting on an accrual basis, which gives an idea about the nature of the transformation of accounting in public sector organizations, which can be extrapolated to other forms of jurisdiction and property.

Scientific novelty: the regularities of changes (and stabilization) of the financial statements in the hospital associated with the social and political context are identified.

Kuritseva Yu.E. Long-term effects of restructuring city-mining enterprises (on example of municipal districts of Perm region)

Purpose. Identification and evaluation of the intensity of the long-term impacts of restructuring the coal-mining regions, carried out in the conditions of market transformation.

Methods. The study is based on the methods of the theory of functional specialization of settlements and the theory of restructuring. For the calculation methods were used economic and statistical analysis.

Results and practical significance. The tendencies of socio-economic development of coal profile municipalities of Perm region under restructuring are identified. Justified

factors that increase the negative impact of structural adjustment programs on territorial development. Identified areas most affected by restructuring, and the key disadvantages of territorial development programs implemented.

Scientific novelty. Disclosed a long-term negative consequences of the implementation of restructuring programs in the absence of clearly justified mechanisms of territorial development. Substantiated specifics influence programs of enterprise restructuring on various elements of complex spatial systems of settlement.

Author's abstract designed to serve as an independent source of information!

b) Keywords and word combinations (no more than five) **with an English translation;**

c) Bibliography **with an English translation;**

d) Author details — full name, position and institutional affiliation and, contact information (postal address, e-mail address, and phone contact) – **with an English translation.**

Additional information to the article are made in font Times New Roman size 14, spacing 1, width adjustment.

12. The author is responsible for the authenticity of information.

Articles directed to the editor without the requirements of these terms of publication, are not

accepted

12. Articles are subject to external review and by members of the editorial board and Ural institute branch of RANEPa experts in corresponding subject areas. Article sent for review without name and other data to identify the author. The author have the right to familiarize with performed review. The author may submit a certified review of scientific adviser, Doctor / Candidate of Sciences of corresponding profile. Decision to publish the article takes the editorial board.

12. Decision on the publication of the materials submitted is taken by the editorial board. Reasons for a decision against publication may include:

a) a discrepancy between the subject of the article and the fields covered by the journal

b) a discrepancy between the article and the publication specifications of the journal

In case of rejection, the author will be informed in due course by the editorial of the reasons for non-publication.

The author will receive one copy of the journal free of charge. Additional copies are available if the author places an order with the editorial board.

Address of the editorial board: 620219, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66, room № 525.

Tel. 343 2517 825; 343 2517 863.

E-mail.: nvestnik@uapa.ru

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Адрес редакции:

620990, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.

Телефоны:

(343) 251-78-25, (343) 251-78-63.

e-mail: nvestnik@uapa.ru

<http://www.uapa.ru>

*Статьи рецензируются. Редакция не несет ответственности
за позицию и точку зрения авторов*

При перепечатке ссылки
на «Вопросы управления»
обязательны.

Дизайн-макет

А.А. Панов

Компьютерная верстка

Ю. О. Чернавская

В работе над журналом принимали участие сотрудники библиотеки

А. П. Воробьева и С. П. Кожина.

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 49260 от 02.04.2012 г.)

Подписано в печать 10.02.2014.

Формат 60 x 84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 20,2. Тираж 999.

Отпечатано РИО Уральского Института – филиала РАНХиГС.

Заказ № 49